

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Кочережо С. С.** Малоизученные дворянские воспоминания о «Пугачёвщине»: «Журнал из домашних записок» 5
- Кабитов П. С.** Новейшие исследования по истории хлебной торговли конца XIX – начала XX века на Южном Урале 9
- Чибров И. В.** Русская колонизация Средней Азии во второй половине XIX – начале XX века 14
- Абдрашитов Э. Е.** Восприятие войны и пленных Тройственного союза татарами Казанской губернии 17
- Калмыкова А. А.** Татьяна Леонтьева и «Мукден русской революции» 25
- Голуб Ю. Г.** Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь–июль 1941 г.) 30
- Мякшев А. П.** Национальные движения депортированных народов как один из факторов распада Союза ССР 40

Всеобщая история и международные отношения

- Шашлова Т. Ю.** Фракийцы как подданные ахеменидов (по данным персидских источников) 47
- Зибаев А. В.** Источники «Церковной истории» Филосторгия (Hist. eccl. I) в сокращении Фотия 51
- Философов И. Ю.** Исландия эпохи народовластия в современном либертарианском дискурсе 57
- Краснова И. А.** Гражданин и флорентийская коммуна: две полярных позиции в историописании первой половины XV века 61
- Многолетняя Е. Н.** Франциск Скорина в Праге (1517–1519 годы) 67
- Мосолкина Т. В.** Климатические аномалии в Англии второй половины XVII века 73
- Сабитова Л. Р.** Начало англо-русского дипломатического противостояния в рамках «Восточного вопроса» («Очаковский кризис» 1791 г.) 77
- Алиева Р. Р.** Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС 81
- Рыбалко О. К.** Фактор персональной дипломатии в американско-российских отношениях 2001–2008 гг.: Дж. Буш-мл. и В. В. Путин 88
- Червичко Т. В.** Туризм как инструмент публичной дипломатии 93

Региональная история и краеведение

- Дрёмов И. И.** Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) 96
- Рабинович Я. Н.** «Новая Саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове 102
- Бикташева А. Н.** Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. 110
- Чолахян В. А.** Социальный контекст модернизационных процессов в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX века 114
- Олейник Н. П.** Помощь жителей Подолии голодающему Поволжью в 1921–1923 годах 120
- Моисейченко Л. А.** Теоретическая подготовка руководящих кадров Нижнего Поволжья в первые послевоенные годы 128

Критика и библиография

Представляем книгу

- Рецензия на книгу: Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование 131
- Рецензия на учебное пособие: Майорова А. С. История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века. (Часть 1. Конец XVIII – первая половина XIX века) 134

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Издательство Саратовского

университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 28.11.14.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 15,88 (17,25).

Тираж 500 экз. Заказ 56.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского

университета

© Саратовский государственный университет, 2014

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Kocherezhko S. S.** Insufficiently Explored Memoirs of the Nobles about Pugachevshina: «Home Notes Journal...» 5
- Kabytov P. S.** The Latest Researches on History of Grain Trade of the End of XIX – of the Beginning of the XX Centuries in South Ural 9
- Chibrov I. V.** Russian Colonization of Central Asia in the Second Half of XIX – Early XX Centuries 14
- Abdrashitov E. E.** Perception of War and Captured Tripartite Alliance Tatars of the Kazan Province 17
- Kalmykova A. A.** Tatyana Leontyeva and «Mukden Russian Revolution» 25
- Golub Y. G.** The Iranian Factor of Anglo-Soviet Conciliation after Nazi Aggression against the Soviet Union (June – July, 1941) 30
- Myakshov A. P.** National Movements of the Deported Peoples as a Factor of the Dissolution of the USSR 40

World History and international Relations

- Shashlova T. Ju.** The Thracians as subjects of the Achaemenids according to Persian sources 47
- Zibaev A. V.** The Narrative Sources of Philostorgius' «Church History» (Hist. eccl. I) in Photius' Abridgment 51
- Filosofov I. Y.** Medieval Icelandic Commonwealth in the Modern Libertarian Discourse 57
- Krasnova I. A.** Citizen and Florentine Commune: Two Polar Positions in Historiography in the First of a Half of the XV Century 61
- Mnogoletnyaya E. N.** Francisk Skorina in Prague (1517–1519) 67
- Mosolkina T. V.** Climatic Anomalies in England Second Half XVII Centuries 73
- Sabitova L. R.** The Beginning of the Anglo-Russian Diplomatic Confrontation within the Frame of the «Eastern Question» («The Ochakov Crisis» of 1791) 77
- Alieva R. R.** The International Cooperation in the Sphere of Culture within the Framework of Shanghai Cooperation Organization 81
- Rybalko O. K.** The Personal Diplomacy Factor in American-Russian Relationships During 2001–2008: George W. Bush Vs V. V. Putin 88
- Cherevichko T. V.** Tourism as an Instrument of Public Diplomacy 93

Regional History and Local Studies

- Dryomov I. I.** Kalmaks of Desht-i-Kipchak (to the Problem Tyurkization and the Islamization of Mongolians in the Gold Horde) 96
- Rabinovich Ya. N.** «New Saratov Chronicle» about the Events of 1616–1641 Years in the Saratov 102
- Biktasheva A. N.** Secret Police Control over Regional Bureaucracy: the Practices of Kazan Province 1826–1861 s. 110
- Cholakhian V. A.** Social Context of Modernization Processes in Saratov Volga in the Late XIX – Early XX Centuries 114
- Oliynyk M. P.** Assistance from Podillya to the Victims of Starvation in 1921–1923 in Povolzhie 120
- Moiseichenko L. A.** Theoretical Training of Senior Executives of the Lower Volga Region in the First Years of Post-War Period 128

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Buganov A. V. Personalities and events of the history in the mass consciousness of the Russian peasants XIX-early XX century : Historical and ethnographic research 131
- Textbook: Mayorova A. S. History of culture of the Saratov region: Culture of the Saratov region to the beginning of XX century. (Part 1. The end of XVIII – first half XIX century) 134

Information about the Authors

137

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

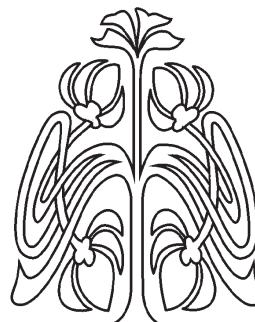
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

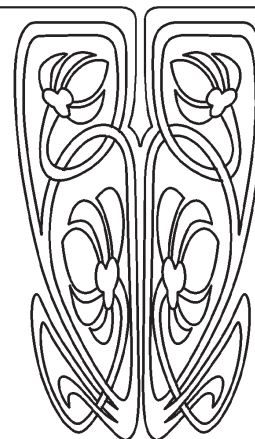
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

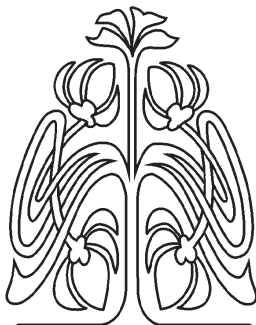
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталья Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

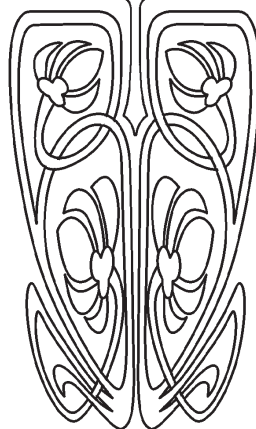
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).066

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О «ПУГАЧЁВЩИНЕ»: «ЖУРНАЛ ИЗ ДОМАШНИХ ЗАПИСОК»

С. С. Кочережко

Самарский государственный экономический университет
E-mail: cckoch@list.ru

Статья посвящена анализу «Журнала из домашних записок» – неопубликованного и слабо-введённого в научный оборот источника мемуарного характера об осаде участниками восстания 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачёва Оренбурга. Целью статьи является анализ источника не с фактографической стороны, а с точки зрения социальной психологии его автора. Реконструируется восприятие автором источника образа участников восстания, а также трактовки характера «бунта», его социальной базы и причин. Автор выделяет классификацию дворянских подходов к трактовке Пугачёвского восстания.

Ключевые слова: восстание Е. И. Пугачёва, восстание 1773–1775 гг., «пугачёвщина», российское дворянство, восприятие, представление, причины, мемуары, социальная психология.

Insufficiently Explored Memoirs of the Nobles about Pugachevshina: «Home Notes Journal...»

S. S. Kocherezhko

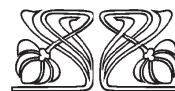
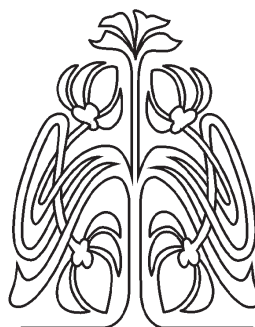
The article analyses «Home Notes Journal» – a source of a memoir type, unpublished and insufficiently explored dealing with the siege of Orenburg during Pugachev's Rebellion of 1773–1775. The purpose of this article is to examine the source from the author's social psychology not from its actual side. The work aims to reconstruct the author's perception of the rebels, his interpretation of the nature of the historical event, its social basis and its causes. The author highlights the classification of the nobles' approaches to the interpretation of Pugachev revolt.

Key words: Pugachev's revolt, revolt 1773–1775, «pugachovshina», Russian nobility, perception, representation, reasons, memoirs, social psychology.

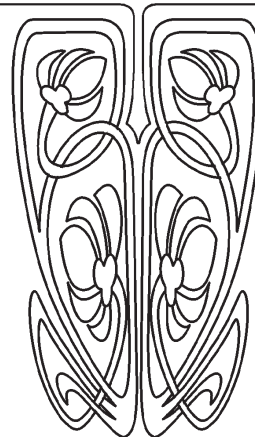
Восстание 1773–1775 гг. можно назвать одним из самых изученных сюжетов отечественной истории. Опубликована масса документов, связанных с «пугачёвщиной», однако ещё остаются источники, обойдённые вниманием историков.

Один из них хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и кратко называется «Журнал из домашних записок»¹. Документ сохранился в двух списках, хранящихся в разных фондах. В фонде «Оленины» хранится наиболее древний список, который относится к концу XVIII в. и представляет собой сложенные вдвое и прошитые нитью листы формата А3². Второй список был создан в XIX в. и переплетён в виде книжечки небольшого формата в тёмно-красной обложке; он хранится в фонде «Основное собрание рукописной книги»³. Между текстами двух списков есть несколько несущественных отличий. Ссылки в тексте статьи будут даваться по списку XVIII в.

«Журнал» написан неизвестным лицом, но по содержащимся в нём сведениям можно сделать некоторые выводы о его авторе. Во-первых, это был дворянин, поскольку текст выдержан в стиле, характерном для других подобных дворянских произведений: в «Журнале» представлен характерный для находящегося на военной службе дворянина взгляд на Пугачёвское восстание. Во-вторых, автор находился на службе в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Оренбурге в 1773–1774 гг. и пережил осаду крепости пугачёвцами.

Одно из мест в тексте позволяет предположительно датировать этот документ. Автор сообщает, что Пугачёв появился «прошлого года сентября 18 числа», а «ныне» после сдачи его казаками привезён «во оковах посаженный в клетку» к последнему руководителю карательных отрядов графу П. И. Панину, находящемуся в Симбирске⁴. Следовательно, первоначальный текст «Журнала из домашних записок» был создан между 18 сентября и 26 октября 1774 г.⁵ Таким образом, в отличие от большинства других упоминающих восстание 1773–1775 гг. мемуарных источников, созданных спустя годы после него, «Журнал из домашних записок» содержит не пересмотренные со временем оценки «пугачёвщины», а в полном смысле современные ей.

Основное содержание «Журнала» составляет описание событий, связанных с осадой Оренбурга отрядами Пугачёва. Также автор кратко касается проблемы происхождения восстания и в нескольких абзацах повествует о некоторых событиях после снятия осады с Оренбурга.

«Журнал из домашних записок» нигде не был опубликован и почти никогда не использовался историками. Нет сведений об использовании этого источника А. С. Пушкиным⁶. Пожалуй, впервые «Журнал из домашних записок» упомянут при перечислении источников о Пугачёвском восстании у В. В. Мавродина⁷. Он использовался Р. В. Овчинниковым и Л. Н. Большаковым при составлении нескольких статей оренбургской энциклопедии. Источник кратко упоминает японский исследователь К. Тоёкава в книге об оренбургском казачестве⁸. Поэтому следует признать этот источник недостаточно введённым в научный оборот. Объясняется это не только его труднодоступностью, но и тем, что в фактографическом плане он значительно беднее, чем другие подобные ему источники об оренбургской осаде (к примеру, обширная «Летопись Рычкова»⁹). А поскольку подавляющее большинство исследований «пугачёвщины» касались фактографии, «Журнал» почти не использовался как не содержащий принципиально новых сведений о ходе осады Оренбурга.

Большой потенциал «Журнал из домашних записок» имеет как источник не по фактографической стороне «пугачёвщины», а как источник по социальной психологии дворянства, в котором за множеством фактов можно реконструировать восприятие «пугачёвского бунта» его автором. В таком качестве «Журнал» ещё ни разу не анализировался. Целями данного исследования являются:

– изучение трактовки автора «Журнала из домашних записок» наиболее важных аспектов восстания 1773–1775 гг.;

– определение, к какой из трёх типичных дворянских трактовок характера «пугачёвщины» можно отнести позицию автора этого источника.

Подбором фактов и формулировок автор «Журнала из домашних записок» рисует самый негативный образ восставших и Е. И. Пугачёва. Неслучайно автор называет Бердскую слободу, которая была местом расположения лагеря Е. И. Пугачёва в период осады Оренбурга, «зменным гнездом»¹⁰. «Возмутителю» Пугачёву и восставшим в целом, согласно позиции автора, присущи следующие черты:

– злодейство. Чаще всего бунтовщики именуются «злодеями»¹¹. Для автора бунтовщики не несут ничего, кроме зла и горя для «честных людей»;

– отдалённость от общества и противопоставленность ему: Пугачёв называется «извергом от рода человеческого»¹², восставшие иногда называются проклятыми;

– антигосударственная деятельность. Пугачёв – «возмутитель» и «самозванец»¹³, он и восставшие названы «врагами отечеству»¹⁴. Отечество и государство отождествлялись с законно действующей властью во главе с императрицей Екатериной II, поэтому выступать против них – выступать против отечества;

– богоотступничество. В дворянской социальной психологии XVIII в. отечество и православие были неразделимы. Причём «истинное» православие в дворянском сознании противопоставлялось якобы неизменно характерному для бунтовщиков раскольничеству. Автор характеризует Пугачёва как «богоотступника» и «против церкви православной презлого раскольника», ведь именно по «наущению дьявольскому» он «вздумал... принять на себя светотацки имя покойного императора Петра третьего»¹⁵. Называя восставших «ненавистниками православия»¹⁶, автор часто описывает их неподобающее поведение в церквях. Так, у яицких казаков «находили под сёдлами вместо намёток писанный на холсту один образ распятия господня, а другой ангелской»¹⁷. Поэтому подавление восстания воспринимается автором «Журнала» как богоугодное дело, совершаемое с помощью «десницы всевышнего»¹⁸. Однако автор не использует трактовку восстания как божью кару, что было характерно для ряда дворян¹⁹;

– «варварство»²⁰, понимаемое в дворянском сознании как некая азиатская жестокость. «Злодеи по обыкновению азиатскому убитых на месте не оставляли»²¹, то есть «умерщвлённых тела погребать не велели, а оставляли поверх земли на съедение зверям и птицам»²²;

– склонность к пьянству и «гуляньям». Автор описывает «смеху достойное похождение Емелки Пугачёва» – его свадьбу с «Устюшкой»²³, военные неудачи пугачёвцев из-за того, что они «все были пьяны и спали»²⁴. Связывание пьянства с бунтарством было характерно не только для автора «Журнала», но и для других дворян. К примеру, для предотвращения перехода жителей Оренбурга на сторону восстания по распоряже-

нию губернатора Рейнсдорпа «до приходу ещё злодеев питейные дома были заперты и продажи вина никому не было»²⁵.

Дворянские представления о характере восстания 1773–1775 гг. складываются из понимания его социальной базы, причин, мотивов перехода групп населения на сторону бунтовщиков, целей восставших, наиболее пострадавших социальных групп, а также количества социальных конфликтов, проявившихся в восстании.

1. Понимание социальной базы восстания.

Автор называет следующие слои населения и особенности их участия в восстании (перечислены по количеству упоминаний):

- 1) на первом месте – яицкое казачество («казачишки»²⁶);
- 2) на втором месте – «инородцы», среди которых автор называл чаще всего башкир и каргаллинских татар, реже – ставропольских калмыков;
- 3) на третьем месте – солдаты крепостных гарнизонов;
- 4) по разу упомянуты «бродяги», «ссылные», «беглые» и «каторжные»;
- 5) один раз упомянуты «заводские мужики», действия которых координировал Хлопуша.

В качестве потенциальной социальной базы упомянуты польские «конфедераты» в Оренбурге, случаи волнения которых во время «пугачёвщины», действительно, известны²⁷.

В понимании автором «Журнала» социальной базы следует выделить несколько особенностей. Во-первых, автор указывает, что если казаки и «инородцы» в основной массе добровольно переходили на сторону Пугачёва, то гарнизонных солдат бунтовщики переводили на свою сторону силой и угрозами смерти. Во-вторых, автор исходит из того, что не все представители казачества и «инородцев» перешли в подчинение Пугачёва: в составе обеих этих групп оставались «верные», которые вступали в столкновения с «взбунтовавшимися». В-третьих, с точки зрения автора «Журнала», основную силу бунтовщиков составило казачество, а крестьяне вообще ни разу прямо не названы в качестве участников восстания. Лишь две фразы можно трактовать как косвенное упоминание крестьянства в рядах пугачёвцев: «подлой народ»²⁸ и «с приумножением паки много народного сонмища»²⁹.

2. Трактовка причин восстания. Из всей массы дворян, писавших о Пугачёвском восстании, лишь ничтожная часть задавалась вопросом его происхождения. Среди них выделяются две трактовки причин: первая сводила их исключительно к казацкому вопросу, вторая исходила из признания более глубоких корней народного недовольства. Таковыми обычно называлось взяточничество чиновников и несправедливое судопроизводство на местах, но ни одним дворянином крепостное право не было признано в качестве причины восстания³⁰. Позиция автора «Журнала из домашних записок» относится к

первому подходу: для него причины «пугачёвщины» сводятся исключительно к яицким казакам. Яицкие казаки по внутреннему «свойству» являлись «разбойниками», то есть не только имели склонность «к смертно убийству», но и «к своевольству весьма склонны». Такие внутренние качества яицкие казаки приобрели по двум причинам: во-первых, из-за своего происхождения в основном «из числа беглых донских казаков», во-вторых, распространением раскольничьей веры среди казаков³¹.

3. Мотивы перехода населения на сторону восстания. Текст «Журнала» позволяет реконструировать авторское понимание мотивации только двух слоёв – казачества и «подлого народа» (под которым автор мог понимать как жителей городов, так и крестьян):

1) по указанию автора, в самом начале восстания, когда ещё до похода на Яицкий городок к Пугачёву стекались «подобные ему из бегов и жившие на хуторах» (очевидно, имеются в виду казаки), «некоторые неведением от простодушия, а большая часть ведавши его неистовство, но со обнадеживанием в своих злейших предприятиях начали склоняться и называть его, Пугачёва, высоким именем»³². Таким образом, наибольшая часть казаков сознательно приняла сторону Пугачёва, зная о его самозванстве, с целью грабежа;

2) в «Журнале» называется три мотива перехода «подлого народа» на сторону пугачёвцев. Во-первых, из-за безрассудства и легкомысленности («подлой народ к злодею самозванцу клонится безразсудно»), в том числе и из-за веры в то, что Пугачёв – настоящий Пётр III. Второй мотив перехода простонародья на сторону бунтовщиков автор описывает словами «страха ради», то есть по принуждению обстоятельствами. Наконец, третий мотив – отклик простонародья на призывы Пугачёва и его обещания. Пугачёв «в народ разсылал, что он всех жалует морями, полями, лугами, свинцом и порохом, а наконец крестом и бороною, почему ляхкомыслянной, а паче злаковарной народ к нему злодею приклонился»³³. Однако следует учесть, что приведённая цитата относится к населению оренбургского края, поэтому не очень понятно, какую социальную группу в первую очередь имеет в виду автор – казачество, крестьян или жителей городов.

4. Наиболее пострадавшие от восстания социальные слои. Автор «Журнала из домашних записок» выделяет три группы населения, страдавшие от действий восставших:

1) наиболее пострадали от восстания дворяне, которые находились на государственной службе – коменданты крепостей, руководители правительственных отрядов и офицеры, а также те дворяне, в отношении которых автор применяет слово «чиновные». Автор описывает казни комендантов «и всех офицеров» захваченных крепостей³⁴. Для акцентирования «варварской» жестокости восставших автор «Журнала» при-

водит примеры пленения «в невольницы» или «наложницы»³⁵ и затем убийств жён и дочерей служилых дворян.

Следует выделить несколько особенностей восприятия автором расправ пугачёвцев с дворянами:

– во-первых, расправлялись с ними не крестьяне, а группа, составлявшая основу восставших, – казачество;

– во-вторых, автор приводит случаи расправ только со служилыми дворянами, но не с помещиками. Конечно, убитые дворяне были помещиками, но в авторской трактовке их убивали не за владение крепостными, а только за то, что они занимали посты в местных органах власти.

Только один раз автор указывает на то, что пострадало дворянство в целом. Ведя речь о взятии Пугачёвым Казани и последующих событиях, автор пишет: «Но затем не остается уже более описывать, сколько благородных фамилий от бунтующих врагов отечеству погибло, о том каждому известно, что злодеи разорили Алатырь, Пензу, Саратов и прочие места»³⁶.

Таким образом, автор выделяет не конфликт «крестьяне – помещики», а конфликт «восставшие – представители местной власти»;

2) на втором месте по степени, в которой группа пострадала от бунтовщиков, было духовенство;

3) наконец, третьей группой было население местностей, которое отказывалось признать власть пугачёвцев и оказывало им сопротивление. Автор «Журнала» указывает, что в случае сопротивления какой-либо территории Пугачёв «всякого звания привезённых к нему из разных жительство честных людей, некоторых при том посланных из города, вешал и пятерил»³⁷. При этом крепостям и районам, от которых «никакого противления не было», Пугачёв «не вредил».

5. Таким образом, автор «Журнала» выделяет **три социальных конфликта, проявившихся в «пугачёвщине»**: восставшие против представителей местных властей, восставшие против всех сопротивляющихся им, а также косвенно выделяется конфликт «иностранцев» против русских. При этом социальный конфликт «крестьяне – помещики» не выделяется автором.

Изучение дворянской мемуаристики и эпистолярных источников позволило выделить три подхода к определению характера «пугачёвщины»:

1) «панорамный» («широкий») подход: восприятие восстания как общенационального бедствия, в котором проявился не один, а несколько социальных конфликтов, широкое и динамичное понимание социальной базы «бунта». Такой подход был характерен для дворянской элиты, занимавшей высшие государственные должности (к примеру, граф П. И. Панин);

2) узкий помещичий подход: восстание воспринималось как в первую очередь конфликт

крестьян и помещиков, при этом в качестве основной или даже единственной социальной базы движение называлось крестьянство, наиболее пострадавшей группой были дворяне-помещики. Такой подход представлен помещиками, столкнувшимися с восстанием или жившими в приграничных с бунтом районах: А. Т. Болотов, Д. Б. Мертваго и другие;

3) узкий военно-служилый подход: восстание воспринималось в первую очередь как конфликт бунтовщиков с представителями местной власти, которую олицетворяли служилые дворяне. Поэтому крестьяне либо вовсе не назывались в списке социальной базы восстания, либо они не воспринимались как основная сила пугачёвцев, а крестьянско-помещичий конфликт не упомянут вовсе, или является второстепенным.

Анализ «Журнала из домашних записок» позволяет считать его автора типичным представителем узкого дворянского военно-служилого подхода:

– крестьяне названы социальной базой всего два раза, и то не прямо, а косвенно, тогда как основной силой восстания, по мнению автора, выступило казачество;

– всего один раз автор указал на расправы с дворянством из-за ненависти восставших к дворянам (а не из-за того, что восставшие выступили против дворян только как представителей власти);

– описаны расправы не крестьян с помещиками, а восставших (основу которых представляли казаки) с комендантами крепостей, офицерами и «чиновными», т. е. основной социальный конфликт восстания – восставшие против представителей законной власти;

– среди мотивов перехода «подлого народа» на сторону восстания не указана ненависть к помещикам и стремление им отомстить и разграбить их имения.

Дворянское понимание восстания определялось в основном родом занятий дворянина (военная служба или ведение хозяйства поместья) и тем, о каких событиях восстания он знал.

Примечания

- ¹ Полное название документа: «Журнал (без дат и подписей) из домашних записок сколько можно к сведению слышать, а по большей части самолично видеть варварения и безбожные действия и предприятия злейшего врага и изверга от рода человеческого беглого донского казака Емельки Пугачёва с его единомышленниками ящскими казаками» (далее – Журнал из домашних записок).
- ² Журнал из домашних записок // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 542. № 659. Л. 1–16 об.
- ³ Там же. Ф. 550. QIV-31. Л. 1–19 об.
- ⁴ Там же. Ф. 542. № 659. Л. 16.

- ⁵ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995. С. 87.
- ⁶ Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «Архивных тетрадах» и в «Истории Пугачёва» // Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачёва»). Л., 1969. С. 190–265; Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. Челябинск, 1998; Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачёва» и повестью «Капитанская дочка» // Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратов, 1959. С. 5–133.
- ⁷ Мавродин В. В. Восстание Е. И. Пугачёва в общественно-политической мысли, исторической науке и художественной литературе эпохи феодализма // Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. I. Л., 1961. С. 15. См. также: Там же. Т. III. Л., 1970. С. 32, 33.
- ⁸ Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М., 1996. С. 134, 224.
- ⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 9, кн. 1. М., 1995. С. 206–355.
- ¹⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 5 об.
- ¹¹ Там же. Л. 2, 2 об., 13.
- ¹² Там же. Л. 1, 4.
- ¹³ Там же. Л. 15 об., 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 9, 16.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 9 (об).
- ¹⁷ Там же. Л. 6 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁹ См., к примеру: Каниц Ю. фон. Слово в публичном собрании при казанских гимназиях, говоренное в 1775 г. М., 1775; Письмо Макарова Н. Ф. Макарову С. Ф. от 21 августа 1774 г. // Русская старина. 1890. Т. LXV. Февраль. С. 581; Поспелов А. Е. Записки о Пугачёвщине // Вестник Европы. 1870. Т. 3, кн. 6. С. 621.
- ²⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 15 об.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Л. 4 об.
- ²⁷ Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. II. Л., 1966. С. 186–187; Тоёкава К. Указ. соч. С. 178–179.
- ²⁸ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 2 об. – 3.
- ²⁹ Там же. Л. 15 об.
- ³⁰ Подробнее о дворянском восприятии причин пугачёвского восстания см.: Буганов В. И. Пугачёв. М., 1984. С. 196, 366, 370–371; Кочережко С. С. Представления о причинах Пугачёвского восстания 1773–1775 гг. в контексте социальной психологии российского дворянства последней трети XVIII – начала XIX в. // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2013. № 6. С. 159–165; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 8–24; Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 227–229; Смирнов Ю. Н. Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Поволжье – «внутренняя окраина» России : государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154–155.
- ³¹ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 1–1 об.
- ³³ Там же. Л. 4 об.
- ³⁴ Там же. Л. 2, 7 об., 15 об.
- ³⁵ Там же. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 16.
- ³⁷ Там же. Л. 4.

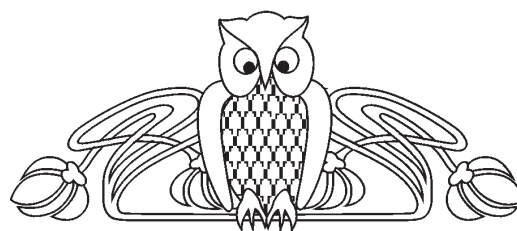
УДК 94/47

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

П. С. Кабытов

Самарский государственный университет
E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

В статье анализируются работы уфимского историка М. И. Роднова, в которых исследуются пространство регионального хлебного рынка и механизм хлебной торговли в Уфимской губернии. Показана степень новизны концептуальных построений историка, освещающего большой комплекс вопросов, связанных как с анализом историографии проблемы, так и с изучением степени достоверности комплекса документальных источников различно-

го происхождения, в том числе официальной и земской статистики, периодической печати, транспортной статистики и других материалов. Выявлен вклад историка в изучение механизма функционирования хлебного рынка, роли транспортной инфраструктуры и различных слоев и представителей предпринимательского социума.

Ключевые слова: аграрная историография, модернизационные процессы, хлебный рынок, статистические источники, предпринимательский социум, речной транспорт, железные и сухопутные дороги.

The Latest Researches on History of Grain Trade of the End of XIX – of the Beginning of the XX Centuries in South Ural

P. S. Kabytov

In article researches of the Ufa historian M. I. Rodnov in which the space of the regional grain market and the mechanism of grain trade in the Ufa province are investigated are analyzed. Degree of novelty of conceptual creation of the historian investigating big of a complex of questions, connected both with the analysis of a historiography of a problem, and with studying of degree of reliability of a complex of documentary sources of various origin, including official and territorial statistics, periodicals, transport statistics and other materials is shown. The contribution of the historian to studying of the mechanism of functioning of the grain market, role of transport infrastructure and various layers and representatives of enterprise society is revealed.

Key words: agrarian historiography, modernization processes, grain market, statistical sources, enterprise society, river transport, iron and overland roads.

Изучение процесса формирования хлебного рынка России началось во второй половине XIX в. Историкам-аграрникам хорошо известны труды А. А. Клопова, П. И. Лященко, В. П. Семенова-Тян-Шанского и других историков и экономистов. Существенный вклад в изучение внесли И. Д. Ковальченко, Т. М. Китанина, Г. А. Дихтяр и др. Историография этой проблемы получила отражение в двух новейших монографиях уфимского историка М. И. Роднова, опубликованных в Уфе в 2008 и 2012 гг. Эти исследования отличаются как постановкой проблемы, так и использованием новых подходов в изучении регионального рынка. В 2008 г. М. И. Роднов совместно с А. Н. Дегтяревым публикуют монографию, посвященную изучению хлебного рынка Уфимской губернии¹.

М. И. Роднов, изучая аграрные отношения, особо акцентировал внимание на месте и роли фермерских хозяйств в производстве товарного зерна. Важное значение, безусловно, имели работы предшественников, и об этом историк говорит в историческом обзоре. Он выделяет главный труд Т. М. Китаниной – монографию о хлебной торговле России с 1875 по 1914 г.² М. И. Роднов опирается также на региональные исследования, которые были опубликованы в Уфе, Оренбурге, Ижевске, Казани, Набережных Челнах. Отмечает он монографию Н. Ф. Тагировой, создателя «впечатляющего труда», в котором охвачены «практически все компоненты поволжского хлебного рынка»³, а также исследования Н. Л. Клейн и П. С. Кабытова⁴. Критически воспринял уфимский аграрник теоретические построения М. А. Давыдова, которому присуща «излишняя политизированность»⁵ и некритическое использование материалов Центрального статистического Комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД)⁶.

Для М. И. Роднова характерно не только то, что он предпринимает поистине титанические усилия по выявлению источников, но и стре-

мится установить степень их достоверности и применить современные методы анализа. При изучении хлебного рынка автор использовал не только уфимские материалы, отложившиеся в фондах республиканского архива, но и материалы, извлеченные из фондов архивов Санкт-Петербурга, Рыбинска. В далекие 1970-е гг. я перелистывал пожелтевшие страницы российской прессы, например, такие издания, как «Торгово-промышленная газета», столичная и губернская периодика. Я восхищался сколь много можно почерпнуть ценнейшей информации по «business-history». И вот М. И. Роднов выполнил (блестяще!) эту задачу, что обогатило источниковую базу его исследования. Земские издания, справочные листки, адрес-календари – эти и другие издания также составили фундамент изысканий М. И. Роднова. И, конечно, использовались транспортная статистика, а также статистика речных компаний.

В монографии уделено внимание достоверности информации и просчетам, которые были допущены А. С. Нифонтовым. Ценно его замечание о том, что даже такие выдающиеся историки, как И. Д. Ковальченко, о достоверности урожайной статистики говорят скороговоркой⁷. М. И. Роднов и его соавтор также скрупулезно дали критику источников, которые возникли в недрах общинно-волостной администрации. Нельзя пройти мимо ярких и эмоционально прописанных портретных зарисовок этих администраторов, поставлявших сведения в земства, коронную администрацию и в статистические комитеты.

Отмечается значимость информации о посевных площадях в регионе за 1895–1897 гг.: «это первые данные, добытые принципиально иным путем, в результате экспедиционного обследования селений (общин), а не из волостных правлений»⁸. Авторы установили наличие тесных корреляционных связей, «близость показателей по крестьянским посевам за 1895–1905 гг.»⁹. И далее следует вывод о том, что «данные писарской статистики, публиковавшейся в хозяйственно-статистических обзорах, верно отражая динамику»¹⁰, занижают до 0,5 млн дес. площадь посева в регионе.

Негативно относятся авторы монографии к материалам сборников ЦСК «Урожай ... года». С известной долей скепсиса они говорят: «в мирное время пользоваться этой информацией нельзя»¹¹.

Статистика посевных площадей позволила авторам выявить динамику изменений посевов зерновых культур и проследить зависимость ее от внутренних и внешних факторов: стабильная доля озимых посевов, снижение удельного веса овса и рост посевов яровой пшеницы, изменение экономической конъюнктуры в период Первой мировой войны обусловило падение посевов пшеницы, рост площадей овса, «который закупался в больших количествах для нужд армии»¹².

Впечатляет критика источников урожайной статистики. Но в этом разделе монографии источниковедческий анализ занимает небольшой удельный вес. Отмечается значимость информации, предоставляемой в Уфимское земство. Важное значение имеет вывод о том, что «лучше использовать региональные (более представительные) данные, но и информация в ЦСК в сборниках «Урожай ...года», основанная на показаниях добровольных корреспондентов вполне достоверна»¹³. Авторы прослеживают динамику урожайности зерновых культур, показывают ее зависимость от климатических условий, использования крестьянами традиционных или современных агроприемов. Здесь же демонстрируются методы математической обработки ежегодных данных хозяйственно-статистических обзоров Уфимской губернии (в соавторстве с О. И. Дудиной)¹⁴. Что касается такого показателя, как состояние землевладельческого производства, то, по мнению авторов монографии, сведения о валовых и чистых сборах хлеба необходимо «воспринимать с известной долей условности»¹⁵. Вместе с тем, сопоставление данных ЦСК с земской урожайной статистикой позволило установить степень недостоверности данных ЦСК, которые превышали сведения земства на 20%.

Сопоставляя данные официальной статистики со сведениями, опубликованными в земских изданиях, привлекая итоги сельскохозяйственных переписей 1912–1913 гг. и 1917 г., авторы установили, что в Уфимской губернии ежегодно засеивалось около 2,8 млн дес. земли, а валовый сбор зерновых достигал 120 млн пудов зерна¹⁶. И здесь же дана краткая сводка о потоках хлебных грузов, которые вывозились из губернии железнодорожным и водным транспортом¹⁷.

Авторы уделили внимание транспортной инфраструктуре, которая в тот период была представлена сетью грунтовых дорог. Выявлен удельный вес шоссе (дорог с каменным покрытием), почтовых трактов, коммерческих и проселочных дорог. Приведены данные об их состоянии, протяженности и географическом размещении. Отмечается роль земств в строительстве дорог, мостов и финансировании расходов на ремонтные работы. Важное значение имеет вывод авторов о том, что гужевые дороги выполняли функции подъездных путей к речным пристаням и железнодорожным станциям. Анализ логистики этих транспортных артерий показывает, что местные проселочные тракты обеспечивали перевозки грузов и людей внутри уездов, а на крайнем западе, юго-востоке и севере Уфимской губернии «гужевой транспорт оставался вплоть до начала XX в. единственным видом сообщения»¹⁸.

Прослеживая эволюцию речного транспорта на рубеже веков, подчеркивают воздействие на этот вид инфраструктуры модернизационных процессов. Выделены составные части транспортной системы (Бельское пароходство) и

раскрыта ее роль в торговых связях губерний Поволжья и Южного Урала. Дан анализ деятельности Уфимской дистанции Елабужского инспекционного участка, уделено внимание работам по благоустройству пристаней, стоянок, затонов и фарватеров речных артерий. Безусловно, особую значимость имеют данные о географическом размещении пристаней, схемах маршрутов подвозов к ним хлебных грузов, сведений о сооружении речных судов, типах пароходов, парусных судов, барж и других водных транспортных средств. В монографии освещается деятельность судовладельцев. Акцентируется внимание на том, что местное пароходство оставалось «ареной конкуренции различных фирм и частных судовладельцев»¹⁹. Выявлены изменения в соотношении крупного и среднего предпринимательства в этой транспортной отрасли – 70 % буксирных пароходов в 1914 г. принадлежало крупным фирмам²⁰.

В монографии предпринята попытка (добавлю успешная!) проследить процесс формирования в регионе сети железных дорог. Особое внимание уделено сооружению Самаро-Златоустовской железной дороги (1885–1892 гг.) Подчеркивается, что строительство Сибирской железной дороги изменило геоэкономическую ситуацию – «Уфа и весь регион оказались на великом транспортном пути в Сибирь и Дальний Восток, получили круглогодичное быстрое и удобное сообщение с центром страны и даже с заграницей»²¹. Учитывая хозяйственную конъюнктуру, коронная администрация, городские думы, земства, региональное бизнес-сообщество выступали с инициативами по расширению сети железных дорог, в связи с этим велось сооружение Белорецкой, Троицкой железных дорог. Предполагались другие проекты, но их удалось реализовать частично. Лишь в конце XIX в. началось сооружение Волго-Бугульминской железной дороги, затем Западно-Уральской железной дороги. Бирское земство выступало с идеей строительства Московско-Кыштымской магистрали, велись работы по сооружению линии Казань–Екатеринбург. Созданная во второй половине XIX – начале XX в. сеть железных дорог оказала революционизирующую роль в ускорении модернизационных процессов в регионе, усилила экономические связи, что обусловило включение региона во всероссийский рынок»²².

Обычно об элеваторах и зернохранилищах в работах аграрников говорится скороговоркой. В монографии уфимских историков этой проблеме уделен раздел. Между тем уже в конце XIX в. проблема создания в России разветвленной сети элеваторов и зернохранилищ обсуждалась как в министерствах, так и в земствах. В переработке и хранении зерна были заинтересованы крестьяне-землевладельцы, предприниматели и кооперативные учреждения.

Авторы приводят данные о географическом размещении разных типов зернохранилищ. Ими

установлено, что уже к началу XX в. в Уфимской губернии «сложилась целая система крупных зернохранилищ, складских комплексов емкостью в миллионы пудов»²³. Отмечена заинтересованность крупных предпринимателей и Уфимского отделения Государственного банка в создании современной сети элеваторов как на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги, так и на территориях, располагавшихся вдали от транспортных коммуникаций. Но Первая мировая война помешала реализовать в полном объеме план, принятый совещанием при Уфимском отделении Госбанка (1911 г.). Убедительно звучит вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. в регионе сложилась «разветвленная система коммуникаций, обеспечивающая полноценное функционирование хлебной торговли»²⁴.

Завершает монографию глава, в которой анализируется функционирование механизма хлебного рынка в Уфимской губернии. Авторы уделяют внимание таким основным составляющим, как система заготовок вдоль гужевых путей и на речных пристанях. Поначалу мне показалось, что параграф о навигации 1913 г. (поставка хлеба в Рыбинск) не вписывается в контекст монографии. Но затем оказалось, что в этом разделе авторы сумели воссоздать впечатляющую панораму функционирования хлебного рынка. Без этого раздела ощущалась бы некоторая незавершенность. И, конечно, вполне уместен параграф, в котором раскрывается деятельность мелкого предпринимателя, которой занимался скупкой хлеба в сельской местности и доставлял зерно на железнодорожные станции.

Круг вопросов, рассмотренных в этой главе, обширен. Авторы показывают участие разных социальных групп в хлебной торговле: сельских предпринимателей, общинников и «крепких» мужиков, мелких скупщиков. Воочию видишь, что эта категория (мелкие скупщики) пыталась повысить стоимость хлеба, «заговорить, обмануть мужика, обсчитать, обвешать»²⁵. Подчеркивается неустойчивость и сильная зависимость хлебной торговли от колебания урожаев и других факторов. Традиции оказались в этом секторе торговли живучи, что убедительно свидетельствовало о сохранении общинных форм хозяйственной жизни. Раскрываются причины сохранения услуг скупщиков – бедный общинник вынужденно продавал хлеб осенью по низким ценам (оплата налогов).

Ярко и эмоционально показана панорама региональной хлебной торговли, где взаимодействуют крестьяне-общинники и фермеры, мелкие скупщики (которых в народе звали мартышками), партионные торговцы и представители крупных фирм и торговых домов. Особо впечатляет, воссозданный авторами мир речных пристаней, в которых в качестве партнеров крестьян-посевщиков выступало региональное сообщество купцов-хлеботорговцев; прослежены изменения

в структуре бизнес-сообщества и роль в торговле хлебом семейных фирм Стахеевых, Груздевых, Халдиных и др. Вместе с тем подчеркивается, что «развитие кредитно-финансовой системы усиливало позиции мелких и средних предпринимателей, скупавших зерно на деньги, взятые в кредит»²⁶.

Авторы констатируют, что на крупных пристанях были иные условия для торговли, нежели чем на мелких и средних. В книге также анализируется состав заготовителей и покупателей хлеба.

Новые материалы о хлебной торговле нашли отражение в разделе, в котором анализируются поставки уфимского хлеба в Рыбинск. В 14 таблицах представлен статистический обзор специфики хлебной торговли в Волжско-Камском бассейне. Показаны маршруты движения речных судов, перевозивших хлеб, и подчеркнута роль Рыбинского порта – одного из главных центров хлебной торговли Европейской России. И вновь, как и в первых главах монографии, авторы уделяют внимание анализу и сопоставлению разнообразных источников, содержащих информацию о хлебной торговле. Так, по их мнению, «информацию Рыбинской биржи можно считать достоверной»²⁷.

В монографии детально освещены процессы заготовки хлебов, их перевозки по рекам Кама, Белая, Волга в период навигации 1913 г. Кроме анализа хлебных грузопотоков с речных пристаней в монографии показана роль торгово-промышленных сел, которые выступали также в качестве центров в формирующемся хлебном рынке региона. Уделено внимание и изучению персонального состава хлеботорговцев. Новые материалы приведены о деятельности трех фирм елабужских купцов Стахеевых, в имениях которых «велось крупное, высокотоварное производство зерна»²⁸. Семейный клан имел 4 мельницы и 2 винокуренных завода. Кроме полеводства в имениях было развито животноводство. Важное значение имеет вывод о том, что на каждой пристани был свой самостоятельный социум предпринимателей.

Воссоздан процесс формирования слоя мелких предпринимателей, которые занимались хлебной торговлей на территориях, примыкающих к Самаро-Златоустовской железной дороге. Отмечено, что, как и в Оренбургской губернии, скупка хлеба велась на ярмарках и базарах, практиковались закупки зерна в деревнях и на хуторах. Показана специфика торговли различных предпринимателей. Следует приветствовать стремление авторов воссоздать портреты коммерсантов – русских, башкир, немцев и евреев, купцов, мещан и крестьян. Эти реконструкции вносят своеобразную поэтику, а сам хлебный рынок предстает перед нами, как живой организм аграрного строя дореволюционной России.

Изучение регионального хлебного рынка М. И. Роднов продолжил в 2008–2012 гг. Эта

работа стала логическим продолжением монографии, изданной в 2008 г. Я вновь, в который уже раз, стал рецензентом очередной монографии²⁹.

И вот, пробираясь через дерби статистики, таблиц, карт, на которых зафиксировано географическое пространство рынка, схем маршрутов хлебных потоков, я вновь оказался в состоянии дежавю. Когда-то, в 1990-е годы, хлебный рынок Поволжья изучала моя ученица – ныне доктор исторических наук Н. Ф. Тагирова, а теперь уже мой новый ученик (как он сам часто повторяет) М. И. Роднов представил на мой суд свою новую книгу. Перед автором монографии стояла сложнейшая задача показать процесс формирования хлебного рынка Уфимской губернии, который складывался из ряда локальных рынков лесостепной и степной полосы, а также на горных заводах. Больше внимание уделено участию региона в экспортной и внутрироссийской хлебной торговле.

Подчеркиваю, что изучение пространство хлебного рынка неразрывно связано с необходимостью одновременно вести научную разработку проблем предпринимательства. Эта монография густо заселена живыми участниками событий – купцами, предпринимателями, сотрудниками земских учреждений и губернских статистических комитетов, крестьянами-общинниками и крупными посевищиками-фермерами.

Вновь впечатляет скрупулезность М. И. Роднова, которую он проявил при изучении хлебных грузов по речным путям, выполнявших важнейшую роль в транспортировке экспортного хлеба в морские порты на Балтике, Черном и Азовском морях.

М. И. Роднов показывает роль и место сети железных дорог (особо выделяя такую магистраль, как Самаро-Златоустовскую железную дорогу) в ускорении процесса формирования хлебного рынка. «Рост товарного земледелия в Башкирии и увеличение объемов вывозившейся продукции, развитие самостоятельного предпринимательского социума на станциях СЗЖД привели к дальнейшему расширению географии поставок»³⁰. Автор устанавливает, что вагоны с уфимским хлебом доставлялись на станции Московско-Киевско-Воронежской, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской, Сибирской магистралей, обеспечивая тем самым поставки хлеба на внутренний рынок России и на экспорт³¹.

Пожалуй, к числу достижений М. И. Роднова следует отнести его реконструкцию пространства регионального хлебного рынка. В этой связи большую значимость приобретает историографический анализ научных трудов экономистов и историков, предпринявших попытку провести районирование хлебной торговли. Он отдает пальму первенства в выделении вариантов локальных рынков В. П. Семенову-Тян-Шанскому и его группе, которые «собрали информацию о развитии всех основных компонентов мест-

ного рынка – торговле, ввозе и вывозе, главных центрах сбыта и производства, получив данные практически по всем основным отраслям экономики, от черной металлургии до кондитерского производства, от отправки хлеба до поступления фруктов и бумаги»³².

Не могут не впечатлять наблюдения и выводы М. И. Роднова, которые содержатся в разделе монографии «Уфа – как распределительный центр», который обеспечивал экономику региона промышленными изделиями, снабжал зерном и мукой не только население губернии, но и другие районы Урала. Уфа выполняла роль своеобразного мелкооптового «супермаркета». Автор приводит впечатляющие данные о создании хлебобулочного и кондитерского производства – производстве булочных изделий, печенья, конфет. Автор анализирует рекламные объявления, заполнившие страницы уфимской прессы: изменился тон рекламных объявлений, «исчезла излишняя комплиментарность, преобладает сухая информация»³³. Автору удалось воссоздать картину городской повседневности, приведено географическое размещение городских площадей, на которых шла оживленная торговля; показана роль городской думы в создании инфраструктуры, обеспечивающей производство и сбыт товаров на городском потребительском рынке.

Выявлены потоки зерна, муки, крупы, по которым снабжалось горнозаводское население. Подчеркнута роль железнодорожных поставок и таких центров, как Миасс и Челябинск.

Эти и другие данные позволили М. И. Роднову сформулировать вывод о том, что к концу XIX в. в регионе сложились два основных локальных рынка – северо-западный (бельско-камский) и южный, центром которого являлась Самаро-Златоустовская магистраль. Кроме того, «сформировалась густая сеть более мелких локальных рынков вокруг центров тяготения – речных пристаней и железнодорожных станций»³⁴. Он также говорит о наличии двух потребительских рынков – уфимском и горнозаводском. Весьма значим вывод о незавершенности складывания местного хлебного рынка, «экспортная значимость проявлялась не только в существовании огромного слоя полунатурального слабвовлеченного в товарно-денежные отношения общинного крестьянства (особенно на северо-западе края), но и в узости внутреннего (внутригубернского) спроса на хлеб»³⁵. В то же время констатирует, что «внутридеревенская торговля – снабжение бедняцких слоев населения – в разы превышала емкость «городских» рынков»³⁶.

В последнее время М. И. Роднов стал активно изучать помещичье хозяйство Уфимской губернии. Уверен в том, что в его исследовании будут представлены новые оригинальные выводы. Здесь можно было бы еще много говорить о М. И. Роднове как демографе, историографе и

источниковеде, краеведе, воссоздающем живые картины прошлого, публицисте – страстном пропагандисте отечественной истории. Его увлеченность, стремление изучать истину, умение вести дискуссию, несомненно, выделяют его как ведущего историка, находящегося на гребне современной российской историографии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта проведения научных исследований «Аграрная история России XX веков: историография и источники» (проект № 13-01-00081).

Примечания

- 1 Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. 258 с.
- 2 Там же. С. 9–10.
- 3 Там же. С. 14.
- 4 Там же. С. 15.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 16.
- 7 Там же. С. 22.
- 8 Там же. С. 33.
- 9 Там же. С. 37.
- 10 Там же. С. 41.

- 11 Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Указ. соч. С. 51.
- 12 Там же. С. 57.
- 13 Там же. С. 69.
- 14 Там же. С. 77.
- 15 Там же. С. 79.
- 16 Там же. С. 87.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 93.
- 19 Там же. С. 121.
- 20 Там же. С. 122.
- 21 Там же. С. 126.
- 22 Там же. С. 131.
- 23 Там же. С. 135.
- 24 Там же. С. 139–140.
- 25 Там же. С. 145.
- 26 Там же. С. 169.
- 27 Там же. С. 173.
- 28 Там же. С. 204.
- 29 Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния) в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2012.
- 30 Там же. С. 77.
- 31 Там же. С. 90.
- 32 Там же. С. 151.
- 33 Там же. С. 171.
- 34 Там же. С. 202.
- 35 Там же. С. 203.
- 36 Там же. С. 203.

УДК 94(575.1+575.2+575.3+575.4)

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. В. Чибров

Саратовский государственный университет
E-mail: chibroviv@list.ru

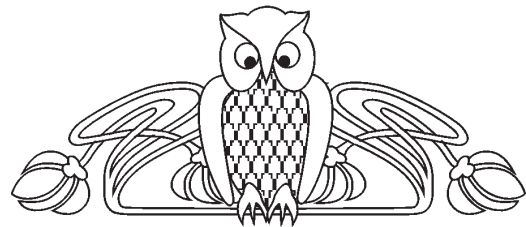
На основе данных К. П. Кауфмана, а также современных исследователей рассматриваются проблемы, связанные с русской колонизацией Средней Азии, в частности, причины ухода крестьян из Центральной России, положение переселенцев, роль государства в процессе переселения. Особое внимание обращается на особенности заселения различных областей, связанные с политическими и природно-климатическими факторами.

Ключевые слова: колонизация Средней Азии, переселенческий закон 1889 г., положение переселенцев.

Russian Colonization of Central Asia in the Second Half of XIX – Early XX Centuries

I. V. Chibrov

Based on the data of KP Kaufman, as well as modern researchers considered problems related to Russian colonization of Central Asia, in particular, the reasons for the peasants leaving of central Russia,

the resettlers' position, the state's role in the resettlement process. Special attention is drawn to the specificity occupation of different areas related to the political and climatic factors.

Key words: colonization of Central Asia, colonization law in 1889, resettlers position.

Во второй половине XIX в. русская армия стремительно продвигалась на юго-восток, в Среднюю Азию. За короткий промежуток времени в состав Российской империи были включены обширные территории, заселенные полиэтничным населением. Их завоевание поставило вопрос о включении данного региона как в систему управления государством, так и в экономику империи. Первое время на завоеванных территориях – в Оренбургской, Семипалатинской областях – создавались казачьи поселения, целью которых был контроль над местным населением. Вслед за военными в данный регион приходили и мирные жители. Таким образом, правительство решало две проблемы: с одной стороны, проблему аграр-

ного перенаселения Европейской России, которая особенно обострилась после Крестьянской реформы 1861 г., а с другой – проблему ассимиляции местного населения, постепенного включения их в многонациональное русское общество.

В данной статье обратим более пристальное внимание на колонизацию областей Средней Азии русскими поселенцами.

Обозначенная тема затрагивается в довольно большом количестве работ. Среди источников по рассматриваемой проблеме следует выделить проект отчета К. П. фон Кауфмана, генерал-губернатора Туркестана в 1867–1881 гг.¹ Также нужно отметить мемуары Г. П. Федорова о службе в Туркестанском крае². Важным источником являются сведения Л. Ф. Костенко о русской армии в изучаемом регионе и ее роли в поддержании порядка³.

Из исследований выделим работы А. А. Кауфмана⁴, С. В. Бахрушина⁵, Е. А. Глущенко⁶, С. Абашина⁷, Н. Е. Бекмахановой⁸ и других авторов.

А. А. Кауфман в своей работе отмечает, что переселение крестьян на территорию Сибири и Средней Азии сразу после отмены крепостного права не поощрялось государством. По мнению ученого, правительство боялось оставить дворянские поместья без рабочих рук, поэтому неохотно давало разрешения на переселение крестьян в другие регионы⁹.

Однако вскоре в центральной части империи начинает чувствоваться земельный голод. Царское правительство должно было пойти на разрешение переселений крестьян в новые, пограничные, районы на свободные земли. Для этого правительство начало разрабатывать переселенческий закон, работа над которым растянулась более чем на 20 лет. До его появления действовали временные правила, разрешавшие переселения только в исключительном случае. Поэтому еще долгое время крестьянская колонизация была преимущественно нелегальной¹⁰.

11 июля 1867 г. Александр II подписал указ об утверждении проекта «О временном положении управления Сырдарьинской и Семиреченской областями», 21 октября 1868 г. – проект «Временного положения об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями»¹¹. Оба документа содержали право владения казахскими землями за Российской империей.

Большая часть земельных участков была передана предпринимателям для разработки полезных ископаемых. Отвод земельных участков для создания переселенческого земельного фонда, как правило, производился за счет земель, принадлежавших казахскому населению.

Об этом довольно подробно в проекте отчета упоминает К. П. фон Кауфман. Говоря об устройстве русских поселений, первый туркестанский генерал-губернатор сообщает, что изначально планировалось принудительное заселение укрепленных городков казаками Сибирского казачьего

войска. Однако в связи с тем, что у государства не было денег на выплаты переселенцам, от этой идеи пришлось отказаться в пользу добровольной колонизации, но все теми же казаками. Переселявшиеся получали на несколько лет освобождение от налогов, что также было важным подспорьем в благоустройстве на новых местах. Так как в указанный промежуток времени в Российской империи не существовало переселенческого законодательства, крестьяне могли переселяться только самовольно, на свой страх и риск, не получая при этом никаких выплат от государства¹².

Подводя итоги своей деятельности, К. П. фон Кауфман приводит следующие результаты: с 1867 по 1881 г. количество поселений увеличилось с 14 до 70, а русское население региона возросло с 14 тыс. человек до 40 тыс.¹³, большую часть из которых составляют крестьяне. Кроме того, в отчете также отмечается, что русские крестьянские поселения появляются уже и южнее, в Сырдарьинской области¹⁴.

В целом мы можем говорить о том, что за указанный период в Казахстан и Среднюю Азию переселилось более 52 тыс. человек¹⁵.

Переселенческий закон, о разработке которого уже говорилось выше, был утвержден только 13 июня 1889 г. и получил название «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»¹⁶. Сущность этого закона заключалась в следующем:

1) переселение допускалось с предварительного разрешения от министров внутренних дел и государственных имуществ при наличии заслуживающих уважения причин при наличии свободных земельных участков;

2) для водворения переселенцев из свободных казенных земель образовывались особые участки, которые отводились переселенцам в соответствии с условиями земледелия в данном регионе;

3) в просьбах о переселении крестьянам дозволялось указывать местности, куда они хотели бы переселиться, но окончательное решение данного вопроса зависело только от правительства; самовольные переселенцы возвращались в места приписки;

4) переселенцам предоставлялись следующие льготы:

лица, не платившие на родине подушной подати, не облагались ей и на новом месте;

в Европейской России переселенцы освобождались от арендных платежей на 2 года, в Азиатской – на 3 года вполне и на 3 года наполовину;

лицам, достигшим в год переселения призывного возраста, исполнение воинской повинности отсрочивалось¹⁷.

Однако издание данного закона не знаменовало кардинальных перемен в переселенческой политике русского правительства. По сведениям, приводимым А. А. Кауфманом, в 1889 г. разрешение переселиться получили около 2800 семей, в 1890 г. – около 7600, в 1891 г. – столько же, тогда

как до издания закона в 1887 г. переселение было разрешено 9000, в 1888 г. – 19000 семьям¹⁸. Главную массу и после 1889 г. составляли самовольные переселенцы.

Колонизация конца XIX – начала XX в. затронула различные регионы Средней Азии в разной мере. Так, крестьянская колонизация Акмолинской и Семипалатинской областей началась в 70-х гг. и была частью правительственной, частью – вольной. Государством было назначено в 1874 г. 30 пунктов, из которых заселено было только 19. Здесь водворилось до 4 тыс. душ обоего пола. К началу 1894 г. число крестьянских поселений в Акмолинской области дошло до 46, а их население составляло более 30 тыс. человек. Русская колонизация Семипалатинской области была довольно слабой. До 1887 г. здесь было всего пять крестьянских поселков, возникших преимущественно из бывших казачьих станиц. В 1895 г. общее число русских поселений дошло до 16, с населением до 6000 душ. Условия, в которые попали здесь переселенцы, неблагоприятны: «почвы если не абсолютно плохи, то во всяком случае требуют искусственного орошения и вообще такого хозяйства, какого переселенцы не умеют вести»¹⁹.

Из других несибирских колонизационных районов Азиатской России выделялись Туркестанский край и Тургайская область.

В Тургайской области для русской колонизации были удобны два северных уезда, Кустанайский и Актюбинский. По закону переселений в эту область, как и в соседнюю Уральскую, не существовало; по временному положению 1868 г. поселение русских людей допускалось лишь в городах. И если Уральская область не привлекала переселенцев, то Тургайская область, напротив, являлась районом весьма своеобразной колонизации. Первоначально крестьяне-земледельцы водворялись в городах. В Кустанае переселенцы отчасти пользовались землей в городском отводе, отчасти арендовали землю у ближних киргизов, а затем стали расселяться хуторами в более отдаленных от города местностях, где также арендовали землю; тысячи крестьян окончательно ушли из Кустаная в Туркестан, Акмолинскую область и т. д. В середине 1880-х гг., когда наплыв в Кустанай был еще очень силен, вновь подходившие переселенцы, не находя себе места в городе, стали устраиваться поселками в северо-восточной части уезда; с 1886 по 1888 г. таких поселков возникло десять, с населением к лету 1896 г. до 9 тыс. человек. В земельном отношении поселки в этот период еще не были устроены, и население их вело хозяйство исключительно на арендуемой у киргизов в обход закона земле²⁰. Только с 1898 г. начались отводы наделов в Тургайской области, как для существующих поселков, так и к заготовлению земель для будущих переселенцев. Как отмечает А. А. Кауфман, «благополучие наличного русского населения области весьма шатко; земледельческое хозяйство ведется крайне хищническими спосо-

бами и быстро истощает землю, что при весьма сухом климате ведет к частым неурожаем, после которых масса поселенцев разбредается во все стороны; ушедшие частью возвращаются назад, частью замещаются новыми поселенцами, причем взамен первоначальных, по преимуществу выходцев из северо-восточных губерний, подходят главным образом уроженцы губерний средних и малороссийских»²¹.

На начало XX в. русскоязычное население Туркестана составляло около 230 тыс. человек.

В Семиреченской области русская колонизация началась в 1848 г., и к началу XX в. на ее территории находилось 29 казачьих и 31 крестьянское поселение. Здесь места для переселений намечены были еще в 1860-х гг., и заселение производилось по вызову правительства; «но места были выбраны крайне неудачно, так что многие из них вовсе не были заняты, а переселенцы образовали поселки в других местах, по собственному выбору; из селений, возникших на намеченных местах, многие бедствуют, некоторые совершенно распались»²². Русских переселенцев в Семиреченской области к 1894 г. было до 25 тыс., в 31 населенном пункте. Кроме того, к началу века на территории области находилось около 16 тыс. человек самовольных переселенцев, ожидающих устройства.

Чуть позже, в 1876 г., началось заселение Сырдарьинской области. На ее заселение оказывали влияние различные факторы, такие как неурожай в киргизских областях и Центральной России, от чего население уходило на новые земли, а также политика губернаторов. К началу XX в. на территории области находилось 55 русских поселений и 12 тыс. человек, ожидавших расселения.

Также важно отметить, что далеко не все потоки крестьянской миграции из Центральной России направлялись в Среднюю Азию. Так, в 1871–1896 гг. в Казахстане и Средней Азии обосновалось только 8,6% общего числа крестьян, переселившихся на окраины Российской империи. В эти годы они в основном оседали в Акмолинской и Семиреченской областях. Подавляющая же часть мигрантов переместилась в этот период в Сибирь (30%), на Кавказ (29,7%) и в Новороссию (23,2%)²³.

В целом в 70–90-х гг. XIX в. наиболее интенсивно заселялись Акмолинская и Семиреченская области, а также Кустанайский уезд Тургайской, Ташкентский и Аулиеатинский уезды – Сырдарьинской, Семипалатинский уезд Семипалатинской области. К 1897 г. благодаря притоку в Казахстан более 320 тыс. мигрантов и их естественному приросту численность «европейцев» достигла 539,7 тыс., а их удельный вес поднялся до 10,9 % всего населения региона²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что обустройство мигрантов в тот период протекало с очень большим трудом. По предварительным данным местных властей Туркестана, в крае в 1892 г. смогли прижиться лишь 1393 семьи крестьян-переселенцев и нижних чинов. А всего в 1891 г. число так

называемых неводворенных русских переселенцев составило около 7 тыс. человек. Предвидя в 1892 г. новый наплыв мигрантов из голодных губерний России, туркестанская администрация обращается с просьбой к правительству запретить движение русских крестьян в Среднюю Азию. Министерство внутренних дел дает указание властям Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний «...принять необходимые меры к прекращению самовольного переселения в Туркестанское генерал-губернаторство, Закаспийскую область и возвращать самовольных крестьян-переселенцев на места их прежнего жительства»²⁵. В 1893 г. поток переселенцев несколько ослаб. По данным переписи 1897 г., в городах и селах Закаспийской области проживало более 33 тыс. выходцев из России; в Самаркандской – 14 тыс., в Ферганской – около 9 тыс. человек. Общая численность русских жителей в Бухарском и Хивинском ханствах, находившихся в вассальной зависимости от России, достигала в 1897 г. 16 тыс. человек²⁶.

Таким образом, обобщая приведенные выше данные, можно сделать вывод, что в конце XIX – начале XX в. Средняя Азия активно заселялась русскими крестьянами. Создавались новые поселения, крестьяне приносили в этот регион новые порядки и образ жизни. Однако процесс переселения тормозило государство, поздно принявшее закон о переселении и медленно проводившее выделение земель для переселений. Довольно часто места для поселений выбирались неудачно, и крестьяне уходили с выделенных им земель. Кроме того, крестьяне не умели строить оросительные системы, необходимые для данного региона, а большое количество свободных земель приводило к их нерациональному использованию.

Примечания

¹ Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета по гражданскому управлению и устройству Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1885.

- ² Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870–1910 года) // Исторический вестн. 1913. № 11. С. 438–465.
- ³ Костенко Л. Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник. 1875. № 4. С. 204–222.
- ⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- ⁵ Бахрушин С. В. История народов Узбекистана. М., 1947.
- ⁶ Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- ⁷ Абашинов С. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880-х годах // Вестн. Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.
- ⁸ См.: Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX века. М., 1980; Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. И. Русско-украинская миграция в Казахстане с XIX – начале XX в. // Изв. АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1982. № 2.
- ⁹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁰ Глуценко Е. А. Указ. соч. С. 416.
- ¹¹ Тумайкина В. В. Г. А. Колпаковский – организатор крестьянского переселения в Туркестанский край // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 222.
- ¹² Кауфман А. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹³ Кауфман К. П. Указ. соч. С. 197.
- ¹⁴ Там же. С. 198.
- ¹⁵ Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. И. Указ. соч. С. 15–16.
- ¹⁶ Тумайкина В. В. Указ. соч. С. 223.
- ¹⁷ Цит. по: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁹ Там же. С. 41.
- ²⁰ Там же. С. 298.
- ²¹ Там же. С. 337.
- ²² Там же. С. 340.
- ²³ Тен К. П. Русское население Средней Азии // История СССР. 1968. № 4. С. 21–40.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 146–147.
- ²⁶ Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. С. 202.

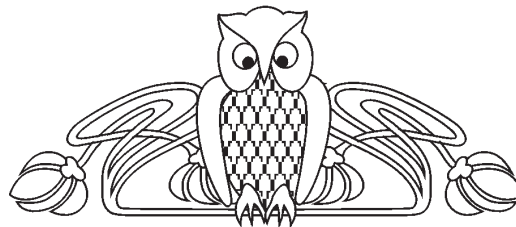
УДК 94(4)»1914/19»

ВОСПРИЯТИЕ ВОЙНЫ И ПЛЕННЫХ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА ТАТАРАМИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Э. Е. Абдрашитов

Казанский институт социально гуманитарных знаний, Татарстан
E-mail: b-el@rambler.ru

Мировосприятие татар Казанской губернии, которое распадается на ряд сегментов, не подвергалось тщательному анализу со стороны исторического сообщества. Долгое время татарский общественно-

политический дискурс ассоциировался с мусульманским, несмотря на то что понятия эти далеко не равнозначны. В статье предпринята попытка реконструкции образа войны и врага в общественном сознании татар-мусульман Казанской губернии в 1914–1915 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, пленные, образ врага, общественно-политический дискурс.

Perception of War and Captured Tripartite Alliance Tatars of the Kazan Province

E. E. Abdrashitov

Attitude of Tatars of the Kazan province which breaks up to a number of segments, wasn't exposed to the careful analysis from historical community. Long time the Tatar political discourse associated with Muslim, despite that these concepts far aren't equivalent. In article attempt of reconstruction of an image of war and the enemy in public consciousness of Muslim Tatars of the Kazan province in 1914–1915 is undertaken.

Key words: First World War, captured, image of the enemy, political discourse.

В начале XX в. татарский народ пришел к тому состоянию, когда массы начали осознавать национальную идентичность, а элита начала делать первые шаги к формированию национальной государственности. Как отмечал историк А. Ю. Хабутдинов, был очевидно «движение, направленное на создание нации европейского типа»¹. При этом сразу же необходимо оговориться, что опыт Казанского ханства не фигурировал в качестве национальной идеи. Татарское население стремилось получить своеобразную автономию, но в рамках Российской империи. Процесс самоидентификации татарского народа происходил крайне болезненно, так как был связан с ломкой традиционных ценностей и поиском новых идеалов. Именно в этот период разгорелась борьба между представителями философии «джадидизма» и «кадимизма». Вопрос о национальном самоопределении стоял весьма остро.

Большая часть татарского населения Казанской губернии с сочувствием относилась к деятельности представителей элиты, однако вела себя крайне осторожно в общении с представителями власти и иных национальностей. Татары внимательно следили за деятельностью народов Польши и Финляндии, которые активно боролись за национальное самоопределение. Этот факт не остался без внимания со стороны Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ). Указывалось, что татары стремятся к получению широких прав или автономии, но демонстрировать открыто свои устремления опасаются, боясь репрессий.

В начале XX в. в национальной периодической печати был поставлен вопрос о самоопределении татар как нации; мусульманское население Казанской губернии, и особенно татары г. Казани, осознавали свою инаковость и находились в поиске. В большинстве своем татары в этот период склонялись к необходимости проведения реформ. Как отмечал А. Беннингсен: «реформы Гаспринского, направленные на возрождение Ислама, включили в себя три основных аспекта. Сотрудничество с Западом, модернизация школьной системы и духовное, прежде всего политическое единство, тюрко-мусульманского мира»².

Вслед за Исмаиль-бей Гаспринским на страницах средств массовой информации постоянно поднимался вопрос о необходимости изменения системы ценностей татарского народа. Во-первых, был поднят вопрос об образованности татарского населения. Как считали передовые люди того времени, образование необходимо; «в то время, как большинство народов Европы далеко ушли вперед в плане науки и образования, татарское население прозябает в безграмотности», – так писал редактор газеты «Вақыт»³. Один из богатейших представителей татарского народа Загидулла Шафигуллин, сформировавший в ауле Акзегитово Цивильского уезда один из центров джадидизма, говорил: «мы прежде были не совсем образованными, поэтому русские победили нас, теперь мы стараемся образовываться и потом когда будем образованны, тогда можно будет из своей среды выбрать короля в Казани и у нас будет Татарское царство»⁴. Естественно вопрос о создании системы светского образования не ставился, однако наряду с сохранением конфессионального характера мектебе и медресе они должны были давать светские знания на уровне российских гимназий⁵.

Следует отметить, что вопрос об образовании во многом был вопросом политическим, так как строился на базе проблемы выбора основ для образования. Хотя вопрос о создании системы светского образования как таковой не поднимался, в новометодных медресе «Галия» только 28,2 % времени отдавалось на откуп религиозным дисциплинам, а в медресе «Буби» процент составлял и того меньше – 16⁶. Поэтому дискуссии среди общественных деятелей шли очень остро в вопросах о том, чему и как учить. Наметилось противостояние двух общественно-политических течений: «джадидизма» и «кадимизма», которое скорее напоминало «состояние войны»⁷.

Основное отличие заключалось в том, что в новометодных медресе, в том числе и женских, работали преподаватели, прошедшие стажировку в теологических учебных заведениях Османской империи, Египта и других стран. Соответственно их обучение строилось на идеях пантюркизма и панисламизма; многие были близки к младотуркам. При этом, говоря об идеологии пантюркизма, мы не имеем в виду понимание этого феномена как «течения, направленного к объединению всех тюркских мусульманских народностей в турецкое государство»⁸. Еще Р. Н. Нафигов убедительно доказал, что отождествление джадидистского движения с пантюркизмом происходило исключительно стараниями царской жандармерии⁹; именно эта точка зрения предлагалась жандармерией казанским властям и центральному правительству.

Джадидизм был воплощением пробуждения национального самосознания татарского народа, который распространился и на иных территориях, нежели Казанская губерния, но действовал

только в рамках России¹⁰. Основной идеей было просвещение татарского народа. Будучи движением просветительского типа, джадидизм развивался в рамках традиционных форм в качестве идеи возвращения к истокам ислама.

Однако, как отмечал Маклаков, в 1913 г. движение в пользу новометодных школ встретило противодействие в лице консервативных представителей мусульманского духовенства¹¹. Представители «кадимизма», который, по мнению Ю. Акчуры, был сугубо татарской идеологией, базировался на трех постулатах: нет европеизации, нет обучению женщин, нет обучению татар на русском языке. Кадимизм имел меньшую социальную базу, зато пользовался всемерной поддержкой правительственных структур, которые в любом новом движении видели опасность для основ самодержавия¹². Кадимисты противились культурным заимствованиям, особенно касающимся традиций народа, и естественно ментальной сердцевины – ислама. Парадоксально то, что представители этого идейного течения выступали против христианизации и русификации, но, тем не менее, считались союзниками правительства в деле борьбы с национальным пробуждением.

Не менее важным вопросом для татарской политической элиты стало наличие прочного экономического фундамента. Следует отметить, что к началу XX в. сформировалась татарская буржуазия, права которой хотя и ущемлялись по сравнению с представителями русской буржуазии, но игнорировать эту силу руководящие органы Казанской губернии уже не могли. К началу Первой мировой войны татарская буржуазия вполне оформилась как структурированная экономическая и политическая сила¹³. Постепенно выдающихся представителей нового слоя стали включать в устоявшиеся политические и руководящие структуры.

Однако стремительный рост в среде представителей среднего слоя буржуазии с определенными специфическими запросами вызвал изменение в расстановке сил на политической и идеологической арене. Именно с их деятельностью, в том числе благотворительной, можно связать расцвет джадидизма в Казанской губернии. Однако власти продолжали пренебрегать мнением татарской буржуазии и не желали менять что-либо в мусульманской политике, определенной пресловутым Постановлением 1870 г. «... в этой связи органичны и взаимосвязаны джадидистские преобразования в системе конфессионального образования, выработка новых принципов мусульманской благотворительности, создание новых институтов гражданского общества»¹⁴.

Обратим внимание на один момент. 10 июля 1892 г. вступил в силу циркуляр Министерства народного просвещения. Согласно этому нормативно-правовому акту, в мектебе и медресе можно было преподавать только по печатным

книгам, прошедшим русскую цензуру. Это вызвало бурю негодования. 7 декабря 1893 г. ряд купцов испросили разрешение у губернатора Казанской губернии направить делегацию в Петербург. 23 марта 1894 г. делегация была принята в Министерстве, и по итогам обсуждения, циркуляр был отменен. Эта маленькая, но знаковая победа определила надолго взаимоотношения татарской элиты и центральных властей. Мысль о возможности мирно и в договорном порядке решать насущные проблемы татарского народа стала определяющей на длительный срок, даже несмотря на то что власти стояли на позиции неделания никаких уступок инородцам. Так, в январе 1911 г. было закрыто медресе «Буби»¹⁵, параллельно развернулась кампания гонений на видных татарских общественных деятелей, многие были вынуждены эмигрировать. Борьба мусульманской фракции в Государственной думе также завершилась фиаско. Была провалена поправка о преподавании на «тюрк йорду» в государственных начальных школах. По закону о введении всеобщего начального образования единственным языком преподавания предполагался русский.

Представленный выше длительный экскурс в историю татарского народа необходим для более правильного понимания специфики происходящих в Казанской губернии после начала Первой мировой войны процессов. Можно констатировать наличие противостояния между представителями татарской национальной интеллигенции и верховной властью Российской империи. Отношения строились на основе борьбы с любой возможной угрозой ограничения власти самодержца. Национальный вопрос, на наш взгляд, являлся, по мнению власти имущих, весьма существенной угрозой полноте власти суверена.

С другой стороны, можно констатировать противостояние и внутри татарской элиты, однако это противостояние несущественно влияло на отношение к народам, исповедующим ислам, в том числе подданным Османской империи.

Именно в ситуации неразрешенного конфликта с центральной властью застала мусульман Поволжья начавшаяся Первая мировая война.

Новость эта стала неожиданностью как для политической элиты, так и для народных масс. Татары, жаждавшие самоопределения, попали в очень непростую ситуацию. С одной стороны, определенная часть татарского населения Поволжья, сознающая себя представителями общероссийского универсума, полагала, что имеется возможность налаживания конструктивного диалога с властью. Поэтому в первые дни войны значительная часть мусульман Поволжья открыто демонстрировала антигерманские настроения. К этой же части населения можно отнести сельских обывателей – татар. В местах компактного их проживания был отмечен подъем

национально-шовинистских настроений. Чтобы подхлестнуть указанные настроения, были выпущены в большом количестве статьи о зверствах немцев; появились даже сборники германофобских стихов. По данным КГЖУ, практически во всех мечетях сразу после начала войны прошли религиозные обряды во имя дарования победы России. Пророссийские настроения были достаточно устойчивы. Так, после неудачного высказывания епископа Амбросия в дер. Шуни Малмыжского уезда Вятской губернии о том, что когда Россия победит Турцию, всех татар живущих в России, крестить начнут, слух этот очень быстро распространился в Мамадышском и Чистопольском уездах. Однако разъяснительных бесед с обывателями хватило, чтобы последние успокоились¹⁶.

На территории Казанской губернии в первые месяцы войны татарское население демонстрировало единство с настроениями русских, также радовалось победам русского оружия. Однако КГЖУ отмечало, что отдельных манифестаций в поддержку войны или против ее ведения не было замечено ни в одном уезде Казанской губернии¹⁷. Одновременно акцентировалось внимание на том, что агрессивность всех слоев населения в среднем поднялась невысоко. Согласно донесению тайного осведомителя КГЖУ Казанцева, 16 сентября 1914 г. «настроение масс из интеллигенции патристическое, но особенного подъема теперь не замечается»¹⁸. Впрочем, мнение жандармов расходилось с фактами. В ходе первой всеобщей мобилизации 1914 г. общее количество татар, которые отправились на фронт, достигло цифры 960 тыс. человек¹⁹. Многие из этих плохо обученных новобранцев погибли в ходе первых столкновений с противником на Западном фронте. Огромное число их попало в плен. Только в лагере Сосена и Вюнсдорф находилось до 57 тыс. человек²⁰.

Из общего ряда выбивалась Казань, население которой восприняло войну несколько индифферентно даже в первые дни войны. В основном подобные настроения концентрировались в среде либерально настроенной интеллигенции. Именно эта часть татарского населения города относилась скорее к тюркам, поэтому не спешила демонстрировать поддержку российским властям; весть о начале войны была воспринята весьма холодно и сдержанно. Впрочем, после первых локальных побед России на Западном фронте татарская печать была заполнена рассказами о подвигах солдат на фронте; а газета «Юлдуз» даже упоминала о патристической манифестации 21 августа 1914 г., в которой участвовало более 500 человек.

Как только кровь отхлынула от лица масс, отдельные представители прогрессивной интеллигенции начали призывать мусульманское население к хладнокровию. Замаскировать свои чувства призывал редактор газеты «Юлдуз»

Латыпов; Хасанов, Шараф и редактор «Кояш» Биккулов призывали к сдержанности по примеру поляков²¹. А в дальнейшем выпуск газеты «Кояш» был вообще приостановлен со ссылкой на то, что данная газета существует на частные субсидии, и выпуск патристических статей делает тираж нерентабельным²². Позже осведомители жандармерии подмечали, что молебны по поводу русских побед совершаются без омовения рук, поэтому недействительны²³.

Сдержанность в материалах прессы можно объяснить не только и не столько стараниями цензуры, сколько растерянностью, которая царил в умах татарской элиты. Впрочем, уже в сентябре 1914 г. в татарской прессе появляются критические статьи, направленные на уменьшение градуса великодержавного настроения среди татар. Политические лидеры и духовенство со страниц газет критиковали татар, которые бросили свои семьи, хозяйство и детей на произвол судьбы и пошли на фронт. Понятно, что открыто выступать с критикой политики высшего руководства страны они не могли, поэтому прибегали к подобной стратегии.

Служащие жандармерии разделяли татарское население на три группы²⁴. К первой группе относили представителей трудового сельского населения. Они воспринимали войну нейтрально, так как не усматривали в войне ничего угрожающего их правам.

Вторая группа сформировалась из мусульманского духовенства, учителей и интеллигенции. Они старались казаться преданными Отчеству, хотя войну не поддерживали, открыто свои настроения не выражали, опасаясь навлечь на себя репрессии и подозрения.

Третья группа – это казанская городская татарская интеллигенция. Настроения в их среде были весьма разнообразные. Однако общий тренд был направлен на поддержку правительства и победу над врагами России. Ярким примером выступал Саид-Гирей Алкин, который упрекал татар за неотзывчивость.

Таким образом, складывается весьма мозаичная картина отношения татарского населения к войне и соответственно к подданным стран-противниц.

Видимо, сознавая недовольство значительной части мусульман Поволжья по поводу начавшейся войны и пытаясь заручиться поддержкой внутри страны, политическое руководство России приняло решение не набирать в действующую армию представителей татарского духовенства. Это вызвало живой отклик среди мусульманского населения. Как отмечал казанский полицмейстер, магометанское население удовлетворено и сильно польщено распоряжением о возвращении со службы их мулл²⁵.

С другой стороны, определенная часть татар осознавала себя частью иного мира – по национальной принадлежности – ближе к тюркам, по

вероисповеданию – к мусульманскому миру. В КГЖУ отмечали, что татары воспринимают русских, и царя в том числе, как неверных. В письмах с фронта цензоры замечали часто встречающиеся клише: «мы томящиеся под властью царской» или «мы имевшие несчастье попасть в руки гяура»²⁶. При этом в письмах с фронта фигурировало два упрека: первый касался того, что мусульманами в войне руководят неверные, а второй, что руководство не доверяет мусульманским воинам, честно исполняющим свой долг перед родиной. Это демонстрирует четкую поляризацию татарского социума. С одной стороны, симпатии татарского населения Поволжья были на стороне России, что было связано с непосредственным участием татарских воинов. Те татары, которые относились к социалистам, акцентировали внимание на возможных негативных последствиях проигрыша Россией войны для трудящихся вообще и рабочего класса в частности, связанное с отторжением части территорий от России, выплатой контрибуции и введением более жестких германских порядков в стране. Татары из буржуазии указывали на серьезные негативные последствия, связанные с вторжением германского капитала в случае победы Тройственного союза.

У другой части мусульманского населения Поволжья, по большей части мусульманского духовенства, учителей и интеллигенции, было иное мнение по поводу войны. По их мнению, поражение России в войне сулило преимущества национальным и религиозным меньшинствам. Расшатанный царский престол будет нуждаться в лояльных окраинах, поэтому будут послабления. Кроме того, в противостоянии мусульманской и христианской культур, по мнению ряда лидеров татарского народа, надо находиться на стороне первых. Поэтому неудачное наступление английских и французских экспедиционных корпусов на Дарданеллах было воспринято татарами с радостью²⁷.

Как бы там ни было, мусульманское население в целом демонстрировало выжидательную позицию, боясь открыто вставать на чью-либо сторону²⁸.

Еще более восприятие этой войны усложнилось после вступления Османской империи в войну против России. Отношения Российской империи с Турцией и так носили весьма напряженный характер, а в октябре 1914 г. Османская империя напала на Россию.

На территории Поволжья распространялось обращение османского правителя «Священная война объявлена», содержащее в себе воззвание к мусульманам всего мира с требованием принять участие в войне против неверных. Данное обращение, однако, не оказало существенного влияния на умы обывателей. Как отмечали служащие жандармерии, воззвание оказало значительное влияние только на восприятие непросвещенных татар: «...настоящая война, – считали деревен-

ские татары, – та война, о которой говорится в священных мусульманских книгах... вмешательство Турции, прежде всего, вызовет активизацию напряжения всего мусульманского мира, исповедующего ислам, и приведет к освобождению из-под власти христиан»²⁹.

Не оказала большого влияния и немецкая пропагандистская машина, которая склоняла магометан к коллаборационизму, акцентировала внимание на персональной роли российского царя и его окружения в эскалации войны против Турции и направленности ее против правительства, а не братьев-мусульман³⁰.

Однако радость от вступления Турции в войну против России у определенной части татар была омрачена тем варварским способом, к которому прибегло турецкое командование. Нападение турок на беззащитный русский городок в праздник ошеломляюще подействовало на мусульман, радость смешалась с горем³¹. Поэтому даже татарские лидеры находились в растерянности. В своем обращении к мусульманам Поволжья оренбургский муфтий отметил, что Турция начала эту войну, попав под влияние Германии. Особо отмечалось, что Россия – наша родина, и наш долг и обязанность защищать ее³².

Власть имущие отслеживали все изменения в настроениях местного населения. Руководство губернии было в курсе того, как именно татары относятся к войне с Турцией вообще и какое отторжение вызвал акт агрессии против России Османской империи в частности. Председатель казанского временного комитета печати так описывает состояние масс: 1/3 населения остается инертной³³.

Однако несмотря на замешательство в умах татар, начальник КГЖУ в аналитической записке на имя губернатора отмечал, что на преданность и искренность мусульман в войне с Турцией рассчитывать не приходится³⁴. По его мнению, изменение отношения местного населения к войне носит краткосрочный характер; никаких мер по использованию данной ситуации для разжигания чувства ненависти и патриотизма в умах татар предпринято не было, кроме издания многочисленных ура-патриотических публикаций.

Формально мусульмане Казанской губернии вели себя подобающим образом. Однако искренний подъем патриотических чувств и желания исполнять свой долг шире, чем обязанности, как преданного сына России, замечен не был. Губернатор отмечал, что мусульманское население очень сдержанно во всякого рода пожертвованиях на нужды войны³⁵: на нужды войны денег не дают, а на журнал «Ак Юл» собрали 1700 руб.³⁶ Следует заметить, что именно в этом журнале в довоенные годы пропагандировалась пантюркистская идея.

Для сравнения, в то время как на пожертвования казанских обывателей было построено

несколько госпиталей, татары начали решать вопрос о создании лазарета на 50 койко-мест только после публичного обращения Саид-Гирей Алкина, который со страниц газеты «Казанский телеграф» упрекал татар за неотзывчивость³⁷.

Впрочем, открытая демонстрация лояльности, судя по всему, устраивала власть. Несмотря на все опасения руководства Казанской губернии, симпатия к Турции не прогрессировала, а местное население открыто демонстрировало свою лояльность. Горький привкус от начала войны сохранился на долгое время.

Однако руководство губернии «перестраховывалось», опасаясь проявлений коллаборационизма. Выше уже было отмечено, что огромное значение имела неправильная оценка настроения татарского населения, которому приписывался пантюркизм. Поэтому главный начальник Казанской губернии направил письмо директору МВД г-ну Брюну с рекомендацией не направлять турецких военнообязанных на территорию Заволжья, хотя согласно телеграммы № 475 от 4 августа 1914 г. Заволжская часть Казанской губернии, кроме мест, прилегающих к р. Волге и р. Каме, вошла в перечень земель, разрешенных для содержания интернированных и военнопленных³⁸.

Главный начальник Казанской губернии писал: «Если водворение германских и австрийских подданных не вызывало опасений за спокойствие в губернии, то совершенно другое положение создается в губернии, если сюда будут водворяться на жительство турецкие подданные – магометане, так как Казань являлась центром культурной жизни для мусульман, привлекала лучших националистических работников мусульманства, имела живое общение с зарубежным мусульманским миром... и нередко заимствовала отсюда директивы для постановки различных политических вопросов... зачастую враждебные русской государственности. Третью населения составляют мусульмане, которые чутко прислушиваются к жизни своих зарубежных единоверцев»³⁹.

Руководство МВД отнеслось весьма серьезно к аргументам губернатора, поэтому в ответной телеграмме директора Брюна от 3 декабря 1914 г. высылка турок в Казанскую губернию была прекращена⁴⁰, а с 13 января 1915 г. было решено высылать турок в Ярославскую губернию⁴¹.

На момент объявления войны Турцией России в Казанской губернии находилось 28 подданных Османской империи, которые тут же были интернированы⁴². Турецкие военнопленные стали поступать на территорию Поволжья некоторое время спустя. Первая партия турецких военнопленных в количестве 201 человек прибыла в г. Екатеринославль 5 ноября 1915 г.⁴³ Корреспонденты отмечали, что пленные были одеты в лохмотья, у многих не было сапог. Корреспондент другой провинциальной газеты отмечал, что «вид у пленных турок ужасный. Чем дальше к зиме, тем труднее приходится турецкой армии.

Под шинелями у них нет никакой одежды»⁴⁴. Их ужасающий вид вызывал шок у всех, кто с ними столкнулся. Многие пленные говорили, что несколько дней ничего не ели⁴⁵. Местное население, вне зависимости от вероисповедания и национальности, оказывало посильную помощь, подкармливало турецких подданных пленников. Впрочем, вопросы к кухне на предмет ее соответствия «халяль» ставились последними редко. Обыватели отмечали, что пленные едят все без разбора, не интересуясь, какое мясо им дается⁴⁶.

Отношение к турецким подданным со стороны общественно-политического дискурса было весьма неоднородным. Османская империя, сложное государственное образование, имело в своем составе ряд земель населенных славянами. Поэтому отношение к ее подданным формировалось не только исходя из государственной принадлежности, но и из национального и конфессионального признака. Например, еще до вступления в войну Турции директор МВД Российской империи в своей телеграмме отмечал, что *турок-христиан не притеснять*, если не подозреваются в шпионстве⁴⁷. Согласно другому распоряжению центральных властей, всех подданных неприятельских держав, за исключением лиц славянского происхождения, французов, итальянцев, а также *турецких подданных христианского вероисповедания*, надлежало исключить из общественных, частных и правительственных организаций и установлений. На турецкоподданных христиан не распространялись ограничения, предусмотренные для интернированных. Они могли проживать свободно на территории Российской империи. Подчеркивалось, что эти лица не являются ни военнопленными, ни военнообязанными.

Вторым моментом было то, что на территории Казанской губернии присутствовали как военнопленные, так и интернированные турецкие подданные. При этом разноплановость восприятия турецкоподданных можно отметить как в рамках массового восприятия, так и на уровне политических элит. В большинстве интернированные люди имели значимое положение в обществе, были купцами, учеными и др., в силу чего они пользовались заслуженным уважением у татарского населения.

Корреспонденты газеты «Волжское слово» в одной из статей акцентировали внимание публики на судьбе пленных турецких армян, лиц по преимуществу христианского вероисповедания. Автор особо подчеркивал этот момент и связывал его с тем, что армян посылают впереди турецких отрядов. Турки воюют с русскими по принуждению. Пленные голодают и живут грабежами⁴⁸.

Провинциальная пресса также ранжировала пленных по национальности и вероисповеданию. Например, как утверждали корреспонденты газеты «Волжский день»: «...Арабы действительно воевать не хотят... а вот курды, «албаны»

лицемерят, врут»⁴⁹. Чуть позже в той же газете отмечалось, что «пленных турецких подданных везут по национальностям, так как курдов все боятся»⁵⁰. То же правило работало и в отношении татарской прессы. Так, татарские газеты критиковали турецкоподданных арабов, но в связи с восстанием против Турции.

Таким образом, со стороны властных структур лица славянской национальности и (или) христианского вероисповедания пользовались весьма ощутимыми преференциями, как правового характера, так и на уровне риторики. Совершенно другое отношение мы видим к представителям мусульманской фракции турецких подданных. Они в полной мере ощутили на себе отношение администрации к военнообязанным подданным враждебных государств.

Правительственные структуры щепетильно подходили к вопросу содержания турецких военнопленных. Единицы из них были расквартированы на территории Поволжья, подавляющее большинство проезжало через Казанскую губернию только транзитом. Те пленные, которые были размещены в Поволжье, как правило, расселялись в небольших городках или селах с русским населением, не имели возможности посещать Казань и находились под особым присмотром. Военные власти опасались, что татарское население войдет в контакт с пленными и станет им сочувствовать. А это могло быть каналом вербовки агентов или утечки информации, чего допустить было нельзя.

Во многом с опасениями руководства губернии можно согласиться. Турки-магометане обладали общими культурными корнями. Более того, особо опасным было то, что язык турок был очень близок к татарскому, что открывало прямую дорогу к агитации. Поэтому главный начальник Казанской губернии стремился пресечь общение татарского населения с любым турецкоподданным лицом, способным выступать в роли агитатора. Об этом говорит тот факт, что два интернированных турецких подданных мусульманского вероисповедания обратились к казанскому губернатору с просьбой направить их в Казань обосновывая свою просьбу наличием возможности нахождения здесь работы. По профессии один был мулла, второй – учитель. Губернатор в удовлетворении просьбы отказал, но рекомендовал направить их в Ярославль.

По аналогичным причинам правительство Российской империи относилось с крайним недоверием к татарским воинским частям. У самих татар подобное отношение вызывало крайнее возмущение. В письмах воинов-татар отпечатался тот горький осадок, который оставался вследствие постоянного недоверия командования. Солдаты отмечали, что мало того, что приходится постоянно находиться между «гаурами», так еще они и смотрят с подозрением, хотя кровь проливаем на равных.

В отношениях местного татарского населения и пленными подданными Австрийской и Германской империй преобладали иные настроения. Начнем с того, что русскоязычная пресса не имела существенного влияния на татарское население, которое выстраивало свое отношение к представителям иностранных армий и странам вообще только через лично пережитый опыт или татарскую периодику. Выше мы отмечали тот факт, что татарская пресса вела себя очень осторожно, ее публикации носили скорее нейтральный характер; в публичной риторике редко встречались вызывающие обращения и заголовки, прямо оскорбительных высказываний не наблюдалось вообще. Личный опыт татар обуславливался спецификой традиционного уклада и быта. Так, татарские женщины проживали в специально отведенных помещениях в доме отца или мужа; на улице появлялись (за редким исключением) только в сопровождении мужчин. Уже одно это обстоятельство убирало такую болевую точку, как общение военнопленных с женщинами. Существенным обстоятельством было наличие непреодолимого языкового барьера. Только единицы военнопленных австрийских и германских подданных могли общаться с татарскими обывателями. Если с русскими пленными могли хоть как-то изъясняться, с татарским населением пленные общались исключительно знаками. Второй момент заключался в особом отношении правительства Российской империи к пленным австрийцам славянского происхождения. В этой связи отметим, что австрийцев воспринимали хуже немцев; прорусская пропагандистская машина создала образ в массовом сознании, что большинство австрийцев находится на стороне русского народа и государства и воюет только по принуждению. Немцы же воевали против России по собственному почину. На волне антагонизма взаимоотношения пленных и татарских обывателей складывались нелучшим образом.

Все вышперечисленное сформировало ситуацию, при которой австрийские пленные всех национальностей не имели существенной поддержки среди татарского населения. Мусульманское население оценивало производительность труда австрийских пленных невысоко, постоянно указывая, что те не знают языка и сельскохозяйственной техники. Руководители уездов также отмечали непонимание татарских обывателей и инородцев вообще. В плане сельскохозяйственной техники австрийские крестьяне ушли далеко в деле механизации и с большим неудовольствием относились к отсталым технологиям. Татарское население, воспроизводившее во многом традиционный уклад, не желало скоротечных изменений, поэтому относилось к нововведениям подозрительно. Это стало основной причиной того, что пленными австрийцев не направляли на сельскохозяйственные работы в нерусские деревни.

В татарской прессе прослеживается прокладное, но при этом достаточно корректное отношение к австрийским пленным. Их характеризовали терминами «слабые», «гяуры» (неверные), «болтливые», то есть особо отмечались некоторые стороны их бытия, без попыток навесить обидные ярлыки. Например, «кяфир» (безбожник) не фигурировало в средствах массовой информации.

Другое отношение мы можем фиксировать к немецким пленным. Оно складывалось из нескольких факторов. Во-первых, пропагандистский аспект. Часть татарского социума воспринимала немцев как подданных страны, подтолкнувшей Турцию к войне, то есть не как союзников, а как зачинщиков войны. Другая часть относилась к пленным как к союзникам Турции, то есть положительно. Сами немцы отмечали более теплое отношение со стороны мусульман. Так, например, председатель военно-цензурной комиссии указывал, что были обнаружены два письма военнообязанных немцев (Мамадышский уезд и Уфимский уезд), авторы которых в коротких словах пишут о простоте деревенских татар, местностей, где они живут, и *прямо заявляют, что татары хорошо относятся к ним, так как сочувствуют германцам, воюющим рука об руку с турками против русских*, и было бы полезно поселять немцев для дальнейшего жительства в тех местностях, где нет татар⁵¹.

Интересно отметить, что татарская пресса после активизации военной цензуры вела себя крайне осторожно. Вопросы, связанные с национальным самоопределением, на страницах татарских газет практически не поднимались. Чиновники КГЖУ в отчетах на имя губернатора особо отмечали, что в татарских газетах все очень сдержанно. Нет агитации населения ни за, ни против войны⁵².

Впрочем, как отмечали те же цензоры, татарская пресса стала прибегать к более изощренным приемам подачи информации, по внешнему виду и форме лояльной, но по содержанию – антиправительственной направленности. Например, в ряде статей вместо «наши войска» писали «русские войска»; не употреблялись хвалебные эпитеты. Часть публикаций была написана в таком стиле, что цензура не допускала их к публикации.

Среди либерально настроенных представителей татарской интеллигенции популярна была идея, что правительство Российской империи пойдет навстречу интересам народов, проливающим кровь за общую родину. Примечательна в этом плане статья в газете «Кояш» под названием «Что нам нужно сделать?». В ней автор писал, что в то время, «как другие национальности всячески стараются сделать известными заслуги своих родичей на театре войны, татары совершенно не заботятся об этом. Между тем премьер сказал, что после войны каждая народность получит от правительства культурные и правовые привиле-

гии сообразно степени тех жертв, которые были принесены ей для своей родины»⁵³.

20 июня 1915 г. К. М. Тевкелев от имени думских представителей латышей, литовцев, эстонцев, армян, евреев и мусульман заявил: «...мы выражаем ...глубокую уверенность, что в деле отражения врага и победы над ним одним из главных условий успеха является подъем духа в среде населяющих Россию народов и возможность свободного приложения для каждого из них сил на общее дело борьбы с врагом, и что такое положение может быть лучше всего достигнуто при обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия»⁵⁴.

Заявление было отклонено 190 голосами против 162 и, по мнению А. Ю. Хабутдинова, это стало последней попыткой достижения компромисса нерусского населения с думским большинством⁵⁵. Правительство продемонстрировало свое нежелание идти на уступки национальным меньшинствам и практически открыто показало недейственность думского механизма обратной связи с населением.

Назначение муфтием, придерживающимся крайне правых взглядов С. Баязитова, парализовало единственный официальный канал для отношений татарского общества и царской администрации. В прессе развернулась кампания с критикой муфтия, однако существенных последствий она не имела. И с этого момента татарская элита начинает поддерживать силы, которые хотели свержения самодержавия.

Именно с лета 1915 г. меняется тональность газетных статей, которые становятся более агрессивными по отношению к мероприятиям, проводимым центральной властью, несмотря на все меры, принимаемые цензурными органами. Одновременно можно отметить появление более теплых ноток в прессе, при описании условий проживания пленных подданных стран Тройственного союза.

Таким образом, в вопросе восприятия татарами военнопленных четко прослеживается взаимосвязь с восприятием ими самой войны и взаимоотношений с центральными властями. До лета 1915 г. позиция татарских средств массовой информации была выжидательной, умеренной. Характеризуя военнопленных, избегали применения ярких или негативных образов, заменяя их терминами бытийного свойства, не способных оскорбить, либо которые можно использовать как в создании положительного, так и отрицательного образа.

Примечания

- ¹ Хабутдинов А. Ю. Татарские общественные движения в российском сообществе (конец XVIII – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002. С. 3.
- ² Benningsen A. Lemercier Quelquejay Ch. La presse at le mouvement national ches le Musulmans De Russie avant. Paris, 1960.

- ³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 908. Л. 78.
- ⁴ Там же. Д. 786. Л. 93.
- ⁵ См.: *Абдуллин Я. Г.* Джадизм среди татар : возникновение, развитие и историческое место. Казань, 1998. С. 9.
- ⁶ См.: *Камалов Т.* Зия Камали. Казань, 1997. С. 10–17.
- ⁷ *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Малая советская энциклопедия : в 11 т. М., 1938. Т. 7. С. 922.
- ⁹ См.: *Нафигов Р. Н.* Формирование и развитие татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964. С. 50–53.
- ¹⁰ См.: *Кузнецов И. Д.* Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 252.
- ¹¹ См.: *Армаруни А., Габидулла Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России М., 1931. С. 12–20.
- ¹² См.: *Абдуллин Я. Г.* Указ. соч. С. 16.
- ¹³ См.: *Салихов Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2001. С. 111.
- ¹⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁵ См.: *Магдеев М.* Социальные корни таланта. Казань, 1990. С. 110–112.
- ¹⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 12.
- ¹⁸ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 922. Л. 81.
- ¹⁹ См.: *Исхаки Г.* Татарская военная организация во время войны // *Wostok – Orient.* Варшава, 1932. № 1–2 (5–6). С. 18.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 66.
- ²² Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 948. Л. 161.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 37.
- ²⁴ Там же. Л. 61.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 12. Оп. 6. Д. 942. Л. 169.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862.
- ²⁷ Там же. Д. 943. Л. 28.
- ²⁸ Там же. Д. 862.
- ²⁹ Там же. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Д. 917. Л. 452.
- ³¹ Там же. Д. 862. Л. 43.
- ³² Там же. Д. 913. Л. 140.
- ³³ Там же. Д. 862. Л. 89.
- ³⁴ Там же. Л. 77.
- ³⁵ Там же. Д. 942. Л. 175.
- ³⁶ Там же. Д. 862. Л. 26.
- ³⁷ *Алкин С.* Стыд и позор // *Казанский телеграф.* 1915. № 6539. 29 марта.
- ³⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 917. Л. 62.
- ³⁹ Там же. Д. 1320. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 136.
- ⁴² Там же. Д. 913. Л. 21.
- ⁴³ *Волжское слово.* 1914. № 2115. 5 ноября.
- ⁴⁴ *Волжский день.* 1915. № 6. 9 января.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Волжский день.* 1915. № 21. 27 января.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 6.
- ⁴⁸ *Волжское слово.* 1914. № 2126. 18 ноября.
- ⁴⁹ *Волжский день.* 1915. № 6. 9 января.
- ⁵⁰ Там же. № 21. 27 января.
- ⁵¹ НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 259. Л. 21.
- ⁵² Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 201.
- ⁵³ Там же. Д. 1073. Л. 558.
- ⁵⁴ Государственная дума : стенограмма. Отчеты : Созыв 4, сессия 4. Пг., 1915. Стб. 187, 196.
- ⁵⁵ *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. С. 254.

УДК 94(47).083+929 Леонтьева

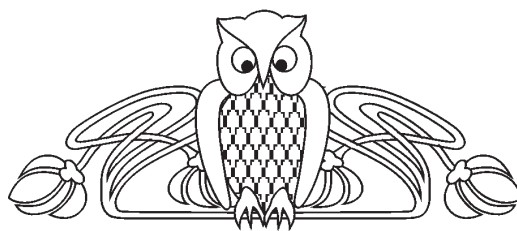
ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА И «МУКДЕН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

А. А. Калмыкова

Саратовский государственный университет
E-mail: anno12domini@gmail.com

В статье проводится анализ личности и деятельности Татьяны Леонтьевой, которая представляет собой характерный образ молодой эсерки-террористки, что необходимо для понимания специфики феномена женского терроризма в России в начале XX века. В контексте данной проблемы рассматривается поворотный момент в истории Боевой организации партии социалистов-революционеров – разгром её петербургского отдела в марте 1905 года.

Ключевые слова: революционный терроризм, Боевая организация, эсеры, Департамент полиции, психические отклонения, Татьяна Леонтьева.

Tatyana Leontyeva and «Mukden Russian Revolution»

A. A. Kalmykova

The following article seeks to analyze the personality and activities of Tatyana Leontyeva, who represents a typical case essential for understanding the specifics of the phenomenon of female terrorism in Russia in the beginning of XX century. Within the scope of the analysis we shall examine the turning point in the history of the Socialist-Revolutionary Combat Organization, namely, the defeat of its St. Petersburg Committee in March 1905.

Key words: revolutionary terrorism, Combat Organization, Police Department, mental disorders, Tatyana Leontyeva.

Проблема сущности и значения терроризма является хронически злободневной в нашей стране, однако до сих пор является малоизученной. В историографии по данной теме следует отметить, прежде всего, фундаментальные работы О. В. Будницкого и А. Гейфман¹. В то же время проблематика революционного терроризма в Российской империи начала XX в. исследуется с различных ракурсов, например, через призму политических судебных процессов по делам террористов и их организаций. Среди работ подобного рода можно выделить монографии Н. А. Троицкого и Ю. В. Варфоломеева².

В начале февраля 1905 г. петербургским Департаментом полиции были получены агентурные сведения о том, что «в Петербург съехалось несколько видных представителей «боевой организации» партии социалистов-революционеров с целью подготовки убийства генерала генерал-губернатора Д. Ф. Трепова»³. Кроме того, полиции стало известно, что из-за границы с той же целью приехала Татьяна Александровна Леонтьева, дочь статского советника. «Ввиду пресечения преступной деятельности террористов» все члены петербургского отделения Боевой организации были обысканы и арестованы в ночь на 18 марта 1905 г.⁴

Этот арест вошел в череду неудач, посыпавшихся на Боевую организацию партии социалистов-революционеров (БО ПСР) после «триумфа», коим стало успешное покушение на великого князя Сергея Александровича, состоявшееся 4 февраля 1905 г. Одновременно с ним петербургское отделение БО готовило свой главный и самый мощный удар по самодержавию, запланированный на 1 марта – дату, символичную для монархии и борцов с ней. В этот день, 24 года назад, террористом-народовольцем Игнатием Гриневицким был убит император Александр II. Виднейшие представители власти должны были собраться в Петропавловском соборе на панихиду к гробу императора Александра II. Террористы решили не упускать возможности и бросить свои смертоносные бомбы сразу в четырех крупных сановников: великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего гвардейскими войсками и Петербургского военного гарнизона, петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова, министра внутренних дел А. Г. Булыгина и его заместителя П. Н. Дурново⁵.

Подготовкой этого нападения руководил Максимилиан Швейцер, «человек большого ума, сильного характера, железной воли», как о нем писал его политический противник, начальник Киевского охранного отделения А. И. Спиридович.⁶ Боевая организация к этому моменту представляла собой крупную силу и имела большое уважение во всех слоях общества. Борис

Савинков писал об этом времени: «Организация достигла того положения, к которому, естественно, стремится каждое тайное общество, и которое единственно может гарантировать ему успех. Сознание этого основного успеха не покидало нас; в это время и Швейцер, несмотря на свои неудачи, твердо верил в будущее террора»⁷. Террористы ожидали удачного исхода задуманного. На реализацию плана были брошены лучшие силы партии, люди, «испытанные и скрепленные между собой любовью к организации, долговременным опытом и преданностью террору»⁸: Д. Бриллиант, Б. Н. Моисеенко, Е. О. Дулебов, Д. Боришанский, П. С. Ивановская, Т. А. Леонтьева, В. И. Шиллеров, Б. В. Подвицкий, Я. Г. Загородний, Е. А. Трофимов, Б. Д. Марков, С. А. Басов. Накануне в беседе со своими товарищами «Леопольд», или «Павел» – так именовали Швейцера партийцы, – решительно, но не без едва уловимого колебания, заявил: «Завтра успех несомненен! Это будут лучшие поминки первоапрельцам!»⁹.

Однако судьба распорядилась иначе. 26 февраля 1905 г. Швейцер стал жертвой изготовляемой им бомбы, чей взрыв, невероятной мощности, в гостинице «Бристоль» положил конец и грандиозному плану и жизни молодого, красивого, не по летам солидного «Леопольда». После смерти своего руководителя самый многочисленный отдел БО погрузился в полную растерянность. П. С. Ивановская в мемуарах с горечью вспоминает: «Удар этот для БО был слишком чувствителен. БО осталась без испытанного кормчего, терялась сплоченность, единство действия, столькими жертвами приобретенное»¹⁰.

Все члены БО чувствовали за собой след охраны и постоянный невидимый надзор. Охранное полицейское ведомство действительно вело непрерывную слежку. В этом деле полиции оказал значительную помощь разъездной агент ЦК ПСР, и как выяснилось, провокатор Н. Ю. Татаров. Благодаря его указаниям охране удалось выследить почти всех членов петербургского отдела БО¹¹. Татаров обладал ценной информацией: знал адрес Прасковьи Ивановской и некоторых других участников БО, в его присутствии партийцы вели разговоры конспиративного характера¹².

17 марта 1905 г. были арестованы: Егор Дулебов, Борис Подвицкий, Е. А. Трофимов, Василий Шиллеров, Прасковья Волошенко-Ивановская, Борис Моисеенко, Сергей Барыков, Яков Загородний, Анна Надеждина, Татьяна Леонтьева, Надежда Барыкова, Моисей Шнееров, Моисей Новомейский, Михаил Шергов, Сура Эфрусси и Фейга Кац, ускользнуть удалось лишь Доре Бриллиант. Газета «Новое время» назвала эти аресты «Мукденном русской революции»¹³. Террористическая группа была посажена в ту самую Петропавловскую крепость, которую она избрала ареной для своего массового убийства¹⁴.

По сути, это явился полный разгром не только петербургского отдела Боевой организации, но

и самой террористической организации. Идея и практика террора после свершившегося постепенно приходят в упадок, а после скандального разоблачения Евно Азефа в 1909 г. террор и вовсе теряет былую славу и привлекательность, как для революционеров, так и для разочарованного общества. По утверждению Б. В. Савинкова, БО в дальнейшем «никогда уже не достигала такой силы и такого значения, какими пользовалась в промежуток времени от 15 июля 1904 г. до февраля 1905 г.»¹⁵.

Ж. Лонге и Г. Зильбер отмечают, что судьба этого последнего отряда была самая трагическая: «Несмотря на его многочисленность, на его строгую организованность, на совершенство планов, выработанных до мельчайших деталей, ни одна из поставленных им целей не была осуществлена. Все члены его были выданы Татаровым, который сообщил правительству все, что он знал о заговоре, а знал он многое. <...> Почти весь отряд был захвачен; предательство Татарова стоило жизни многим из участников неудавшихся покушений»¹⁶.

Исследователь Р. А. Городницкий также констатирует данный эпизод как рубежный момент в истории Боевой организации: «Все террористические мероприятия были свернуты. После этого удара БО так и не смогла восстановиться»¹⁷. Да и сам Борис Савинков безапелляционно заявлял: «Боевая организация в сущности перестала существовать»¹⁸.

Из всей группы захваченных террористов ярко выделялась личность Татьяны Александровны Леонтьевой, прежде всего своим социальным положением. Дочь видного бюрократа, она была дальняя родственница генерала Д. Ф. Трепова, вращалась в высших кругах петроградского общества¹⁹. Молодая террористка имела доступ к царскому двору, и в ближайшее время ей предстояло назначение фрейлиной царицы.

Леонтьева воспитывалась с детства в Швейцарии, в пансионе в Лозанне, а в 1903–1904 гг. училась там же на медицинском факультете. Именно к этому времени относится ее знакомство с заграничными деятелями партии эсеров. Леонтьева, живя в Женеве, через Е. К. Брешко-Брешковскую предложила свои услуги Боевой организации. В ноябре 1904 г. Татьяна с матерью собираются в Петербург для сдачи Леонтьевой экзаменов в одной из гимназий. Из Швейцарии она уезжает уже в составе боевой группы.

На Бориса Савинкова Леонтьева произвела сильное впечатление: «С первого же слова в Леонтьевой чувствовалась неисчерпаемая преданность революции и готовность во имя ее на жертву. Особенно понравилась она Каляеву, я же верил его чутью, и потому, не колеблясь, высказался за прием ее в члены организации»²⁰. Савинков понимал, что Леонтьева может быть полезна не только своей готовностью отдать за него жизнь. «Ее присутствие в организации давало

нам возможность иметь из хорошего источника необходимые для нас сведения о министрах и великих князьях. Предполагалось, поэтому, что ее роль пока и ограничится упрочением ее петербургских связей и сообщением нам таких сведений»²¹.

Макс Швейцер, этот строгий и принципиальный революционер, редко кого хваливший, заметил о Т. А. Леонтьевой: «Вот удивительно хорошая девушка, даже редкое существо среди сейчас жаждущих работы. <...> Она, по-видимому, из тех кремневых натур, которые легче ломаются, чем гнутся»²². П. С. Ивановская, старожил революционного движения, описывала Татьяну Леонтьеву как очень изящную барышню, чрезвычайно сдержанную в проявлении своих чувств и скупой на разговоры. «Она была среднего роста, стройная, как молодая белая березка, блондинка с большим лбом и чистыми, детскими синими глазами. Узнавши ее хорошо, мало было сказать, что она хорошая девушка; это был превосходный человек, полный внутреннего содержания, красоты, глубокая натура»²³.

Будучи аристократкой и вращаясь в высших слоях общества, Т. А. Леонтьева жаловалась Савинкову на свое тяжелое положение: ей приходилось встречаться и быть любезной с людьми, которых она не только не уважала, но и считала своими врагами. «Леонтьева, однако, выдерживала свою роль, скрывая даже от родителей свои революционные симпатии. Она появлялась на вечерах, ездила на балы и вообще всем своим поведением старалась не выделяться из барышень ее круга. Она рассчитывала таким путем приобрести необходимые нам знакомства. В этой трудной роли она проявила много ума, находчивости и такта, и, слушая ее, я не раз вспоминал о ней отзыв Каляева при первом его с ней знакомстве: «Эта девушка – настоящее золото»»²⁴.

А в декабре 1904 г. ей была оказана честь продавать цветы на балу, на котором должен был присутствовать Николай II. Леонтьева же «экспансивная и с несколько неустойчивой психикой, немедленно предложила убить царя»²⁵. Террористы, не дожидаясь согласия партийного руководства, с энтузиазмом одобрили это предложение. Савинков заявил: «Царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»²⁶. Однако Леонтьевой не удалось принять участие в этом акте открытого неповиновения центральному руководству партии со стороны террористов: бал был неожиданно отменен.

В середине того же декабря статский советник Александр Леонтьев уезжает за границу, куда вскоре выбывает и его жена, так что Татьяна остается одна. После возвращения родителей и ввиду их намерения отправиться в Якутск она переезжает к своему дяде, отставному подполковнику Михаилу Леонтьеву²⁷.

На основании сообщения Н. Ю. Татарова охранке стало известно, что на квартиру некоего

высокопоставленного сановника, а именно дяди Татьяны Леонтьевой, подозрительное лицо принесло чемодан, который предназначался для самой Татьяны. Начальник Петербургского охранного отделения в 1904–1909 гг., А. В. Герасимов, счел нужным ознакомиться с содержимым чемодана и потому послал полицейского офицера на квартиру к отставному подполковнику Михаилу Леонтьеву, проживавшему за Невской заставой на Железнодорожной улице. Высокопоставленный хозяин квартиры гневно возразил против обыска в его доме, полицейский гневно выразил протест против полицейского обыска в своей квартире. Офицер был вынужден вернуться ни с чем. Александр Герасимов был крайне этим возмущен: «Мы преследуем опасную террористическую группу, а тут сановная особа становится на пути нашего расследования»²⁸.

При повторном обыске, произведенном в ночь на 17 марта 1905 г., в комнате Т. А. Леонтьевой обнаружено: около 7,5 фунтов гремучего студня, динамит, гремучая ртуть, 7 стеклянных трубок с двойными баллонами, наполненными серной кислотой, и 7 свинцовых грузиков, приготовленных для надевания на означенные трубки²⁹. По заключению эксперта, данный материал мог послужить для изготовления трех разрывных снарядов, не доставало только оболочек бомб и детонаторных патронов. Независимо от этого у Леонтьевой было обнаружено: 22 паспортных бланка, из которых в трех вписан подложный текст, 17 паспортных книжек, в том же числе 3 с заполненными сведениями, 3 резных на камне фальшивых печати Витебской и Полтавской мещанских управ, значительное число скалькированных на прозрачной бумаге подписей лиц различных должностей, имеющих право удостоверять виды на жительство, конверт с прокламациями³⁰.

По поводу обнаружения в квартире Леонтьевой разрывных составов было возбуждено формальное дознание, «начатое обыском в упомянутом помещении»³¹. На другой день после ее ареста в газетах писали: «Вчера при выходе из парикмахерской арестована молодая, очень красивая женщина»³².

21 марта Леонтьева была допрошена в качестве обвиняемой. На допросе она заявила, что принадлежит к БО ПСР, считая это за великую для неё честь. Отказываясь от дальнейших объяснений, Леонтьева пояснила лишь, что найденные в ее комнате разрывные вещества имеют прямое отношение к деятельности террористов³³. При дальнейшем «производстве дознания по делу о членах «боевой организации» социалистов-революционеров Т. А. Леонтьева дополнительно показала, что обнаруженными в ее квартире разрывными веществами она намеревалась воспользоваться лично для убийства одного должностного лица, назвать которое она не пожелала»³⁴.

Во время заключения обнаруживается, что Татьяна Леонтьева имеет психические расстройства: «18 мая в Департаменте полиции получены сведения о том, что содержащаяся под стражей в крепости Т. Леонтьева заболела острым психозом, ввиду чего названным департаментом сделано распоряжение о переводе Леонтьевой в лечебницу св. Николая Чудотворца»³⁵. Психическое расстройство выразилось в двух покушениях на самоубийство – в Литовском замке и в Петропавловке.

26 августа 1905 г. Санкт-Петербургский окружной суд собирает комиссию для освидетельствования состояния умственной способности Т. А. Леонтьевой. Суд определил «принять заключение врачей-экспертов и признать Леонтьеву в состоянии сумасшествия и дело о ней препроводить прокурору Санкт-Петербургского окружного суда»³⁶.

Прокурор Санкт-Петербургского окружного суда 20 октября 1905 г. уведомил первый Департамент Министерства юстиции о том, что окружным судом в распорядительном заседании 19 октября постановлено: «дознание по обвинению дочери статского советника Т. А. Леонтьевой, обвиняемой по 2 части 126 статьи уголовного уложения – прекратить <...> с отменой принятой против нее меры пресечения содержания под стражей, и поместить ее, Леонтьеву, на основании 39 статьи уголовного уложения, во врачебное заведение»³⁷.

Дело же «О «боевой организации» партии социалистов-революционеров» было прекращено по соглашению военного прокурора Санкт-Петербургского окружного суда с помощником главнокомандующего войсками гвардии Петербургского военного округа, на основании высочайшего указа от 21 октября 1905 г. в отношении обвиняемых. В том же порядке прекращено уголовное преследование против Татьяны Леонтьевой³⁸. Все обвиняемые были освобождены из-под стражи. «Что мы, разбойники, что ли, станем судить на основании одних показаний филеров?» – говорил секретарь суда родным арестованных³⁹.

Леонтьеву выпускают на поруки родителей, которые вскоре повезли ее за границу, в Швейцарию. Перед отъездом туда она писала своей сопроцесснице: «Родители мои, извлеки меня из тюрьмы долгими и усиленными хлопотами, везут за границу. Можете сами представить, в каком настроении и с каким душевным отчаянием я туда отправляюсь. <...> Однако, покидая родину в такое время, когда начинается самая нужная, самая напряженная работа, не могу там вдали оставаться спокойно. Это выше моих сил и понимания»⁴⁰.

Швейцария оказывается малоподходящим местом для того, чтобы уберечь девушку от контактов с революционерами. «До меня и до Азефа дошло известие о ее желании снова работать, – писал Савинков. – Мы высоко ценили Леонтьеву,

но, не видя ее, не могли знать, насколько она оправилась от своей болезни. Посоветовавшись с Азефом, я написал ей письмо, в котором просил ее пожить за границей, отдохнуть и поправиться. По поводу этого письма произошло печальное недоразумение. Леонтьева поняла мое письмо как отказ ей в работе»⁴¹. Леонтьева, поняв письмо Савинкова как отказ боевой организации, в жажде «террористического героического акта» примкнула к партии социалистов-революционеров-максималистов.

Максималисты, в отличие от эсеров, не тратили много времени и сил на подготовку своих терактов, а действовали стремительно. Они выяснили, что в швейцарском городе Интерлакене, в одном из отелей проживает некий господин Шарль Мюллер. Внешне он был очень похож на бывшего министра внутренних дел России Петра Дурново. Леонтьева поселилась в том же отеле. Красивая, элегантная, она пользовалась большой популярностью и внимательно наблюдала за Мюллером. Сомнений, на ее взгляд, быть не могло – это Дурново. 1 сентября 1906 г. «она попросила накрыть для себя отдельный столик поблизости от Мюллера. Во время обеда она встала из-за своего стола, подошла вплотную к Мюллеру и сделала в него несколько выстрелов из браунинга»⁴².

Арестовавшим ее Леонтьева заявила, что она русская, эмиссар революционного комитета с заданием отомстить министру Дурново. Открылось чудовищное недоразумение. Шарль Мюллер, рантье из Парижа, в течение долгих лет приезжал каждое лето в Интерлакен для лечения и имел несчастье не только походить лицом на приговоренного революционерами к смерти, но к тому же носить то самое имя, которым обычно пользовался русский министр внутренних дел в своих зарубежных поездках⁴³. П. Н. Дурново действительно жил под именем Мюллера в этом отеле в течение десяти дней и уехал лишь незадолго до покушения.

После того как Татьяна Леонтьева убила пожилого мужчину в своем фанатичном революционном экстазе, ошибочно приняв его за министра внутренних дел Дурново, кадеты сообщили в своей ежедневной газете «Речь», что она выразила сожаление по этому поводу, но добавила, что в эти трудные времена не так уж важно, больше или меньше на свете одним человеком⁴⁴.

В марте 1907 г. Леонтьеву судили в Туне швейцарским судом, приговорили к 4 годам одиночного заточения с обязательным трудом и абсолютным молчанием.

Проливает свет на дальнейшую судьбу Татьяны Леонтьевой литератор и публицист Михаил Шишкин, написавший литературно-историческое исследование «Русская Швейцария». По его данным, Леонтьеву отправляют сначала в тюрьму Ленцбург, но там она плохо влияет на заключенных, призывая их не повиноваться распоряжению

дня. Ее переводят в тюрьму Св. Йоханнсена в бернском Зееланде, там русская революционерка снова выступает зачинщицей беспорядков. В конце концов ее опять отправляют в психиатрическую лечебницу в Мюнсинген. В 1910 г. закончился срок ее заключения, но родители решили оставить дочь в больнице. Отрезанная от мира, она проводит в четырех стенах год за годом. Мимо нее проходит мировая история – война, революция, Гражданская война. Татьяна Леонтьева умирает 16 марта 1922 г., тридцати девяти лет – от туберкулеза. Ее отец, оставшийся в Швейцарии после октябрьского переворота, переживет дочь и будет получать как беженец пособие от швейцарского Красного Креста. Через тридцать лет после погребения, в 1952 г., согласно швейцарским законам, могила Леонтьевой была уничтожена⁴⁵.

Образ Татьяны Леонтьевой очень символичен и характеризует специфику женского террора и трагедию женщин-террористок. Фанатичная преданность, безрассудное желание самопожертвования, романтизированный образ борьбы за высшую правду на деле оказывались тяжким испытанием и выливались в ужас и смерть. Б. В. Савинков видел в Леонтьевой эту жертвенную обреченность: «Она участвовала в терроре с тем чувством, которое жило в Сазонове, – с радостным сознанием большой и светлой жертвы. Я убежден, что если бы ее судьба сложилась иначе, из нее выработалась бы одна из тех редких женщин, имена которых остаются в истории, как символ активной женственной силы»⁴⁶. А. В. Герасимов, вспоминая дело Татьяны Леонтьевой, заключил: «В первый, но не в последний раз мне пришлось увидеть рожденную для счастья молодую жизнь, обреченную на вечную муку из-за причастности к революции»⁴⁷.

Примечания

- 1 См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000 ; Гейфман А. Революционный террор в России. М., 1997.
- 2 См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000 ; Варфоломеев Ю. В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 1.
- 4 Там же.
- 5 См.: Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 183.
- 6 Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. М., 1918. С. 189.
- 7 Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2013. С. 108.
- 8 Там же.

- ⁹ Ивановская П. С. В боевой организации // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 130.
- ¹⁰ Там же. С. 133.
- ¹¹ См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 102.
- ¹² См.: Ивановская П. С. Указ. соч. С. 134.
- ¹³ Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 120.
- ¹⁴ См.: Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 150.
- ¹⁵ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁶ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991. С. 122.
- ¹⁷ Городницкий Р. А. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁸ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁹ См.: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 190.
- ²⁰ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 76.
- ²¹ Там же.
- ²² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 123.
- ²³ Там же. С. 129.
- ²⁴ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ²⁵ Гейфман А. Указ. соч. С. 79.
- ²⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 86.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 7.
- ²⁸ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 151.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 129.
- ³³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 21.
- ³⁵ Там же. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Л. 71.
- ³⁷ Там же. Л. 77.
- ³⁸ Там же. Л. 78.
- ³⁹ Ивановская П. С. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁰ Там же. С. 173.
- ⁴¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 123.
- ⁴² Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Гейфман А. Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁵ См.: Шишкин М. П. Русская Швейцария. М., 2011. С. 379.
- ⁴⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁷ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.

УДК 94(420+47+57)

ИРАНСКИЙ ФАКТОР АНГЛО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ ПОСЛЕ НАЦИСТСКОГО НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (июнь–июль 1941 г.)

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье обосновывается предположение, что именно совпадение позиций по ситуации в Иране предопределило относительно быстрое преодоление взаимного недоверия между СССР и Великобританией после нацистского нападения на Советский Союз и заключение соглашения о совместных действиях в войне против Германии.

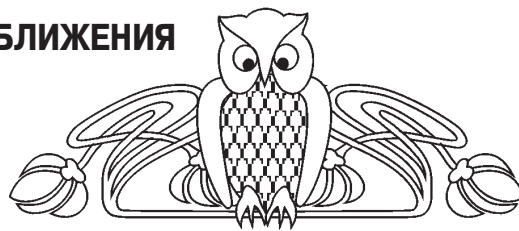
Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Турция, Сталин, Черчилль, Реза-шах, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The Iranian Factor of Anglo-Soviet Conciliation after Nazi Aggression against the Soviet Union (June – July, 1941)

Y. G. Golub

The hypothesis is justified in the article that identity of positions on situation in Iran after Nazi aggression against USSR have predetermined rather rapid overcoming of mutual distrust between USSR and Great Britain and conclusion of an agreement on joint actions in the war against Germany.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Turkey, Stalin, Churchill, Rezā Shāh, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

Дипломатическая история знает немало примеров удивительных договоренностей, неожиданных соглашений, вынужденных компромиссов, парадоксальных альянсов. К их числу, наверное, можно отнести и Договор между СССР, Великобританией и Ираном, подписанный в Тегеране 29 января 1942 года¹.

Отнести по той простой причине, что еще за несколько месяцев до этого события стороны занимали международные позиции, вряд ли предвещавшие формирование подобного геополитического треугольника. Если Советский Союз в начале лета 1941 г. сохранял приверженность договоренностям с Берлином, стремясь отсрочить неминуемую войну, то Британская империя уже вела вооруженную борьбу с нацистской Германией. Иран же с началом глобальной схватки заявил о своем нейтралитете и декларировал стремление защищать его силой оружия, хотя всем были очевидны его политические предпочтения.

Нацистский бросок на Советский Союз существенным образом изменил состав противо-

борствовавших во Второй мировой войне сил. Решившись начать крупномасштабную операцию на Востоке, Берлин вольно или невольно создал объективную основу для объединения усилий своих мощных противников – Великобритании и СССР, отношения между которыми к этому моменту были весьма непростыми. Но отнюдь не враждебными. Довольно распространенная точка зрения, что после заключения советско-германских договоров отношения между Москвой и Лондоном оставались все время таковыми (враждебными), вряд ли правомерна². Непредвзятая оценка этих отношений и двусторонних контактов свидетельствует, что Британия в этот период стремилась «навести мосты»³, а СССР не сжигать их. В Лондоне переговоры в основном велись между советским послом И. М. Майским и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. Батлером, в них также участвовали министры иностранных дел Э. Галифакс, позднее сменивший его А. Иден, а в Москве – британский посол С. Криппс.

Как известно, дипломатическая деятельность по природе своей неспешна, обременена различными условностями, необходимостью соблюдения протокольных формальностей. Нужны события экстраординарного свойства, чтобы придать ей динамизм и максимально интенсифицировать весь арсенал внешнеполитических ведомств. Именно это и произошло 22 июня 1941 года. После нацистского удара по Советскому Союзу не частый и не очень эффективный политический зондаж сменился интенсивной дипломатической активностью, как в Москве, так и в Лондоне. Еще до официального советского сообщения о вероломном нападении Германии на СССР и в других мировых столицах дипломатические службы, несмотря на воскресное утро, пришли в необычайное возбуждение, стремясь по своим каналам получить достоверное подтверждение случившегося.

Уже в 8.30 по Гринвичу в советское посольство в Лондоне позвонил секретарь министра иностранных дел А. Идена и пригласил посла И. М. Майского на встречу к министру. Однако за несколько минут до того, как Майскому надо было ехать в Форин Офис, он узнал из сообщения московского радио о предстоящем выступлении заместителя председателя Совнаркома и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Посол попросил отсрочить назначенную встречу на полчаса с тем, чтобы прослушать анонсированную речь. В полдень Майский был у Идена. Беседа началась с расспросов британского министра о содержании речи своего советского коллеги. Выслушав посла, Иден, в свою очередь, сказал, что уже утром беседовал с главой кабинета Черчиллем и на основании этой беседы считает нужным заявить, что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в какой мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не

только не ослабеют, но, наоборот, усилятся. Далее он подчеркнул, что британское правительство готово оказать содействие СССР во всем, в чем оно может, и просил лишь указать, что именно нужно. По понятным причинам посол не мог в тот момент ответить, но обещал снести с советским правительством и после этого проинформировать министра⁴. В целом же беседа подтвердила главное: готовность Британии не ослаблять своих усилий в борьбе с Германией. Это было особенно важно, поскольку в Кремле не исключали возможности заключения мира между этими странами, учитывая завесу секретности, которая окутала неожиданный майский перелет заместителя Гитлера по нацистской партии Гесса в Англию.

Практически одновременно и даже чуть раньше, чем в Лондоне, дипломатические контакты имели место и в Москве. Правда, на более низком уровне. Дело в том, что британский посол в СССР С. Криппс в начале июня выехал в Лондон для консультаций со своим правительством⁵. Заменявший посла, временный поверенный в делах Великобритании в СССР Г. Баггалеи еще до официального советского сообщения о нападении Германии по своей инициативе, не получив инструкций своего правительства, попросил о встрече первого заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского. Встреча состоялась в 12 часов дня в здании наркомата на Кузнецком мосту. Британский дипломат, сославшись на сообщения лондонского радио, попросил Вышинского проинформировать его о ходе событий. Услышав подтверждение случившегося, Баггалеи заявил, что можно было бы установить сотрудничество в известной мере до получения указаний из Лондона и сослался при этом на содержание беседы министра иностранных дел Великобритании А. Идена с советским послом И. М. Майским 13 июня 1941 года. Вышинский пообещал проинформировать о встрече свое руководство⁶.

Уже эти первые советско-английские дипломатические контакты в существенно изменившейся политической реальности после начала нацистской агрессии против Советского Союза примечательны и своей оперативностью, и позитивной направленностью.

В контексте данной статьи будет уместно упомянуть и то, что на следующий день после нападения на СССР, 23 июня, в Тегеране посольство СССР посетил британский военный аташе Ундервуд. Причина визита была очевидна: появление нового фронта идущей мировой войны. Полковник начал беседу с советскими дипломатами с констатации того, что иранское правительство станет более смелым в отношении СССР, так как Советский Союз, приняв вызов Германии, ослабит свою мощь и, по мнению иранцев, будучи отвлечен тяжелой борьбой с Германией, не сможет в случае необходимости

влиять на политику Ирана. Не скрывая оптимизма относительно перспектив войны с Германией после вступления в войну СССР, Ундервуд предположил, что в ближайшее время Англия и СССР должны стать на путь полного сотрудничества в военных действиях против Германии. Коснулся он и присутствия немцев в Иране, отметив, что в последнее время они весьма сильно стали влиять на иранское правительство⁷. Это фактически стало первым обозначением проблемы, давно волновавшей британцев⁸, перед советской стороной. Проблемы, которой вскоре предстояло стать центральной в отношениях между будущими союзниками и Ираном.

Между тем в Тегеране, учитывая тесные отношения Ирана с Германией, сразу же осознали неизбежное появление сложностей в отношении с северным соседом, оказавшимся жертвой германской агрессии. Как уже отмечалось, с началом Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 г. заявил о своем нейтралитете. Однако после нападения Германии на Советский Союз его соблюдение становилось непростой задачей, поскольку для иранских властей было очевидно, что приближается момент истины, что обе воюющие стороны усилят давление на Иран, стремясь заручиться его благожелательностью и даже активной поддержкой. Шаху и его министрам нужно было сориентироваться, чтобы избежать опрометчивых шагов, а для начала, чтобы выиграть хоть немного времени, заверить воюющие стороны в своем неизменном дружелюбии и попытаться получить немецкие, в том числе военные грузы, находившиеся транзитом на советской территории.

Утром 22 июня, за три часа до выступления В. М. Молотова, официально сообщив о нападении Германии на Советский Союз, в отсутствие посла⁹ советник посольства СССР в Иране М. В. Николаев был приглашен заместителем министра Д. Амери в иранский МИД для подтверждения получаемых об этом радиосообщениях из Берлина и Лондона. Заменявший посла дипломат информировал собеседника, что московское радио не передавало подобных новостей. Амери, в свою очередь, отметил, что если эти сообщения соответствуют действительности, то он выражает Советскому Союзу свое сожаление по поводу того, что тот стал жертвой нападения, заверяет в дружественных чувствах Ирана к СССР и высказывает ему свое сочувствие как государству, с которым Иран уже много лет находится в добрососедских отношениях. Эта фраза заместителя министра вряд ли была личным экспромтом. В своем отчете в Москву о состоявшейся встрече Николаев отметил, что во время беседы Амери выходил в соседнюю комнату, в которой, по его предположениям, «находился или шах, или Председатель Совета Министров Мансур, а может быть весь Совет Министров». Дипломат не сомневался в том, что Амери вы-

ходил в другую комнату для консультации с кем-нибудь из упомянутых лиц. В конце аудиенции Амери (не без соответствующей санкции?) заявил, что иранское правительство надеется, что немецкие грузы, застрявшие на территории СССР, будут в скором времени доставлены в каспийский порт Пехлеви¹⁰. Именно в этом, судя по всему, и состоял истинный смысл скоропалительного приглашения советского представителя. Что касается заверений заместителя министра в дружеских чувствах Ирана к СССР и сожалении о случившемся, то искренность этих слов может быть поставлена под сомнение. Так, спустя три дня весьма информированный о настроениях в иранской властной верхушке британский посол Р. Буллерд сообщил в Лондон: «В общем и целом иранцы довольны тем, что Германия напала на ... их старого врага в лице России»¹¹. Причем это касалось не только реакции правительственных кругов, но и настроений значительной части иранского общества. По мере того как немецкие армии добивались все новых успехов на восточном фронте, толпы горожан собирались на одной из центральных площадей Тегерана (Sepah) и восторженно аплодировали каждый раз, когда по громкоговорителю объявляли о взятии немцами очередных советских городов¹².

Несмотря на подобные настроения, Тегеран, тем не менее, предпочел вновь подтвердить свой нейтральный статус. 26 июня иранское посольство в Москве соответствующей нотой информировало об этом советское правительство¹³. Это решение далось иранским властям явно непросто. Даже после подтверждения нейтралитета вопрос о выступлении против СССР продолжал дебатироваться в правительственных кругах, пока в конце июня 1941 г. на заседании высшего военного совета из 40 голосовавших 24 высказались за нейтралитет, а 16 – за вступление в войну на стороне Германии¹⁴.

Москва в подтверждение Тегераном нейтралитета восприняла как шаг, нуждающийся в практическом подкреплении. 26 июня внимание иранского правительства было обращено на опасность, которую представляет собой подрывная и шпионско-диверсионная деятельность в Иране германских агентов. Тогда же шаху Ирана было сообщено, что в распоряжении советского правительства имеются серьезные сведения о готовящемся немцами в Иране государственном перевороте¹⁵.

Советский демарш не был безосновательным. Москве было известно, что гитлеровцы последовательно закреплялись в этой стране, видя в Иране и стратегический плацдарм для действий против СССР и Британской империи, и источник сырья, прежде всего нефти. С другой стороны, стремительный рост могущества Третьего рейха, его экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения

в высшем командном составе армии¹⁶. Однако Берлин, по всей вероятности, в решающий момент военного противостояния уже не устраивал недостаточно прогибавшийся перед ним старый шах. Как утверждают некоторые авторы, в июле-августе 1940 г., а затем в августе 1941 г. профашистские силы собирались осуществить в Иране государственный переворот. Не случайно летом 1941 г. руководитель абвера адмирал В. Канарис посетил эту страну¹⁷.

В этом контексте примечательно и другое обстоятельство, знакомство с которым придаст советско-британским опасениям по поводу растущего немецкого проникновения в Иран еще большую обоснованность. Дело в том, что, готовясь к нападению на Советский Союз, руководители Третьего рейха усилили свое внимание к позиции Турции, не только контролировавшей проливы и вообще занимавшей важное стратегическое положение на стыке Европы и Ближнего Востока, но и имевшей границу с Советским Союзом в Закавказье. Между тем Турция имела союзный договор с Англией и Францией, нейтрализовать который и вознамерился Берлин. Появление в марте 1941 г. частей вермахта в Болгарии стало весомым аргументом в начавшихся весной того же года германо-турецких переговорах о заключении договора о дружбе и ненападении. Как свидетельствует дипломатическая переписка немецкого МИДа с германским послом в Анкаре Ф. фон Папеным, Берлин не просто подталкивал Турцию, несмотря на ее союзнические отношения с Великобританией, к такому договору. Он стремился присовокупить к договору о дружбе и ненападении еще один секретный документ. 17 мая 1941 г. рейхсминистр иностранных дел И. фон Риббентроп в депеше послу Папену дал указание, в дополнение к подготовливавшемуся договору, заключить с Анкарой «секретный договор, который разрешит нам неограниченный провоз оружия и военных материалов через Турцию»¹⁸.

Следующие фразы документа еще более красноречивы, поэтому приводим их дословно: «При этом следовало бы установить в соответствующей форме, что Турция не будет возражать против того, чтобы эти военные материалы сопровождались во время провозки необходимым персоналом. *Практически это равнялось бы разрешению на провозку известного количества войск в замаскированной форме* (курсив мой. — Ю. Г.)», — конкретизировал Риббентроп¹⁹. Понимая всю значимость такого требования, министр был готов стимулировать Анкару «исправлением границы у Адрианополя» в ее пользу, а также «тем или иным островом в Эгейском море»²⁰. «Понятно, — писал он, — что здесь речь идет не только о небольших партиях военных материалов, вытекающих из обязательств по поставке оружия Ирану и т. д., но также о перевозках более значительных, причем определение их размеров

должно принадлежать нам. На этот счет не должно быть никаких неясностей»²¹. Текст жесткий, не оставляющий никаких двусмысленных толкований и, учитывая его секретный характер, откровенно отражавший внешнеполитические предпочтения Германии накануне нападения на СССР. Отсюда еще одна фраза: «Мы заинтересованы в том, чтобы как можно скорее закончить это дело»²².

Однако Анкара стала тянуть время, опасаясь, по-видимому, что принятие немецких предложений будет означать не только утрату части суверенитета, но и возможный пересмотр союзнических отношений с Великобританией. На это Турция в условиях тогдашней острой и неопределенной международной ситуации пойти оказалась не готова. В конечном итоге 18 июня 1941 г. в Анкаре был подписан только Договор о дружбе и ненападении с Германией. Правового же закрепления в секретном договоре своих претензий на транзитную «вседозволенность» Берлину получить не удалось. Все это стало известно уже после завершения мировой войны, когда германские внешнеполитические архивы оказались в руках победителей. А ведь после нападения Германии на Советский Союз и серьезных первоначальных успехов вермахта на восточном фронте Анкара могла быстро и передумать...

Вернемся, однако, к последним июньским дням 1941 года. Дипломатическая активность в столицах воюющих государств продолжала набирать обороты. Правда, позиции Великобритании и СССР сближались непросто. Публичные, эмоционально окрашенные политические декларации Лондона, начиная с радиовыступления премьера У. Черчилля 22 июня 1941 г. о готовности поддержать Советский Союз, сочетались с весьма прагматичной и выжидательной линией британской дипломатии в процессе налаживания практического взаимодействия. Лондон всячески стремился уклониться от обязательств активизировать свои военные усилия в борьбе с Германией на европейском театре военных действий, полагая, что наибольшую отдачу от использования имевшихся сил и средств можно получить на Среднем Востоке²³.

27 июня в Москву вернулся британский посол С. Криппс, которого вступление в войну СССР застало в Лондоне²⁴. Вместе с ним прибыли члены английской военной и экономической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри²⁵. Появление в советской столице британских представителей более высокого ранга позволило придать дипломатическим контактам сторон адекватный уровень не только в Лондоне, но и в Москве.

Сразу же в день приезда состоялись две встречи С. Криппса с народным комиссаром

иностранных дел СССР В. М. Молотовым. Собеседники уже имели опыт личного общения: после прибытия С. Криппса в 1940 г. в Москву в качестве британского посла В. М. Молотов несколько раз принимал дипломата²⁶. В начале первой встречи 27 июня 1941 г., носившей протоколно-торжественный характер, посол представил всех приехавших с ним членов военной и экономической миссий. Выступая, Криппс выразил сочувствие подвергшемуся нападению СССР и в самых общих словах заявил о возможной помощи со стороны Великобритании. После завершения церемонии посол имел конфиденциальный разговор с Молотовым. Собеседники коснулись в основном двух тем: работы прибывших миссий и перелета Гесса в Британию в мае 1941 года. Обстоятельства этого особенно волновали советского наркома²⁷.

Вечером В. М. Молотов вновь принял С. Криппса. Он сообщил послу, что доложил И. В. Сталину о предложении помощи, высказанном послом на их предыдущей встрече, и подчеркнул, что теперь, когда речь идет о контакте по военной линии и об оживлении англо-советских военных и экономических переговоров, возникает вопрос о том, в каких масштабах страны будут помогать друг другу; будет ли вопрос о помощи разрешаться в узкой или более широкой форме. Перейдя затем к общеполитическим вопросам, нарком заметил, что А. Иден в беседе с И. М. Майским указывал на желательность общей политической линии обоих правительств в отношении Ирана, Ирака, Афганистана и, кажется, Турции. Обе стороны имеют одного врага, продолжил Молотов, и у них есть общие вопросы и общие интересы. Поэтому необходимо обусловить взаимную помощь каким-то соглашением на определенной политической базе, на которой было бы возможно осуществить военное и политическое сближение между обеими странами.

Посол Криппс, в свою очередь, заявил, что он согласен с тем, что правительства должны следовать общей политической линии в отношении Ирана, Ирака и Афганистана, а также добавил, что в настоящий момент целью как Англии, так и СССР является предотвращение проникновения Германии или кого-либо из ее партнеров в страны Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, и особенно это важно в отношении Ирана. Молотов согласился с последним замечанием Криппса и заявил, что данный вопрос является актуальным²⁸. Столь подробный пересказ тематики первых бесед британского представителя с влиятельным советским наркомом отнюдь не случаен. При всем немалом диапазоне важнейших задач устанавливаемого сотрудничества проблема германского проникновения в Иран была обозначена в числе первоочередных целей сторон. Отметим, что с момента нападения на Советский Союз прошло менее недели.

На следующий день, 28 июня, С. Криппс посетил наркома внешней торговли А. И. Микояна. Учитывая круг обязанностей последнего, в центре беседы оказались вопросы наращивания импорта товаров в Советский Союз, в том числе и в виде помощи. Касаясь маршрутов их транспортировки, британский посол заявил, что желательно максимально использовать Транс-иранскую железную дорогу, а также шоссейные дороги Ирана. Микоян в тот момент полагал иначе. Он высказал мнение, что лучше было бы восстановить самый короткий довоенный путь Мурманск – Лондон, что было связано с вытеснением немцев из Норвегии. Ответ Криппса не оставлял сомнений в предпочтениях англичан. Он сказал, что в Адмиралтействе пока не видят такой возможности²⁹.

Аргументы Лондона были с пониманием восприняты советской стороной. Уже 29 июня вопрос использования иранских коммуникаций, инициированный англичанами, получил развитие в беседе В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. Советский нарком, рассматривая возможность поставок американских материалов и оборудования в Советский Союз, отметил, что существует путь через Персидский залив и Иран, «путь, который работает круглый год»³⁰. Таким образом, внимание к Ирану со стороны выстраивающих союзные отношения держав, помимо их общей первоначальной озабоченности немецким присутствием в этой стране, дополнилось их согласием в приоритетности южного транспортного коридора.

30 июня, в разгар смятения, воцарившегося среди высших иранских сановников, и их озабоченности неопределенностью относительно ближайших перспектив³¹, в Тегеран, наконец, прибыл посол СССР А. А. Смирнов. Уже через два часа после приезда в иранскую столицу он попросил аудиенцию у премьер-министра А. Мансура. Довольно позднее время, а главное выход за рамки дипломатического протокола, когда вновь прибывший посол еще до визита в МИД и до вручения верительных грамот просит о приеме главу правительства, вызвали у иранцев замешательство. Однако спустя некоторое время согласие премьера все же было получено. Трудно сказать, чем вызывалась такая стремительность действий посла и насколько его действия были согласованы с Москвой. Но, судя по затронутым советским дипломатом в беседе вопросам, у него было соответствующее поручение.

Согласно отчету посла Мансур принял его «очень любезно». После взаимного обмена приветствиями Смирнов проинформировал собеседника о том, что в СССР с большим удовлетворением было воспринято заявление иранского правительства о сохранении полного нейтралитета. Затем он изложил заявление советского правительства о расширении товарооборота с Ираном и о транзите через Иран советских грузов. Мансур

ответил, что иранское правительство уделит особое внимание вопросу расширения товарооборота с СССР. Он поблагодарил также Москву за готовность доставить в Иран транзитные грузы, в том числе и вооружения, находившиеся в СССР. Последнее вряд ли было случайным. Выразив готовность к пропуску через свою территорию вооружений, советская сторона вынуждала тем самым иранские власти подкрепить их повосточному витиеватыми уверениями в дружеских чувствах ответными практическими действиями. Однако это не сработало. Хотя Мансур подтвердил, что иранское правительство, в свою очередь, согласно оказать всяческое содействие транзиту через Иран советских грузов, при этом он сделал оговорку, что в числе этих грузов не будут находиться такие, которые могли бы нарушить нейтралитет Ирана. На уточняющий вопрос посла Мансур ответил: «Все что хотите, кроме оружия». Завершая разговор о транзите, он не удержался и вновь заметил: «За исключением оружия»³².

Строго говоря, нейтральный статус не предполагал подобных самоограничений. Однако уклоняясь от транзита вооружений в СССР, иранские власти явно перестраховывались, опасаясь негативной реакции Берлина. Но поскольку для экономики воюющей страны, какой был СССР, необходим был самый широкий перечень товаров и сырья, само согласие Тегерана на невоенный транзит в Советский Союз было, безусловно, позитивным шагом.

Довольно скоро тема получила продолжение. Как и обещал А. Мансур спустя несколько дней, утром 5 июля, в Голестанском дворце состоялась церемония вручения верительных грамот послом Смирновым Реза-шаху. После ее завершения шах и посол стоя побеседовали около получаса, причем порой шах переходил на русский язык. В начале беседы Реза-шах, отдавая дань дипломатической вежливости, заявил послу, что тот может рассчитывать на его полное содействие в своей деятельности. В свою очередь, А. А. Смирнов, пользуясь возможностью общения с главой государства, повторил уже сказанное ранее премьеру Мансору относительно готовности советского правительства расширить товарооборот между странами и обозначил проблему обеспечения транзита в СССР через Иран. Собственно последняя и являлась ключевой, поскольку стороны, каждая по-своему, были озабочены ее практической реализацией. Касаясь транзита, шах ответил, что он желает одного, чтобы в числе грузов не было таких, которые могли бы подвергнуть опасности нейтралитет Ирана, то есть подтвердил позицию, уже изложенную послу премьером. Не ожидая собственно ничего иного, Смирнов ответил в том же ключе, что и Мансору: советское правительство никоим образом не намерено подвергать опасности нейтралитет Ирана. Очередное подтверждение позиции Москвы шаха

не могло не устроить. В таком случае, заявил он, можете рассчитывать на полное содействие³³.

Таким образом, менее чем за неделю советский представитель смог не только обозначить ставшую особенно актуальной проблему поставок через Иран, но и заручиться гарантиями на этот счет первых лиц иранского государства. Примечательно при этом, что посол Смирнов ни в беседе с главой правительства Мансуром, ни на встрече с Реза-шахом ни разу не коснулся немецкого присутствия в Иране. Вряд ли это было его упущением. Скорее всего, чтобы не обострять отношений при первом знакомстве, было решено сначала согласовать возможность поставок в СССР грузов через эту соседнюю страну, обеспечив самый безопасный маршрут. Понятно, что его значимость существенно снижалась из-за отказа пропуска оружия. И решение тем или иным образом проблемы военного транзита оставалось важнейшей и непростой задачей советской дипломатии.

Поскольку, отказывая в военном транзите ссылками на свой нейтральный статус, Тегеран был дипломатически неуязвим, Москве и Лондону в еще большей степени пришлось акцентировать внимание на значительном, по их мнению, немецком присутствии в Иране, что воспринималось ими как несоответствие заявленному нейтралитету. И такая советско-британская позиция имела под собой весомое основание. Немецкая колония была не только многочисленна, ее представители обладали серьезным влиянием и в госаппарате, и в армейской верхушке, и в экономической сфере³⁴. Поэтому и британские и советские дипломаты стали не упускать возможности обозначать перед иранскими властями эту проблему, раз за разом подчеркивая свою растущую озабоченность и вынуждая Тегеран оправдываться и маневрировать.

Так, уже 9 июля во время беседы с премьером А. Мансуром посол А. А. Смирнов, несколькими днями ранее получивший отказ Реза-шаха по поводу транспортировки военных грузов, поинтересовался: предприняло ли иранское правительство что-либо в отношении немцев, «список которых был ему передан советником Николаевым»? Премьер ответил, что по этому вопросу ведётся следствие и, если будет установлена их виновность, данные лица будут наказаны. Он заметил также, что немцы в Иране до сих пор действовали так, что их нельзя было ни в чём обвинить, но «иранское правительство строго предупредило их о недопустимости каких-либо акций, направленных против иранских законов, и взяло под наблюдение всех лиц, упомянутых в списке, переданном Николаевым»³⁵.

Думается, что после этого разговора у иранских официальных лиц не осталось сомнений, что «проблема немцев» станет той болевой точкой, прикосновение к которой будет делать их отношения с СССР и Великобританией все

более напряженными. Ведь, как уже отмечалось, именно иранский маршрут военной помощи Советскому Союзу, наряду с немецким влиянием в этой стране, становился все более значимым мотивом в растущем сближении Москвы и Лондона. Это в полной мере подтвердила состоявшаяся днем ранее беседа председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с британским послом С. Криппсом.

В связи с этим нельзя не отметить, что Сталин принимал послов крайне редко. Его предыдущая встреча с Криппсом состоялась за год до этого, 1 июля 1940 г., сразу же после прибытия последнего в качестве посла в СССР³⁶. Хотя официальным поводом для новой встречи стала передача послания У. Черчилля³⁷ главе советского правительства, личное подключение Сталина к дипломатическому процессу имело серьезные основания. И, забегаая вперед, можно сказать, сыграло определяющую роль в оформлении советско-английских союзнических отношений.

В ходе весьма продолжительной беседы, особенно учитывая разный статус собеседников, было затронуто фактически два вопроса. Дав по просьбе Криппса текущую оценку положению на советско-германском фронте и оценив ее как напряженную, Сталин перешел к главному: к возможному соглашению между СССР и Великобританией. Именно в этом вопросе сошлись в непримиримом споре искусственность государственного деятеля и мастерство политика, ставшего дипломатом. Сталин сразу же обострил диалог. Он отметил, что «у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством». И продолжил: «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением»³⁸.

Криппс явно не ожидал такой прямой и жесткой оценки. Он пугнулся в пространное объяснение британской позиции. «Мы, – заявил Криппс, – не хотим заключать соглашения до тех пор, пока не пройдем вместе имеющий место в настоящий момент период экономического и военного сотрудничества. История последних лет делает нежелательным стремительное, непродуманное, скоро испеченное соглашение»³⁴.

Чем больше он говорил, тем ему самому, как представляется, становилась очевидной неубедительность собственной аргументации. Сталин, не удержавшись, выразил удивление по поводу заявления Криппса о каком-то будто бы торопливом и стремительном соглашении. «Как Англия, так и Советский Союз находятся в войне против Германии, а эти факты обойти нельзя. Сотрудничество же, о котором говорит Криппс, немислимо без соглашения», – отрезал Сталин. Посол попробовал смягчить возникшую остроту. Он высказался в том смысле, что, «возможно, существует неясность в трактовке самого

слова «соглашение». Сталин сразу же разъяснил Криппсу, как он понимает значение этого слова. И добавил: «Советское правительство не ставит вопроса об установлении сфер влияния. Советское правительство также не думает на данной стадии заключить соглашение относительно того, какая сторона и сколько выставит вооруженных сил против Германии. Сейчас стоят более элементарные вопросы – не создавать иллюзии, что Англия изолируется от СССР, а СССР от Англии, и заключить пакт взаимопомощи. В то время как у Гитлера имеется коалиция, в отношениях между Англией и СССР создается впечатление изолированности. Коалиции нужно противопоставить коалицию, а не изоляцию»³⁹.

Исчерпав все свои доводы, Криппс предположил, что, возможно, в беседе с Молотовым имело место недоразумение. Сталин намек понял и дал шанс собеседнику, допустив, что, возможно, посол не понял Молотова или, может быть, Молотов не вполне ясно выразился на счет позиции советского правительства. Почувствовав некую разрядку, Криппс попытался вернуть утраченные в разговоре позиции и заявил, что, «как он понял Сталина, необходимо иметь соглашение или обмен нотами по вопросу об оказании обеими странами друг другу помощи и об обязательстве не заключать с Германией сепаратного мира». Сталин ответил, что посол понял его в основном правильно.

Криппс позволил себе расслабиться. Он подумал, что обыграл советского лидера, отстояв свою позицию. Именно так можно воспринять его фразу о готовности «проинформировать свое правительство... что, по его мнению, лучшим способом заключения соглашения будет обмен нотами». То есть он за соглашение, но соглашение как такого не будет, будет обмен нотами. Англичанин, наверное, решил во всей красе продемонстрировать изощренность своего адвокатского прошлого. Он еще плохо знал Сталина и недооценил его мастерство полемиста.

Чуть отступив, «ослабив хватку», Сталин, подводя итоги обсуждения этого вопроса, вновь подтвердил свою исходную позицию. Как само собой разумеющееся, он отметил, что способ заключения соглашения «является вопросом частным, однако, по его мнению, было бы лучше сделать так, как это делается обычно при заключении пакта о взаимопомощи, а именно подписать соглашение». «Если же такой пакт для Англии неудобен и нецелесообразен, то это надо сказать ясно и прямо. Что касается меня, то я думаю, что настоящая обстановка требует заключения такого пакта, а обмен нотами даст очень мало», – загнал собеседника в угол председатель Совнаркома. Криппс был вынужден заверить Сталина в том, что «он всегда хотел заключения подобного пакта между Англией и СССР». И попытался сохранить свое реноме, полностью отказавшись от прежней аргументации и сослав-

шись теперь «на некие группировки в Англии и США, которые еще нужно убедить в необходимости сотрудничества между СССР и Англией». Поэтому, по мнению посла, «заклучение соглашения, возможно, окажется преждевременным». Однако и этот довод не поколебал Сталина, который заметил, что «будет еще более опасно опоздать с заключением подобного соглашения». Криппс понял, что исчерпал свои аргументы и что дальнейшая пикировка с главой советского правительства может создать о нем негативное впечатление у собеседника. Ему не осталось ничего другого как выразить надежду, что ему удастся уговорить свое правительство заключить предлагаемый Сталиным пакт. «Однако это потребует времени», – не смог сдержать себя англичанин. И следующей пафосной фразой попытался исправить оплошность: «В настоящий же момент каждый день сотрудничества приближает день заключения такого соглашения». Сталин не стал скрывать раздражения, откровенно заметив, что «не видит какого-либо сотрудничества между обеими странами. Пока это только разговоры о сотрудничестве».

В разговоре все явственнее стало ощущаться отчуждение. Пытаясь его преодолеть, Криппс заявил, что главной целью обеих сторон является соглашение против сепаратного мира. Сталин возразил, что главное не в этом. Главное в том, по его мнению, «чтобы создать ясность в вопросе о взаимоотношениях между Англией и СССР. Обстановка требует заключения соглашения о взаимной военной помощи между нашими странами... Готово ли к этому английское правительство? В этом суть вопроса». Посол, заверив советского руководителя в том, что он сделает все от него зависящее, перевел разговор в практическую плоскость. Он поинтересовался, где будет лучше, по мнению Сталина, вести переговоры, в Москве или в Лондоне. Сталин предпочел Москву⁴⁰.

Дипломатическая пикировка завершилась. Важный шаг к возможному началу переговоров о заключении рамочного соглашения о союзе в войне СССР и Великобритании был сделан. Роль Сталина в таком исходе встречи с британским послом, думается, очевидна. Но согласие Криппса на начало переговорного процесса отнюдь не означало предопределенности именно такого развития событий. Конечно, от позиции посла и его рекомендаций своему руководству зависело многое. Однако окончательное слово, быть переговорам или нет, оставалось за Дауниг-стрит. Вот почему Сталин счел необходимым продолжить встречу и сделал блестящий дипломатический ход. Зная об особой заинтересованности англичан в сохранении своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, советский руководитель поднял тему, которая не только не могла не заинтересовать Лондон, но и должна была стимулировать британский кабинет на скорейшее юридическое

оформление отношений между СССР и Великобританией.

Неожиданно для Криппса Сталин заговорил о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, которые, как он заявил, «будут вредить и Англии и СССР». Сталин поинтересовался точкой зрения посла относительно возможных мер, необходимых для их изгнания из этих стран «сейчас, так как потом это сделать будет трудно»⁴¹.

Криппс активно подхватил тему, ответив, что англичане уже делали иранцам представление в связи с пребыванием в стране немцев. По его мнению, «оба правительства должны сделать шаху или министру иностранных дел Ирана демарш с предложением удалить пятую колонну». Если советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому, продолжал Криппс, то он со своей стороны информирует Идена по тому же вопросу. И добавил, что имел беседу с афганским послом по вопросу о немцах. Тот сообщил ему, что, кроме немецкой миссии в Кабуле, в Афганистане немцев практически нет. Тем не менее Криппс предложил Сталину, чтобы Молотов сделал представление афганскому послу. Сам же Криппс обещал снестись с английским посланником в Кабуле и выяснить вопрос о немцах.

Сталин в связи с этим заметил, что читал донесение советского посла в Кабуле, в котором говорилось о разговоре посла не то посланником, не то военным аташе английской миссии о необходимости выбросить немцев из Афганистана. Считая высказывания представителя английской миссии, сказал Сталин, мнением английских кругов, он и решил обсудить на этой встрече вопрос о немцах. Криппс в ответ обещал снестись со своим правительством по вопросу о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане. Сталин отметил, что опасность существует как в Иране, так и в Афганистане, и что «советское правительство уделяет внимание этому вопросу, особенно в отношении Ирана, потому что оно опасается за нефтяные промыслы Баку»⁴².

В заключение беседы Сталин, опираясь на совпадение позиций Лондона и Москвы по поводу немецкого присутствия в Иране, посчитал уместным вернуться к главной теме разговора. Он заявил, что у него создается впечатление, что Англия в настоящий момент не может пойти на заключение пакта о взаимопомощи. Криппс посчитал недопустимым для себя на такой ноте завершить встречу с советским лидером. Это же, наверно, понимал и Сталин, подводя именно такой итог беседы. Не согласившись со сталинским выводом, посол был вынужден заявить, что «Черчилль стремится к тому, чтобы заключить подобный пакт». И стал весьма эмоционально объяснять британскую позицию. Выслушав, Сталин счел необходимым, тем не менее, выразить обеспокоенность: «Есть опасность опоздать с соглашением». Прощаясь со Сталиным, Криппс

обещал немедленно связаться со своим правительством по затронутым в беседе вопросам⁴³.

Таким образом, Сталин, как представляется, смог убедить собеседника в необходимости безотлагательного заключения советско-английского соглашения. Криппс действительно сразу же доложил об итогах переговоров в Лондон⁴⁴, где для их обсуждения было созвано специальное заседание военного кабинета. Ответ Черчилля не заставил себя ждать. В письме премьер заверял Сталина, что британская сторона всецело одобряет предложение о согласованной англо-советской декларации и считает, что ее подписание «должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности»⁴⁵.

Конфиденциальное послание британского премьера было вручено Сталину 10 июля 1941 г. на новой встрече посла Криппса и главы советского правительства. Криппс, огласив послание, вручил Сталину его русский текст. При этом он добавил, что в целях ускорения подписания соглашения он по личной инициативе набросал проект соглашения, которое, по его мнению, отражает точку зрения английского правительства, и ознакомил с ним собеседника. Прежде чем начать его обсуждение, Сталин поинтересовался у посла, почему бы не назвать предлагаемый проект документа соглашением? Криппс объяснил, что при составлении проекта ему пришлось руководствоваться посланием Черчилля. В нем премьер называет документ «согласованной декларацией». Приняв к сведению разъяснение Криппса, Сталин предложил конкретизировать первый пункт проекта. Криппс согласился, хотя и не увидел в этом большого смысла. Поскольку разговор плавно перетекал в обсуждение дипломатических формулировок, Сталин пригласил к участию в беседе Молотова. В итоге от части сталинской поправки решили отказаться. Криппс получил согласие Сталина отправить в Лондон проект соглашения как одобренного советским правительством. Обменявшись шутками, собеседники вернулись к обсуждению названия документа, по поводу которого вновь выявились разные подходы. Сталин поинтересовался у Криппса, как все же будет называться согласованный документ. «Это будет соглашение в форме декларации», – ответил посол. Сталина это не устроило, он полагал, что «договор» будет весомей. Возразив Сталину, что декларация меньше обязывает, чем соглашение, Криппс предложил назвать документ или «Согласованной декларацией», или «Декларированным соглашением». Сталин стоял на своем. «Пусть лучше пройдут месяцы, но пусть обе стороны выработают настоящий документ, определяющий их сотрудничество», – отбросив недавний шуточный тон, заявил Сталин. Криппс как мог пытался свести обе точки зрения, не отказываясь от первоначального названия. Он высказал идею назвать документ декларацией «о соглашениях о совместных действиях Правительства Его Величества и Правительства СССР». Идея не прошла. Криппс продолжал импровизировать. Его новая формулировка гласила: «Соглашение между Англией и СССР о совместных действиях против Германии» или «Соглашение относительно взаимопомощи и консультации между СССР и Англией»⁴⁶. Сталин и Молотов предпочли первый вариант, зафиксировав достигнутый компромисс. Им стал термин «соглашение», а не «декларация», на котором упорно настаивали англичане, но и не «договор», предлагавшийся советской стороной скорее как вариант для дипломатического торга. После споров о названии окончательное решение о тексте самого соглашения было достигнуто практически сразу. И Криппс заявил, что если «он получит согласие своего правительства на подписание в том виде, как оно сейчас выработано», то он будет просить Лондон уполномочить его подписать это соглашение.

В заключение беседы Молотов поинтересовался у Криппса, получен ли ответ из Лондона относительно предложений о принятии совместных мер в Иране и Афганистане. Из слов посла стало понятно, что ответа еще нет. И что Криппс рекомендовал Форин Офис снестись с Майским для обсуждения вопроса о возможности совместного демарша в Тегеране. Со своей стороны Криппс, пообещав проконсультироваться с английским посланником в Тегеране, высказал предположение, что, может быть, «*придется дипломатические меры поддержать военными*»⁴⁷ (курсив мой. – Ю. Г.).

Так впервые прозвучала мысль о применении силы в Иране. Сталин с ней согласился и, в свою очередь, решил усилить ее обоснованность. Он поделился с Криппсом своей обеспокоенностью судьбой Баку: согласно данным советской разведки, немцы обещали помочь иранцам захватить его нефтяные промыслы. Уже прощаясь, Сталин попросил и посла и через него самого Черчилля «поскорее разрешить вопрос с подписанием соглашения с тем, чтобы внести ясность как в самом СССР, так и во всей Европе»⁴⁸.

Подведем некоторые итоги. Как видим, в очень короткий промежуток времени с 8 по 10 июля руководитель Советского Союза, несмотря на колоссальную загруженность делами оборонявшейся страны, счел для себя важным провести две продолжительных (каждая больше часа) встречи с британским послом С. Криппсом⁴⁹. При том что в дипломатической практике прием иностранных послов, и то лишь влиятельных держав, прерогатива, как правило, руководителя внешнеполитического ведомства. И Молотов как нарком иностранных дел чуть ли не через день встречался с Криппсом. Что же заставило отступить от принятого формата? Вряд ли формальная процедура передачи личных посланий У. Черчилля. Ответ

кроется в характере вопросов, поставленных Сталиным для обсуждения с британским послом. Фактически при всем многообразии проблем советско-английских отношений в контексте войны с Германией Сталин не коснулся ни военных поставок, ни второго фронта, ни операций в Норвегии, ни других не менее важных тем. Обсуждали только два вопроса: юридическое оформление союзнических отношений и Иран с Афганистаном. Значимость первого вопроса очевидна. Но почему к этому весьма непростому вопросу, о чем свидетельствовал характер обсуждения, добавился Иран? Ведь иранская ситуация, если посмотреть записи бесед дипломатов, в предшествующие дни не обсуждалась сторонами.

Думается, прежде всего, из-за очевидной обоюдной заинтересованности сторон не допустить попадания этой страны под германский контроль, что смешало бы все стратегические расклады на Среднем Востоке. И, стало быть, в возможности относительно быстрого нахождения единого алгоритма действий. Это способствовало бы преодолению (или смягчению) взаимного недоверия между Москвой и Лондоном, создавало бы тем самым благоприятный фон для заключения рамочного документа о союзе СССР и Великобритании. Подтверждением этого вывода можно считать согласие Сталина на военные меры воздействия на Тегеран.

Что же касается советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, то Лондон действительно действовал максимально оперативно. Уже 12 июля 1941 г. в Москве соглашение было подписано. Оно содержало обязательство оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры⁵⁰. Документ знаменовал начало формирования антигитлеровской коалиции и стал крупной вехой в советско-британских отношениях в годы войны. Обсуждавшаяся в ходе выработки соглашения позиция по Ирану довольно быстро была сформулирована союзниками и в процессе реализации дала первый весомый результат военно-политического сотрудничества Великобритании и СССР в виде ввода союзных войск в эту страну в августе 1941 года⁵².

Примечания

- ¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 3 т. Т. 1. М., 1946. С. 217–223.
- ² Автор разделяет мнение, высказанное О. А. Ржешевским, о том, что оценка англо-советских отношений в весь период после заключения советско-германских договоров и до нападения Германии на СССР однозначно враждебными, требует уточнения. См.: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 12.
- ³ Например, 22 октября 1940 г. С. Криппс передал первому заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому предложение заключить между двумя странами секретное соглашение, согласно которому СССР должен был поддерживать «благожелательный нейтралитет» в отношении Ирана и других стран. (1941 год : в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 321). 25 февраля 1941 г. в ответ на инициативу С. Криппса о возможности встречи в Москве А. Идена с И. В. Сталиным для обсуждения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский сообщил британскому послу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов» (Документы внешней политики (далее – ДВП). 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). М., 1998. С. 419–420).
- ⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы : в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 45–47.
- ⁵ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 719.
- ⁶ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14–15. Отчет о беседе был сразу же направлен Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну.
- ⁷ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 755.
- ⁸ *Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986. P. 24.
- ⁹ Вновь назначенный советский посол в Иране А. А. Смирнов находился в Москве и не приступал еще к выполнению своих обязанностей в Тегеране. 8 мая 1941 г. перед назначением послом в Иран со А. А. Смирновым беседовал И. В. Сталин. (Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 269). 12 мая посольство Ирана в Москве уведомило НКВД о согласии иранского правительства на назначение А. А. Смирнова послом СССР в Иране. (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 175. П. 14. Л. 17.
- ¹⁰ ДВП. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (1). С. 754–755.
- ¹¹ *Bullard R., Hodgkin E. C.* Letters from Tehran: a British ambassador in World War II, Persia. I. B. Tauris, 1991. P. 60.
- ¹² *Arfa H.* Under five shahs. N.Y., 1965. P. 272.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 175. П. 14. Л. 40
- ¹⁴ Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. Т. 4. М., 1999. С. 327.
- ¹⁵ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 257–260.
- ¹⁶ См. подробнее: *Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране. М., 1969 ; *Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009 ; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010 ; Иран и вторая мировая война. М., 2011.
- ¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2. М., 2012. С. 866.
- ¹⁸ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946. С. 11–12.
- ¹⁹ Там же. С. 12

- ²⁰ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946. С. 12.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 13.
- ²³ См.: *Городецкий Г.* Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история, 1990. № 6. С. 61–78.
- ²⁴ The Foreign Office and the Kremlin. British documents on Anglo-Soviet relations, 1941–45. Cambridge University press, 1984. P. 15. Подробнее см.: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–42. Cambridge University press, 2002. P. 163.
- ²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 861.
- ²⁶ 14 июня, 27 июня, 7 июля, 24 августа и 4 октября 1940 года и в феврале 1941 г. – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3, П. 8. Д. 81. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (2). М., 1998. С. 48.
- ²⁹ Там же. С. 60–61.
- ³⁰ Там же. С. 61.
- ³¹ Дело в том, что в штабе британских войск на Ближнем Востоке в Каире был разработан чрезвычайный план противодействия возможному прорыву немецких войск на Кавказ или в Турцию. План предусматривал как оборону северного Ирака, так и вступление британских войск в северный Иран. Секретность штабных разработок сохранить не удалось. Практически сразу об этом стало известно египетскому королю Фаруку. И он, обеспокоенный судьбой своего родственника-шаха (сын и наследник которого был женат на его дочери) через посла в Тегеране в конце июня проинформировал Резу-шаха о деталях намечавшейся военной операции против Ирана. (*Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N.Y., 1988. P. 57).
- ³² АВП РФ. Ф. 094. Оп. 26. П. 331. Д. 5. Л. 299–300 ; ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 86–87
- ³³ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 116–117.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М., 2014. С. 148.
- ³⁵ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 128.
- ³⁶ Дипломатический вестник. 1993. № 21–22. С. 74–77.
- ³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (далее – Переписка Председателя Совета Министров СССР...) : в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 17.
- ³⁸ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 120.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 120–121.
- ⁴¹ Там же. С. 121–122.
- ⁴² Там же. С. 122–123.
- ⁴³ Там же. С. 123.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ С. Криппс не только доложил А. Идену о переговорах с советским руководством, но и посоветовал своему министру «побудить советское правительство подкрепить дипломатический демарш концентрацией войск на северной иранской границе» и предложил, чтобы британцы обдумали инсценировку подобной военной угрозы вдоль южной иранской границы. (The National Archives of Great Britain, FO 371/27230/E3707).
- ⁴⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 18.
- ⁴⁷ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV С. 129–131.
- ⁴⁸ Там же. С. 132.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
- ⁵¹ Советско-английские отношения ... Т. 1. С. 82
- ⁵² О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю. Г.* 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4 ; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны : советская оккупация Северного Ирана в августе–сентябре 1941 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf> ; *Любин Д. М.* Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года : Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005 ; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. М., 2011 ; *Холдеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

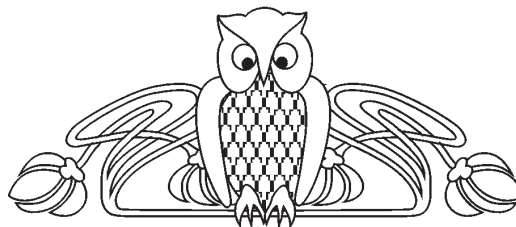
УДК 94(470.62/67).084.8|1941/1945|

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАСПАДА СОЮЗА ССР

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshv@mail.ru

В статье исследуется роль национальных движений депортированных народов в распаде Советского Союза. Анализируются программы национальных движений, главной целью которых было создание независимых национальных государств.

Сделан вывод о том, что позиция лидеров национальных движений в условиях резкого ослабления Центра и усиления республиканских национальных элит стала губительной для единого государства.

Ключевые слова: депортация, реабилитация, этнос, национальность, республика, межэтнический конфликт, автономия, независимость.

National Movements of the Deported Peoples as a Factor of the Dissolution of the USSR

A. P. Myakshev

The role of the national movements of the deported peoples in the process of the USSR dissolution is investigated in the article. The programmes of the national movements and its main purpose – creation of independent national states – are analysed in the article. It is made a conclusion that the national movements' leaders position in the setting of the weakened center and the republican national elites strengthening has become disastrous for the integrated state.

Key words: deportation, exoneration, ethnoses, nationality, republic, interethnic conflict, autonomy, independence.

Российская империя, СССР и Российская Федерация являются стержневыми державами российской цивилизации. Российскую империю уничтожила буржуазия в феврале 1917 г. Сегодняшняя либеральная идеология пытается большевиков представить в виде палачей, как российской империи, так и буржуазной демократии. На самом деле – большевизм объективно в довольно противоречивой советско-социалистической форме спас российскую державность. Однако большевики, реализовав на практике одну из стержневых идей либерализма о праве этноса на высшую форму самоопределения – создание своей государственности, обрекли СССР на гибель и создали для мирового капитализма основу для наступления на последний оплот русской цивилизации – РФ.

Национальные движения немцев, крымских татар, турок-месхетинцев, курдов, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев собственно возникли из механизма большевистских манипуляций с идеей этнократической государственности, т. е. с правом определенного, скажем, титульного, этноса иметь большую власть на некой, скажем, «этнической» территории. Депортация большевиками рассматривалась как исключительно вопрос тактики: в 1920-е гг., чтобы привлечь на свою сторону «отсталые» народы, наделили государственным статусом, в годы войны, борясь с коллаборационизмом, этого статуса лишили. Национальные движения депортированных народов имели две цели – возвращение на родину и воссоздание своего государства. Первая идея была популярна среди народа, вторая была возжеленной мечтой этноэлит, хорошо сохранившихся и укрепившихся в условиях ссылки. Национальные элиты отлично разбирались в главном отличии России и Запада: в России – священна власть, Запад – мир священной собственности. Россия – вертикальное государство, поэтому национальные элиты понимали, что, создавая и укрепляя, воссоздавая и развивая свою государственность, они ослабляли российскую власть, российскую вертикаль.

Политические элиты депортированных народов сумели реализовать свои замыслы в период

перестройки, когда на ослабевшее Советское государство начали наступление мировой капитализм и демократы-либералы. Уже в начале перестройки национальные движения четко обозначили свои приоритеты. Только с апреля 1985 г. по апрель 1987 г. в Москве побывало 7 делегаций (121 человек) крымских татар¹. В июне 1987 г. состоялось Всесоюзное совещание активистов национального движения крымских татар. Главным, а зачастую единственным, стало требование воссоздать автономию в Крыму². Власть не сразу осознала опасность. Дискуссии на заседаниях Политбюро, «совершив полный круг и перебрав все варианты – разрешить переезд в места прежнего проживания, выделить для них специально новую территорию, ввести квоты на расселение и прочее, – возвращались, как правило, в исходную точку, то есть «пока» оставить все как есть». А. С. Грачев вспоминает, что М. С. Горбачев «закруглял дебаты»: «Уйти от этой проблемы не удастся. Все надо основательно продумать. Крым татарам мы отдавать не можем – слишком много там за прошедшие годы изменилось»³. На заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. С. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве «трещины в славянском ядре «социалистической империи»». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено⁴. Между тем в 1987 г. в Крыму было уже прописано 6041 человек крымско-татарской национальности, большинство из которых также высказывали требования о восстановлении Крымской АССР, о возврате всех крымских татар в Крым, о возвращении домов, о необходимости установления для татар преимуществ перед другими гражданами в вопросах прописки, купли-продажи жилых домов, предоставления жилья⁵.

В этом же направлении активизировалось движение немцев Поволжья. Из Энгельса Саратовской области И. А. Герман в письме в Совет национальностей обосновывал необходимость воссоздания АССР НП тем, что в Саратовской области уже живут 14000 немецких граждан «и каждый день это число увеличивается». Дополнительным аргументом в пользу восстановления АССР НП Герман считал тот факт, что «это мнение и многих русских товарищей»⁶. Все другие предложения в отношении судьбы немцев в основном сводились к вариантам воссоздания государственности в различных регионах СССР. Так, Э. Л. Бахмайер из Мюнхена в 1986 г. в письме к М. С. Горбачеву предлагал при определении территории исходить из реально сложившегося положения. Так как советские немцы, отмечал Бахмайер, в большинстве своем проживают в

Казахстане, Сибири и на Алтае, в одном из этих районов и можно было бы создать автономию, равно как и «в одном из осваиваемых районов по Байкало-Амурской магистрали». Предпочтение, правда, при этом отдавалось «территории вокруг Славгорода» в Алтайском крае, поскольку «там большой процент немецкого населения, издается газета «Роте Фане», педагогическое училище готовит учителей начальных классов по специальности «немецкий язык как родной»». По его мнению, это могло бы вызвать «обратный поток определенной части советских немцев, покинувших в разное время Советский Союз»⁷.

Справедливости ради следует отметить, что в начальный период перестройки появившийся «русский фактор», связанный с проблемой неравнозначности положения РСФСР и ее регионов в советской национально-государственной структуре, также находился в тисках проблемы образования все новых государств на советских просторах. Например, предложения председателя Совета по комплексным проблемам территориальной организации советского общества при Президиуме Географического общества СССР, доктора географических наук Б. С. Хорева сводились к выделению из РСФСР Сибирской ССР в составе Новосибирской, Омской, Тюменской, Кемеровской, Иркутской областей, Алтайского, Красноярского краев, Тувинской АССР; Дальневосточной АССР в составе Хабаровского краев, Читинской, Амурской, Магаданской, Камчатской, Сахалинской областей; а также к преобразованию Якутской и Бурятской автономных республик в Якутскую ССР и Бурятскую ССР⁸.

Ученые вообще все дискуссии сводили к проблеме форм самоопределения наций. В декабре 1988 г. на заседании круглого стола в группе научных консультантов при Президиуме Верховного Совета СССР на тему «Конституционные проблемы развития советской федерации» И. О. Бишер из Латвии, к примеру, утверждал, что «в создании суверенитета были все-таки основные нации». Этим он вызвал недоумение М. Н. Губогло: «Чувствуется, что Вы настаиваете на том, что право на самоопределение имеет только нация?»⁹. Н. М. Шаститко полагал, что «для народов некоренной национальности» совершенно справедлива постановка вопроса о культурно-национальной автономии, но С. А. Авакьян считал, что когда возникает вопрос о культурно-национальной автономии, то он «перекатывается на политическую плоскость»¹⁰. Г. В. Старовойтова вообще высказывалась за то, что «право наций на самоопределение выше принципа целостности территориальных и национально-государственных образований»¹¹.

Тяга к национальному самоопределению охватила, пожалуй, все народы и уровни национальной государственности. Национальный вопрос в советской федерации упорно замыкался в рамках обязательности наделения того или

иног этноса собственной государственностью. В апреле 1989 г. А. Гришкевич с тревогой писал руководству, что подобные проблемы остро стоят на Северном Кавказе. К примеру, член СП СССР З. А. – М. Яндарбиев (будущий президент самопровозглашенной республики Ичкерия. – А. М.), выражая мнение «определенных слоев населения», считал, что «для решения национально-территориального вопроса чеченцев и ингушей необходимо обеспечить им право на образование отдельных Чеченской и Ингушской республик»¹².

Со стороны представителей титульных этносов требования автономии воспринимались как «покушение на суверенитет коренной нации» и вызывало «естественную защитную реакцию». Характерным в этом отношении явилось обращение в марте 1989 г. заведующего сектором управления делами Президиума Верховного Совета Казахстана Т. С. Джилтирова в Президиум Верховного Совета СССР¹³.

Создавать национальные автономии в Казахстане «в срочном порядке», полагал Джилтиров, нецелесообразно, так как не созрели предпосылки. Коренное население, продолжал чиновник, не поймет, «когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, «туркские» автономные районы и области», тем более, что «все эти национальные меньшинства в основном обжили те исконно казахские регионы», где лучше климат, плодороднее почва, больше влаги. Создание национальных автономных районов и областей, считал он, может привести «к постепенному вытеснению коренных жителей в отдельные пустынные необжитые просторы Казахстана»¹⁴.

Весной 1989 г. стало заметно стремление власти адресовать решение возникающих проблем в национальной сфере Совету национальностей. 2 марта в Президиуме Верховного Совета председатель Совета национальностей А. Э. Восс принял группу советских немцев, которые вновь поставили вопрос о восстановлении АССР немцев Поволжья. Восс сообщил А. И. Лукьянову, что немецкая проблема осложняется тем, что полностью отсутствует информация об отношении советского руководства к этой проблеме, что ряд руководящих работников Саратовской и Волгоградской областей пытаются «поставить под сомнение целесообразность даже обсуждения такого вопроса» и препятствуют переезду немцев в районы их прежнего местожительства¹⁵.

Восс привел тревожные данные МВД СССР о том, что в 1988 г. в ФРГ выехали 51983 человека, и по сравнению с 1987 г. число эмигрантов возросло в 3,3 раза. В январе 1989 г. их численность составила 6607 человек, что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г. Председатель Совета национальностей полагал, что в связи с остротой сложившейся обстановки было бы целесообразным рассмотреть предложения советских немцев и передать письмо Координации

онного центра содействия правительству в восстановлении АССР советских немцев на Волге, адресованное М. С. Горбачеву¹⁶.

В этом письме представители Координационного центра К. К. Бах, Р. Р. Бендер, Г. Г. Вормсбахер, Ю. А. Гаар, Р. А. Корн, Я. И. Лехман заявляли, что единственно верным решением проблемы является «восстановление Немецкой автономной республики на Волге и образование немецких национальных районов и сельсоветов там, где это возможно, в местах сегодняшнего проживания советских немцев»¹⁷.

13 апреля 1989 г. А. Э. Восс провел встречу с представителями ингушской национальности Чечено-Ингушской АССР. Суть их требований изложил один из членов делегации М. А. Яндиев: «Вопрос стоит... о создании Ингушской автономной республики с центром в г. Орджоникидзе». Восс поинтересовался, «интересы каких народов затрагивает решение этого вопроса». Яндиев признал, что при положительном решении его «в какой-то степени произойдет ущемление интересов осетинского народа»¹⁸.

Начавшееся летом 1989 г. противостояние на Волге также вызвало вопрос о восстановлении автономии немцев. Трудно согласиться с утверждением о том, что «неприятие идеи восстановления справедливости... разделяет ограниченный круг людей»¹⁹. Коллективы заводов «Радон», «Коммунист» из Маркса, треста № 10 объединения «Саратовский», Красноармейской швейной фабрики и другие протестовали против автономии. Протесты приходили и из села Медведицкое Волгоградской области, а мнение коллектива Ровенского райотдела соцобеспечения было категоричным: «...автономия приведет к новому Карабаху. Мы – против»²⁰.

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа», в котором Совмину СССР поручалось образовать государственные комиссии для решения практических вопросов, связанных с восстановлением автономии, а комиссии Совета национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям предлагалось держать эту работу под постоянным контролем²¹. Данное решение было воспринято населением как факт окончательного и принципиального решения властей о восстановлении немецкой автономии на Волге. Это подтверждало и интервью в «Известиях» Г. С. Таразевича²². Ситуация накалилась до предела, в Саратовской области начался новый виток противостояния.

Уже 29 ноября 1989 г. Советский райком партии заявил, что «выводы комиссии о том, что наиболее приемлемым районом для восстановления автономии советских немцев является Поволжье, преждевременны и необоснованны»²³. Лидеры «Возрождения», указывалось в резолюции, с

самого начала своей деятельности настаивают «на немецкой автономии именно в Поволжье, несмотря на малочисленность в этих местах лиц немецкой национальности»²⁴.

В резолюции отмечалось, что в самом районе проживает 28600 человек 40 национальностей, из них около 400 немцев, и восстановление немецкой автономии «в местах, где для этого на сегодня не сложились необходимые социально-экономические и политические условия», «преждевременно и противоестественно» и «явится еще одной несправедливостью»²⁵.

В отношении крымских татар власть действовала гибче. 23 ноября 1989 г. Крымский облисполком принял решение о разработке комплексной государственной программы переселения в Крым граждан крымско-татарской национальности. Переселение должно было осуществляться согласно расчету, и приоритет отдавался компактному расселению, принималось во внимание и место их проживания до выселения из области в 1944 г. Правда, определялась 3-километровая зона побережья Черного и Азовского морей, где «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц и зон их влияния не допускать...расселения и строительства индивидуальных домов»²⁶.

8 октября 1989 г. в Карачаевске на съезде народов Карачая была принята резолюция с требованием «восстановить несправедливо отнятую у целого народа национальную государственность – статус Карачаевской автономной области с непосредственным подчинением органам государственной власти и управления РСФСР и СССР», а также рассмотреть вопрос о «предоставлении карачаевскому народу с совместно проживающими с ними другими народами статуса Карачаевской АССР» и считать впоследствии «возможным образование единой Карачаево-Черкесской АССР»²⁷. Эти требования карачаевцы подтвердили 13 октября на встрече в Совете национальностей, а А. Г. Урусов заявил: «Мы очень четко ставим вопрос – выход из Ставропольского края»²⁸.

Уже в апреле 1990 г. председатель Верховного Совета Татарской АССР М. Шаймиев называл Татарскую автономную республику «советским социалистическим суверенным государством, непосредственно подписывающим на равных отношениях с нынешними союзными республиками новый союзный договор как субъект обновленной федерации», и обещал, что «при этом республика признает нерушимость сложившихся границ». Шаймиев также полагал целесообразным установить особые договорные отношения между Татарской республикой и Россией, «определив разграничение полномочий по ряду позиций, представляющих взаимный интерес»²⁹.

Большую роль в осложнении ситуации на Волге сыграла вторая конференция «Возрождения», состоявшаяся 16–18 января 1990 г. в Москве.

Из 182 делегатов конференции в ответ на просьбу одного из ораторов поднять руки тем, кто верит в восстановление автономии, отреагировали 20 человек. Несмотря на то что ряд делегатов не исключали возможности образования автономии, к примеру, в Калининградской области, большинство высказались за немедленное принятие законодательного акта о восстановлении Немецкой АССР на Волге. Предполагалось, что уже в 1990–1993 гг. в район восстановления можно переселить 300 тысяч немцев, а к 1995 г. завершить процесс воссоздания автономии³⁰. Указывая на продолжающийся рост эмиграции немецкого населения из СССР, ряд делегатов выдвигали и ультимативные требования: обратиться в Международный суд в Гааге, организовать массовый выезд немцев в ФРГ и ГДР³¹.

Немецкий вопрос был актуален для многих территорий, где проживали представители этого народа. В Оренбургской области с лета 1989 г. немецкой общественностью была поставлена проблема образования немецкого национального района. Созданная в начале 1990 г. для решения этого вопроса областная комиссия под руководством секретаря обкома партии В. Голубничего пришла к выводу о том, что создание района «имеет смысл лишь в том случае, если будет решен вопрос в целом о государственности советских немцев и определен статус таких образований, как “национальный район” или “национальный сельский совет”»³².

Требование Оренбургского обкома партии к Верховному Совету об ускорении решения вопроса «государственности советских немцев» разделял Алтайский краевой Совет народных депутатов. Из Алтайского края, где проживало 128 тысяч немцев, в 1989 г. выехало более 2 тысяч немцев, в 1990 г. резко возросло количество заявлений на выезд³³. Практически незамеченным осталось обсуждение вопроса о проведении съезда немцев и образовании внутритерриториальной ассоциации, которая бы взяла на себя заботу «о представительстве и защите интересов населения этой национальности в настоящее время», на состоявшемся 7 июля 1990 г. совещании в комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета национальностей совещании³⁴.

Не обращали серьезного внимания на альтернативные варианты решения немецкой проблемы. Например, председатель Ленинградского немецкого общества Р. Шейде предлагал план по созданию компактных немецких поселений и на основе их образования агропромышленных комплексов. В сентябре 1990 г. Шейде в личном разговоре нашел понимание с Р. Н. Нишановым, однако эта интересная идея в дальнейшем даже не обсуждалась. Руководитель Ленинградского немецкого общества также считал, что «Возрождение» «слишком большое значение придает восстановлению автономии на Волге», не признает

альтернативных вариантов, хотя «сейчас не тот исторический момент»³⁵.

Зато национальная элита уже начинала обсуждение вопроса о власти. 19 декабря 1990 г. на заседании госкомиссии по проблемам советских немцев был обсужден проект постановления Верховного Совета СССР «О государственных гарантиях национального возрождения советских немцев». Данный законопроект предусматривал создание Национального Совета немцев СССР и наделения его полномочиями органа самоуправления и выразителя национального суверенитета немцев СССР. Вплоть до восстановления национально-территориальной государственности немцев СССР этот орган предполагалось наделить правом «избрания своих представителей в Совет национальностей» в количестве 4 депутатов и правом законодательной инициативы³⁶.

Активизации национальных движений репрессированных в 1940-е гг. народов способствовал указ Президента СССР 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», который в числе прочих признавал «незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека» репрессии по национальным мотивам³⁷.

Прошедший 23–24 ноября 1990 г. в Москве учредительный съезд репрессированных народов, организованный карачаевским обществом «Джамгагат», балкарским обществом «Тере», обществом советских немцев «Возрождение», демократической партией Ингушетии «Нийсхо» и Народным фронтом Калмыкии, обвинил центральные и российские власти в том, что они «ничего не делают» по реабилитации народов, а «партийные «бюрократии» Осетии, Саратова, Грузии осваивают в это время заброшенные исконные земли репрессированных народов» с тем, чтобы заявить, что «свободных мест нет, а по живому резать нельзя»³⁸.

Съезд кроме организаторов собрал и делегации крымских татар, турок-месхетинцев, греков, представителей других репрессированных народов. На съезде присутствовали 10 народных депутатов Верховных Советов ССР и РСФСР, в том числе Р. Г. Абдулатипов, О. Сулейменов, М. Дарсигов. Вину за репрессии против народов делегаты съезда возложили на КПСС, были выдвинуты предложения организовать суд над КПСС, а чеченец Магомедов «предложил провести второй съезд в Кремле и добиться извинений Горбачева за беды, причиненные КПСС»³⁹.

Чтобы заставить власть решительнее действовать в «направлении полной реабилитации народов», выдвигались «целые программы»: оказание давления на депутатов, обращения к мировой общественности, объявление суверенитета упраздненных автономий, создание «правительств в изгнании», организация международных комиссий по определению ущерба

депортированным народам. На съезде доминировали представители карачаевцев: они больше всех выступали, председательствовал карачаевец Урусов, президентом Конфедерации репрессированных народов был избран карачаевец Алиев. Съезд прошел под знаком ислама: память о погибших от репрессий делегаты почтили молитвой из Корана⁴⁰.

Делегаты съезда репрессированных народов постановили, что «они будут совместными усилиями бороться» за восстановление государственности советских немцев, возвращение на историческую родину крымских татар, турок-месхетинцев, а также за «полный суверенитет государственных образований чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов в границах до репрессивных актов»⁴¹.

В 1991 г. инициативу в вопросе о реабилитации народов постепенно перехватили российские законодатели. Еще 11 декабря 1990 г. II Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О жертвах политических репрессий в РСФСР», в котором осуждалась практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление. 16 апреля 1991 г. в РСФСР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов».

Уже в мае 1991 г. руководство отдела национальной политики ЦК КПСС подчеркивало, что закон при его реализации «без достаточно глубоких прогнозных оценок может вызвать серьезные последствия не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами». Выражалась обеспокоенность дальнейшим развитием событий, связанных с возможным пересмотром границ, а также тем, «как быть с теми районами, в которых изменилась демографическая ситуация»⁴².

Провозглашение Карачаевской Республики 17 ноября 1990 г. в условиях принятия закона 26 апреля 1991 г. вызвало требования казаков Зеленчукского и Урупского районов передать эти территории в состав Ставропольского или Краснодарского краев. В связи с реабилитацией казачества неизбежно возникала «казачья проблема». Уже в ноябре 1990 г. на съезде терского казачества и ногайского народа было высказано требование «восстановить территориальную целостность Ногайской степи и создать республику в составе РСФСР»⁴³.

Трагические события в станице Троицкая Сунженского района Чечено-Ингушетии показали, что конфликты между казаками и народами Северного Кавказа могут нарастать. В ночь на 28 апреля станица была обстреляна большим отрядом вооруженных боевиков-ингушей. Станица, телеграфировал 29 апреля Президенту СССР атаман большого круга терского казачества Коныхин, «окружена ингушами около 700 человек, которые держат под обстрелом жителей станицы», есть убитые, раненые⁴⁴.

Эти события привели к массовому оттоку русского населения из Чечено-Ингушетии. По данным секретариата ЦК КПСС, с 1989 г. по июнь 1991 г. за пределы республики выехало около 60 тысяч русских, в том числе из одного Сунженского района, где произошли столкновения между русскими и ингушами, – свыше 5 тысяч человек⁴⁵.

Стремление жителей станицы Троицкой к «организованному массовому переселению в русскоязычные районы РСФСР» начальник УПС МВД СССР генерал-майор Б. В. Воронов назвал «крайне дестабилизирующим ситуацию на Северном Кавказе фактором». Эта ситуация, заключал он, чревата усилением давления на русское население и может вызвать ответную реакцию в РСФСР, «стать отправной точкой распространения межнациональной напряженности далеко за пределами региона»⁴⁶.

8 июня 1991 г. Учредительный съезд чеченского народа провозгласил образование Чеченской Республики, избрал исполнительный комитет, задачей которого было определено формирование «правительственного кабинета», блокирование выполнения решений центральных и местных органов власти, организация гражданского неповиновения и забастовок. В конечном счете отмечалось в постановлении секретариата ЦК КПСС 21 июня 1991 г., преследуется цель «самороспуска нынешнего состава Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, проведения новых выборов и создания суверенного национального государства»⁴⁷.

В конце концов, весной 1991 г. Законом УССР «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» крымская государственность была восстановлена. Было решено избрать дополнительно 11 народных депутатов Крымской АССР в Верховный Совет республики из числа представителей депортированных народов Крыма, в том числе от армянского, болгарского, греческого, немецкого – по одному, а от крымско-татарского – семь народных депутатов⁴⁸. Крымские татары считали это обманом и началась новая фаза борьбы крымских татар за свой статус внутри воссозданной Крымской АССР.

В июне 1991 г. Нишанов и Шишов сообщали А. И. Лукьянову, что в Крыму активизировалась подготовка к Всесоюзному съезду (курултаю) крымских татар, которая началась более года назад, и крымские власти предпринимают меры к тому, чтобы он не осложнил межнациональную ситуацию. Особо «беспокоят намерения экстремистского крыла крымско-татарского национального движения образовать параллельные структуры власти в виде меджлиса». Они предлагали, ссылаясь на мнение Председателя Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багрова, провести встречу в Совете национальностей с представителями оргкомитета курултая и руководства

национального движения крымских татар ОКНД, предварительно поручив Всесоюзному НИИ советского государственного строительства и законодательства подготовить экспертную оценку устава меджлиса⁴⁹.

Восстановить немецкую автономию на Волге в 1991 г. не удалось. В марте 1991 г. «Возрождение» провело чрезвычайный съезд, на котором были выдвинуты ультимативные требования власти. Это привело к новому обострению ситуации.

Члены оргкомитета съезда во главе с Б. В. Раушенбахом продолжали настойчиво добиваться принятия руководством страны конкретных мер по решению проблем советских немцев, на Волге ширилось движение против немецкой автономии. Продолжался выезд немцев в ФРГ, за три месяца 1991 г., по данным УВД Саратовского облисполкома, поступило 90 ходатайств от немцев о выезде их за границу⁵⁰. Во время встречи 7 мая 1991 г. Президента СССР М. С. Горбачева с представителями советских немцев было подчеркнуто, что «восстановление немецкой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания интересов всех народов, проживающих в этом регионе»⁵¹.

В октябре 1991 г. новое областное руководство констатировало наличие угрозы возникновения нового очага межнациональной напряженности и обострение обстановки в регионе (речь шла даже об актах гражданского неповиновения). На 7-й сессии областного совета было заявлено о невозможности воссоздания немецкой автономии в любой форме. В условиях раскола общества представители «Демократической России» выступили в поддержку требований немцев⁵². Конфликт на Волге продолжался.

Таким образом, национальные движения депортированных народов, провозглашая цели создания своих собственных государств, по сути, стремились к восстановлению суверенитета своих народов в рамках «единого» государства. Идея двойного суверенитета неизбежно вела к разрыванию, расчленению ткани единого государственного организма, а в условиях резкого ослабления позиций Центра и усиления национальных элит, полностью перешедших на этнократические позиции, стала губительной.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 1665. Л. 20.
- ² Там же. Л. 30, 31.
- ³ Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 263.
- ⁴ Союз можно было сохранить. М., 2007. С. 15.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 42.
- ⁶ Там же. Д. 2142. Л. 14.

- ⁷ ГАРФ. Д. 2142. Л. 7, 8.
- ⁸ Там же. Д. 2141. Л. 3.
- ⁹ Там же. Д. 4178. Л. 22.
- ¹⁰ Там же. Л. 38, 39.
- ¹¹ Там же. Л. 43.
- ¹² Там же. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 11.
- ¹³ Там же. Л. 2.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 8, 9, 10.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Д. 110. Л. 42, 43.
- ²¹ Там же. Д. 116. Л. 14.
- ²² Известия. 1989. 29 ноября.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 112. Л. 88.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 89.
- ²⁶ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 198, 199.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 119. Л. 8.
- ²⁸ Там же. Л. 14.
- ²⁹ Там же. Д. 182. Л. 43.
- ³⁰ Там же. Д. 205. Л. 16, 17.
- ³¹ По данным «Возрождения», более 100 тысяч немцев покинуло СССР в 1989 г., а в 1990 г. было подано около 350 тысяч заявлений на выезд (ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 113).
- ³² ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 112. Л. 98.
- ³³ Там же. Д. 112. Л. 115, 116.
- ³⁴ Там же. Л. 117.
- ³⁵ Там же. Оп. 6. Д. 205. Л. 108, 109.
- ³⁶ Там же. Л. 116, 117.
- ³⁷ Там же. Д. 333. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Л. 7.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 8.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 2.
- ⁴³ Там же. Л. 4.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 318. Л. 15.
- ⁴⁵ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 20. Д. 69. Л. 3.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 114. Л. 92.
- ⁴⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 20. Д. 69. Л. 3.
- ⁴⁸ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 45.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 320. Л. 131.
- ⁵⁰ Там же. Д. 315. Л. 91.
- ⁵¹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 5.
- ⁵² См. подр.: Мякшев А. П. Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 300.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(398.9+355)

ФРАКИЙЦЫ КАК ПОДДАННЫЕ АХЕМЕНИДОВ (по данным персидских источников)

Т. Ю. Шашлова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной работе к исследованию фрако-персидских отношений на рубеже VI–V вв. до н. э. привлекаются происходящие из Персеполя хозяйственные архивы времени Дария I. В статье анализируется персидское этническое наименование Skudra и возможность его применения к народам европейской Фракии, часть которых была покорена Дарием во время скифского похода. Далее приводятся содержащиеся в крепостном архиве Персеполя сведения о фракийских работниках и анализируется правовое положение их в царском хозяйстве.

Ключевые слова: Skudra, фракийцы, таблички крепостной стены, работники царского хозяйства.

The Thracians as subjects of the Achaemenids according to Persian sources

T. Ju. Shashlova

In this work to the study of Thracian-Persian relations at the turn of the VI–V centuries BC involved originating from Persepolis household archives of time of Darius I. The article analyzes the Persian ethnic name Skudra and the possibility of its application to peoples European Thrace, part of which was conquered by Darius during the Scythian campaign. Then provides specific information about the Thracian workers contained in the Persepolis fortification archive, and analyzes the legal status of them in the Royal household.

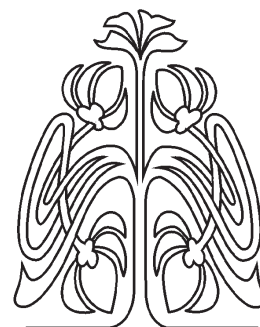
Key words: Skudra, thracians, persepolis fortification tablets, the workers of the king economy.

Вопрос о фрако-персидских взаимоотношениях и, в частности, о подчинении Фракии Ахеменидам в конце VI – начале V в. до н. э. традиционно рассматривается с точки зрения греческих источников. Главным нарративным трудом, освещающим эти события, является рассказ Геродота¹. Персидские же источники для изучения этого вопроса привлекаются значительно реже. Объясняется это как малым их количеством, так и невысокой их информативностью. Чаще всего они лишь вскользь упоминаются². Персидские источники, в которых упоминается Фракия, представлены следующими надписями, скульптурами и барельефами:

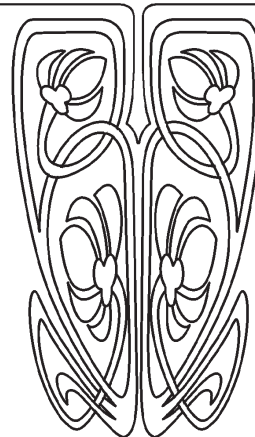
- 1) царские надписи Ахеменидов (DSe, DSm, DNa, XPh)³;
- 2) рельефы на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме⁴;
- 3) статуя Дария египетского происхождения, найденная при раскопках в Сузах⁵;
- 4) хозяйственные архивы из Персеполя, обнаруженные экспедицией Восточного института Чикагского университета в 1930-х гг.

Целесообразно обратить внимание на последнюю группу источников, обычно не очень активно привлекаемую к исследованию этой темы⁶.

Хозяйственные архивы из Персеполя представлены двумя группами документов, получившими условные названия по месту их обнаружения «таблички крепостной стены» и «документы сокровищницы». Это две сходные по типу группы документов, различающиеся лишь рядом мелких деталей. Это, в первую очередь, время,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к которому они относятся. и зафиксированные в них операции. Таблички крепостной стены датированы 509–494 гг. (13–27 гг. правления Дария I). Они документируют деятельность царского хозяйства на значительной территории Персиды и Элама и фиксируют разнообразные операции (документы о транспортировке грузов, о выдаче жалования чиновникам и продовольствия работникам, расписки об уплате налогов и служебную переписку высокопоставленных чиновников). Документы сокровищницы относятся к 492–458 гг. до н. э., охватывают территорию Персеполя и его окрестностей и представляют собой расчетные документы между дворцовой сокровищницей и дворцовыми складами, откуда отпускались продукты.

Издание табличек крепостной стены принадлежит Р. Халлоку⁷, сокровищницы – Дж. Камерону⁸. Обе группы документов изданы фрагментарно. Халлоком было переведено и опубликовано 2120 документов из общего массива в 12000⁹ целых текстов и фрагментов. Он также перевел еще 2699 текстов, но они остались не изданными¹⁰. В 2000-х гг. работы по изучению, переводу и публикации этих текстов, а также оттисков печатей на них вновь возобновил Восточный институт Чикагского университета¹¹. Около 300 текстов издал иранский исследователь Абдул Арфаеи¹².

В персепольской сокровищнице было обнаружено всего 753 таблички, но лишь около 200 из них сохранились хорошо. Дж. Камероном было издано 140 из них. Большую часть фрагментов, по-видимому, невозможно издать из-за отсутствия в них значительного связного текста¹³.

Многими исследователями признается, что найденные документы представляют собой лишь малую часть когда-то имевшихся архивов, документировавших деятельность громадного царского хозяйства. Предполагается, что значительная часть подобных архивов писалась на недолговечных материалах, потому и не сохранилась до нашего времени¹⁴. О фрагментарности найденных текстов свидетельствует и тот факт, что большая часть из них относится к 500–499 гг. до н. э. (22–23 гг. правления Дария), несмотря на то что весь архив охватывает период 509–494 гг. до н. э.

Количество документов, найденных в царской сокровищнице, значительно меньше, чем было обнаружено при исследовании крепостной стены в северо-западном углу персепольской террасы. В документах сокровищницы чаще всего указывается на ремесленную специализацию рабочих, и главным образом это были лиди, занимавшиеся отделкой и украшением помещений. П. Бриан объясняет это тем, что строительство дворцов к тому времени было по большей части завершено и там проводились уже только отделочные работы¹⁵.

Несмотря на то что в документах сокровищницы также указывается этническая принадлеж-

ность рабочих, фракийцы там не упоминаются вовсе. Однако это не может быть основанием для каких бы то ни было исторических выводов, поскольку найдена лишь часть архива, а годной для издания и перевода оказалась лишь четверть документов. Поэтому дальше речь пойдет лишь о первой (и наиболее многочисленной) группе персепольских архивов – документах, обнаруженных в крепостной стене персепольской террасы.

Фрагментарность издания этих документов в известной степени препятствует построению на базе имеющегося материала окончательных выводов. А те данные, которые из них можно извлечь, будут носить лишь приблизительный характер. Работники царского хозяйства, в числе которых упомянуты фракийцы, обозначены в этих документах словом «курташ», что представляет собой персидскую транскрипцию древнеиранского *grda, имеющее значение «домашний раб»¹⁶.

Письменная фиксация выдачи продовольствия таким работникам сопровождается указанием их этнической принадлежности. Они представлены народами из покоренных Ахеменидами стран: египтяне, вавилоняне, карийцы, каппадокийцы, согдийцы и другие (всего 26 этнонимов). Примечательно отсутствие среди них персов и арабов. Персы, как известно, были привилегированным народом, не платили податей и не участвовали в прочих повинностях по отношению к царю (так, они не принимали участия в строительстве дворца в Сузах, к которому привлекались жители многих стран державы). В нескольких документах упоминаются только персидские мальчишки-писцы. Аналогична и ситуация с арабами. Таблички крепостной стены ни разу не упоминают арабов в качестве работников, но зато там неоднократно фигурируют арабы-чиновники. Из греческих источников мы знаем, что арабы не были подданными персов, а только союзниками. Однако арабы присутствуют во всех без исключения списках стран Ахеменидов. Возможно, объяснение этому противоречию лежит в «имперском стиле» ахеменидских надписей, где в целях демонстрации величия и могущества державы союзные области указывались в качестве подданных.

Анализ упоминаний фракийцев в документах крепостной стены сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, фрагментарность перевода текстов в известной мере препятствует построению на базе доступного материала окончательных выводов. Во-вторых, трудности проистекают из самого характера упоминаемого в них этнонима *Iškudra*.

Отождествление его с Фракией основывается на упоминании страны с таким названием в списках подвластных стран, при этом страна неизменно локализуется на крайнем северо-западе империи, в одном географическом регионе с Ионией и Лидией. Другим исходным пунктом отождествления являются фигурки с изображе-

ниями представителей подвластных народов на статуе Дария из Суз и на его гробнице в Накши-Рустаме. Каждая такая фигурка сопровождалась подписью, где указывается, представитель какого это народа, а также детальной прорисовкой особенностей костюма и вооружения. Это дало возможность сопоставить эти изображения с имеющимися сведениями об одежде и вооружении фракийцев.

Вторая трудность отождествления страны Skudra с европейской Фракией проистекает из существовавшего разделения фракийцев на европейских и азиатских. Подобное разделение встречается у Геродота (VII, 75), где он, перечисляя состав войска Ксеркса, упоминает только азиатских, но не европейских фракийцев. Поясняет он это так: «после переселения в Азию это племя получило имя вифинцев, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримониями, так как жили на Стримоне» (VII, 75). Сведения о подобной миграции приводит и Страбон (VII, 3, 2). К когда-то мигрировавшим фракийским народностям он относит также мисийцев, фригийцев и ряд других мелких племен. Некоторые исследователи допускают возможность употребления в надписях и хозяйственных архивах Персеполя этнонима Скудра применительно к фракийцам азиатским¹⁷. На этот счет можно высказать ряд соображений.

Азиатские фракийцы, упомянутые Геродотом, проживали в анатолийских областях Мисии, Вифинии и Пафлагонии, к югу и востоку от Мраморного моря¹⁸. Все они когда-то были завоеваны лидийскими царями Гигесом, Ардисом и Крезом и вошли в состав персидской империи еще в составе Лидии. В то же время страна Skudra отсутствует в ранних надписях Ахеменидов (DB и DPe) и впервые появляется в списках стран, происходящих из Суз. Строительство Дарием дворца там ориентировочно относят к 518–512 гг. до н. э.¹⁹, что, в общем-то, укладывается в традиционную дату скифского похода Дария, во время которого, согласно греческой традиции, персами была подчинена часть европейской Фракии. В дальнейшем Skudra присутствует во всех без исключения списках. Подобная динамика позволяет предположить, что за этим словом в персидских источниках скрываются все же фракийские племена, жившие в Европе и покоренные Дарием ок. 512 г.

Далее отметим, что большое количество фракийцев, упомянутых в табличках крепостной стены, значительно превосходящее все другие национальности, не позволяет видеть в них лишь племена северо-западной Анатолии. В таком случае оставалось бы совершенно необъяснимым, почему людей из этого региона было призвано на работы в Персеполь намного больше, чем из всех остальных районов державы. Препятствует признанию за этнонимом Скудра жителей лишь северо-западной Анатолии и тот факт, что страна эта фигурирует в качестве отдельного народа

в надписях, причем появляется там не сразу, но затем присутствует во всех без исключения списках. Мы также не можем игнорировать показаний ряда греческих нарративных источников о завоевании Дарием некоторых прибрежных фракийских племен в Европе. Следует отметить, что ряд исследователей видят конечную цель похода Дария не в Скифии, а во Фракии, где персов интересовали фракийские золотые и серебряные рудники. Существует также точка зрения, что целью похода во Фракию было не только золото, но и дальнейшая территориальная экспансия персидской державы²⁰.

Но в то же время факт миграции части фракийских племен в Азию, сохранение между обеими группами многих родственных черт отрицать не приходится. Наиболее приемлемым в согласовании этих данных кажется предположение В. Хенкельмана о том, что этническое наименование Skudra могло быть сначала применено персами к жителям северо-западной Анатолии, когда они впервые столкнулись с этими народами, а затем распространено и на ряд родственных им фракийских племен, проживавших в Европе и покоренных Дарием²¹. Именно такое расширение этого термина на европейские племена позволяет объяснить столь значительное их количество в архивах Персеполя. Скорее всего, это были военнопленные, захваченные Дарием, о чем речь пойдет ниже.

Наконец, встает вопрос о том, какие именно племена европейской Фракии были покорены Дарием и, следовательно, в качестве военнопленных могли быть уведены вглубь Персии. Анализ названий покоренных Дарием племен, приведенный Геродотом, позволяет заключить, что царь шел прибрежным путем, через современную Добруджу (IV, 93; см.: прим. 65). В то же время Геродот сообщает, что Дарий покорил племена гетов, не желавших ему подчиниться (IV, 93). Несомненно присутствие персов и в областях южной Фракии, где ими был построен город Дориск, который персы удерживали очень долгое время (Hdt. V, 98; VII, 105–106). После бегства Дария из Фракии Мегабиз, оставленный им у Геллеспонта (Hdt. IV, 144), «повел войско через Фракию и покорил царю все города и народности вдоль побережья» (Hdt. V, 1–2). Таким образом, в основном речь идет о прибрежных зонах, близких к проливам, а также о гетах, живших ближе к Дунаю, которых Дарий после покорения присоединил к остальному войску (Hdt. IV, 97).

В табличках крепостной стены фракийцы упоминаются, по меньшей мере, в 78 документах²². Иногда это небольшие группы (24–28), а иногда довольно крупные партии в 150, 220 и даже 520 человек. Общая суммарная их численность в числе работников царского хозяйства относительно велика – свыше 6000 человек. Это на порядок выше численности ионийцев и каппадокийцев, например. Во всех случаях фракийцы

упоминаются в числе простых работников, которым выдавались стандартные объемы зерна, пива и прочих продуктов в качестве продовольствия. Иногда они получали дополнительные, бонусные рационы, такие как сезамное масло и даже мясо, выдававшееся очень редко. Роженицы получали еще и пособия на детей, т.н. «материнские рационы» (№ № 0064, № № 2227). Несмотря на то что в документах нередко указывается профессия таких работников (ювелиры, каменотесы, пекари и пр.), для фракийцев она указывается нечасто. В основном это неквалифицированный труд: пастиухи, сборщики зерна, конюхи и даже виноделы.

Впервые в опубликованных документах крепостной стены фракийские работники появляются в 504 г. до н. э. (18 г. правления Дария), самый поздний год, под которым они упомянуты – 498. Наиболее часто они фигурируют в ведомостях за 500–499 гг. (23–22 гг. правления Дария). Чаще всего группы фракийских работников фигурируют в разных местностях и под начальством разных чиновников. Наибольшая их концентрация наблюдается в местности *Fahliyān*. Относительно мало их в Персеполе и близких к нему территориях²³. Точное их число в каждой местности даже в пределах опубликованных документов, подсчитать трудно, поскольку группы работников не были постоянными единицами. Они могли делиться, дробиться, соединяться, работников перебрасывали из одной местности в другую.

В половозрастном соотношении фракийские работники представлены примерно равным количеством мужчин и женщин, несколько реже упоминаются дети. В ряде случаев количество мужчин и женщин совпадает (PF 851, 852), что М. А. Дандамаевым интерпретируется как семейные пары²⁴. Иного мнения придерживается П. Бриан, полагая, что семьи таких рабочих, наоборот, разрывались²⁵. Дети упоминаются чаще вместе со взрослыми, но иногда отдельно (PF 1946, 1947, 1954). В последнем случае речь идет, видимо, о подростках.

Особого внимания заслуживает вопрос о юридическом статусе фракийских работников в персидском царском хозяйстве. На базе имеющегося материала однозначный ответ на этот вопрос дать сложно. М. А. Дандамаев указывает на неоднородность правового положения работников царского хозяйства (курташ), выделяя в них три основные группы: военнопленные рабы, свободные, работавшие добровольно за плату, и лица, отбывающие трудовую повинность в стане царя²⁶.

Из источников нам известно, что Ахемениды уведили в рабство население покоренных областей и областей, поднимавших восстания (Кир II велел продать в рабство соседнее с Лидией прибрежное население (Herod, I, 56), Камбис угнал в Азию для сооружения дворцов египетских ремесленников (Diod. I, 466 4)). Предположение о наличии трудовой повинности покоренного населения в отношении царя основывается на

привлечении ряда вавилонских документов, где встречаются сведения об отбытии вавилонянами такой повинности в течение года²⁷. 18 народов персидской державы в той или иной форме принимали участие и в строительстве дворца Дария в Сузах (DSf, DSaa, DSz).

К какой из указанных групп могли принадлежать фракийцы – судить трудно. Наиболее вероятным представляется видеть в них военнопленных или людей, отбывавших трудовую повинность. Рассмотрим оба варианта.

Трудовая повинность в отношении персидского царя известна двух видов: разовая (строительство дворцов (DSf)) и регулярная, в течение года (предполагается на основании данных некоторых вавилонских документов). Среди работников, принимавших участие в строительстве дворца Дария в Сузах, фракийцев нет. Впрочем, это может объясняться и тем, что дворец был построен до завоевания Фракии (его строительство относят к 518–512 гг. до н.э.). Представить себе фракийцев среди людей, отбывавших годовую трудовую повинность в Персии довольно трудно. Наша информация о существовании такой повинности происходит из Вавилонии. Вавилония – страна, относительно близко расположенная к центру державы, имевшая свою развитую государственность. Ряд вавилонских документов фиксирует выдачу торговыми домами денег взаймы населению для уплаты податей царю. Можно предположить, что персидский контроль был там довольно сильным. С Фракией же все обстояло совершенно иначе. Она была отдаленной периферийной областью, которая не имела еще своей государственности и неоднократно выпадала из-под персидского контроля.

Поэтому более вероятным представляется видеть во фракийцах в Персеполе военнопленных, а не отбывавших трудовую повинность. Как известно, во время скифского похода Дарий покорил ряд фракийских племен (Hdt. IV, 89–93). Племена, жившие близ Геллеспонта, были завоеваны Мегабизом уже после бегства Великого царя (Herod, IV, 143–144). Если верить Геродоту (IV, 97), покоренные Дарием геты были включены в состав персидского войска.

Учитывая это, а также многочисленные примеры, когда Ахемениды поработали жителей завоеванных территорий, можно предполагать, что в ходе скифского похода в рабство было уведено и некоторое количество фракийцев из прибрежных областей. Впоследствии они появляются в хозяйственных архивах Ахеменидов в качестве работников царского хозяйства под наименованием *Skudra*.

Примечания

¹ См.: Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

- ² Напр.: *Gergova D.* Orphic Trace and Achaemenid Persia // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 68; *Rehm H.* The Impact of the Achaemenid on Thrace : A Historical Review // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 147.
- ³ *Kent R. G.* Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1953; *Lecoq P.* Les inscriptions de la Perse achéménide. P., 1997.
- ⁴ *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. III. The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970.
- ⁵ *Roaf M.* The Subject People on the Base of the Statue of Darius // *CDAFI.* 4. P. 73–160.
- ⁶ Единственная работа, специально посвященная этому вопросу, вышла совсем недавно: *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Ethnic Identity and ethnic labelling at Persepolis: the case of the Skudrians // *Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire Achéménide (Persica 14).* P., 2009. P. 272–329.
- ⁷ *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969; *Idem.* Selected Fortification Texts // *CDAFI.* 8. P. 109–136.
- ⁸ *Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948; *Idem.* Persepolis Treasury Tablets Old and New // *JNES.* 1958. № 17. P. 161–176; *Idem.* New Tablets from Persepolis Treasury // *JNES.* 1965. № 24. P. 167–192.
- ⁹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 272.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 272.
- ¹¹ URL: <http://oi.uchicago.edu/research/projects/pfa/> (дата обращения: 13.01.2014).
- ¹² *Arfaei A.* Persepolis Fortification Tablets: Fort. and Teh. Texts // *Ancient Iranian Studies,* 2008. № 5. Tehran.
- ¹³ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 11.
- ¹⁴ *Briant P.* Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. Winona Lake, 2002. P. 423.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 429.
- ¹⁶ *Дандамаев М. А.* Работники царского хозяйства в Иране в конце VI – первой половине V в. до н.э. // *ВДИ.* 1973. № 3. С. 17.
- ¹⁷ *Balcer J. M.* Persian Occupied Thrace (Skudra) // *Historia.* 37. P. 1–12.
- ¹⁸ *Rehm H.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁹ *Chirschman R.* L'Apadana de Suse // *Ir. An.* 1963. Vol. III. S. 148 / цит. по: *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч. С. 256.
- ²⁰ *Cawkwell G.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 49.
- ²¹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 299.
- ²² *Ibid.* P. 316–322.
- ²³ *Ibid.* P. 307.
- ²⁴ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁵ *Briant P.* Op. cit. P. 437–439.
- ²⁶ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23. П. Бриан склоняется к тому, что они были, скорее, рабами: *Briant P.* Op. cit. P. 439.
- ²⁷ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23.

УДК 94(3)(093)+929 Филосторгий

ИСТОЧНИКИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ФИЛОСТОРГИЯ (Hist. eccl. I) В СОКРАЩЕНИИ ФОТИЯ

А. В. Зибаяев

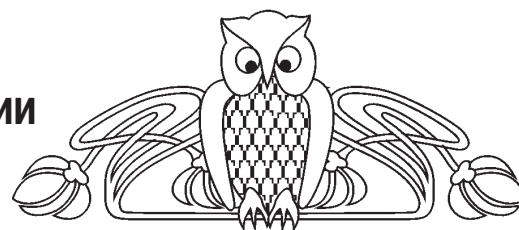
Саратовский государственный университет
E-mail: zibaew@mail.ru

В статье рассматривается проблема нарративных источников в «Церковной истории» греческого автора V в. Филосторгия. Он использовал не только тексты Священного Писания и церковных историков, но также панегирическую литературу и произведения языческих писателей поздней Античности. Широта источников и разнообразие методов работы с ними свидетельствуют о неординарности Филосторгия как церковного историка того времени.
Ключевые слова: Филосторгий, Зосим, Евсевий Кесарийский, Лактанций, «Церковная история», письменные источники, евномиянство.

The Narrative Sources of Philostorgius' «Church History» (Hist. eccl. I) in Photius' Abridgment

A. V. Zibaev

This article is devoted to the problem of the narrative sources used in Philostorgius' «Church History». The Greek historian of the Fifth Cen-

ture had cited not only the texts of the Holy Scriptures and works of church historians, but also writings of panegyrist and pagan authors of the Late Antiquity. A lot of various sources was used and quoted in his history, his approaches to sources materials in his narration are diverse and sometimes unexpected, so that we can consider Philostorgius as an extraordinary church historian of his time.

Key words: Philostorgius, Zosimus, Eusebius of Caesarea, Lactantius, «Church History», written sources, eunomianism.

В современной историографии остается малоизученным творчество новоарианского (евномиянского) церковного историка V в. Филосторгия, каппадокийца по происхождению, писавшего на греческом языке. Его произведение используется исследователями для изучения религиозных и политических аспектов римской истории IV – начала V в.¹ Перед Филосторгием, который взялся осветить историю «правильной» евномиянской церкви и Римской империи в XII книгах, остро стоял вопрос об источниках для освещения событий от Константина Велико-

го до 425 г.² Судьба «Церковной истории» была печальна: произведение сохранилось не полностью – фрагменты труда еретического писателя дошли до наших дней в сокращенном виде в «Библиотеке» патриарха Фотия³; они содержатся также в сочинениях Иоанна Дамаскина, в частности в «Мученичестве Артемия»⁴; в лексиконе Суда; арианской житийной литературе и анонимном «Житии Константина», дошедшем в *Codex Angelicus 22*⁵; а также в трудах Никиты Хониата⁶.

При разборе сокращения первой книги «Церковной истории» можно отметить большое число сходств фрагментов «еретической» истории с отрывками из трудов Евсевия и его продолжателей, панегирической литературы; имеются также намеки на использование автором трудов иудейской историографии. Одни фрагменты представляют собой сжатое изложение первоначального текста (см.: Philostorg. Hist. ec. I. 1, 3, 5, 8), в других (Philostorg. Hist. ec. I. 2, 4–8, 10) содержание отдельных глав «Церковной истории» дано более полно. Иногда встречаются прямые выписки из оригинального произведения, причем для этой цели Фотий выбирал те места, которые находил наиболее значимыми и интересными. Несмотря на фрагментарность и сжатость произведения, дошедшего до нас благодаря Фотию, а также многочисленные текстологические разночтения в других сочинениях, содержащих фрагменты «Церковной истории», имеющегося материала всё же достаточно для изучения письменных источников, на которые опирался Филосторгий при создании своего труда, и для определения тех методов и способов, которые античный автор использовал для отбора исторического материала.

К настоящему моменту известно несколько работ об отдельных проблемах его творчества. Статья З. В. Удальцовой о Филосторгии⁷ является единственной серьезной работой на русском языке о жизни и творчестве еретика; в ней без каких-либо подробностей указываются сочинения древних писателей, известные Филосторгию. Так же кратко рассматриваются источники его труда в первом томе трехтомного издания «Культура Византии»⁸.

Расхождения в арианстве возникли из-за особенностей церкви, а именно в силу специфики церковной организации. Если в Риме пресвитеры были представлены кафедральным клиром при епископе и положение их было временным, то Александрия имела церковь и пресвитера при каждой лавре (городском квартале)⁹, что являлось следствием большего распространения христианства на Востоке, в особенности в Египте¹⁰. Это способствовало оживлению приходской жизни, а пресвитеров делало вполне независимыми от местного епископа¹¹. Арий имел возможность свободно проповедовать свое учение; он сумел обратить на себя внимание как внешним видом, так и склонностью к искусству диалектики (Sozomen. Hist. ec. I. 15) и экзегезы (Eriphanus.

Panarion. 69. 3). В дальнейшем это обстоятельство сыграло против единства арианской церкви.

Филосторгий придерживался евномианства – крайне левой фракции (аномии) арианства¹². Сторонники этого учения отвергали непознаваемость и непостижимость Бога и считали, что хотя Сын подобен Отцу, но они не единосущны и «не равного существа» (Philostorg. Hist. ec., II. 3). Полная труда и борьбы жизнь Филосторгия не помешала ему заниматься литературной деятельностью. К этому его побуждала, с одной стороны, природная наблюдательность, выражавшаяся в стремлении собирать интересные факты и записывать их на греческом языке «на память» себе и соплеменникам, с другой – горячая ревность евномианина и каппадокийца, защищавшего свои идеалы всеми доступными средствами, в том числе и литературными. Так появилась «Церковная история», написанная ad gloriam арианства.

Характер изложения материала в этом труде позволяет предположить, что он, скорее всего, был написан в Константинополе, где автор имел доступ к одной из крупнейших библиотек того времени¹³. Конкретные источники, естественно, варьировались в зависимости от освещаемых в труде событий конкретного периода Римской и церковной истории. Уникальность сочинения еретического автора в том, что он следовал как старой античной традиции, так и набирающей силу христианской историографии. В отличие от Евсевия Памфила и его ортодоксальных продолжателей, Филосторгий в первой книге демонстрирует более слабую работу с источниками. Подобно большинству античных авторов, он редко ссылается на источники своей информации, причем только один раз – на «отца церковной истории» Евсевия Кесарийского. Об этом свидетельствует упоминание Филосторгием трудов Евсевия («Церковная история» и богословские сочинения), которые он удостаивает похвалы (Philostorg. I. 2): «Филосторгий хвалит Евсевия Памфила как за все в целом, так и в особенности за его «Историю», утверждая, однако, что по отношению к благочестию тот пребывал в совершенном заблуждении. «А заблуждение, – говорит сей нечестивец, – состоит в том, что Евсевий признает Бога непознаваемым и непостижимым». Филосторгий утверждает, что Евсевию было присуще множество подобного рода заблуждений, и еще свидетельствует, что часть «Истории», основанную на личных воспоминаниях, тот оканчивает временем, когда дети Константина Великого наследовали отцу» (Philostorg. I. 2. Пер. В. А. Дорофеевой). К сожалению, кроме «Церковной истории», невозможно установить другие произведения Евсевия, использованные в этом фрагменте.

В церковной историографии существует несколько версий «видения Константина». Первоначальным, «базовым», является описание Евсевия

Памфила в *Vita Constantini*, написанной примерно в 337 г., то есть сразу после смерти Константина¹⁴. Другая версия нашла свое отражение в труде христианского ритора Лактанция в *De mortibus persecutorum*, составившегося до 313 г.¹⁵ Сходную картину с той, что имеется у «отца церковной истории», представляют схоластик Созомен Саламинский в «Церковной истории» и Руфин Аквилейский в латинской версии одноименного сочинения, писавшие под влиянием труда Евсевия¹⁶. У Филосторгия представлено совершенно особое, уникальное «видение» креста Константина. Рассмотрим описание этого чудесного явления в трех трудах – в *Vita Constantini* Евсевия Памфила, в «сокращении» Фотия и «Мученичестве Артемия» Иоанна Дамаскина.

В описании «чудесного видения» Константина (I. 6) автор использовал *Vita Constantini* (Euseb., *Vita Const.* 28). Некоторые исследователи полагали, что описание этого «чуда» у Филосторгия и Лактанция сходны¹⁷: «Как и другие, он (Филосторгий. – А. З.) пишет, что причиной поворота Константина Великого от эллинского верования к христианству стала победа над Максенцием. Сверху было знамение креста, с Востока, простирающееся далеко. Сияние поразительным образом составляло его, и звезды окаймляли его кругом в виде радуги и складывались наподобие букв: они на языке римлян составляли (следующее): «В этом победа»» (Philostorg. I. 6).

Дополнением к сведениям Филосторгия можно считать фрагмент из труда под названием «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии, извлеченное из “Церковной Истории” Филосторгия и некоторых других Иоанном – монахом (Дамаскиным)». В этом фрагменте говорится: «...А ко Христу он склонился, когда он (Христос. – А. З.) воззвал с неба, в то время как он (Константин. – А. З.) вел и опасную, и очень тяжелую битву с Максенцием, он (Христос. – А. З.) послал ему знамение креста в полдень, над солнцем лучезарно сиявшее светом и римскими письменами подобными звездам (подразумевается: *en touto nika*. – А. З.), предсказавшее победу в этой войне» (Artem. Passio. 45).

Описание Филосторгия во многом сходно с «оригинальной» версией Евсевия в *Vita Constantini*: «...Когда солнце находилось в положении полудня и уже день склонялся к (заходу), он (Константин. – А. З.) сказал, что своими глазами увидел на самом небе составленный из солнечного креста трофей (победный знак), образованный из света, и надпись им (знаком. – А. З.) составленная гласила: «в этом победа»» (Euseb. *Vita Const.* I. 28).

Лактанций же упоминает только о том, что Константину Христос явился во сне и повелел нанести символ на щиты воинов: *Commonitus est in quiete Constantinus, ut caeleste signum dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. Fecit ut iussus est et transversa X littera, summo capite circumflexo,*

Christum in scutis notat («Константин был предупрежден во сне, чтобы начертал небесный знак Бога на щитах и лишь тогда начинал сражение; он сделал, как предписывалось: когда проснулся, изобразил на щитах скрещенную букву X, знак Христа» (Lact. XLIV. 5)).

Для исследования представляет интерес «исходная» версия Евсевия Кесарийского. Анализируя каноническую версию описания «чудесного видения» Константина (Euseb. *Vita Const.* I. 28), можно разделить его на следующие элементы:

- 1) рассказ о том, что Константин сам увидел это знамение;
- 2) знамение креста состоит из света;
- 3) крест располагается на солнце;
- 4) знамение дополнено надписью: «Этим победишь»;
- 5) действие произошло около полудня, но когда солнце уже склонялось к западу.

Если рассмотреть «сокращение» Фотия по такой же схеме, то получаем:

- 1) у Фотия имеется лишь намек на то, что Константин мог увидеть это «знамение», явленное «во время» победы над Максенцием; здесь возможен несколько неточный пересказ Фотием отрывка из Филосторгия;

2) в отличие от Евсевия, у Филосторгия знамение креста окружено сиянием;

- 3) крест окружен звездами подобно радуге; здесь прослеживается намек на появление этого видения ночью;

4) знамение дополнено складывающейся в виде римских букв надписью: «Этим победишь»;

- 5) знамение простерлось на востоке.

Таким образом, в тексте Фотия представлена традиция, изначально основанная на *Vita Constantini* Евсевия.

Анализ фрагмента из «Мученичества Артемия» позволяет констатировать:

- 1) Христос свыше призывает Константина;
- 2) как и у Евсевия, знамение явлено императору в полдень;
- 3) крест лучезарно сияет над солнцем;
- 4) римские буквы «звездовидны».

Анализируя фрагмент из мученичества святого Артемия, можно прийти к выводу, что описание Филосторгия составлено под влиянием *Vita Constantini* Евсевия. Если провести детальное сравнение двух рассказов, основанных на труде еретического автора, то можно заметить, что между ними имеется ряд несоответствий. В повествовании об Артемии чувствуется большее влияние традиции Евсевия, нежели в эпитоме Фотия. Таким образом, текст Филосторгия, как он представлен в эпитоме, видимо, более соответствует первоначальному тексту «Церковной истории».

При детальном сравнении двух версий становится понятно, что их сходство касается исключительно того времени суток, когда наблюдалось знамение (ночное время). Лактанций

и Филосторгий (по версии Фотия) считают, что «знамение» было явлено императору ночью, причем, согласно первому из них, оно приснилось Константину (Lact. XLIV. 5), а второй, судя по фрагменту, отмечал, что император увидел его своими глазами (Philostorg. I. 6). По версии «Мученичества Артемия», Константин увидел знамение в полдень, что еще больше сближает рассказ с версией Евсевия. Расхождения версии Фотия и «мученичества» может быть объяснено особенностями «переложения» первого, где были упущены важные моменты описания. Несмотря на это, описание Филосторгия обладает своей спецификой. По мнению Ф. Винкельмана и Ж. Биде, здесь чувствуется влияние некой утраченной арианской традиции о «видении» Константина Великого¹⁸.

В том, как Филосторгий определяет авторство Маккавейских книг, чувствуется знание им текстов Иосифа Флавия и Ясона из Кирены (Масс., 2. 23), Иосифу он приписывает авторство IV книги (Philostorg. I. 1). По мнению исследователей, в этом Филосторгий испытал влияние «Церковной истории» Евсевия¹⁹.

В описании событий Никейского собора основными источниками Филосторгия были акты Первого Вселенского собора, а также арианские предания и арианская житийная литература²⁰. В рассказе о начале раздоров между Арием и Александром ощущается (Philostorg. I. 4) знание Филосторгием трудов Афанасия Александрийского (Athenaeus. 11. 7; С. Ar. 73. 5) и Епифания (Pan. 68. 4. 2; 69. 1. 2; 69. 2. 4). Документы сопровождаются комментарием, составленным с позиций арианской стороны; здесь же добавлены предания ариан о событиях Первого Вселенского собора (Philostorg. I. 7–10). Скорее всего, здесь содержатся предания и слухи аномиев, последователей Аэция²¹, причем в последнем фрагменте I книги влияние аномиев ощущается сильнее всего.

Знание автором панегириков проявляется во фрагменте, в котором описано наследование Константином царства его отца Констанция Хлора (Philostorg. I. 5): «Констанций, отец Константина Великого, по словам Филосторгия, за доблесть был провозглашен правителем Верхней Галатии, где расположены так называемые Альпы. Эта местность труднодоступна и непроходима. Сейчас Верхнюю Галатию римляне называют Галлией. Смерть настигла Констанция в Британии, именуемой также Альбионом. Там его сын Константин, удивительно избегнув козней Диоклетиана, застал отца уже занемогшего и вскоре, собственноручно предав (его) тело земле, наследовал (его) царство» (Philostorg. I. 5).

В этом предложении обращает на себя внимание анахронизм: употреблено слово Галатия (*he Galatia*) вместо традиционного для церковных историков названия Галлии (*he Gallia*). Следует отметить использование Филосторгием древних названий народов, стран и провинций

на протяжении всей «Церковной истории». В предшествующий период греческие и римские авторы применяли три термина для обозначения всех континентальных кельтов²². Словом *кельты* называли их греческие писатели, начиная с Геродота (Hist. 2. 33; IV. 49). Диодор Сицилийский (Diodor. V. 32; I. 25) также использует это название, а племена, живущие за Рейном, именует *галатами*. Дион Кассий (Dio Cass. XXXIX. 49), наоборот, помещал *кельтов* на правом берегу Рейна, а *галатов* – на левом. Цезарь (Caes. B. G. 1. 1) и Павсаний (X. 21. 5) – единственные авторы, которые поясняют, что именем *кельты* эти племена называли себя сами. Римские авторы обозначали континентальных кельтов словом *галлы*. В позднеантичный период Зосим называл галлов, в соответствии с предшествующей традицией, *галатами* (см.: Zosim. Hist. nov. I. 64. 1; II. 53. 3; II. 17. 2; IV. 19. 1; IV. 24. 4; V. 37. 5) и *кельтами* (IV. 12. 1; IV. 34. 2), а Галлию *Галатией*²³ (III. 8. 1; V. 31. 4; VI. 2. 2; VI. 3. 3; VI. 4. 1; VI. 5. 1), что является намеренным шагом, поскольку «Новую историю» автор мыслил продолжением «Всеобщей истории» Полибия. По мнению М. А. Тимофеева и М. Ф. Высокого, употребление столь устаревшего слова Филосторгием могло быть сделано намеренно для архаизации текста²⁴; это подтверждают дальнейшим утверждением автора: «Ныне (Верхнею) Галатию римляне называют Галлией» (Philostorg. I. 5). Тенденция к использованию архаизмов не прослеживается у Евсевия Кесарийского и его ортодоксальных продолжателей, что во многом связано с характером их «Церковных историй». И. Ю. Вашева справедливо отмечает, что Евсевий, как и прочие, рассматривал весь мир в целом, все народы ойкумены в совокупности²⁵. Он разрывал полисную замкнутость греков, отказывался от идеи римской исключительности, присущей античной исторической мысли; ставил и римлян, и эллинов, и варваров на одну ступень и неоднократно подчеркивал равенство «всех земных племен». Евсевий и его ортодоксальные продолжатели разделяли человечество не по территориальному или этническому признаку, что было характерно для представлений античности, а по религиозной (конфессиональной) принадлежности. Вместо традиционного античного деления людей на эллинов и римлян, с одной стороны, и «варваров» – с другой, он сформулирует новый принцип противопоставления народов – в зависимости от вероисповедания – и разделит человечество на христиан и нехристиан. Соответственно Филосторгий, находясь в оппозиции императорской власти и в то же время будучи еретиком евноминанского толка, то есть враждебным официальной церкви, мог позволить себе несколько отойти от установленных правил в греческой церковной историографии, разделив человечество не только по религиозному признаку, но еще и по территориальному и этническому, приблизившись тем

самым к классическим авторам²⁶. Как отмечает Ф. Р. Эмидон²⁷, Филосторгий, несмотря на презрение к язычникам, отнюдь не чуждался традиционных правил, установленных в нехристианской историографии, добавляя в своё повествование, подобно Геродоту, географические сведения и древние названия различных регионов Римской империи и ойкумены.

Подобно многим языческим и христианским авторам, Филосторгий дает положительные оценки отцу императора Констанцию Хлору, называя *доблесть* причиной провозглашения его правителем Верхней Галатии. Важным является далеко не случайное помещение Констанция Хлора в контекст первого фрагмента, где дано описание региона; возможно, это прием для дополнительной героизации отца Константина, подтверждением чему служат слова о непроходимости и труднодоступности Галлии (Philostorg. I. 5). Идея противопоставления географической среды – доблести героев повествования не нова в античной историографии.

М. А. Тимофеев и М. Ф. Высокий полагают, что привычное наименование племени галатов Филосторгий, возможно, применил ко всем кельтским племенам. Однако далее арианский историк употребляет это название лишь однажды, упоминая о гибели императора Грациана от коварства тирана Максима в *Верхней Галатии* (Philostorg. IX. 5), что делает вторую версию, предложенную исследователями, не соответствующей действительности. Так, говоря о назначении Юлиана цезарем, историк сообщает о переводе его в *Галлию* для усмирения провинции (Philostorg. IV. 2). В другом случае Филосторгий, рассказывая о мятеже Ветраниона, называет Юлийские Альпы границей между Италией и *Галлией* (Philostorg. II. 24). Возможно, в своей эпитоме патриарх Фотий заменил «Галатию» «Галлией».

Подобная тенденция была характерной и для предшествующего времени. Примером может служить «Анабасис» Ксенофонта (430–356 гг. до н. э.), где повествуется о событиях 401–399 гг. до н. э., когда преданный и брошенный на произвол судьбы отряд греческих наемников совершил поход из Вавилонии через Армению к Черному морю. В этом труде греки противопоставляются не только персам и народам Ахеменидской державы с их культурой, но и чуждой им местности. Другие яркие примеры можно найти в латинских панегириках, а именно в описании могущества римских императоров. Так, в панегирике Констанцию Хлору (Pan. Lat. IV) в ходе осады Гезуриака император сумел «одолеть саму природу местности» (Philostorg. VI. 2)²⁸. И. Ю. Шабига обращает внимание на стремление панегиристов представить императора способным влиять на природу: в его силах будто бы изменить и подчинить погоду²⁹. Симпатизируя Константину, Филосторгий сообщает, что ему удалось добраться до отца, «удивительным образом избегнув козней

Диоклетиана», и наследовать его царство. Таким образом, арианский церковный историк, подобно ортодоксальным авторам, считает первого христианского императора достойным управлять после смерти отца – тоже достойного правителя. Здесь явно прослеживаются элементы риторики: различные преувеличения, стремление обратить внимание читателя (или слушателя) на обстоятельства, способные подчеркнуть достоинства восхваляемого лица. Общеизвестные факты, с этой точки зрения, не существенны, поэтому они затрагиваются вскользь³⁰. Всё это бросается в глаза в описываемом фрагменте. Отсюда можно предположить, что в оригинальном произведении евномиянина были использованы панегирики, возможно, галльские. Работая в библиотеке Константинополя, историк мог обращаться к панегирикам времен Константина Великого: панегирику Максимиану и Константину (Pan. Lat. VI [VII] 5–6); панегирику Августу Константину (VIII [V] 2. 1, 6–9, 12–21; VII [V] 4. 2–4; XII [IX] 25. 1–2).

Таким образом, разнообразие источников, использованных в «Церковной истории», свидетельствует о неординарности Филосторгия как церковного историка того времени. Кроме знания Филосторгий опирался не только на текст Священного Писания, но и на труды современников Никейского собора, а именно на сочинения Афанасия, «Жизнь Константина» и «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, *Панарий* Епифания Кипрского. Анализ I книги показывает осведомленность Филосторгия также в нехристианской литературе, в частности, он знал труды Иосифа Флавия и Ясона из Кирены. Отдельного внимания заслуживает использование еретическим историком панегирической литературы, например, латинских панегириков. Однако анализ этого материала требует специального исследования.

Примечания

- 1 См.: *Ващева И. Ю.* Образы императоров в «истории» Филосторгия // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политика. Экономика. Информатика. 2010. № 13. Вып. 15. С. 19–27; *Удальцова З. В.* Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // Византийский временник. М., 1983. Т. 44. С. 3–21; *Она же.* Развитие исторической мысли // Культура Византии IV – первой половины VII вв. М., 1984. С. 213–222; *Бибилов М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 54–55.
- 2 То есть до провозглашения императором Западной Римской империи малолетнего Валентиниана III.
- 3 Полное название эпитомы переводится следующим образом: «Сокращение из “Церковной истории” Филосторгия, со слов патриарха Фотия».
- 4 «Мученичество Артемия» было взято из труда Филосторгия и других авторов. Римское название этого произведения в русском переводе таково: «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии,

- извлеченное из «Церковной истории» Филосторгия и некоторых других Иоанном – монахом (Дамаскиным)». Отсюда понятно, что основным источником Иоанна Дамаскина стала именно дошедшая во фрагментах «Церковная история». В названиях других списков этого мученичества об авторстве и тем более об источниках, как правило, ничего не говорится.
- 5 Анонимное «Житие Константина» написано в середине XI в. византийскими монахами. Кроме «Церковной истории» Филосторгия в нём использованы произведения Евсевия Памфила, Зосима, Сократа Схоластика и др. «Житие» было найдено Пио Карпини де Кавальеро в 1896 г. в библиотеке Ватикана и впервые издано Ж. Биде в 1913 г. как дополнение к его монографии. Другое известное издание: *Opitz H. G. Die Vita Constantini des codex Angelicus 22 // Byzantion. 1934. Nr. 9. S. 540–590.*
  - 6 Фрагменты из Филосторгия нашли свое отражение в *Thesaurus orthodoxae fidei* Никиты Хониата.
  - 7 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 3–21.*
  - 8 *Она же. Развитие исторической мысли. С. 213–222.*
  - 9 См.: *Pearson B. A. Egypt // Cambridge History of Christianity. Cambridge, 2006. Vol. 1. P. 387.*
  - 10 См.: *Снасский А. А. Обращение императора Константина Великого в христианство. СПб., 2007. С. 19–20; Болотов В. В. История Древней церкви : в 4 т. Минск, 2008. Т. III–IV. С. 25.*
  - 11 См.: *Болотов В. В. Указ. соч. С. 47–48.*
  - 12 Там же. С. 108. Исследователь предложил деление ариан Востока на четыре фракции: 1) крайних левых – аэтиан и евномиян; 2) левых – евсевиан и евдоксиян; 3) правых – акакиян; 4) крайних правых – василиан.
  - 13 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 3–21; Demandt A. Die Spätantike : Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989.*
  - 14 См.: *Blackman B. Eusebius von Caesarea als Verfasser der Vita Constantini // Eusebius von Caesarea. Über das Leben Konstantins / Übersetzt und kommentiert von H. Schneider. Turnhout, 2007. S. 14.*
  - 15 Трактат, по мнению ряда исследователей, был в процессе написания около десяти лет, то есть с 303 г. по 313 г. н.э. См.: *Тюленев В. М. Возникновение христианской историографии // Лактанций. О смертях преследователей / пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 1998. С. 23.*
  - 16 Временем написания труда Руфина можно считать начало V в. н.э. См.: *Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 84.*
  - 17 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 15.*
  - 18 *Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochen und den Fragmenten eines arianischen Historiographen // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte / hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. S. CXXVII.*
  - 19 *Philostorgius. Church History / ed. by P. R. Amidon. Atlanta, 2007. P. 9.*
  - 20 *Ferguson T. C. The Past in Prologue. Revolution of Nicene Historiography. Leiden; Boston, 2005. P. 132–137.*
  - 21 *Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / пер. с древнегр. В. А. Дорофеевой // Церковные историки IV–V веков. М., 2007.*
  - 22 *Куликова Ю. В. Рим и галлы до проконсульства Юлия Цезаря // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 144.*
  - 23 Однако следует отметить единичный случай упоминания Галлии в её латинизированной форме (*he Gallia – Zosimus. Hist. nov. II. 14. 1*). См. предметный и именной указатель Н. Н. Болгова: *Зосим. Новая История / пер. с древнегр. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 282–283.*
  - 24 См. комментарии исследователей: *Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / пер. с древнегреч. В. А. Дорофеевой / Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 524.*
  - 25 *Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. С. 88.*
  - 26 Филосторгий был склонен совмещать языческое и христианское деление человечества.
  - 27 *Philostorgius. Church History. P. 5.*
  - 28 «В этом проявилось твое божественное предвидение и равное замыслу исполнение: всю акваторию порта, которую постоянно то захлестывает морской прибой, то обнажает отлив, ты сделал непроходимой для кораблей, вбив при входе бревна и навалив огромные глыбы, и удивительным замыслом одолел саму природу местности. Ведь морской отлив стал совершенно бесполезен и словно насмеялся над не имеющими возможности бежать людьми; отлив этот настолько не приносил никакой пользы осажденным, как если бы совсем прекратился» (Ран. Лат. IV. Пер. И. Ю. Шабаги).
  - 29 *Шабага И. Ю. Программный характер галльских панегириков // Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 84.*
  - 30 Там же. С. 11.

УДК 94(48).01/021

ИСЛАНДИЯ ЭПОХИ НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИБЕРТАРИАНСКОМ ДИСКУРСЕ

И. Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

Данная статья представляет собой обзор взглядов на общество Исландии периода народовластия, существующих в современной либертарианской исследовательской литературе. Основная задача – познакомиться с аргументацией и методологией либертарианских исследователей, понять, какое место занимает средневековая Исландия в либертарианском дискурсе.

Ключевые слова: Исландия, либертарианство, народовластие, минархизм, анархо-капитализм, экономическая теория.

Medieval Icelandic Commonwealth in the Modern Libertarian Discourse

I. Y. Filosofov

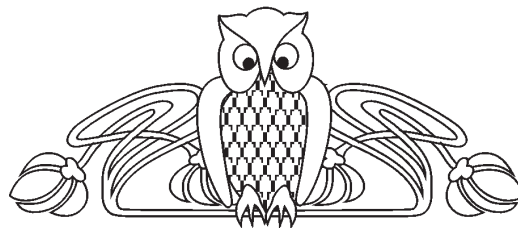
The current article is an attempt of analysis of the image of medieval Icelandic society in the modern libertarian literature. The main aim is to emphasize the main positions of libertarian political philosophy on the subject of Icelandic commonwealth and observe the methodology of libertarian authors, as well as find out what place Medieval Iceland takes in libertarian discourse.

Key words: Iceland, libertarianism, commonwealth, minarchism, free-market anarchism, economic theory.

Однозначный, эмоционально нейтральный язык является необходимым инструментом научного познания и одновременно самым адекватным способом трансляции его результатов. В свою очередь, своеобразный скелет этого языка составляют слова, входящие в терминологический аппарат.

Одна из главных задач терминологии – конвенциональное, то есть возникшее в результате договора в научном сообществе, наименование изучаемых явлений. Однако в исторической науке исследователь зачастую отделён от предмета исследования хронологической пропастью. Наблюдательно-гуманитарно в условиях недостатка данных сложно зачастую удержаться от переноса собственных представлений об общественных механизмах на изучаемую им эпоху.

Примерно такая ситуация, на мой взгляд, складывается в дискуссиях о государственном и общественном устройстве средневековой Исландии. В период между 930 и 1262 гг. на территории Исландии сложилась уникальная для средневековой Европы система управления и регулирования права. Эту систему традиционно именуют «республикой», «свободным государством», «содружеством» (*commonwealth*) или «народовластием»

(*þjóðveldi*), однако спор о дефинициях, о том, чем же именно являлась Исландия той эпохи, далеко не окончен. И спор этот ведется не только в рамках исторической науки.

Во второй половине XX и начале XXI в. Исландия эпохи народовластия привлекла внимание ученых – главным образом философов, экономистов и правоведов – носителей либертарианских взглядов.

В основе политической философии либертарианства лежит запрет на применение агрессивного насилия против личности и частной собственности человека. Государство в рамках либертарианской парадигмы воспринимается как несомненный проводник подобной политики. Как пишет М. Ротбард, «либертарианцы рассматривают государство как высшего, вечного, наилучшим образом организованного агрессора против личности и собственности людей»¹. Следовательно, необходимо либо свести вмешательство государства в жизнь граждан к минимуму (минархизм, представленный в трудах Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, М. Фридмана, аналогичной позиции придерживалась писательница Айн Рэнд и др.), либо вообще отказаться от государства как такового (анархо-капитализм М. Ротбарда, Р. Лонга, Д. Фридмана, Г. де Молилари).

С самого момента появления либертарианства как общественно-политического течения одним из аргументов их противников была принципиальная невозможность создания описываемого либертарианцами типа общества. Либертарианцам необходимо было найти исторический пример, который мог бы послужить и контраргументом в полемике, и – вероятно – образцом для построения моделей развития.

Возможно, первым об исландской «анархии» в XX столетии заговорил выдающийся американский экономист, норвежец по происхождению и основатель институциональной школы Т. Б. Веблен. Веблен не был либертарианцем², однако в своей работе 1917 г. «An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation» он говорит о средневековой Исландии как о «республике непокорных граждан» (*insubordinate citizens*), о неприятии ими феодального государства и его репрессивной машины, а также об отсутствии необходимости в государственной защите. Экономист, впрочем, полагает, что в конечном итоге из-за систематических злоупотреблений исландская система оказалась в положении «глиняного горшка среди стальных котлов»³ и проиграла историческую конкуренцию⁴.

Сконструированный Вебленом смысл, однако, не получал развития вплоть до 70-х гг. XX в. В это время выходят две работы Дэвида Фридмана – в 1973 г. появляется книга «The Machinery of Freedom», а в 1979 – статья «Private Creation and Enforcement of Law: AN historical Case».

Фридман характеризует средневековую Исландию как страну с уникальными особенностями, «будто придуманными сумасшедшим экономистом с целью выяснить, насколько рыночные механизмы могут замещать функции государства»⁵. Главные темы, которые затрагивает исследователь, – источники и функции власти и судебная система.

В «The Machinery of Freedom» поднимается вопрос о системе годорда (*godord*) как фундаменте исландской системы управления. Пользуясь термином *chieftain*, «вождь», как синонимом слова *goði*, он, однако, подчеркивает, что власть годи (изначально бывших, как полагает ряд ученых, языческими жрецами⁶) на протяжении большей части истории исландского народовластия не была сакральной. Годорд в оценке Фридмана – это набор прав, связанных с титулом годи; при этом годорд может быть продан, подарен, одолжен или передан по наследству (*marketable commodity*), то есть является объектом частной собственности.

Фридман отдельно обращает внимание на то, что группа тингменов, связанная с определенным годи, также именуется годордом. Отличие власти годи от власти феодального лорда, таким образом, заключается еще и в том, что власть годи не существует без поддержки отдельных собственников. Каждый человек в Исландии имел право заключить «общественный договор» с любым годи в любой момент – то есть, с точки зрения либертарианской философии, между годи существовала честная конкуренция⁷. Это положение Фридмана было поддержано в 1990 г. исландским экономистом Т. Эггертссоном в книге «Экономическое поведение и институты». «Политическая арена во времена раннего исландского народовластия, – пишет Эггертссон, – представляла собой конкурентный рынок с 35 компаниями-игроками примерно равной силы»⁸.

Годи выступает связующим звеном между тингменами и судебной системой – главной ветвью власти в средневековой Исландии, которая также находится в фокусе внимания автора.

Статья ««Private Creation and Enforcement of Law: AN historical Case» посвящена проблеме поддержания правопорядка в обществе, где функции государства минимальны. Автора интересуют тяжкие преступления и порядок исполнения наказаний, существовавший в средневековом исландском социуме. Д. Фридман опирается на статью Г. Бэкера и Дж. Стиглера «Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers»⁹. Бэкер и Стиглер моделируют систему, в которой поймавший преступника получает от пострадавших деньги, удержанные у самого преступника.

Исландский пример Фридман использует как подтверждение работоспособности такой системы.

Историческое воплощение предлагаемых Бэкером и Стиглером принципов Фридман видит в существовавшей на острове в эпоху народовластия правовой практике. Судебная власть (представленная в Исландии четырех-, а впоследствии и пятиступенчатой системой судов) не исполняла наказания; она лишь оглашала приговоры, согласно принятым и оглашенным на альтинге законам. В условиях фактического отсутствия исполнительной власти и правоохранительных органов, преимущественное право на судебное преследование нарушителя¹⁰ передавалось пострадавшему (или родственникам жертвы). Однако оно могло быть передано или продано другому человеку, как это, например, описано в «Саге о Ньяле»: *Кончилось тем, что Гишур взял это на себя. Он предъявил иск со Скалы Закона и сказал так:*

– Я обвиняю Гуннара, сына Хамунда, в том, что он незаконно первым напал на Торгейра, сына Откеля, и нанес ему глубокую рану, от которой Торгейр умер. Я утверждаю, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Из его имущества половина причитается мне, а другая половина – тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона»¹¹.

С одной стороны, по мнению Фридмана, возможность распоряжаться своим правом как товаром обеспечивала защиту людям, не имеющим достаточного количества ресурсов и опыта, чтобы вести тяжбы, с другой стороны, способствовала снижению социальной напряженности и ограничивала применение насилия – стороны вынуждены были оценивать финансовый риск, связанный с неизбежной выплатой вергельда¹².

Фридман отмечает, что, с одной стороны, исландское общество могло производить¹³ «эффективный закон» (*efficient law*), то есть регулировать внутренние отношения в рамках гражданского, а не уголовного законодательства, с помощью рыночных механизмов с минимальными издержками, а с другой – максимально сузило сферу применения агрессивного насилия. Он приводит данные Эйнара Оулавюра Свейнссона, согласно которым за всю эпоху Стурлунгов (1208–1260), считающуюся наиболее кровавым периодом в истории страны, насильственной смертью умерли около 350 человек – при населении в 70 тысяч. Число других насильственных преступлений, совершаемых на острове (изнасилований, пыток), также было крайне малым¹⁴.

Интересно отметить, что Фридман уделяет немалое внимание возможности применения исландского опыта на практике, в современном правовом регулировании. В указанной статье ученый, по сути, предлагает транспонировать исландскую систему на современное общество. Первый шаг на этом пути, по Фридману, есть

перевод всех уголовных преступлений в разряд гражданских с установленным размером выплат, второй шаг – превращение права на публичное судебное преследование в свободно покупаемую услугу. В тех случаях, если преступник неспособен выплатить потерпевшему необходимую сумму, в качестве наказания можно использовать некое подобие долгового рабства (*thralldom*).

Будучи внедрена в предложенном виде, эта исландская система, по мысли Фридмана, вызовет еще одно важнейшее изменение – частные правоохранительные компании, профессиональные «ловцы воров» (*thief-takers*) со временем вытеснят государственную полицию как менее эффективный институт.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. вышло несколько работ, подкрепивших ряд утверждений Фридмана и ставших отправной точкой для дальнейших дискуссий. С одной стороны, это фундаментальный труд историка Дж. Л. Байока «Средневековая Исландия: общество, саги и власть», где тщательно исследуются границы власти гоði и взаимоотношения их с бондами в рамках годорда. С другой – работы исландских экономистов, уже упоминавшегося Т. Эггертссона и Биргира Рунольфссона Солвасона, в 1991 г. защитившего диссертацию под названием «Ordered Anarchy, State and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930–1262»¹⁵. В последующих обсуждениях либертарианские авторы опираются не только на позицию Фридмана, но и на данные этих исследований.

В 2002 г. увидела свет статья «Living on the Moon» Дж. Даймонда, автора нашумевшей книги «Ружья, микробы и сталь». Даймонд, рецензирующий труды Дж. Л. Байока и Гуннара Карлссона, рисует картину средневековой Исландии как страны, где «не было бюрократии, налогов, полиции и армии... части функций государства просто не существовало, а другая часть была приватизирована». Однако то, что Исландия пошла по пути приватизации «дальше, чем администрация Рейгана в самых смелых мечтах»¹⁶, автор расценивает исключительно негативно¹⁷. В антигосударственной политике Даймонд видит причину и начала гражданской войны в эпоху Стурлунгов, и утраты Исландией независимости. Автор активно высказывается и против применения исландского опыта в современном обществе, выступая оппонентом Д. Фридмана. «The American Prospect» даже назвала статью Даймонда «отличным подспорьем всем, кто выступает против приватизации и снижения роли государства»¹⁸.

На заявлении Даймонда, однако, последовал ответ со стороны одного из главных теоретиков анархо-капитализма, Р. Т. Лонга. В статье с характерным названием «Privatization, Viking Style: Model or Misfortune», Лонг последовательно опровергает доводы своего оппонента. Он говорит об Исландии как о «свободном государстве», социальном эксперименте, который трудно не признать успешным.

Лонг видит положительные черты именно там, где Даймонд усматривает отрицательные. Так, ситуация, когда вокруг усадьбы гоði образуется лоскутное одеяло владений, часть которых принадлежит его последователям, а часть – сторонникам других гоði, у Даймонда описывается как «рецепт хаоса», провоцирующий распри; Лонг же видит в ней противовес, не дающий отдельным властителям чрезмерно усилиться. Он указывает, что деление на нетерриториальные альянсы и отсутствие привязки правового режима к территории, напротив, снижали накал конфликтов.

Именно поэтому главной причиной упадка исландского народовластия Р. Т. Лонг считает не те принципы, которые были положены в его основу, не географические и природные факторы¹⁹, а появление территориального налогообложения в виде церковной десятины. «Юрисдикция гоði не была связана с территорией, – пишет Лонг, – вожди, стремящиеся к возвышению, погнавшиеся за роскошью или требующие слишком большую плату за свои услуги, теряли сторонников. Но десятина была привязана к региону: каждый живущий в окрестностях церкви обязан был жертвовать именно на неё, и ни на какую другую»²⁰. Ловушка, по мнению исследователя, заключалась в том, что теперь с титулом гоði, остававшимся предметом торга, можно было купить церковь и собирать территориальный налог.

Доход больше не зависел от репутации, качества «услуг» (т. е. военной и судебной защиты, представления интересов в альтингге etc.) и степени довольства приобретателей этих услуг (бондов, тингменов), но только от богатства конкретных *stadhir*– церковных округов. Аккумуляцию влияния отдельными родами стало невозможно контролировать, и, вероятно, даже договор с норвежским королем выглядел меньшим злом. Исландцы воспринимали правителя Норвегии лишь как еще одного регионального вождя, причем более богатого и менее жадного до налогов (что, однако, не оправдалось), чем представители пяти местных семейств.

Таким образом, свободное государство Исландия, по версии Лонга, утратило независимость не из-за гиперприватизации, а из-за отказа от неё. Свободный рынок товаров и услуг, существовавший в Исландии до распространения церковной десятины, оценивается ученым намного позитивнее, чем «карманные», контролируемые рынки, сложившиеся в результате деятельности влиятельных родов. В либертарианской трактовке Лонга, именно те области, в которых приватизация достигла наибольших успехов, удерживали на плаву средневековую Исландию в течение более чем трех столетий.

Для Р. Т. Лонга Исландия эпохи народовластия является образцом общества, близкого к анархо-капиталистической модели. Чтобы проиллюстрировать потенциальную привлекательность, стабильность и безопасность такого общества, он сравнивает положение в средневековой Исландии

с тем, что происходило в то же время в Англии и Норвегии – разумеется, не в пользу последних.

Схожие взгляды высказывает и Т. Уистон, опубликовавший в *Mises Daily* – веб-журнале австрийского Института Людвиг фон Мизеса – статью под названием «Medieval Iceland and The Absence of Government»²¹. Повторяя в целом положения, сформулированные Фридманом и Лонгом, он заключает, что средневековая Исландия по сути являлась безгосударственным обществом, где «людей избирают сообразно их компетентности... они не обязаны обладать статусом, деньгами, властью, как настаивают сторонники жесткого госрегулирования... единственным же королем является потребитель».

Из исследований последнего времени внимания заслуживает работа «Discovering Law: Hayekian Competition in Medieval Iceland», опубликованная в 2012 г. К. Б. Керекеш и К. Д. Уильямсон²². Эта статья – опыт применения к средневековой Исландии теории конкуренции, разработанной лауреатом Нобелевской премии по экономике Ф. фон Хайеком.

Исландский подход к «производству» законов они трактуют через призму хайекианской философии. Источник общественного порядка, согласно фон Хайеку, «лежит не в сознательном решении людей принять некие общие правила, а в существующих у них представлениях о том, что хорошо и что плохо. Общество как целое возникло не потому, что кто-то сознательно навязал людям кодекс справедливости, а потому, что в сознании людей сложилась определенная система правил»²³. Фон Хайек полагал, что конкуренция сама устанавливает порядок и создает равновесие рынка, а побеждает в конкурентной борьбе тот, кто сумел уловить рассеянное в обществе знание и создать на его основе нечто новое. Именно поэтому он называет конкуренцию процедурой открытия.

По мнению Керекеш и Уильямсон, закон, проистекающий из пресловутых понятий о том, что хорошо и что плохо, возможно постигать через такую же процедуру открытия. Исландский материал используется ими для иллюстрации этого положения.

Годи продаёт своим последователям услуги арбитра, защитника и правоохранителя. Он также заседает в альтинге. Чтобы справляться с этими обязанностями, годи должен обладать представлениями о том, что такое закон – то есть улавливать неявное знание (*tacit knowledge*) и применять его при принятии решений. Наиболее уважаемые и популярные годи также легко приспосабливались к меняющимся обстоятельствам, как приспосабливаются к изменяющимся экономическим условиям успешные рыночные игроки.

Таким образом, средневековая Исландия с фактическим равноправием всех групп свободнорождённого населения, крайней децентрализацией, распределенной исполнительной властью в либертарианском дискурсе предстает конкретным

историческим примером существования саморегулирующегося и де-факто безгосударственного общества. При этом практическая составляющая либертарианской философии допускает возможность использования исландского опыта в социальном строительстве.

Несмотря на обширную и небезосновательную критику²⁴, либертарианская концепция представляет, по моему мнению, безусловный интерес для скандинависта – и как «взгляд со стороны» на целый ряд существующих научных проблем, и, безусловно, как опыт применения немарксистской экономической методологии.

Автор выражает благодарность кандидату юридических наук Андрюценко Е. С. за помощь в вопросах юридической терминологии.

Примечания

- ¹ *Pombarð M. К новой свободе. Либертарианский манифест. М., 2009. С. 398.*
- ² До 1940-х гг. термин не употреблялся, пока Леонард Рид не назвал себя «либертарианцем» в противовес американским левым «либералам», сторонникам личной свободы в сочетании с госрегулированием в духе «нового курса».
- ³ *Veblen T. B. An Inquiry of the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation. URL: https://www.brocku.ca/MeadProject/Veblen/Veblen_1917/Veblen_1917_01.html (дата обращения: 18.04.2014).*
- ⁴ Позиция Веблена в этом вопросе как раз отличается от либертарианской – Веблен полагает причину прекращения существования «свободного государства» Исландии лежащей в самих принципах её устройства, а либертарианцы, напротив, в отказе от этих принципов.
- ⁵ *Friedman D. Private Creation and Enforcement of Law: A Historical Case. URL: <http://www.davidfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html> (дата обращения: 19.04.2014).*
- ⁶ Автор этих строк предполагает, что годи были носителями патриархального типа власти со жреческими функциями, исходя из предположения об отсутствии у скандинавов в историческое время организованного жречества.
- ⁷ Аналогичной позиции придерживается Дж. Л. Байок: «Крестьяне-хозяева не избирали своего годи непосредственно на выборах, они выбирали одного из числа, зачастую немало, соперничающих годи в четверти. В избранных лидерах свободные хозяева (то есть большинство крестьян) полагались на то, что существенных различий между предводителями и обычными хуторянами в ранней Исландии было немного. Годи сами являлись видными региональными хозяевами-хуторянами, и исландские вожди были тем, что антропологи называют «местными большими людьми». Как лидеры, годи имели дело непосредственно со своими сторонниками, и если они хотели на них опираться, то должны были предоставлять тем свою помощь». *Байок Дж. Л. Исландский альтинг : заря парламентской демократии. URL: <http://norse.ulver.com/articles/byock/althing.html> (дата обращения: 21.04.2014)*

- ⁸ *Thrainn Eggertsson*. *Economic Behaviour and Institutions*. Cambridge, 1990. P. 308.
- ⁹ *Becker G. S., Stigler G. J.* *Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers* // *The Journal of Legal Studies*. Vol. 3, № 1 (Jan., 1974). P. 1–18. Chicago, 1974.
- ¹⁰ Обычное убийство (killing), по Фридману, в Исландии было гражданским правонарушением и, как правило, заканчивалось выплатой вергельда – в отличие от «подлого убийства» (murder), где преступник становился легальной целью охоты, будучи объявлен вне закона. Различия между ними лежали в плоскости, скорее, публичной. Законы Гулатинга 1274 г. сообщают о подобном разделении так: «Убийца не должен проходить мимо трех усадеб от того места, где было совершено убийство, не заявив об убийстве, если только там не живут родичи убитого до четвертого колена или ближе, или свояк, или другие родичи убитого, которые, по этим причинам, могут угрожать его жизни. А если он не заявит так об убийстве, тогда у него права убийцы, и лишится имущества и мира». Законы Гулатинга, IV.12. URL: <http://norse.ulver.com/other/landslov/chapter4.html> (дата обращения: 12.03.2014).
- Очень сложно подобрать русские аналоги в данном случае – российская концепция права проводит границу по другим критериям (умысел,отячающие обстоятельства et cetera).
- ¹¹ Сага о Ньяле, LXXIII. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/ru.html> (дата обращения: 21.04.2014).
- ¹² *Friedman D.* Op. cit.
- ¹³ В данном случае слово «производить» отнюдь не случайно. Либертарианство рассматривает законы как
- некую разновидность товаров и услуг, которые, таким образом, вполне могут производиться.
- ¹⁴ *Friedman D.* Op. cit.
- ¹⁵ *Birgir Runolfsson Solvason*. *Ordered Anarchy, State and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930–1262*. URL: <https://notendur.hi.is/~bthru/contents.html> (дата обращения: 01.05.2014).
- ¹⁶ Что ещё и не соответствует действительности: Рейган раздул государственный аппарат и увеличил стоимость его содержания.
- ¹⁷ *Diamond J.* *Living on the Moon*. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/may/23/living-on-the-moon> (дата обращения: 12.03.2014).
- ¹⁸ *Long R. T.* *Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?* URL: <http://archive.lewrockwell.com/orig3/long1.html> (дата обращения: 14.10.2013).
- ¹⁹ Дж. Даймонд известен как убеждённый географический детерминист.
- ²⁰ *Long R. T.* Op. cit.
- ²¹ *Whiston T.* *Medieval Iceland and the Absence of Government*. URL: <http://mises.org/daily/1121> (дата обращения: 14.04.2014).
- ²² *Kerekes C. B., Williamson C. D.* *Discovering Law: Hayekian Competition in Medieval Iceland* // *Griffith Law Review*. 2012, Vol. 2, is. 2. P. 432–447.
- ²³ *Хайек Ф. А. фон.* *Право, законодательство и свобода*. М., 2006. С. 357.
- ²⁴ См. напр.: *Mc. Sweeney T. J.* *Law and Fiction in Medieval Iceland: The Story in the Grágás Manuscripts*. URL: http://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/gender-sexuality/law_and_fiction_thomas_mcsweeney_abstract.docx. (дата обращения: 1.05.2014).

УДК 94(450.521).05+929[Дати+Кавальканти]

ГРАЖДАНИН И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ КОММУНА: ДВЕ ПОЛЯРНЫХ ПОЗИЦИИ В ИСТОРИОПИСАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

И. А. Краснова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: gorward_mail.ru

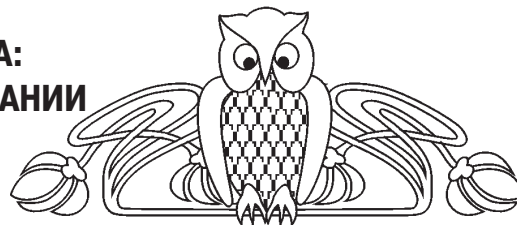
В статье рассматриваются две тенденции историописания Флоренции первой половины XV в.: апологетические хроники на примере «Истории Флоренции» Грегорио Дати и критическое направление в исторических произведениях Джованни Кавальканти. Прослеживается связь особенностей хроникального нарратива с переживанием авторами их социального статуса и личностным началом.

Ключевые слова: исторический нарратив, флорентийская коммуна, апологетические хроники, осуждение отечества.

Citizen and Florentine Commune: Two Polar Positions in Historiography in the First of a Half of the XV Century

I. A. Krasnova

In this article explored two trends of historiography Florence in the first of a half of the XV century: apologetic chronicles on example

of the «History of Florence» Gregorio Dati and critical direction in the historical works of Giovanni Cavalcanti. In work shows relation features of narrative of chronicles with the author's experiences of their social status and personal identity.

Key words: historical narrative, Florentine commune, apologetic chronicles, reprobation of fatherland.

Флорентийцы уже во второй половине XIII в. любили писать историю. Большинство горожан, под пером которых возникали исторические повествования, как правило, не подвергали этот процесс интеллектуальной рефлексии; действуя спонтанно, они почти никогда не озаглавливали свои произведения. *Cronica*, *Cronicetta*, *Diario* (дневник), *Ricordi* (воспоминания, памятные заметки) – названия, данные последующими публикаторами и эрудитами, которые в XVI–XVIII вв. обращались к памятникам «тосканского золотого наречия». Но сами авторы часто

выражали позитивные эмоции, предпринимая немалые труды по составлению хроник: «... мне очень приятно рассуждать о событиях, которые уже произошли и случились; и о тех, которые совершались в мое время, мне также сладостно рассказать и сообщить, что я участвовал в них, как и поговорить о времени, когда они вершились»¹. Что могло стать источником столь явно демонстрируемого удовольствия? Думается, ответ отчасти можно найти в схоластической традиции, известной гражданам Флоренции из морально-философских трактатов, использующих главным образом наследие Аристотеля, которые с XIII в. составлялись не только на латыни, но и на народном языке. Обращаясь к «Трактату о добродетелях и пороках» (*Libro de' Vizi e delle Virtudi*) Боно Джамбони², важно отметить в главе пятой, озаглавленной «О Благоразумии и его путях, первой добродетели», отчетливо постулируемую связь между Благоразумием (*Prudenzia*) и Памятью (*Memoria*): «Благоразумие есть добродетель, которая предрасполагает душу человека к истинному познанию добра и зла, к твердой воле следовать добру и отвергать зло, избегая его... И превосходит эта добродетель все другие, потому что человек отличается от животного только тем самым истинным познанием, которое уподобляет его ангелам. И различается добро от зла по пяти признакам, ... которые и есть добродетели, рождающиеся от Благоразумия, и они называются так: Хорошая память, Хорошее знание (*Buono conoscimento*), Хорошая предусмотрительность (*Buono provedimento*), Хорошее испытание, (*Buono esaminamento*) Хороший выбор (*Buona elezione*)»³. Итак, хорошая память трактовалась как первая добродетель благоразумия. В случае сомнений следовало устремиться к хорошей памяти и вспомнить какое-нибудь прошлое явление, подобное тому, относительно которого следовало принять решение и выяснить, каким путем шли тогда, чтобы достичь блага или зла. Боно Джамбони подчеркивал мудрость такого пути: «К этому способу прибегали древние мудрецы, поэтому... применяйте прошлые дела к настоящим и принуждайте себя держаться прямого и истинного пути»⁴. Таким образом, в труде историописания соединялись воедино благоразумие, память и мудрость. В 40-е гг. XV в. указанная схоластическая формула служила Джованни ди Симоне Кавальканти (1381–1451) для обоснования его длительных усилий по составлению истории Флоренции⁵.

Среди множества различных вариантов хроник и историй в городском обществе можно условно выделить три основных вида. Во-первых, фрагменты хроникальных нарративов, генетически восходящие к семейным книгам: часто они не отделялись от истории рода и политической деятельности автора и выглядели вставками, разрывающими монотонное перечисление имущественных сделок или описание всех пред-

ставителей фамильного древа⁶. Вторым видом можно считать многообразный ряд дневников, хроник и памятных записок, по большей части анонимных, посвященных одному событию или краткому временному периоду: в этом случае автор всегда выступал современником, если не участником событий⁷. Наконец, хроники Джованни Виллани, братьев Малиспини и Маркьонне Стефани ди Бонайути представляли попытку охватить протяженный исторический период от сотворения мира или основания Флоренции до событий, непосредственным свидетелем которых являлся автор⁸.

Начиная со второй половины XIII в. до середины XV невозможно говорить об официальных хрониках, составленных по заказу государства-коммуны, поскольку нет сведений о том, что авторы состояли на службе в качестве «штатных историков» при флорентийской Синьории. Выводы Франки Рагоне⁹, автора фундаментальной монографии «Джованни Виллани и его продолжатели», подтверждают наши предположения. В этой связи возникает необходимость исследовать побудительные мотивы к историописанию у каждого хрониста. Из целого ряда таких предпосылок выделяются вызовы быстро меняющегося социально-политического мира города-коммуны. Политическая система Флоренции отличалась высокой степенью публичной активности горожан, обусловленной сравнительно широким их доступом к коммунальным должностям (избиралось ежегодно до 5000 человек), быстрой сменяемостью (от 2 до 4 месяцев на городских постах), непрерывающейся предвыборной лихорадкой, в которой флорентийское общество пребывало около 200 лет. Поэтому для многих граждан составление хроники становилось формой выражения коммунальной идентичности.

С XIV в. в хроникальных текстах флорентийские сюжеты начинали выступать на первый план, отесняя биполярное видение мира как противостояние двух универсальных сил – папства и империи, более характерное для исторических нарративов XIII в.¹⁰ «Флорентинизм» обусловил две тенденции: появлялись апологетические повествования во славу Флорентийской коммуны и критические сочинения, в разной степени обличающие недостатки коммунального управления и пороки городского общества. Говоря о первой половине XV в., можно проследить продолжающиеся традиции той и другой формы представлений о флорентийской истории.

Восхваляющие коммунальное устройство мотивы, свойственные хроникам Джованни Виллани и братьев Малиспини, стали основной целью составления «Истории Флоренции» членом цеха изготовителей шелка Грегорио Дати (1362–1435)¹¹. Его хроника, охватывающая период с 1380 г. по 1406 г., написана, как полагают, в 1407–1408 гг. по свежим следам пережитых автором событий войны Флоренции с миланским

герцогом Джан Галеаццо Висконти (1389–1402). Важно отметить, что повествование Дати появилось более чем на 20 лет раньше «Истории Флорентийского народа» (1429–1433), написанной выдающимся гуманистом Леонардо Бруни Аретино. Исход длительной и мучительной для республики войны с Джан Галеаццо Висконти, который интерпретировался в официальных документах и хронике Дати, как победа Флорентийской республики, утверждающая превосходство республиканского народовластия над тираническим режимом Милана, на самом деле сомнителен, что отмечалось многими современниками и соотечественниками Грегорио Дати. Во многом судьбу военной кампании 1402 г. решил случай: почти скоропостижная смерть (2 сентября 1402) герцога Джан Галеаццо. Знаменательно, что Дати вовсе не считал победу в этой войне случайной. Он не склонен был приписывать ее только божьей воле, несмотря на абсолютную убежденность в том, что провидение всегда действует на стороне флорентийцев¹².

По сведениям Дати, поражение Джан Галеаццо было неизбежным и заранее просчитанным купцами города на Арно, которые тщательно сверяли все статьи доходов и расходов миланского государства: «Ибо примечали во Флоренции, какие герцог имеет доходы..., и знали все издержки, которые он нес,... знали,... что его подданные были чрезмерно обременены великими налогами, поэтому очень беспокойны, и все шло к тому, что они могли стать его врагами, желая его крушения не менее чем флорентийцы». И «предвидели флорентийцы, что беспорядочные траты принесут ему великую опасность; поэтому очень многие делали расчеты с пером в руках и заявляли со всей достоверностью, сколько может его власть длиться, потому что знали дух его подданных;... обязательно должно случиться так, что Граф уничтожит сам себя, хотя он и не замечал приближения своего крушения, потому что умер до того как оно случилось»¹³.

Закономерность победы коммуны не ставилась под сомнение: по мнению автора, она обладала экономическим и политическим превосходством над государством-тиранией. Дати, в свойственном ему духе оптимистического провиденциализма, утверждал, что Господь Бог всегда будет союзником коммуны, воплощающей высшую справедливость социальных отношений и совершенство политического устройства: «Теперь начала Коммуна Флоренция протягивать руки к великим делам; теперь известны флорентийцы духом, нетерпимым к тирану, теперь следуют они прекрасным порядкам и совершают великолепные деяния»¹⁴. Но главная причина благосклонности небесного Синьора к Флоренции заключалась в «справедливом и великолепном управлении, которое Господь по своей милости... там вершит, царствует он и... наделяет людей своими добродетелями..., которыми отличалась

благоразумная Марфа, но городу свойствен также и жар милосердия»¹⁵.

Экономические преимущества республики обеспечивались торговой активностью ее граждан. Хроника Дати – истинный панегирик флорентийской торговле и купечеству, в котором автор видел основу могущества и процветания своего государства не только за счет стекающих в него прибылей, но и вследствие плотности информативного поля, создаваемого купцами и банкирами. Он заявлял: «Флорентийцы, число коих преумножалось, старались обеспечивать жизнь ремеслом (*industrie*), и для этого они шли за пределы своей земли искать других провинций и стран, где видели возможным затратить время, но добыть богатства и с ними вернуться во Флоренцию, и шли они так по всем государствам мира, христианским и неверным, и видели обычаи других наций, и приобретали привычку к странствиям, собирая со всех сторон цветы [прибыли]. И... вследствие этих обычаев, приходило к ним великое желание видеть и приобретать; и один передавал это желание другому, ибо тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в свое отечество с нажитым, он не будет иметь никакой репутации. Они... идут по миру с молодости, наживаясь, приобретая практику и добродетели, добрые нравы и богатства, и все вместе создавая сообщество известных и богатых людей, которым бы не было равных в мире...»¹⁶. Торгово-предпринимательская основа Флорентийской республики, освященная божьим промыслом, представлялась истоком всех ее успехов и добродетелей: «Те люди, которые живут в мире, в котором имеются все добродетели, есть флорентийцы, потому что у них творятся дела милосердия, проявляется любовь к ближнему и к бедным, а также праведность в почитании Церквей Божьих более, чем в других нациях»¹⁷. Флоренция прославлялась как торговый город-государство, обладавший наиболее совершенным, по мнению автора, республиканским устройством.

Несколько позже были написаны исторические произведения Джованни Кавальканти (1381–1451), мелкого рантье из очень древнего и знатного рода. Эти труды продолжали ряд критических повествований Дино Компаньи, Маттео Виллани, отчасти Маркьонне ди Коппо Стефани де Бонайути¹⁸. По части осуждения Флоренции особенно выделялись два его исторических сочинения – «Вторая история» или «Новый труд» и «Политико-моральный трактат»¹⁹.

Во «Второй истории» Кавальканти развертывал картину всеобщей развращенности нравов, понося пороки республиканского правления 1445–1447 гг., главным виновником которой он называл Козимо Медичи Старшего. Писатель осознавал, насколько теперешние его обвинения противоречили суждениям, высказываемым ранее в «Первых Флорентийских историях»,

в которых он возлагал столько упований на Джованни Медичи и его сына Козимо, называя последнего «божественным Козимо». Хронист заявлял о своем отношении к Козимо Старшему: «Не без суровых самому себе упреков взял я мое неприглядное перо, чтобы рассказать столько неприглядного о человеке, которому воздавал этим же самым [пером] во многих картах такие хвалы, а теперь возношу такие насмешки чернилами над его несправедливостью и отвратительной фальшью!»²⁰. Тем не менее, Филиппо набрасывал портрет правителя «неотесанного» (*rozzo*), «терзаемого дьявольским наущением» (*tentato da diabolica stimolazione*), побуждающим его отвергать справедливые законы в своих бесконечных «нудных речах», наполненных «лживыми аргументами»²¹. Автор сам признавался в том, что его труд скорее «злая сатира», нежели хроника: ради сатирической едкости он легко жертвовал объективностью и достоверностью. Позднейшие исследователи редко обращались к столь странному и беспорядочному произведению, характеризуя его, как правило, отрицательно. «Картина универсальной моральной развращенности, данная в *Seconda storia*, свидетельствует о близости автора к умственному расстройству, лишая эту причудливую работу любой исторической ценности», – так оценивает этот труд М. Грендлер²². А. Монти при всем желании дать более взвешенное суждение не мог признать этого опуса историческим сочинением в полном смысле этого слова: «Перед нами не столько работа собственно историческая, но располагающаяся на пол-пути между историей и моральным, дидактическим, политическим сочинением, прерывающимся методологическими отклонениями, анекдотами или своего рода “журналистикой”», – так пытался определить он жанр «Второй истории»²³.

В «Политико-моральном трактате» – сочинении, по структуре не являющемся хроникой, но скорее собранием исторических новелл, нацеленных на сопоставление флорентийских граждан, являющихся, с точки зрения автора, образцы доблестей и пороков, с героями и антигероями античной истории, Джованни Кавальканти утверждал регрессивную модель исторического развития Флорентийской коммуны. Он настойчиво разъединял последовательную «цепь времен» и преемственность в течении событий, стремясь передать «разрыв времен», отделяя излюбленную им эпоху 40–70-х гг. XIV в. (до восстания чомпи) от современного ему периода. От великого и блестящего прошлого Флоренции резко отделялось неприглядное и сурово порицаемое автором настоящее, ибо и «Новый труд», и «Политико-моральный трактат» содержали непримиримое осуждение современной автору Флоренции. Главными пороками современного ему общества автор считал «жадность и нелюбовь к отечеству»²⁴. Он предрекал скорое крушение Флоренции: «... если ваши сограждане не перестанут стараться,

насколько мне известно, превратить его [отечество] в гнездилище всяких мерзостей, то враждебные варвары будут призваны для разрушения ваших земель и людей. И... получится так, что, разорванные силами варваров, не останутся порочные уста безнаказанными... Желает Господь, чтобы вернулся твой дед, как суровый мститель за несправедливости по отношению к Коммуне, поскольку такие обманы и столько незаконно погубленных людей не должны оставаться без праведного отмщения»²⁵.

Своеобразие восприятия истории своей коммуны проявлялось в развитии двух тем, волнующих душу автора, – в сюжете о порочном и несчастном городе – медичейской Флоренции, которому суждена скорая кара, осмысливаемая иногда в виде божественного предопределения, за грехи его правителей²⁶. Вторую тему, развиваемую на страницах трактата, содержал рассказ о неблагодарном отечестве, ненавидящем и изгоняющем своих героев. В этом писатель не проявлял особой новизны, поскольку топос о «неблагодарной Флоренции» стал к его времени у хронистов и биографов общим местом. Оригинальность состояла лишь в подборе несправедливо пострадавших героев и их оценках²⁷.

Итак, двое современников с полярных позиций оценивали прошлое и настоящее Флорентийской коммуны. И в этом случае невозможно игнорировать их место в иерархии общества, степень успешности политической карьеры и особенности самоидентификаций в процессе переживания, связанного с изменениями своего социально-политического статуса.

Самые подробные сведения о жизненном пути Грегорио Дати изложены им самим в «Секретной книге»²⁸. Из этого источника выясняется, что Грегорио, сын члена одного из младших цехов, владельца трактира и, возможно, маленькой рыбной лавочки, окончив счетную школу «абакко», пошел практиковаться в боттегу по производству шелка, затем вступил в старший цех Сета, где начал предпринимательскую деятельность практически с нуля. В 1384 г. он в первый раз вступил в компанию по производству шелка, но не имел в наличии трехсот флоринов взноса, которые отрабатывал личным участием в качестве служащего, в 1387 г. вошел во вторую компанию со взносом в 500 флоринов, в 1392 г. вложил в третью компанию 1000 флоринов и в 1395 г. основал собственную компанию вместе с братом, куда инвестировал 2000 флоринов²⁹. В собственной компании Дати освоил торговлю шелком в Испании, что приносило более значительные прибыли³⁰, но требовало недюжинной предпринимательской энергии и риска морских путешествий, в ходе которых сам Дати, а затем его брат попадали в плен к пиратам³¹. Грегорио Дати не входил в слой правящей олигархии, но активно участвовал в системе коммунального управления. Французский историк А. Монти

характеризовал его как «посредственного политика, не достигшего в политической карьере сколько-нибудь серьезного масштаба»³², и должности, на которые он чаще избирался, считались «младшими» и менее престижными³³. Но все же Грегорио гордился и «старшими постами», которые занимал в последние 25 лет своей жизни: в 1412 и 1430 гг. – гонфалоньер компании, в 1418 г. был избран в коллегию «Десять войны», в 1428 г. пребывал на высшей должности гонфалоньера справедливости³⁴. О достойном месте в обществе и признании в торгово-предпринимательской среде свидетельствовало бесперывное избрание его до конца жизни консулом цеха Сета. Грегорио полностью идентифицировал себя с коммуной и проводимой ею политикой, судя по демонстрации ответственного и серьезного отношения к исполняемым должностям³⁵.

Критические настроения Джованни Кавальканти нельзя отделить от горечи осознания понижения социального статуса: он называл себя «очень знатным, но очень бедным»³⁶. Этот выходец из старинного и знатного рода, давшего доблестных рыцарей, видных политиков и известных поэтов, был полностью отчужден от участия в управлении коммуной. Хроническая задолженность по уплате налогов стала причиной внесения его имени в списке должников коммуны (*Specchio*)³⁷. За всю жизнь он только единожды в 1422 г. был избран капитаном гвельфской партии. По кадастру 1427 г. Джованни Кавальканти числился как мелкий землевладелец, сохраняющий в собственности 4 небольших участка земли в контадо, в Монте Кальви и Валь ди Пеза. Он обязан был уплачивать 1 флор. 8 сольди в год – квота человека бедного, но не нищего. Беда заключалась скорее в том, что Джованни привык вести образ жизни типичного рантье: «Мне 46 лет, и я ничего не умею делать...», – писал он о себе самом³⁸; «Среди нас нет никого, кто мог бы делать что-либо... Мы босы, раздеты, и живем очень тяжелой жизнью», – заявлял он в очередной из своих петиций в Синьорию, прося о снижении долговых сумм³⁹. Ему пришлось 10 лет провести в долговой тюрьме Стинке и вместе с семьей постоянно обитать в маленькой вилле за городом, существуя на то, что давали небольшие участки земли. При этом нельзя отрицать довольно высокий интеллектуально-культурный уровень Джованни Кавальканти, хорошо разбиравшегося в античной истории, сведения о которой он черпал из переведенных на народный язык трудов и хрестоматийных компендиумов, широко распространенных с XIII в.⁴⁰

Знаменательно, что подобная ситуация характерна и для предшествующих Кавальканти хронистов, склонных акцентировать недостатки коммунального общества. Дино Компаньи был полностью отстранен от участия в публичной жизни после поражения и изгнания из Флоренции фракции Белых гвельфов (1302), к которой он

принадлежал⁴¹. Маттео Виллани в 1360 г. капитаном партии гвельфов был заподозрен в гибелинизме и подвергся судебному расследованию⁴². Маркьонне ди Коппо Стефани был ammonирован и выслан в 1387 г. из Флоренции вернувшись в 1382 г. из изгнания архигвельфами⁴³. В этой связи нельзя не признать известную правоту немецкого историка К. Вэйанда, утверждавшего, что одной из причин, побуждающих граждан Флоренции взяться за перо, являлись драматические обстоятельства их жизни или упадок социального статуса⁴⁴.

Вряд ли можно абсолютизировать такое заключение. Критика недостатков коммунального устройства найдется и в исторических нарративах, в которых ход исторического развития республики рассматривался как бесспорный прогресс. Но исследование влияния экономических и социально-политических условий жизненного пути автора на его творчество, важное в любом случае, особенно актуально для городского социума, в котором развивалось и все более давало о себе знать личностное начало.

Примечания

- 1 *Cronica volgare di anonimo fiorentino già attribuita di Giovanni Minerbetti*. A cura di E. Bellondi, pref. di D. M. Manni // *Rerum Italicarum scriptores*. Città di Castello, 1915. Т. XXVII. Parte II. F. I. P. 4 (anno 1385).
- 2 *Giamboni B.* Il libro de' vizi e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi. Ed. C. Segre, Torino, 1968. Флорентиец Боно Джамбони жил во второй половине XIII в. и был широко известен, скорее, не как оригинальный автор, но как выдающийся переводчик с французского и латыни на народный итальянский язык (*volgare*). В частности, он перевел сочинение Вергезия «Об искусстве войны», трактаты Павла Орозия и много других произведений.
- 3 *Ibid.* V. P. 126.
- 4 *Ibid.* VI. P. 127.
- 5 *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 120. Кавальканти писал, что «благоразумие есть главная доблесть, которая больше всего нужна тому, кто управляет республикой, а самой главной ее составляющей является память (*Memoria*). По воле Бога она обретается в голове, которая властвует над всеми другими частями тела, поэтому и память является властелином и главой всех других составных частей рассматриваемого благоразумия».
- 6 К этому типу относятся элементы хроники в ставших хрестоматийными текстах семейных книг Донато Веллутти, Джованни Морелли, отчасти Бонаккорсо Питти. См.: *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914; *Morelli G.* Ricordi. A cura di V. Branca. Firenze, 1956; *Pummu B.* Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской. Л., 1972.
- 7 *Diario Compagnano* // Corazzini G. O. I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887; этот текст также опубликован: *Cronaca seconda d' Anonimo / A casa di Gino*

- Scaramella // *Rerum Italicarum Scriptores*. Т. XVIII. P. III. Il tumulto dei ciompi. Cronache e Memorie. Bologna, 1917; *Diario d'anonimo fiorentino // Alle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382–1401)*. Firenze, 1986.
- 8 *Виллани Д.* Новая хроника или история Флоренции / пер., статья и прим. М. А. Юсима. М., 1997; *Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / per cura di F. Costèro*. Milano, 1880; *Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // *Rerum Italicarum scriptores*. A cura di N. Rodolico. Т. XXX. Città di Castello, 1903.
- 9 *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 117.
- 10 *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento // ed. A. Schiaffini*. Firenze, 1954. Это одна из наиболее ранних среди дошедших до нас хроник XIII в. Для неизвестного автора, обозначаемого Псевдо-Брунетто, потому что хроникоу долго приписывали флорентийскому юристу и мыслителю Брунетто Латини, свойственно универсальное видение мира, поскольку большую часть его текста представляли сменяющие друг друга описания деяний пап и императоров.
- 11 *Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405*. A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904.
- 12 *Baron H.* The Crisis of the early Italian Renaissance. Princeton, 1966. P. 171.
- 13 *Dati G.* Istoria di Firenze. Libro V. 90. P. 70–71.
- 14 *Ibid.* Libro III. 35. P. 37.
- 15 *Ibid.* Libro IX. 180. P. 140
- 16 *Ibid.* Libro IV. 70. P. 59–60.
- 17 *Ibid.* P. 60.
- 18 *Compagni D.* La cronica delle cose occorrenti ne'tempi suoi / per cura I. Del Lungo. Milano, 1913; *Villani M.* Cronica di Matteo Villani. Firenze, 1826; *Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // *Rerum Italicarum scriptores*. A cura di N. Rodolico. Т. XXX. Città di Castello, 1903.
- 19 Исторические труды Джованни Кавальканти: *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine / a cura di F. Polidori. Firenze, 1838. Т. I–II. «Новый труд» впервые был опубликован Ф. Полидори под названием «Вторая история» (Seconda Storia). В статье используется последующее издание, подготовленное французским историком А. Монти и озаглавлено издателем «Новый труд» (*Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989). Последнее произведение представляло собой третью часть манускрипта, посвященного истории рода и персональной истории Джованни Кавальканти. «Политико-моральный трактат» – последняя часть записей в семейных книгах Кавальканти, – содержит оригинальное сочинение, в котором мораль и политика тесно связаны. См.: *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
- 20 *Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 230.
- 21 *Ibid.* P. 231, 232, 235.
- 22 *Grendler M.* The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. P. 88.
- 23 *Monti A.* Introduction // *Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989. P. XIV.
- 24 *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale P. 146.
- 25 *Ibid.* P. 120. Джино ди Нери де Каппони (1350–1421 гг.) приходился отцом Нери Каппони и дедом Джино Каппони, которого Кавальканти наставлял в своем трактате.
- 26 *Ibid.* P. 120, 139–141, 203–204. Эта тема обычно выражается в виде антитезы: блестящее прошлое – извращенное настоящее: «Подумай, сколь счастлива была в то время республика, и в какой нужде ты видишь ее теперь, погруженную в пучину всяческих зол» (*Ibid.* P. 140).
- 27 См. подробнее: *Краснова И. А.* Практика историописания в городской среде Флоренции XV в.: опыт Джованни ди Филиппо Кавальканти // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 48–49.
- 28 *Dati G.* Il libro segreto / a cura di C. Gargioli. Bologna, 1869. Книга относится к широко распространенному в среде деловых людей Флоренции жанру «семейных книг»; название «секретная» она получила, видимо, по той причине, что на ее страницах фиксировались точные суммы прибылей и убытков, которые обычно утаивались от городской и цеховой администрации ради снижения налоговых квот.
- 29 *Ibid.* P. 17, 18, 20, 23, 26, 28, 52, 55, 58.
- 30 *Ibid.* P. 19, 46, 48, 118, 120. Он писал, что «все время озабочен тем, чтобы вывести деньги из состояния, когда их невозможно увеличить, но скорее понести на них убыток» (P. 48).
- 31 *Ibid.* P. 24, 33, 59, 81.
- 32 *Monti A.* Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434). Lille, 1983. Т. I–II.
- 33 *Dati G.* Il libro segreto. P. 79, 94, 95, 97, 98. Он упоминал посты инспектора по сбору габеллы в Пизе, распорядителя строительством госпиталя, одного из смотрителей контадо, подеста в Париджи Корбинелли, Подеста в Монтале, инспектора женских монастырей, контролера рынка.
- 34 *Ibid.* P. 71–72, 111–113.
- 35 *Ibid.* P. 68, 69, 70, 72, 73, 81–85.
- 36 Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции – «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153. О том же свидетельствует хроника Малиспини: *Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / per cura di F. Costèro*. Milano, 1880. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105. Согласно исследованиям современных итальянских историков, Кавальканти во второй половине XII в. уже входили в узкий круг политической элиты, избирались в консулат, в следующем столетии они находились в числе лиц, управляющих гвельфской партией. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 112–113.
- 37 *Grendler M.* Op. cit. P. 14–15.
- 38 *Ibid.* P. 15. Об эволюции аграрных отношений в XV в. см.: *Fiumi F.* Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio storico italiano. CXVI. 1958. P. 423–448.
- 39 *Grendler M.* Op. cit. P. 15–16.

- ⁴⁰ О том, насколько подобные компендиумы были популярны в XV в. см.: *Zambrini F.* *Le opera volgari a stampa dei secoli XII e XIV.* Bologna, 1878. P. 269–273; *Garin E.* *Storia della filosofia italiana.* Torino, 1966. I. P. 231–237; *Martines L.* *The social World of the Florentine Humanists (1390–1460).* Princeton, 1963. P. 283–285, 326.
- ⁴¹ *Compagni D.* *Cronica.* Libro II. 19. P. 107–109.

- ⁴² *Ragone F.* *Giovanni Villani e i suoi continuatori.* P. 189–191, 195–196.
- ⁴³ *Ibid.* P. 197–198.
- ⁴⁴ *Weiland C.* «Libri di famiglia» und autobiographie in Italien zwischen Entwicklung des Schreibens über sich selbst. Tübingen, 1993.

УДК 655.11(437.10)|1517/1519|+929Франциск Скорина

ФРАНЦИСК СКОРИНА В ПРАГЕ (1517–1519 годы)

Е. Н. Многолетняя

Саратовский государственный университет
E-mail: elenamnooletnjaja@rambler.ru

В статье рассматривается пражский период издательской деятельности белорусского просветителя Франциска Скорины. Автор выявляет причины его пребывания в Праге, место расположения его типографии, количество изданий кирилловского шрифта, напечатанных белорусским просветителем.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, первопечатник Франциск Скорина, книги кирилловского шрифта.

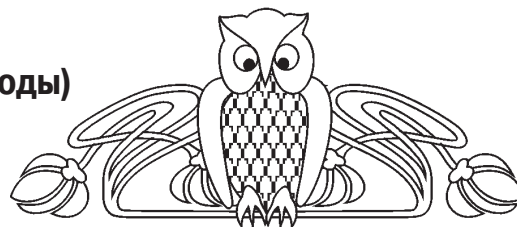
Francisk Skorina in Prague (1517–1519)

Е. N. Mnooletnyaya

The article deals with the period of the Prague publication activities Belarusian enlightener Francisk Skorina. The author reveals the reasons for his stay in Prague, the location of its printing house, quantity editions in Cyrillic font printed Belarusian enlightener.

Key words: book printing in the Bohemia, the first book printer Francisk Skorina, books in Cyrillic font.

В первой четверти XVI в. в Праге развернулась бурная, до сих пор хранящая в себе много тайн, деятельность белорусского просветителя и первопечатника Франциска Скорины. Именно здесь, в экономическом, политическом и культурном центре Чешских земель, Скорина стал печатать свои славянские книги кирилловским шрифтом – алфавитом русской и славянской православной культуры. Принято считать, что язык Ф. Скорины – это своеобразный тип церковно-славянского белорусского письменного языка, аналога которому невозможно отыскать ни у одного из славянских народов. В связи с этим, естественно, возникает вопрос о том, почему им была избрана именно Прага. Ответить на него неоднократно пытались исследователи разных стран и поколений. Первым чешским исследователем, занимавшимся типографской деятельностью Ф. Скорины в Праге был выдающийся славист конца XVIII – начала XIX в. Йозеф Добровский. В Праге, в библиотеке графа Вратислава из Мировиц, ученый нашел неизвестные прежде издания Скорины, точнее, группу изданий, переплетенных вместе. Так был впервые найден свод виленских изданий Скорины, кото-

рые библиографы впоследствии назвали «Малой подорожной книжкой». Поначалу Й. Добровский посчитал, что типография Ф. Скорины находилась в предместье Варшавы – польской Праге. Об этом он писал в письме к своему учителю и другу Вацлаву Фортунату Дуриху (1733–1802), датированном 23 мая 1791 г.¹ Но уже через два года он приходит к выводу, что Скорина печатал свои книги не в маленьком местечке под Варшавой, как он думал раньше, а в «нашей Праге». Он так и писал – «наша Прага» в письме к Дуриху от 4 февраля 1793 г. из Оломоуца².

В одном из своих последующих писем от 1 февраля 1795 г. Й. Добровский пытался объяснить, каким образом получилось так, что восточнославянские книги печатались в столице Чехии³. Основание здесь типографии он связал с инициативой польского короля Сигизмунда I и его пребыванием в 1515 г. в Праге. Эта версия была обоснована в книге Й. Добровского «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию, предпринятом в 1792 г. по инициативе Богемского научного общества»⁴.

Первым русским исследователем и биографом Ф. Скорины был П. В. Владимиров. Его докторская диссертация, защищенная в 1888 г., была посвящена деятельности Франциска Скорины. Вышедшая вскоре после защиты монография «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык»⁵, несмотря на относительно небольшой объем (12 авторских листов), по сей день остается наиболее обстоятельным и хорошо документированным трудом в области скориноведения⁶.

Вопрос о том, что привело Скорину в Прагу, был обстоятельно рассмотрен А. С. Мыльниковым. Исследователь, вслед за Й. Добровским, обращает внимание на то, что в Чехии существовала давняя традиция перевода Библии на национальный язык. В чешской рукописной традиции известно 25 полных переводов Библии, 27 переводов Ветхого и 35 Нового Завета, 22 перевода Псалтыри, 17 – Евангелия. К моменту приезда Ф. Скорины в Прагу вышло в свет три печатных

издания Библии на чешском языке: пражское 1488 г., изданное в Кутной Горе в 1489 г., и третье венецианское издание 1506 г.

В настоящее время точно установлено, что едва ли не основным источником для Ф. Скорины послужила чешская Библия в издании 1506 г., хотя, разумеется, он использовал и другие материалы⁷.

В исторической литературе отмечалось также и то, что Прага того времени обладала важными культурными и материально-техническими предпосылками для успешной деятельности Франциска Скорины. Привести Скорину в Прагу могла устойчивая книгопечатная традиция, существовавшая в этом городе.

Е. Л. Немировский в одной из последних своих работ о Ф. Скорине, говоря о причинах, побудивших его приехать в Прагу, рассуждает об иных вариантах местоположения типографии Ф. Скорины. Ближайшим к Вильно – столице Великого княжества Литовского, включавшего в себя и православные земли Белоруссии и Украины, типографским центром в начале XVI в. был Краков. Во втором десятилетии XVI столетия здесь работало три типографии. У Ф. Скорины, однако, были веские причины отказываться от мысли печатать свои книги в Кракове. Белорусский просветитель, по-видимому, знал о печальной судьбе типографии Швайпольта Фиоля, выпускавшей здесь свои издания для православного богослужения. К тому же Краков был католическим городом.

Отправиться в Саксонию – в Лейпциг или Дрезден – значило оказаться в совершенно иноязычной среде. Из немецких городов для намеченной цели больше всего подходил Нюрнберг, где в это время печатались книги, находившие сбыт в Польше и Чехии. Но Нюрнберг находился на значительном удалении от православных земель Великого княжества Литовского. По этой же причине была, видимо, отвергнута и Венеция, где в конце XV в. изготавливали шрифты для черногорской типографии Джурджа Црноевича, где в 1512 г. печатал боснийским шрифтом Джорджо Рускони, и где, наконец, через два года после пражской возникла славянская типография Божидара Вуковича⁸.

Е. Л. Немировский не согласен с мнением Й. Добровского, по крайней мере, с предположением о том, что именно Сигизмунд был инициатором создания православной славянской типографии. Й. Добровский, в упомянутой нами ранее работе, предполагал, что Сигизмунд покровительствовал Ф. Скорине и отправил его в Венецию, где были отлиты кирилловские шрифты, а затем посоветовал ему остаться в Праге. Е. Л. Немировский высказывает предположение о том, что хотя польский король мог понимать важность православной славянской типографии для своей национальной политики в Великом княжестве Литовском, но он едва ли стал бы ак-

тивно содействовать ее возникновению, опасаясь конфликта с католической иерархией. По этой же причине Е. Л. Немировский склоняется к мысли о том, что инициатива по созданию славянской типографии в Праге принадлежала, вне всякого сомнения, самому белорусскому просветителю⁹.

Трудно не согласиться с мнениями исследователей о том, что в Праге существовала богатая традиция книгопечатания. Очевидным представляется и то, что существовали переводы Библии на чешский язык, как в рукописном, так и в печатном вариантах, оказавшие, несомненно, существенное влияние на выбор места основания типографии. Но более всего, на наш взгляд, на выбор Ф. Скорины повлияли обстоятельства, до сих пор не принимавшиеся должным образом во внимание в научной литературе. Прага была избрана Скориной местом издания восточнославянских книг в силу исключительного своеобразия религиозной ситуации, которая сложилась в Чешских землях в первой четверти XVI столетия. В Чешском королевстве в период после победы гуситского движения и до фактической потери независимости вследствие поражения восстания чешских сословий 1618–1620 гг., то есть с середины XV в. по первую четверть XVII в., существовала уникальная конфессиональная ситуация, не имевшая аналогов в Европе. Ее сущность состояла в том, что в Чешском королевстве на целое столетие ранее, чем в других странах, в обществе возникла ситуация поликонфессиональности. Национальная реформация – гуситское движение – положило начало процессу увеличения конфессий в данном социуме. Европейская реформация XVI в. послужила сильным катализатором этого процесса. В результате в чешском обществе, по сравнению с соседними странами, было наибольшее число религиозных групп, сект, объединений и церквей. К тому же чешской спецификой оставалось сочетание новых общеевропейских конфессий со специфически национальными гуситскими конфессиями, причем число последних также продолжало увеличиваться. В XVI в. с возникновением в Европе протестантских конфессий их количество в Чехии значительно увеличилось. Появились адепты лютеранства и кальвинизма.

Естественно, что религиозный плюрализм чешского общества обусловил его толерантность, иначе бы конфессиональные распри в маленьком государстве привели бы к постоянной политической нестабильности и гражданским войнам. Поэтому утвердившаяся в Чехии толерантность, столь необычная для периода позднего Средневековья и начала Нового времени, была единственным выходом из создавшего положения.

Сложная система конфессионального плюрализма, существовавшего в обществе, обусловила ряд специфических черт в конфессиональной ориентации отдельной личности. В социальном аспекте каждая конфессия включала в себя

представителей почти всех социальных групп чешского общества. Частым явлением был переход человека из одной конфессии в другую. Пример Альбрехта из Вальдштейна, знаменитого полководца времен Тридцатилетней войны, перешедшего из Общины чешских братьев в католичество, был весьма типичен. Были люди, которые неоднократно меняли свою конфессиональную ориентацию из-за карьерных соображений (например, проповедник Гавал Цагер). На их социальном статусе это не отражалось, так как социальные институты основывались на принципе пропорционального представительства разных конфессий, а профессиональная деятельность не ограничивалась и не обуславливалась религиозными убеждениями личности. Такое общественное равновесие позволило мирно сосуществовать членам разных конфессий внутри одного рода и даже семьи. Наиболее известный пример тому – род Рожмберков, в котором родные братья Вилем и Петр Вок принадлежали соответственно к католицизму и чешским братьям. В бюргерской и дворянской среде частым явлением была разная конфессиональная ориентация супругов.

Для карьеры при дворе, в силу того что в институтах королевской власти доминирующее положение занимали католики, индивид, желающий сделать карьеру, должен был принадлежать к католическому вероисповеданию. Для карьеры же в рядах сословной оппозиции была желательна принадлежность к одной из некаатолических конфессий¹⁰.

Такая религиозная обстановка не могла не благоприятствовать деятельности Франциска Скорины, представителя православного конфессионального направления, по созданию и изданию славянских книг в Праге в первой четверти XVI в. Именно религиозная толерантность позволила организовать просвещавшую православную славянскую типографию вне территориального ареала самого религиозного направления. Нам представляется, что именно эта религиозная атмосфера имела первостепенное значение для выбора Праги местом издательской деятельности Франциска Скорины.

Несмотря на богатую традицию исследовательского изучения вопроса о книгоиздательской деятельности Ф. Скорины в Праге, в его рамках остается еще ряд нерешенных проблем. Первая проблема – вопрос о типографии, печатавшей издания Ф. Скорины в Праге. Широкое признание получила точка зрения о том, что собственно типографское дело при издательской деятельности Ф. Скорины в Праге велось особыми лицами, что сам Ф. Скорина не был типографщиком.

Что же сам Ф. Скорина говорит о характере своей деятельности. В послесловиях и предисловиях его пражских изданий мы находим различные формулировки. Варианты «Выложены и вытеснены повелением и пилнотью» (в Книге

Бытия), «Выложена и вытеснена повелением и працею» (в Книге Руфь), «Зуполне выложены и пильне вытеснены» (в Книге Пророка Даниила) о личном участии Скорины в издании книг с определенностью не говорят. Такая определенность появляется в послесловии к книге Есфирь: «Выложена працею и вытеснена повелением». Здесь Скорина прямо говорит, что перевод книги выполнен им самим, а печатали издание другие лица по его «повелению».

Лишь в первых трех пражских изданиях об отношении Скорины к изданию и типографскому воспроизведению книг сказано не только в послесловиях, но и в предисловиях. Все эти случаи не двусмысленны – «... я, Францишек Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути *русыми словами, а словенским языком*...» – говорится в предисловии к Псалтыри 1517 г. Вариант «казал есми тиснути» находим в книге Иова и в Притчах Соломона¹¹.

Итак, Скорина не сам печатал свои книги, а «повелел» это сделать типографщику. Сложность вопроса состоит в том, что никаких иных сведений о пражском периоде издательской деятельности Ф. Скорины не сохранилось, а его книги «не содержат в себе никаких указаний на связь Скорины с пражской книжной или общественной средой»¹².

И все же печатник должен был существовать. В качестве рабочей гипотезы правомерным кажется предположение о существовании в Праге в 1517–1519 гг. какой-то типографии, располагавшей набором кирилловского шрифта, если не специально созданной временной печатни для осуществления замыслов Ф. Скорины¹³. В Праге книги набирались не только готическими или латинскими литерами, но и восточными шрифтами. Так, в 1513 г. в Праге была издана первая еврейская книга¹⁴, а в 1518 г. была напечатана часть Библии (Пятикнижие Моисея) на древнееврейском языке¹⁵. Поэтому предположение вполне допустимо.

Решить вопрос, в какой из работавших в Праге в 1517–1519 гг. типографий отпечатаны издания Ф. Скорины, было бы возможно на основе выявленных черт совпадения типографских материалов – шрифтов или гравюрных досок. Но известная нам типография отличалась от всех других, как шрифтом, так и методом печати. Аналогий с известными типографиями до сих пор не установлено. Стилистически иллюстрации коначевских, севериновских и скорининских изданий не имеют ничего общего. Техническое исполнение находилось на более высоком уровне у изданий Ф. Скорины¹⁶.

Предположение, что Ф. Скорина устроил в Праге собственную типографию, маловероятно. Для этого потребовались бы слишком большие средства и продолжительное время. Нужно было соорудить типографский станок, наборные кассы, шкафы-реалы для хранения

шрифта, добыть наборные инструменты, рамы для закладки набора. Если просветитель мог это сделать самостоятельно, то трудно объяснить, для чего надо было ехать в Прагу. Е. Л. Немировский высказывает мнение, что типография была арендована. Скорина должен был заключить договор с каким-либо пражским типографом. Типографские шрифты и ксилографические доски он, по-видимому, приобрел сам. Он должен был также обеспечить процесс набора, ибо набирать тексты, не зная языка, если не вовсе невозможно, то крайне затруднительно. Пражский печатник, по-видимому, предоставлял Ф. Скорине помещение, типографское оборудование (ручной печатный станок) и рабочую силу (тередорщиков и батыйщиков, работавших на печатном станке). Печатать книгу можно было и не зная языка, на котором она написана¹⁷.

Если согласиться с такой гипотезой, следует искать среди пражских типографов такого человека, который мог бы на какое-то время уступить Ф. Скорине свою мастерскую. Им мог быть, например, известный печатник Микулаш Конач из Годишкова. Это был предприниматель, охотно вкладывающий капитал в разные сферы деятельности. В своей типографии он нередко печатал книги, издание которых финансировалось другими лицами или учреждениями. Так, в 1522–1526 гг. Конач печатал сеймовые «Артикулы»¹⁸, издание которых, вероятно, хорошо оплачивалось. Именно такой человек мог сдать в аренду свою мастерскую.

Интересно также следующее обстоятельство. Известны четыре издания, вышедшие из типографии Конача в 1514 г., четыре издания, вышедшие в 1515 г., и одно – в 1517 г. От 1518–1519 гг. ни одного издания М. Конача до нас не дошло. Напомним, что именно в 1517–1519 гг. выходили в свет пражские издания Ф. Скорины. Если Микулаш Конач сдал типографию в аренду, собственную издательскую деятельность он вынужден был бы на время прекратить.

В пользу высказанной гипотезы приводится еще один довод. На некоторых изданиях Микулаша Конача мы находим «адрес» (месторасположение) его типографии: «В старом Месте Пражском». Старое Место – это точная географическая привязка. Это Старое Место лишь с сентября 1518 г. стало составлять единое целое (с административно-правовой точки зрения) с Новым Местом. В изданиях Скорины тот же адрес, что и на книгах, напечатанных Микулашем Коначем. «У Старом месте Празском» – так указано место печатания в послесловиях к Псалтыри 1517 г. (Л. 142) и вышедшей в том же году книге Иова (Л. 51 об.). В послесловиях к Притчам Соломона и Книге Иисуса Сирахова, вышедших в том же 1517 г., – близкий вариант: «У славном Старом месте Празском». «В [или у] великом Старом месте Празском» – так написано в послесловии к Песни Песней 1518 г. и в общем послесловии к че-

тырем Книгам Царств 1518 г. Примечательно, что в последних изданиях Ф. Скорины, вышедших в свет после объединения Старого и Нового Места, географическая привязка отсутствует. В книгах Иисуса Навина, Бытие, Левит, Числа, Второзаконие, Иудифь, Руфь, Есфирь, пророка Даниила и Судей мы встречаемся с редакцией «у великом Месте Празском». Единственное исключение – Плач Иеремии 1519 г., где Скорина вернулся к первоначальному варианту: «У Старом Месте Празском» (Л. 12)¹⁹.

Напрашивается еще одна параллель, на этот раз тематическая. Среди переводов М. Конача есть драма «Иудифь», в основе которой лежит одноименная библейская книга. Ее автором является Иоахим Грефф. У М. Конача были тесные связи с Нюрнбергом. Известно, что его шрифты отливал нюрнбергский типограф Иероним Гольцель. У Гольцеля же в 1517–1518 гг. выпускал свои издания Микулаш Клаудиан, деятель Общины чешских братьев. Во второй половине 1518 г. Микулаш Клаудиан, доктор медицины, основал свою собственную типографию в г. Младе Болеславе, работавшую до 1521 г.²⁰

Исследователи обратили внимание на гравюры в изданиях Скорины, и их изучение показало, что некоторые из них имеют нюрнбергское происхождение. Связующим звеном между белорусским просветителем и нюрнбергскими гравюрами могли стать Конач и Клаудиан²¹. Издательская деятельность Ф. Скорины в Праге прекратилась в конце 1519 г. С этого же года М. Конач возобновляет и наращивает типографскую активность.

Ф. Скорина в Праге за три года, по подсчетам разных исследователей, напечатал от 15 до 23 отдельных изданий²². Эти разногласия возникли из-за затруднительности точного подсчета количества книг Ветхого Завета, так как Ф. Скорина печатал Библию не целиком, а отдельными выпусками, включавшими те или иные части Священного Писания. Противоречивые оценки в исследованиях возникли из-за того, что при подсчете Псалтырь, которая входит в состав книг Ветхого Завета, часто отделяют от остальных книг. Четыре Книги Царств некоторые исследователи отделяют друг от друга, считая отдельными изданиями. Оснований для этого нет, все они датированы 10 августа 1518 г. и имеют последовательную и сквозную нумерацию листов, а, следовательно, представляют одно издание. С другой стороны, пять изданий 1519 г. – книги Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие – принимают за одно издание, ибо все они входят в т.н. Пятикнижие Моисея. Основания для этого нет, так как все книги имеют собственную нумерацию и отдельные титульные листы²³. Отсюда происходят недоразумения при подсчете количества пражских изданий Ф. Скорины.

По нашему мнению, издано было 20 книг, что соответствует приведенному выше подсчету.

Свою издательскую деятельность в Праге Ф. Скорина начал с печатания Псалтыри. Это было обусловлено огромным спросом именно на эту часть Библии. Псалтыри использовались в православной литургии, псалмы читались в церкви ежедневно. Использовалась Псалтырь и во время так называемого частного богослужения, ее, например, читали при отпевании покойника. Важно было и внелитургическое использование этой книги. Существовали, например, гадательные Псалтыри²⁴. Особенно широко она использовалась для обучения грамоте и имела широкое хождение в качестве школьного учебника для чтения²⁵. Ф. Скорина в предисловии к изданию 1517 г. и в общем предисловии к Библии писал: «Хощеши ли уместити грамматику или по руски говорячи, грамоту еже добре чести и мовити учить, найдеши в зуполной Бивлии, Псалтыру, чти ее» (Л. 3)²⁶.

Наконец, Псалтырь, «четья книга», предназначалась для домашнего чтения. Она считалась важным источником морального самоусовершенствования: «...детям малым початок всякое доброе науки, дорослым помножение в науцы, мужам мощное утверждение», – так писал об этом Скорина (Л. 3)²⁷.

Книги Скорины явно были предназначены не для церковного обихода, а для «домашнего пользования». Эти книжки в четверть или восьмую часть листа, скромно, но добротно изданные и дешевые, они совершенно не подходили для пышных церковных обрядов²⁸.

Издания Ф. Скорины предназначались для широкой читательской аудитории, прежде всего православных славян, а также всех, кто хотел обучиться славянской грамоте. Весь тираж изданий Ф. Скорина должен был переправить в Вильню, столицу Великого княжества Литовского и далее в Восточнославянские земли княжества.

Как и сколько книг попало в конечном итоге в Вильню, мы до сих пор не знаем. Со всей определенностью можем говорить об одном из путей доставки: некоторая часть тиража попала во Вроцлав. Фрагменты изданий Скорины были обнаружены в некоторых переплетах книг, хранящихся в городской библиотеке города Вроцлова, и переплетах других книг, которые были переплетены в этом городе²⁹.

Пражские издания Скорины издавна бытовали на территории Белоруссии, Украины, Московской Руси. Древнейшее упоминание о них, современное их издание находится на страницах одного из Хронографов белорусской редакции³⁰. До нашего времени дошло 75 отдельно переплетенных ветхозаветных пражских изданий Ф. Скорины (не считая двух отдельных изданий Псалтыри 1517 г.). Общее количество экземпляров, включая те, которые находятся в конволютах (181 издание в 39 конволютах), составляет 256³¹.

Конволюты ветхозаветных изданий Ф. Скорины находятся в собраниях библиотек и му-

зеев Украины (Львов – Национальный музей им. Андрея Шептицкого, Киев – Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, Одесса – Одесская национальная ордена Дружбы народов научная библиотека им. М. Горького) и России (Москва ГИМ и РГБ, Санкт-Петербург – РНБ и БАН).

Отдельно переплетенные пражские ветхозаветные издания Ф. Скорины имеют более широкую географию распространения, охватывающую зарубежные страны. Они находятся в фондах библиотек Белоруссии (Национальная библиотека Беларуси в Минске), Польши (Краковская университетская библиотека, Библиотека Вроцлавского университета, Варшавская национальная библиотека), Великобритании (Библиотека Кембриджского университета, Библиотека Тринити колледжа в Кембридже), Соединенных Штатов Америки (Нью-Йоркская публичная библиотека).

Первый известный современной науке экземпляр Псалтыри 1517 г. находится в собрании Государственного исторического музея. Она была приобретена А. И. Хлудовым на Нижегородской ярмарке. Хлудов завещал свое собрание Никольскому единоверческому монастырю в Москве. В 1917 г. собрание поступило в Государственный исторический музей. Здесь первая скорининская Псалтырь находится и сегодня. Второй экземпляр Псалтыри 1517 г. был в 1904 г. приобретен Петербургской публичной библиотекой. Обстоятельства покупки неизвестны³².

Автор этих строк имел счастливую возможность прикоснуться к памятникам пражского книгопечатания и, спустя уже почти половину тысячелетия со времени их издания, увидеть их в первоначальном виде благодаря сохранившимся двум отдельным изданиям, находящимся в фонде ЗНБ СГУ³³.

Скорина пробыл в Праге три года, а может быть и несколько больше. По вопросу о причинах, по которым прервалась издательская деятельность Ф. Скорины в Праге, в разное время выдвигались различные предположения. Указывалось на последствия политической реакции, будто резко усилившейся начиная с 1520 г. «Когда Скорина печатал в Праге свои книги, в Германии начался поднятый Мартином Лютером бунт против Ватикана. В связи с этим папа римский Лев X издал буллу, в которой призывал уничтожать еретические и лютеранские книги. Как видно, были признаны еретическими и конфискованы книги, которые вез с собой Скорина, возвращаясь через Польшу в Вильню», – утверждал в своей монографии минский языковед В. М. Свежинский³⁴. Надо сказать, что сколько-нибудь серьезных оснований для таких утверждений нет. Скорина не имел никакого отношения к проповеди Лютера. В Библии на национальном языке, с точки зрения чешского общества, ничего предосудительного не было. До приезда Скорины в Прагу вышло три

печатных чешских Библии. Очередное издание появилось в 1529 г. в типографии Павла Северина. В 1537 г. книга вновь была переиздана.

К тому же к этому моменту на чешском престоле продолжал находиться тот же король Людовик, племянник Сигизмунда, при котором началась издательская деятельность Франциска Скорины.

По мнению Л. И. Владимировой, «прекращение издательской деятельности Скорины в Праге было вызвано недостатком средств, для продолжения такого дорогостоящего предприятия, как издание Библии»³⁵. С этим доводом трудно не согласиться.

Выдвигались и причины иного порядка. Исследователи вспоминали о словах Скорины, высказанных в предисловии к книге Иудифь: «... люди, и где зродились и усюмлены суть к тому месту великую ласку имають» (Л. 2 об.). Это служило основанием для предположения, что эта «великая ласка», стремление быть поближе к «своей братии Руси», для просвещения которой он трудился, заставляют перенести типографию на родину³⁶. И этот довод представляется резонным, хотя он едва ли мог иметь решающее значение.

В качестве причины прекращения деятельности пражской типографии Скорины называли разразившуюся в 1520 г. эпидемию чумы³⁷. Скорина мог бежать от чумы, хотя его статус практикующего врача в какой-то мере ставит обоснованность такого предположения под вопрос.

Думается, что мы в настоящее время не можем назвать определяющую причину прекращения издательской деятельности Ф. Скорины в Праге. На наш взгляд, говорить, видимо, следует о комплексе причин, среди которых были и те, что названы выше. Следует учитывать и то обстоятельство, что работа была прервана как бы на полпути, может быть даже внезапно³⁸, так как, по крайней мере, внешне дела Скорины в Праге шли достаточно успешно.

Пражский период издательской деятельности Франциска Скорины представляется чрезвычайно важным явлением в истории чешского книгопечатания. Изданная Скориной Библия – плод гигантского, тщательного и квалифицированного труда по переводу и редактированию. Осуществленный им перевод Библии чрезвычайно интересен. К издаваемым библейским книгам Ветхого Завета Скориной было написано 25 предисловий и 24 послесловия. Таким образом, Скорина снабжает канонический текст Библии вступительными замечаниями и подробными комментариями, текст которых выходит далеко за рамки толкования тех или иных мест Священного Писания.

Деятельность Ф. Скорины носила просветительский характер, в предисловиях к издаваемым им книгам он настойчиво подчеркивал, что цель его литературной и издательской деятельности –

послужить простым людям, помочь им «познать мудрость и науку», учить простых людей, «абы научившиеся мудрости, добро жили на свете». О просветительских целях Скорины говорит и то, что прологом его издательской деятельности стало издание Псалтыри – самой распространенной в ту пору книги, выполнявшую роль школьного учебника.

Все это позволяет нам рассматривать его издательскую деятельность в Праге неразрывно с деятельностью чешских типографов, так как Скорина выступил в качестве одного из ярких представителей обозначенного нами нового типа издателя, объединявшего в одном лице и переводчика, и редактора производства. В результате этого Прага предстает перед нами не только как центр чешского книгопечатания, но и как крупнейший центр книгопечатания в славянском мире в целом, где издавались книги, находившие читателя, как среди православного, так и католического населения славянских земель.

Примечания

- 1 Вацлав Фортунат Дурих – чешский филолог, наиболее известен своими трудами в области славянской филологии. См.: *Korrespondence Josefa Dobrovského. Praha, 1895. Díl. I : Vsa jemné dopisy Josefa Dobrovského a Fortunato Duricha z let 1778–1800. S. 198.*
- 2 *Korrespondence Josefa Dobrovského. Praha, 1895. D. I. S. 263.*
- 3 *Ibid. S. 333–334.*
- 4 *Dobrovsky J. Literarische Nachrichten von einer auf Verlassung der Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften im Jarhe 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland. Praga, 1796. S. 105–106.*
- 5 *Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.*
- 6 *Немировский Е. Л. Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск, 1990. С. 54.*
- 7 *Мильников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 88–91.*
- 8 *Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 218–222.*
- 9 Там же. С. 222.
- 10 Подробную характеристику религиозно-политической ситуации в Чехии в XVI в. см.: *Janaček J. České dějiny. Doba předbelohorská. Praha, 1971. D I/I. S. 181–227; Praha, 1984. D. II/I. S. 145–152.*
- 11 Цит. по: *Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 225–226.*
- 12 *Флоровский А. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. (Ф. Скорина и продолжатели его дела) // Sbornik filologický. Sv. 12. Praha, 1940–1946. С. 191.*
- 13 *Мильников А. С. Чешская книга. С. 89.*
- 14 *Horák F. Pět století českého knižtisku. Praha, 1968. S. 52.*
- 15 *Мильников А. С. Чешская книга. С. 89.*
- 16 *Horák F. Op. cit. S. 52.*
- 17 *Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 226.*

- ¹⁸ Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knižnípisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 272, 273, 274 (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
- ¹⁹ См.: Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 227.
- ²⁰ Horák F. Op. cit. S. 53–54.
- ²¹ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 228.
- ²² См.: Либрович С. Ф. История книги в России. Пг.; М., 1914. С. 38; Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб., 1889. С. 205; Бахтиаров А. А. Истории книги на Руси. СПб., 1890. С. 205; Мальных Н. Г. Очерки по истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965. С. 31; Кацержак Е. И. История книги. М., 1964. С. 139; 400 лет русского книгопечатания: в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 18; Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. М., 1988. С. 202; Мильников А. С. Чешская книга. С. 87; История книги / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприянова. М., 2001. С. 62; Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 229.
- ²³ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 229.
- ²⁴ См.: Сперанский М. Н. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899.
- ²⁵ Владимиров Л. И. Франциск Скорина Первопечатник Вильнюсский // Книговедение (7) 14: Франциск Скорина и некоторые вопросы развития книги в Советском Союзе: сб. докл. науч. конф., посвящ. началу книгопечатанию в Литве и Белоруссии и организованной в Вильнюсе 21 ноября 1975 г. Вильнюс, 1979. С. 14.
- ²⁶ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 246.
- ²⁷ Там же. С. 247.
- ²⁸ Владимиров Л. И. Франциск Скорина... С. 14.
- ²⁹ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 240.
- ³⁰ Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб., 1914. Т. 22. С. 34.
- ³¹ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 34.
- ³² Там же. С. 247.
- ³³ Книга Иисуса Навина. Прага, тип. Ф. Скорины. 20.12.1518. – 48 л.; Книга Песнь Песней Соломона. Прага, тип. Ф. Скорины. 9.01.1518. – 12 л.
- ³⁴ Свяжынскі У. М. Слова Скарыны. Мінск, 1984. С. 13.
- ³⁵ Владимиров Л. И. Франциск Скорина – первопечатник вильнюсский. Вильнюс, 1975. С. 41; Он же. Издательская деятельность Франциска Скорины в Великом княжестве Литовском // Федоровские чтения–1977: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 38–39.
- ³⁶ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 239.
- ³⁷ См.: Ясинский А. З. Культурная история Чехии с начала XVI до начала XVIII столетия. Цит. по: Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 239; Мильников А. С. Чешская книга. С. 91; Он же. Франциск Скорина и Прага // Федоровские чтения – 1977. С. 30.
- ³⁸ Мильников А. С. Чешская книга. С. 91.

УДК 9(4/9)(082)

КЛИМАТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tmosolkina@mfil.ru

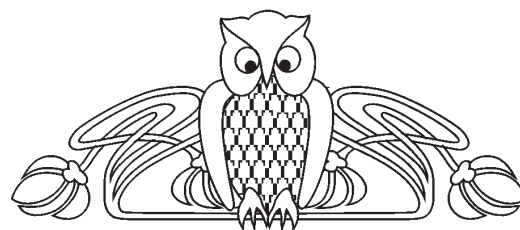
Статья посвящена рассмотрению влияния неблагоприятных погодных условий на различные стороны жизнедеятельности людей в Англии второй половины XVII века. На материале дневниковых записей современников прослеживается проявление «малого ледникового периода» в период поздних Стюартов, влияние климатических аномалий на быт, экономическую деятельность, здоровье англичан.

Ключевые слова: Англия второй половины XVII века, малый ледниковый период, климатические аномалии.

Climatic Anomalies in England Second Half XVII Centuries

T. V. Mosolkina

Article is devoted consideration of influence of adverse weather conditions on the various parties of ability to live of people in England second half XVII centuries. On a material of diary records of contemporaries display of «the Small glacial age» in late Stewarts, influence of climatic anomalies on a life, an economic activities, health of Englishmen is traced.

Key words: England second half XVII centuries, Small glacial age, climatic anomalies.

Влияние окружающей среды на развитие человека и общества является неоспоримым. Неблагоприятные природные условия, несомненно, тормозят общественное развитие, особенно в те периоды, когда уровень развития науки и техники был еще не слишком высок. Человек как биологический вид тесно связан с различными компонентами окружающей среды, и его организм подчиняется ее законам, реагирует на изменения температуры, суточные или сезонные ритмы¹.

Одним из таких «неблагоприятных» в климатическом отношении временных отрезков был «малый ледниковый период», продолжавшийся примерно 500 лет – с XIV до XIX века. За прошедшие 2 тыс. лет этот период был самым холодным. В XIV в. снег часто выпадал даже в Италии. Исследователи выделяют три фазы похолодания.

Первая фаза приходится на XIV–XV века. С 1310 г. в Европе началась эпоха дождливого лета и холодной зимы. В это время постоянными стали гибель урожаев, вымерзание садов и виноградников, замерзание рек, которые до этого никогда не замерзали. Это привело в первой половине XIV в. к постоянным голодовкам и уменьшению населения. Вторая фаза приходится на XVI в., когда отмечалось временное повышение среднегодовых температур. Но с 1560 г. температура вновь начала понижаться из-за снижения солнечной активности. Особенно холодным был 1665 г., когда даже птицы замерзали налету и отмечался значительный рост смертности населения.

Третья фаза (XVII – начало XIX вв.) стала наиболее холодным периодом «Малого ледникового периода», причем временной отрезок с 1641 по 1711 гг. определяется как «минимум Маундера», и был связан с замедлением течения Гольфстрима и самой низкой после V в. до н.э. солнечной активностью².

Вопрос периодических изменений климата уже с середины XX в. привлекал внимание многих исследователей, но до сих пор однозначного объяснения подобных явлений нет³.

В статье на материале записок современников рассматриваются проявления «Малого ледникового периода» в Англии во второй половине XVII в., который, как уже отмечалось, характеризовался максимальным похолоданием. Дневники современников позволяют представить, как влияли изменения климата на хозяйственную деятельность, быт, здоровье, труд и отдых людей, и как воспринимали англичане

в рассматриваемое время погодные аномалии⁴. Главным источником сведений является дневник Джона Эвелина (1620–1706 гг.), человека образованного, проявлявшего интерес к разным наукам, стоявшего у истоков Лондонского королевского научного общества⁵.

Нужно заметить, что колебания погоды в Англии проявлялись по-разному. На протяжении всей второй половины XVII в. в стране стояли чрезвычайно суровые зимы, холодные и дождливые весна и осень, и к этому добавлялись летние засухи. Конечно, и в XVI в. отмечались очень холодные зимы или ненастные весна и лето. Например, в 1537 и в 1564 гг. Темза замерзала, и по ней ездили верхом или в каретах, а также устраивались зимние ярмарки⁶. Однако с 60-х гг. XVI в. началось очередное значительное похолодание. Особенно несчастлив для англичан стал 1665 г. Он был не только самым холодным в XVII в., к этому добавилась необычайно свирепая эпидемия чумы, которая унесла жизни 80 тыс. человек⁷, а также война с Голландией. Из дневников современников мы узнаем, что, несмотря на тревогу, вызванную чумой и войной, необычные колебания погоды не оставались незамеченными. Так, 4 января 1665 г. Д. Эвелин отмечал: «Я отправился в карете [к берегам Ла Манша. – Т. М.], был чрезвычайно сильный мороз и снег в направлении Дувра и других частей Кента...»⁸.

Не только мороз был необычайно сильным, но и зимы были необычайно снежными. Снег мешал даже передвигаться по улицам. В декабре 1676 г. Эвелин сделал три следующие записи: «Выпал такой глубокий снег, что мешал нам возвращаться

Абрахам Хондиус. Замерзшая Темза 1677 г. (взято из: <http://marinni.livejournal.com/784761.html>)

из церкви»; «В Лондон, в такой сильный снег, что я не помню, чтобы видел подобный»; «Снег еще падает, я не смог добраться до церкви»⁹.

Много раз в течение всей второй половины XVII в. замерзала Темза. В те времена река была намного шире и текла медленнее, поскольку старый Лондонский мост служил своеобразной дамбой.

В научной литературе 1683/84 гг. именуется годом «Великого мороза». Зимой 1684 и 1685 гг. Дж. Эвелин сделал в дневнике семь записей о замерзшей Темзе. 1 января 1683/84 г. отмечено: «Погода остается невыносимо суровая, на Темзе были поставлены уличные лотки»¹⁰. 6, 9, 16, 24 января, 5 и 8 февраля повторяются описания замерзшей Темзы. 9 января Дж. Эвелин записал: «Я отправился через Темзу по льду, теперь ставшему настолько толстым, чтобы выдерживать не только уличные лотки (на которых жарилось мясо и имелись различные лавки товаров, полностью по всей ширине как в городе), но и кареты, повозки и лошадей, проезжающих через нее»¹¹. 1 января 1684/85 г. опять отмечено то же явление: «Стоит такая суровая погода и такой долгий и жестокий мороз, что Темза замерзла во всю ширину»¹².

Но даже такие суровые погодные условия не отбили у лондонцев желание развлекаться. 24 января Эвелин описывает, во что превратилась замерзшая Темза: «...сани, катание на коньках, травля быков, лошадиные и каретные гонки, кукольные театры и интермедии, таверны и другие непристойные места, так что казалось это триумф вакханалии или карнавал на воде»¹³. В феврале начало постепенно теплеть, хотя морозы периодически повторялись: «Палатки были почти все снесены, но сначала была вырезана на пивной бочке карта или план, представлявший все виды стоянок и различные действия, спортивные состязания и игры на ней [Темзе. – Т. М.] в память о выдающемся морозе»¹⁴. Один из предприимчивых типографов установил на льду реки печатный станок и предлагал желающим напечатать листок с их именами и датой, когда это было отпечатано на Темзе¹⁵. Некоторые из таких листов сохранились до наших дней.

Однако погодные аномалии приносили гораздо больше бед, чем развлечений. Эвелин пишет о людях и крупном рогатом скоте, погибших в разных местах, о морях, которые были заперты льдом, так что ни один корабль не мог войти в порт. «Дикая и домашняя птица, рыба и все наши экзотические растения и овощи полностью погибли»¹⁶. Холод мешал хозяйственной деятельности людей. Из-за морозов в городе «не было воды, чтобы взять из трубопроводов и хранилищ, и не могли пивовары и разные другие лавочники работать, и каждый момент был полон бедственными несчастными случаями»¹⁷. Особенно страдали от холода низшие слои населения. Эвелин отмечал, что все виды топлива настолько дороги, что понадобились большие пожертвования,

чтобы «сохранить в живых бедняков»¹⁸. От нехватки топлива испытывали неудобства даже зажиточные люди. Например, современник и приятель Дж. Эвелина С. Пипс, который был чиновником Адмиралтейства, в своем дневнике в конце января 1660 г. записал: «Вновь на квартиру к милорду (Эдварду Монтегю, графу Сандвичу. – Т. М.), и сидел около большого бревна, которое дает очень хороший огонь...»¹⁹. В этом же месяце, только в начале его, Пипс отмечал, что «мы не имели угля для разведения огня в доме, и погода была сильно морозная»²⁰. Становится понятно, почему так популярны были таверны и кофейни, где можно было не только поесть, выпить, но и согреться. Дж. М. Тревелиян пишет, что в XVII в., когда лесов в Англии почти не осталось, а каменный уголь еще не стал общедоступным, городские бедняки практически обходились без горячей пищи²¹.

Интересно заметить, что Дж. Эвелин в своем дневнике пишет о климатических аномалиях не только в Англии. Судя по его записям, «малый ледниковый период» был явлением общеевропейским: «И эта суровая погода не была менее сильной в большинстве частей Европы, даже до Испании и большей части южных территорий»²².

Переохлаждение приводило к различным заболеваниям людей – простуде, гриппу, пневмонией пр. Многие болезни обозначались одним словом – лихорадка. Вероятнее всего, речь шла о какой-то разновидности гриппа, причем часто подобные вирусные заболевания заканчивались смертью. В январе 1673 г. Эвелин похоронил своего слугу Адамса, умершего от плеврита²³. В сентябре 1678 г. жена приятеля Дж. Эвелина м-ра Годолфина заболела «лихорадкой». Через день после того, как Эвелин узнал об этом, женщина умерла. Сам Эвелин также переболел гриппом в 1675 году. Он пишет: «Я подхватил жестокую простуду, такую, какая была позже настолько эпидемичной, что не только причинила страдания нам на этом острове, но распространилась по всей Европе, подобно чуме»²⁴.

Лондонцы ко всему прочему в холодное время года страдали от смога. «Лондон, – пишет Эвелин, – из-за чрезмерного переохлаждения воздуха, затруднявшего подъем дыма, был настолько заполнен дымом с сажей от морского угля»²⁵, что трудно что-либо увидеть через улицу; и это заполняет легкие грязными частицами, чрезвычайно затрудняет грудь, так что человек едва может дышать»²⁶.

Другими проявлениями климатических аномалий были чрезмерно дождливые весна и осень, а также необыкновенная жара летом. Для жизнедеятельности растений, конечно, необходима влага. Но ее избыток приводит к гибели растений. В апреле 1681 г. Эвелин отмечал: «Весь этот месяц – сплошной поток дождя»²⁷. В апреле следующего года повторяется то же самое: «Сезон был необычайно сырым с дождями и грозами»²⁸.

Во второй половине XVII в. из-за понижения среднегодовых температур вегетационный период растений сократился примерно на 3 недели, из-за чего урожай не успевал вызревать. 4 апреля 1667 г. Эвелин пишет: «Холод настолько сильный, что листья едва появились на дереве»²⁹. И такая погода повторялась не одно десятилетие – в 1681, 1682, 1688 гг. Эвелин в апреле отмечает те же явления³⁰.

Дождливая и холодная весна сменялась сухим и жарким летом. Так, в июне 1681 г. Эвелин пишет: «Все еще продолжается такая сильная засуха, какой никогда не знали в Англии; и она, говорят, всеобщая»³¹. Интересно замечание Эвелина о том, что засуха не является каким-то локальным явлением. В записях за разные годы второй половины XVII в. мы встречаем повторяющиеся сведения. В июле 1684 г. Эвелин сообщает, что «листья опадают с деревьев как осенью»; в августе этого же года он пишет: «Чрезмерно жарко. Мы не имели больше одного или двух значительных ливней и таких же штормов в течение восьми или девяти месяцев. Многие деревья погибли из-за недостатка влаги»³². В засушливые годы урожай погибал и из-за нашествия гусениц. В мае 1685 г. в дневнике Эвелина записано: «Мы до сих пор в течение нескольких месяцев не имели никакого дождя, так что гусеницы уже уничтожили все зимние фрукты по всей стране и даже погубили некоторые большие старые деревья. Таких две зимы и лета никогда не знал»³³. Фразы о том, что такой погоды «никогда не было на моей памяти», «ни один человек в Англии не знал», встречаются постоянно.

Следствием неблагоприятных погодных условий были неурожаи и голод. Т. Роджерс приводит данные о неурожайных годах, когда цена на хлеб была необычайно высока. В первой половине XVI в. пшеница стоила относительно дешево по сравнению с последующими десятилетиями, но все же в два раза дороже, чем в прежние времена. После 1573 г. обычная цена была уже в три раза выше. С 1594 г. было пять неурожайных лет, и 1597 г. был голодным годом, поскольку пшеница стоила в десять раз дороже, чем раньше. В 1648 г. средняя цена пшеницы была в 5–7 раз выше той цены, которая была в предыдущие два столетия. Такие же цены держались всю вторую половину XVII в. и до конца XVIII века³⁴. Конечно, можно говорить о влиянии «революции цен» после Великих географических открытий. Но как объяснить то, что цены на продовольствие выросли на 300–400%, тогда как стоимости ремесленных изделий лишь на 20–30%? Современники связывали это с неблагоприятными погодными условиями. В июне 1685 г. Дж. Эвелин писал: «Такой нехватки продуктов из-за отсутствия дождя никогда не было на моей памяти»³⁵.

Таким образом, указанные аномальные погодные явления оказывали влияние практически на все стороны жизни людей. Наиболее очевид-

ными были трудности в быту и хозяйственной деятельности – проблемы с транспортом, отоплением жилищ, простудами, нехваткой сырья для ремесленных занятий и гибелью сельскохозяйственных культур. Но нехватка продовольствия вела к голоду и, как следствие, к росту социальной напряженности. Социальная напряженность влияла на внутривосточное положение в стране, и это отчетливо прослеживается во время правления поздних Стюартов.

Примечания

- ¹ Koepeke N., Baten J. Climate and its Impact on the Biological Standard of Living in North-East, Centre-West and South Europe during the Last 2000 Years // *History of Meteorology*. 2005. № 2. P. 147.
- ² Eddy J. A. The Maunder Minimum // *Science*. 1976. Vol. 192; Legrand J. P. Le Goff M. Mazaudier C. Schröder W. Solar and auroral activities during the seventeenth century // *Acta Geodaetica et Geophysica Hungarica*. 1992. Vol. 27. P. 251–282.
- ³ Crowley T. J. Causes of climate change over the past 1000 years // *Science*. 2000. Vol. 289. P. 270–277; Будыко М. И. Изменения климата. Л., 1974.
- ⁴ Behringer W. Climatic Change and Witch-Hunting: The Impact of the Little Ice Age on Mentalities // *Climatic Variability in Sixteenth-Century Europe and Its Social Dimension Special Issue of Climatic Change*. September 1999. Vol. 43, № 1. P. 335–351.
- ⁵ Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R. S. From 1641 to 1705–6. With Memoir. L., 1890; Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I–II.
- ⁶ Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004. P. 10–11.
- ⁷ Клаун Х. История Лондона. М., 2002. С. 54.
- ⁸ Evelyn J. The Diary... L., 1890. P. 303.
- ⁹ Ibid. P. 113–114.
- ¹⁰ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 192. До 1752 г. новый год в Англии начинался 25 марта. Поэтому в публикациях документов даты с 1 января до 24 марта указываются двойные.
- ¹¹ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 192.
- ¹² Ibid. P. 203.
- ¹³ Ibid. P. 193.
- ¹⁴ Ibid. P. 194.
- ¹⁵ Ibid. P. 193.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A new and complete transcription edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I–III. Vol. I. P. 30.
- ²⁰ Ibid. P. 11.
- ²¹ Трегельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959. С. 305.
- ²² Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 193.
- ²³ Ibid. P. 86.

²⁴ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 106–107.

²⁵ Каменный уголь, доставлявшийся с севера Англии по морю.

²⁶ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 193.

²⁷ Ibid. P. 158.

²⁸ Ibid. P. 168.

²⁹ Ibid. P. 31.

³⁰ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 158, 168, 270.

³¹ Ibid. P. 160.

³² Ibid. P. 198, 199.

³³ Ibid. P. 224.

³⁴ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899. С. 320.

³⁵ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 224.

УДК [94:327](420+47)|17|

НАЧАЛО АНГЛО-РУССКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В РАМКАХ «ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА» («ОЧАКОВСКИЙ КРИЗИС» 1791 г.)

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет
E-mail: Sabitovailiya90@mail.ru

В статье рассматривается специфика дипломатического противоборства Англии и России на начальной стадии возникновения «Восточного вопроса». В центре внимания автора – вмешательство правительства Англии в события русско-турецкой войны 1787–1791 гг., предпринятое в целях обеспечения контроля над мирными переговорами.

Ключевые слова: Англия, Россия, русско-турецкая война 1787–1791 гг., Тройственный союз, дипломатия посредничества

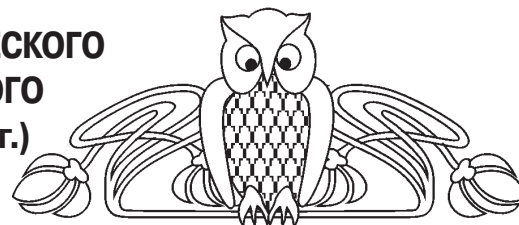
The Beginning of the Anglo-Russian Diplomatic Confrontation within the Frame of the «Eastern Question» («The Ochakov Crisis» of 1791)

L. R. Sabitova

The article describes the peculiarities of the Anglo-Russian diplomatic controversy at the first stage of the «Eastern Question». Much attention is paid to the British intervention in the course of the Russo-Turkish conflict of 1787–1791 in order to seize the control over peace negotiations.

Key words: Britain, Russia, Russo-Turkish war of 1787–1791, Triple Alliance, mediating diplomacy.

«Восточный вопрос» как комплекс противоречий, сопровождавших упадок Османской империи, на протяжении XIX – начала XX столетия спровоцировал череду острых дипломатических и военно-политических конфликтов между европейскими странами. Основными претендентами на раздел наследства «безнадежно больного человека» – султанской Турции – выступали такие влиятельные континентальные государства, как Англия, Франция и Россия. Наиболее ярким начальным проявлением европейских амбиций в зоне имперских владений Стамбула – прежде всего, в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке – стало, по мнению большинства исследователей, образование коалиции европейских государств под лозунгом оказания военной помощи Порте в ответ на вторжение войск На-

полеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798). Однако действия «защитников» территориальных интересов Турции имели свою предысторию. В ретроспективном аспекте наибольший интерес вызывает «Очаковский кризис» 1791 г., едва не приведший Англию и Россию, внешнеполитические интересы которых впервые пересеклись в регионе Восточного Средиземноморья, к полномасштабному военному столкновению.

Как известно, в годы правления Екатерины II (1762–1796) Российская империя продолжила успешные войны со своим южным соседом – Турцией. Блестящая победа русских войск в войне 1768–1774 гг. и выгодный для Петербурга Кючук-Кайнарджийский мирный договор, обеспечивший включение в состав России Крыма и Северного Причерноморья¹, позволили России заявить о своих претензиях на выход в акваторию Средиземного моря. Уже в ближайшее время Российская империя могла стать здесь реальным соперником таких морских держав, как Англия и Франция. Разумеется, ни Лондон, ни Париж подобные перспективы не устраивали. Правительства обеих стран приветствовали участие русских войск лишь в спасении Европы от «турецкой угрозы». Возросшая же активность Северной Пальмиры, угрожавшая ликвидацией Османской Порты в одностороннем порядке, расценивалась ими в качестве недопустимого посягательства на уже сформированный мировой и региональный порядок.

Особую обеспокоенность продвижением России на Восток выказывала Франция. Следует напомнить, что эта влиятельная держава с XVI века располагала на территории Османской империи особым статусом. Не желая разделять собственного успеха с Россией, Франция стремилась помочь Порте взять военный реванш. В 1787 г. французским дипломатам удалось спровоцировать новую русско-турецкую войну². Однако насладиться итогами своей политики Парижу не удалось, поскольку в стране началась революция.

Ослаблением Франции незамедлительно воспользовалась Англия, которая желала усиления своего влияния и в Европе, и на Ближнем Востоке. В первую очередь, ангlosаксы стремились перехватить контроль над Средиземноморской торговлей у своего главного континентального соперника – Франции. По этой причине в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Англия неофициально поддержала Россию, в то время как Франция усиленно опекала Турцию³. Однако успехи России, претендующей на избыточную, по мнению западных столиц, самостоятельность в международной политике, заставили англичан пересмотреть своё отношение к новому участнику региональной стратегии.

Во второй половине 80-х гг. XVIII столетия английский премьер-министр У. Питт-младший впервые заговорил в парламенте о факте существования «Восточного вопроса». Главным соперником Англии в этой области он назвал Российскую империю⁴. Прогнозируя будущее развитие ситуации, политик утверждал, что следующим шагом России, нацеленным на развитие успеха на южном направлении её внешней экспансии, должно стать обеспечение прохода своих военных кораблей через турецкие проливы (Босфор, Дарданеллы) к Ионическому архипелагу, с возможным захватом некоторых греческих островов. Следует отдать должное провидению британского государственного мужа, поскольку в самой России в то время существовал только абстрактный «Греческий проект», наброски которого были изложены Екатериной II в письме к австрийскому императору Иосифу (1782). Сама императрица в переписке с Г. А. Потемкиным признавалась, что «проект» весьма далек от практической реализации, а «политический состав Оттоманской монархии еще отдален от конечного его разрушения»⁵.

Несмотря на отсутствие у России серьёзных «наступательных» намерений, Англия, пользуясь временным уходом с международной арены революционной Франции, уже не могла оставаться сторонним наблюдателем очередного русско-турецкого столкновения (1787–1791). Впрочем, русскому послу в Лондоне был обещан нейтралитет Англии, заинтересованной в последующем вовлечении Петербурга в уже формируемую антифранцузскую коалицию⁶. Однако, наряду с этим, правительство Англии приняло решение всячески тормозить продвижение России на Восток⁷. Следует отметить, что наметившиеся антирусские мотивы лондонского курса опирались на поддержку заинтересованных европейских держав. Ещё летом 1788 г. Англия заключила с Пруссией, а затем и с Голландией Тройственный союз. Согласно секретной части подписанного договора, союзники обязались действовать «в совершенном и тесном согласии» в вопросах, связанных с русско-турецкой войной, и ограничить свободу действий России на Ближнем Востоке.

Справедливости ради следует заметить, что тайные переговоры о союзе вели также французские и русские дипломаты, о чем свидетельствуют отчеты французского посланника в Петербурге Л. – Ф. Сегюра. Однако, по его собственному признанию, более весомому ослаблению позиций Англии и Пруссии на основе франко-русского союза мешали внутренние дела во Франции, ухудшение которых сильно волновало Петербург. Князь Потемкин, по словам Сегюра, настаивал на проведении французским правительством какой-либо значительной военной или дипломатической операции (например, отправки войск во Фландрию), с целью доказать, что Париж сохраняет прежний вес в европейских делах. К тому же он хотел удостовериться, что Франция ищет сближения с Россией в целях формирования стратегического союза. В ответ на это французы выразили готовность предложить дипломатическое посредничество в улаживании военных конфликтов, в которых на тот момент была задействована Россия⁸. Однако процесс образования двух конкурирующих европейских коалиций прервали события Французской революции. В этой ситуации Англия и её союзники получили кратковременное преимущество, а сам Лондон попытался перейти в дипломатическое наступление против России, которая одержала очередную победу над Турцией. Бесцеремонные действия Англии спровоцировали острый конфликт в отношениях с Петербургом.

Непосредственным поводом для столкновения стал категорический отказ России уступить ультимативным требованиям Тройственного союза о заключении преждевременного мира с Турцией. Во исполнение данной инициативы русские должны были возвратить уже занятые земли между Бугом и Днестром, а также турецкую крепость Очаков. Именно вопрос о возвращении Стамбулу захваченного Очакова стал решающим. Россия не уступала, а потому весной 1791 г. оказалась на пороге открытого вооруженного столкновения с Англией⁹. Уже давно многие отечественные и зарубежные исследователи признают, что именно «Очаковское дело» ознаменовало собой начальную веху в истории «Восточного вопроса» с непосредственным участием Англии¹⁰.

Как же развивались предшествующие события? В августе 1787 г. Турция объявила России войну. Это решение Стамбула было вызвано страхом перед российской экспансией, одним из проявлений которой явилось присоединение к империи Крыма (1783). Франция, которая всячески разжигала конфликт, в условиях внутреннего кризиса и внешнеполитических неудач в Нидерландах не смогла напрямую вмешаться в столь ожидаемое и желанное русско-турецкое столкновение. Однако даже вынужденный нейтралитет Франции не разрядил тревожной обстановки на границах Российской империи, вынужденной

воевать на два фронта: на юге – с Турцией, на севере – со Швецией. При этом Петербург находился во враждебных отношениях с Пруссией из-за противоречий в Польше. Что касается Англии, то она, как уже было отмечено выше, также склонялась к недружественной политике¹¹.

Новые противники России всё более активизировались. Английские и прусские дипломаты в Стамбуле прилагали значительные усилия, чтобы в собственных интересах затянуть русско-турецкую войну. Русский посол Я. И. Булгаков неоднократно писал в Петербург о провокационной деятельности англичанина Р. Эйнсли, разжигавшего воинственный пыл турецкого правительства обещаниями военной помощи: «беснуются они таким образом, что не только министрам, но и маклерам непристойно, и уверяют всех, кто их готов слушать, в слабости России и императора»¹². Весной 1789 г. Р. Эйнсли и прусскому послу Г. Дицу удалось расстроить мирные переговоры, начатые Россией и Австрией при посредничестве французского посланника М. Шуазеля-Гуффье¹³.

Главной целью сторонников войны являлся выигрыш времени с тем, чтобы заставить Екатерину принять многократно отвергнутое ею английское посредничество в мирных переговорах с Турцией¹⁴. Весной 1790 г. Англия открыто потребовала от России немедленно заключить мир с Турцией и Швецией на основе отказа от всяких территориальных выгод. Со своей стороны, не желая упускать инициативу, Екатерина II отдала распоряжение вести с Турцией неофициальные мирные переговоры, в ходе которых Г. А. Потёмкин наотрез отказался удовлетворить инспирированное Англией и Пруссией требование великого визиря Гасан-паши о созыве миротворческого международного конгресса. Потёмкин писал императрице, что турки надеются во время конгресса «впустить другие державы действовать в их пользу».

Затягивая переговоры, дипломаты Тройственного союза пользовались любыми возможностями, чтобы заставить Турцию поверить в искренность обещаний Англии и Пруссии начать войну с Россией. В начале 1790 г. Пруссия подписала союзный договор с Турцией, согласно которому весной 1791 г. она должна была начать военные действия против России. Осенью 1790 г. британский посол Р. Эйнсли не скупился на обещания, убеждая турецких сановников продержаться ещё некоторое время. При этом он сулил турецкому правительству помощь организованной Англией мощной общеевропейской коалиции, которая, по его словам, лишь ждёт сигнала, чтобы объявить войну России. В то же время призыв султана поддержать Порту хотя бы демонстрацией британской силы в Черном море остался без ответа¹⁵.

После тяжёлых военных поражений Турции, понесённых во второй половине 1790 г., особенно после падения Измаила, в этой стране

усилилось стремление как можно скорее заключить мир с Россией. Действительно, в конце 1790 г. сменивший на престоле Абдул-Хамида I султан Селим III был готов немедленно начать мирные переговоры. Ещё до этого перестановки в правящих и военных кругах Порты привели к тому, что на руководящих постах в основном оказались противники войны. В этой ситуации освобождение русского посла из Семибашенного замка затягивалось, по его собственным словам, «лишь из-за боязни открыто показать Европе уменьшение русско-турецкой вражды»¹⁶. Почти открыто за него ходатайствовали по-прежнему заинтересованные в благожелательности русского двора французы. Но дипломаты Тройственного союза поспешили принять свои меры. Под их давлением заколебавшийся Стамбул решил продолжать уже проигранную войну.

Однако предпринятое на Россию давление оставалось безрезультатным. Императрица твёрдо отказалась от сохранения предлагаемого *status quo*, заявив британскому послу: «Я знаю, что Ваш двор определил меня изгнать из Европы; надеюсь, что, по крайней мере, он позволит мне удалиться в Царьград»¹⁷. В этой ситуации, осознав тщетность дипломатических средств, правительство Питта перешло к военным угрозам в отношении России. Британский посол в Берлине, Дж. Эварт, предлагал убедить Порту, что Англия готова к прямым действиям в целях обеспечения её безопасности на суше и на море. «Я оставляю, – писал он Питту, – вопрос о том, как далеко мы должны пойти, на Ваше усмотрение». Результатом такого демарша, полагал этот дипломат, будет установление британской гегемонии в Стамбуле на постоянной основе, что приведет «к принятию тех коммерческих и иных предложений, которые мы посоветуем». Эварт полагал, что дипломатические требования должны быть обязательно подкреплены военными приготовлениями: «Россия должна вернуть Порте завоёванное, не только потому что Очаков и его окрестности действительно важны для турок. Это дело второстепенное, если сравнить его с тем решающим влиянием, которое результат нынешнего спора окажет на силу и постоянство политики нашей страны. Или мы заставим Россию уступить, или все наше влияние в Берлине, на севере и в целом не продлится слишком долго»¹⁸. Настойчивым призывам Эварта соответствовал и тон посланий лорда Ч. Уитворта, британского посла в Петербурге.

В начале 1791 г. британская дипломатия, перейдя в решающее наступление против Петербурга, попыталась добиться международной изоляции России. Однако решение этой стратегической задачи Лондону оказалось не по силам. «Слабым звеном» в цепи британских интриг оказалась Пруссия. В Берлине, который ещё не забыл присутствия на своих улицах русских гренадёр, не было полной уверенности и единства

во взглядах на конфронтацию с Россией. Выжидательную позицию в итоге заняла и Голландия. В конечном итоге, «Очаковский кризис» оказался проверкой на прочность самого Тройственного союза, и этой проверки наспех сформированная коалиция не выдержала. Безусловно, немаловажную роль в развитии событий внесла Французская революция. Как известно, новая Франция, хотя и ослабленная внутренними потрясениями, не прекратила участия в европейских делах. При этом внешнеполитические амбиции сложившегося буржуазного государства вскоре вступили в прямое противоречие с интересами старых феодальных европейских империй. Новая внешнеполитическая стратегия Парижа вызвала тревогу в Лондоне, который быстро осознал все преимущества сближения с Россией. В этой ситуации другие потенциальные противники России – Швеция, Дания, Священная Римская империя – заняли выжидательную позицию, лишь наблюдая за ходом событий. В целом, как показали события, Тройственный союз не был нацелен на военное противодействие России, равно как и на реальную помощь Порте. Континентальные союзники англичан, особенно Пруссия, считали антирусскую коалицию лишь средством дипломатического давления на императрицу, «свобода рук» которой в «Восточном вопросе» должна была быть куплена, по их мнению, путем уступок в европейских делах¹⁹.

Однако осознание подлинных стратегических возможностей сформированной под эгидой Англии коалиции, было обретоено не сразу. По этой причине в марте 1791 г. между Лондоном и Берлином было достигнуто соглашение о совместном ультиматуме России и открытии военных действий, если Екатерина II откажется удовлетворить требования союзников. В Англии всерьез готовились к войне. К концу марта 1791 г. эскадра из 36 линейных кораблей была готова к отплытию в Балтийское море. Небезынтересно отметить, что это соединение было намного сильнее той эскадры, которая помогла позднее Нельсону одержать победу при Трафальгаре²⁰. Отметим в этой связи, что будущий знаменитый адмирал сомневался в успехе предполагаемой операции на Балтике, высоко оценивая боеспособность русского флота²¹.

Поскольку кризис в англо-русских отношениях достиг апогея, британский премьер-министр обратился к парламенту с просьбой о выделении военных кредитов. Однако его предложение неожиданно встретило бурный протест со стороны представителей торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в России, как в источнике сырья и рынке сбыта. Отражавшая эти настроения, оппозиция в лице своего лидера Ч. Дж. Фокса выступила в парламенте с решительным осуждением воинственных планов Питта. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, со своей стороны, использовал для нейтрализации

политики Питта собственные деловые связи, а также контакты с оппозицией и прессой. Его единомышленники в Лондоне сочиняли памфлеты, разоблачающие политику британского кабинета²². Против войны с Россией были настроены и некоторые влиятельные сторонники правительства. В результате эти настроения привели к разногласиям в самом кабинете Питта. Один из его участников писал: «Как можно искать объяснение началу войны из-за Очакова? Мы пытаемся защитить и поддержать Турцию, которая сама же объявила войну России! И ради этого мы рискуем своим авторитетом на континенте, мы отправляем огромную эскадру навстречу всем трудностям Балтики?! Я положительно не понимаю этих джентльменов, которые выступают за войну. Они говорят, что здесь задета честь нации, однако вопросы чести нации не должны противоречить национальному благоразумию»²³. Звучали даже откровенные намеки на то, что Питту «достанется» от Екатерины, как бы он ни был окрылен своими прежними дипломатическими и военными победами. Оказавшись под угрозой серьезного политического кризиса, воинственный премьер-министр Англии отказался от планов войны с Россией. Османская империя была брошена на произвол судьбы и волю победителя.

Впрочем, следует вновь повторить: несмотря на многочисленные обещания, отправлять войска на защиту Стамбула в Европе никто не собирался. Об этом, в частности, свидетельствует переписка и самих британских дипломатов. «Если Порте и надлежит помогать, – писали они, – то только умеренными силами. Надо усиливать ее потенциальных защитников и дать ей гарантии сохранения ее владений. Что же до России, то главное – остановить ее продвижение вперед и захват новых турецких территорий, а вовсе не попытка непременно настаивать на status quo»²⁴. В итоге, согласно статьям Ясского мирного договора, подписанного 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г. по новому стилю), Турция была всё-таки вынуждена уступить Очаков. Таким образом, планы Англии по установлению своей гегемонии в Европе и на Ближнем Востоке остались тогда не реализованными. Совсем скоро ближневосточные дела отошли для Лондона на второй план в связи с началом открытого противостояния с революционной Францией, в ходе которого Англия и Россия оказались союзниками. Тем не менее «Очаковский кризис» и «военная тревога» весны 1791 г. стали грозным предзнаменованием англо-русских противоречий в «Восточном вопросе», наложивших свою печать на весь последующий ход международных отношений.

Примечания

¹ См.: Ключук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России : сб. архивных документов. М., 1992. С. 78–82.

- ² См.: Miller W. Europe and the Ottoman Power before the Nineteenth Century // The English Historical Review. 1901. Vol. 16, № 63. P. 454.
- ³ См.: Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69, № 270. P. 39–58.
- ⁴ См.: Егоров А. А. Уильям Питт-младший и некоторые аспекты внешней политики Великобритании в 80-е годы XVIII в. // Британские исследования. Ростов н/Д, 2006. Вып. 2. С. 166.
- ⁵ Коршунова Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестн. Челяб. ун-та. 2003. № 10. С. 66.
- ⁶ См.: Донесение Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра России в Лондоне графа С. Р. Воронцова императрице Екатерине II от 19 (30) января 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 400. Л. 29–40 об. Подл. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ⁷ См.: Cunningham A. The Oczakov debate // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1, № 3. P. 211.
- ⁸ См.: Дешети № 19–22 полномочного французского министра в Санкт-Петербурге Л.-Ф. Сегюра министру иностранных дел Франции А. Монморену, март 1789 г. // АВПР. Ф. Секретнейшие дела (перлюстрации). Оп. 6/2. Д. 47. Л. 445–452 об. Копия (шифр.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ⁹ См.: Станиславская А. М. Англия и Россия в годы второй русско-турецкой войны (1787–1791) // Вопр. истории. 1948. № 11. С. 31.
- ¹⁰ См.: Rose J. H. Britain and the Eastern Question // J. Intern. Relations. 1922. Vol. 12, № 3. P. 307–308.
- ¹¹ См.: Соколов А. Б. «Очаковское дело»: англо-российский конфликт 1791 г. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3.
- ¹² Дешета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова члену коллегии Иностранных дел А. А. Безбородко от 15 (26) августа 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 722. Л. 84–87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹³ См.: Письмо вице-канцлера графа И. А. Остермана французскому послу в Стамбуле графу М. Шуазель-Гуффье (С пометкой Екатерины II «Быть по сему») от 30 марта (10 апреля) 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 526. Л. 7–10. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁴ См.: Письмо прусского короля Фридриха-Вильгельма послу в Стамбуле Г. Дицу от (2)13 января 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 1067. Л. 57–59. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁵ См.: Webb P. L. Sea Power in the Ochakov Affair of 1791 // The International History Review. 1980. Vol. 2, № 1. P. 17.
- ¹⁶ Дешета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова члену коллегии Иностранных дел А. А. Безбородко от 15 (26) августа 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 722. Л. 84–87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁷ Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1880. С. 193.
- ¹⁸ Цит. по: Соколов А. Б. «Очаковское дело»: англо-российский конфликт 1791 г. С. 8.
- ¹⁹ См.: Cunningham A. The Oczakov debate // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1, № 3. P. 215.
- ²⁰ См.: Ehrman J. The Younger Pitt. The Reluctant Transition. Stanford, 1983. P. 20.
- ²¹ См.: Nelson to W. Cornwallis, 4 April, 1790 // Webb P. L. Sea Power in the Ochakov Affair of 1791 // The International History Review. 1980. Vol. 2, № 1. P. 23.
- ²² См.: Black J. Parliament and foreign policy 1763–93 // Parliaments, Estates and Representation. 1993. Vol. 13, № 2. P. 165.
- ²³ Auckland to Burges, 29 March, 1791 // Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 257.
- ²⁴ Leeds to Ewart, 21 May, 1790 // Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 261.

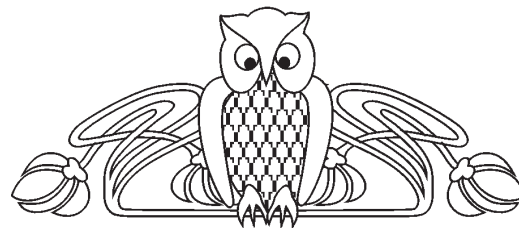
УДК 32.37

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Р. Р. Алиева

Таджикский государственный университет коммерции, Худжанд
E-mail: rafoat50@mail.ru

В статье выявлены и рассмотрены основные этапы формирования Шанхайской организации сотрудничества. Определяется роль ведущих мировых держав в регионе. Рассматривается взаимодействие государств-членов ШОС в культурной и гуманитарной сферах. Отражены формы сотрудничества Республи-

ки Таджикистан и Китайской Народной Республики в области культуры.

Ключевые слова: Культура, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), выставки, проекты, фестивали, творчество, взаимодействие, научное сотрудничество, декада, образование.

The International Cooperation in the Sphere of Culture within the Framework of Shanghai Cooperation Organization

R. R. Alieva

The main stages of formation of the Shanghai Cooperation Organization are identified and dealt with. The role of world powers in the region is defined. The interaction of the SCO member states in cultural and humanitarian spheres is considered. Forms of cooperation of the Republic of Tajikistan and China in the field of culture are reflected.

Key words: Culture, SCO (Shanghai Cooperation Organization), exhibitions, projects, festivals, creativity, collaboration, science cooperation, decade, education.

Обретение государственной независимости в 1991г. открыло Таджикистану возможность самостоятельно проводить свою внешнюю политику, определять направления и приоритеты межгосударственных отношений.

Формирование внешнеполитического курса суверенного Таджикистана началось в новых исторических условиях, в ходе которого наше государство прошло путь от актуальных для международной обстановки тех лет дипломатических акций до уровня реализации полномасштабной концепции взаимодействия с внешним миром. Характер, динамика, насыщенность событиями и продолжительность этого этапа были обусловлены гражданской войной в стране и преодолением её последствий в рамках мирного процесса и установления национального согласия.

Выявление наиболее приоритетных направлений внешней политики позволило Таджикистану выработать собственные пути вхождения в мировое сообщество. Государственную независимость Республики Таджикистан официально признали более 130 стран мира, около 90 из них установили с нашей страной дипломатические отношения, а 44 государства имеют в Таджикистане постоянных послов. Сегодня Таджикистан на полноправной основе входит в состав самых влиятельных международных организаций, укрепляет дружеские связи с десятками стран на всех континентах, тесно сотрудничает с крупнейшими банковскими и финансовыми корпорациями. В республике аккредитовано 67 иностранных представительств, 20 межправительственных и 18 неправительственных организаций. В отношениях нашей страны с мировым сообществом находит свое отражение многостороннее сотрудничество в рамках международных и региональных организаций, включая ООН, Евросоюз, ОБСЕ, СНГ, ШОС и ОДКБ. За прошедшие годы республика присоединилась к 170 важнейшим международным конвенциям¹.

В процессе формирования внешнеполитического курса Республики Таджикистан одним из таких приоритетов является двустороннее взаимодействие по линии Таджикистан – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Актуаль-

ность сотрудничества Таджикистана с ШОС объясняется целым рядом причин. Одной из основных, несомненно, является изменившаяся картина миропорядка. Уход СССР с политической арены, коллапс биполярной системы, создание ряда новых государств и, следовательно, новых проблем – все это вместе взятое заставило многие страны искать утерянную сбалансированность в новых условиях коллективной безопасности и экономического сотрудничества, так называемых региональных объединений.

Как известно, идея создания «Шанхайской пятёрки» возникла при урегулировании границ между Китаем, Россией и новыми независимыми государствами Центральной Азии. Начав свое становление с разрешения пограничных проблем, лежащих в области международного публичного права, ШОС оказалась международной организацией нового типа, возникшей не из-за военно-стратегических соображений, а из-за политических, экономических и гуманитарных целей.

За короткое время ШОС удалось сформировать эффективную структуру, правовую базу, привлекательную для потенциальных новых членов, и стать ведущим игроком в Азии и в мировой политике. В этом сказался заложенный мощный потенциал развития Шанхайской организации сотрудничества. Площадь, численность населения и природные ресурсы стран ШОС во много раз превышают аналогичные показатели существующих глобальных и региональных структур безопасности. Общая территория входящих в ШОС государств составляет 61% от всей территории Евразии. Здесь проживает свыше 3,5 млрд людей (более половины человечества), производится 55 % мирового валового национального продукта, сосредоточено 40% мировой торговли. Экономический потенциал включает в себя мощь России, Китая, Индии и ресурсы других членов и наблюдателей организации.

Следует отметить, что международный вес организации определяется не только совокупным демографическим и территориальным потенциалом стран-участниц, но и протекающим в рамках ШОС стратегическим диалогом двух ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН – России, КНР. Это, собственно, и определяет ключевую, системно образующую роль ШОС в обеспечении коллективной безопасности, как в Центральной Азии, так и – гораздо шире – в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Государства-члены ШОС активизировали диалог, сотрудничество, показали взаимопонимание, разработали стратегию и управленческие структуры для реализации намеченных целей. В рамках этой организации на саммитах государств-членов ШОС (1996, 1997, 1998) Китай решил все проблемы о спорных участках границы со всеми соседними государствами Центральной Азии, укрепил с ними торговые связи, увеличил объем инвестиций².

Шанхайская организация сотрудничества – это открытая для взаимодействия международная организация, она является примером плодотворного сотрудничества представителей разных цивилизаций: конфуцианской, православной – христианской, исламской, индо-буддийской. ШОС зарекомендовала себя как действенный инструмент доверия между народами. Она не только обеспечивает безопасность государств, но и открывает новые возможности взаимодействия в экономической и культурно-гуманитарной сферах. На периодически проводимых саммитах лидеры стран-участниц ШОС детально обсуждали вопросы углубления сотрудничества и политического взаимодействия в рамках организации по ключевым вопросам.

ШОС набирает силу. Об этом свидетельствуют регулярные саммиты, встречи государств-членов ШОС, посвященные глобальным проблемам региона. В целом за десять с небольшим лет новейшей истории таджикско-центрально-азиатских отношений сделано немало. Сегодня эти отношения охватывают все основные области сотрудничества: от политического диалога и связей по военной линии до торгово-экономического взаимодействия и культурных обменов. Несмотря на трудности, возникающие на этом пути, стороны не только не потеряли интерес друг к другу – взаимное притяжение усиливается.

За период своей деятельности ШОС добилась существенного успеха, самое важное это то, что ШОС достигла уровня международного признания – выходит на более высокий уровень международных отношений и стремится теперь решать все новые и новые вопросы. В этом плане ШОС, обладающая колоссальным научно-техническим потенциалом, представляет для Таджикистана огромный интерес. Бурное развитие международных отношений государств-членов ШОС, происходящее в последние годы, вызывает все больший и больший интерес не только в торгово-экономических, политических аспектах, но и в культурных и просто в человеческих контактах. Расширение сферы компетенции ШОС позволяет выдвигать новые модели взаимодействия культурного развития в рамках стран ШОС, где главной целью является развитие многостороннего сотрудничества в сфере образования, науки, массовых коммуникаций, спорта, туризма, охраны культурного наследия. В этой связи ведется деятельность по разработке и поддержке проектов взаимодействия стран в рамках государств ШОС в этих областях, созданию действенного механизма укрепления научного, образовательного, культурного потенциала стран, который может предупредить проявление любого вида экстремизма. Сегодня мы можем сказать, что этот механизм уже создается. Развивается гибкая и эффективная структура, позволяющая быстро реагировать на реальные потребности, возникающие в сфере гуманитарного сотрудничества.

Взаимодействие в области культуры на пространстве ШОС соединило творческую энергию, опыт, интеллект и, наконец, уникальную культуру всех народов стран ШОС.

В дипломатических отношениях Таджикистана с государствами-членами ШОС двусторонние отношения с великим восточным соседом Китаем занимает особое место, эволюционируя в направлении стратегического партнерства. Это обусловлено не только политическим и экономическим весом Китая в мире и Азиатско-тихоокеанском регионе, но и глубокими историческими связями, общими культурными и политическими ценностями, а также наличием общей границы.

За сравнительно небольшой исторический промежуток времени государства в своих возможностях достигли значительных результатов. Между Душанбе и Пекином идет постоянный плодотворный политический диалог, разрабатываются проекты, затрагивающие развитие экономики и других секторов народного хозяйства³.

За годы, прошедшие после установления дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, отношения между двумя соседними государствами развивались только по восходящей линии. **Сегодня они характеризуются беспрецедентным уровнем политических, экономических и гуманитарных связей.** Окончательно и успешно решен имеющий давние исторические корни пограничный вопрос. Стали нормой открытость и взаимное доверие между двумя странами и народами. Ключевую роль в этом играют встречи на высшем уровне, определяющие стратегию общего развития. Большое внимание лидеры двух государств уделяют вопросам взаимодействия и сотрудничества во всех областях, в том числе в сфере культуры и других гуманитарных направлениях.

Межкультурные контакты двух соседних народов уходят корнями в глубокую историю. В течение длительного исторического периода времени таджики и китайцы находились на общем территориально-культурном пространстве, жили, творили и внесли огромный вклад в мировую цивилизацию. Таджики с древнейших времен стремились иметь тесные связи и контакты со своими соседями. Среди гор и пустынь в течение столетий ими были протоптаны пути, впоследствии объединенные в единое понятие Великий шелковый путь. Испокон веков «Шелковый путь» связывал народы двух стран. Документы свидетельствуют о том, что монах Танской империи совершил пеший переход через нынешнее Памирское нагорье (древний Цунлин), чтобы обучаться в Индии⁴.

Великий шелковый путь, являвшийся одним из самых первых караванных путей, в древние времена и средние века связывал земли предков таджиков с Китаем и Индией, Древним Египтом и Вавилоном, Персией и Византией. Он сыграл

важную роль в сближении народов, развитии торговли, обмене культур.

Динамика двусторонних таджикско-китайских отношений в области культурного сотрудничества положительно сказывается на развитии их отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Итоги четырех проведенных совещаний министров культуры государств-членов ШОС (соответственно Пекин, 2002 г.; Астана, 2005 г.; Ташкент, 2006 г. и Душанбе, 2007 г.), а также принятие перспективных планов и программ взаимодействия, имеют непреходящее значение, как для развития многосторонних культурных связей в рамках ШОС, так и для расширения двустороннего культурного сотрудничества⁵.

Совместное заявление министров культуры государств-членов ШОС, принятое 12 апреля 2002 г. в Пекине, имело большое значение для правового обеспечения культурного сотрудничества участников региональной организации. Документ предусматривал проведение фестивалей и обменных дней культуры, участие в них художественных коллективов, деятелей искусств, организацию гастролей творческих коллективов, сотрудничество в области охраны памятников, музейного и библиотечного дела, кинематографии, телевидения, радиовещания, издательской деятельности и спорта⁶.

Реализация плана многостороннего культурного сотрудничества между государствами-членами ШОС на 2005–2006 гг., принятого на Астанинском совещании министров культуры государств-членов ШОС, в целом способствовала сохранению многообразия культур государств-членов ШОС, взаимному уважению, большему распространению знаний о традициях и обычаях народов, живущих на евразийском пространстве. Существование различных цивилизаций, взаимное обогащение их культур, несомненно, сыграли и продолжают играть важную роль в сохранении и укреплении духа дружбы в регионе.

На третьем совещании министров культуры государств-членов ШОС в апреле 2006 г. в Ташкенте был утвержден План многостороннего культурного сотрудничества на 2007–2008 гг. Республика Таджикистан была одним из активных участников фестивалей искусств, проведенных в рамках ШОС. Фестивали внесли важную лепту в укрепление отношений дружбы между государствами и их народами⁷.

Таджикистан внес важный вклад в развитие культурных связей государств-членов ШОС. С 23 по 26 апреля 2007 г. в Душанбе состоялось совещание министров культуры государств-членов ШОС, по итогам которого был одобрен проект соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о культурном взаимодействии. Реализация соглашения обогатит взаимосвязи наших стран в духовно-культурной сфере.

В наши дни таджикско-китайское культурное сотрудничество, опираясь на принципы, заложенные в древние времена, адаптируется к современным реалиям. Основным юридическим документом, регулирующим это сотрудничество, является соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики, подписанное в декабре 1993 г. в Душанбе. В связи с чем в мае 2005 г. в Душанбе в рамках саммита ШОС была подписана Программа культурного обмена между Министерством культуры Республики Таджикистан и Министерством культуры Китайской Народной Республики на 2005–2009 гг. Она предусматривает широкий обмен творческими коллективами, организацию выставок изобразительного и декоративно-прикладного искусства, дней культуры, демонстрации художественных и документальных кинофильмов. Этот документ, подготовленный экспертами двух стран, укрепил правовую основу культурных обменов с КНР, рассчитанных на долгосрочный период, дал дополнительный импульс культурному развитию двух государств и играет важную роль в сближении культур, укреплении взаимопонимания и добрососедства между двумя соседними народами.

Большое значение для стран ШОС имела инициатива Министерства культуры Китайской Народной Республики о проведении во втором полугодии 2010 г. в г. Санья первого форума сотрудничества в области индустрии культуры в рамках организации с участием представителей министерств и ведомств культуры, предприятий в сфере культуры государств-членов ШОС⁸.

Поддержка постоянных контактов и интенсивный культурный обмен стимулировали растущее взаимодействие двух сторон в культурной области.

Свой вклад в развитие культурных связей вносят общественно-культурные организации двух стран. Из года в год крепнет сотрудничество таджикского общества дружбы и культурных связей (ТОДКС) с Китайским обществом дружбы и культурных связей в г. Урумчи (СУАР КНР) и Китайским народным обществом дружбы с границей в Пекине. Контакты, встречи и обмена по линии этих организаций обогащают «народную дипломатию» двух стран, выступающую важным самостоятельным звеном в деле расширения культурных связей и укрепления взаимопонимания двух соседних народов. В ходе первой встречи руководителей «народной дипломатии» Республики Таджикистан и КНР, состоявшейся в феврале 2006 г. в Пекине, была подписана программа сотрудничества между Таджикским обществом дружбы и культурных связей и Китайским народным обществом дружбы с границей на 2006–2007 гг.

На IV Международном форуме мировой скульптуры, состоявшемся в сентябре 2003 г. в г. Чанчуне (КНР), работа известного таджикского

скульптора А. Бекасиён «Рекорд Гиннеса» была признана организаторами одной из лучших. Впервые в новой истории таджикско-китайских отношений китайцы имели возможность близко познакомиться с достижениями традиционного таджикского пластического искусства и самобытностью их мировосприятия.

Одним из важных культурных событий 2004 г. в Таджикистане стало проведение Дней китайского кино в Душанбе и выставки китайских картин в национальном музее им. К. Бехзода, приуроченной к 55-й годовщине образования КНР. Демонстрация китайских фильмов в Душанбе открыла таджикским зрителям достижения китайского кинематографа, который в 2006 г. отметил свое 100-летие. Таджикские зрители выразили надежду, что дружба и сотрудничество двух соседних народов будет и в будущем развиваться в кинематографическом аспекте⁹.

Особое внимание обе стороны уделяют вопросам организации фотохудожественных выставок. В феврале 2003 г. под патронажем посольства Китайской Народной Республики в Республике Таджикистан и Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами в Республиканском краеведческом музее имени К. Бехзода впервые открылась выставка «Шелковый путь – культура Китая». Выставка познакомила широкий круг общественности с историей Шелкового пути, служившего в течение длительного исторического периода времени мостом между Востоком и Западом, с многообразием культуры Поднебесной. В городах Урумчи и Пекине (26–28 декабря 2004 г. и 6–8 января 2005 г. соответственно) посольство Республики Таджикистан в КНР при поддержке Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами провели фотовыставку «Знакомьтесь, Таджикистан» известного таджикского кинематографиста, заслуженного деятеля культуры Республики Таджикистан Заура Дахте. Выставка была приурочена к 13-й годовщине установления дипломатических отношений между РТ и КНР. На церемонии открытия выставки в Пекине приняли участие высокопоставленные лица постоянного комитета ВСНП КНР, Министерства иностранных дел. Государственного комитета по делам национальностей, международного отдела ЦК КПК, Министерства культуры, Китайского общества дружбы с зарубежными странами, руководства Секретариата ШОС, дипломатического корпуса, средств массовой информации. Это стало ярким свидетельством интереса китайских друзей к Республике Таджикистан. Надо подчеркнуть, что данная фотовыставка еще больше сблизила народы двух дружественных стран и послужила стимулом для дальнейшего сотрудничества в культурном аспекте.

О широком разнообразии и содержательности таджикско-китайского сотрудничества

рассказала фотовыставка «Таджикистан–Китай: вечная дружба – общее развитие», открывшаяся 9 января 2007 г. в Пекине и приуроченная к государственному визиту президента Республики Таджикистан Э. Рахмона в КНР и 15-летию установления дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и КНР. Знакомство с фотовыставкой позволило зрителям соприкоснуться с мгновениями истории таджикско-китайского сотрудничества и познакомиться с перспективами его развития. На представленных на фотовыставке 128 фотографиях были отражены наиболее важные моменты таджикско-китайского сотрудничества за прошедшие 15 лет, начиная с первого официального визита главы таджикского государства Э. Рахмона в Китай в марте 1993 г. Присутствие руководства Министерства иностранных дел Китая, Секретариата ШОС и Китайского народного общества дружбы с заграницей, а также послов государств евразийского региона, бывших послов КНР в Таджикистане, представителей китайской общественности и студентов свидетельствовало о важности мероприятия¹⁰.

В ноябре 2005 г. в Пекинском университете прошла международная студенческая выставка «Мой родной край», на которой студенты государств-членов ШОС продемонстрировали свои культурные и этнографические традиции. Павильон Республики Таджикистан, где были выставлены экспонаты традиционной культуры, рассказывающие о древней и современной истории таджиков, получил одно из призовых мест.

Масштабным событием в духовной жизни двух братских народов стали Дни культуры Республики Таджикистан в Китае (21–26 мая 2007 г.), приуроченные к 15-летию со дня установления двусторонних дипломатических отношений. Мероприятия были организованы Посольством Республики Таджикистан в КНР совместно с Министерством культуры КНР и включали концерты творческих коллективов и выставку произведений художников Таджикистана. Экспозиция картин художников Таджикистана и фотовыставка под названием «Современный Таджикистан» состоялись в престижной пекинской библиотеке «Шоуду». 51 картина и 50 фоторабот современных художников Таджикистана продемонстрировали богатый духовный мир таджикского народа и своеобразные природные ландшафты. 22 мая в Пекине в театре Тянь цзяо состоялся концерт мастеров искусств Таджикистана. Коллективы таджикских творческих групп поразили пекинских зрителей, показав зрителям Поднебесной многообразие, изящность и богатство народного творчества таджиков, покорили своим высоким народным талантом и искусством.

Очередная выставка народного творчества государств-членов ШОС, открывавшаяся в национальном музее имени К. Бехзода в столице

Республики Таджикистан, стала значительным событием в культурной жизни региона. По своему количеству и содержанию представленных экспонатов выставка получила широкие позитивные отклики со стороны общественности и средств массовой информации шести стран, гостей и дипломатического корпуса г. Душанбе. Таджикистан также являлся активным участником выставки детских рисунков государств-членов ШОС в 2005–2006 гг., выставки живописи и декоративно-прикладного искусства государств-членов ШОС (Ташкент, апрель – май 2006 г.) и молодежного фестиваля профессионального искусства «Роза мира» в России (Москва, октябрь 2006 г.).

Выставка «Народное творчество Таджикистана», которая была организована Посольством Таджикистана в КНР по случаю пятилетия ШОС и 15-летия независимости Республики Таджикистан 24 апреля 2006 г. в Пекине в помещении Секретариата ШОС, получила весьма высокую оценку многочисленных гостей и дипломатического корпуса. На выставке были представлены более 300 экспонатов, в том числе красочные таджикские сузани, выполненные на дереве миниатюры, одежда и ювелирные изделия, и другие творения народных мастеров Таджикистана. Культурное взаимодействие способствовало взаимному духовному обогащению, придавало двум народам чувство открытости, восприимчивости к внешним явлениям и стимулировало партнерство¹¹.

Китай оказывал поддержку учреждениям культуры Таджикистана. В марте 2003 г. в Национальном музее им. К. Бехзода была проведена выставка народного творчества КНР. После завершения выставки 211 экспонатов выставки были переданы в дар музею. В мае 2005 г. была подписана «Программа культурного обмена между Министерством культуры Республики Таджикистан и Министерством культуры Китайской Народной Республики на 2005–2009 годы». Она способствовала активизации сотрудничества в области культуры. В рамках реализации этой программы в 2006 г. в Таджикистане прошла выставка музыкальных инструментов КНР, а в Душанбе и Турсунзаде прошли концерты творческих групп КНР. В августе 2008 г. успешно были проведены дни культуры КНР в РТ, в рамках которых прошли дни китайского кино в Таджикистане. В свою очередь, с успехом прошли в Пекине дни культуры Таджикистана в КНР.

В июле 2008 г. в Пекине состоялась конференция, посвященная 1150-летию со дня рождения основоположника таджикско-персидской поэзии Абуабдулло Рудаки. На конференции, кроме выступлений о жизни и творчестве поэта, звучали стихи Рудаки на китайском языке. А китайское Бюро по печати марок при Государственной почтовой администрации КНР выпустило в свет юбилейный подарочный набор из четырех

марок, посвященный юбилею Рудаки. Всемирно известные китайские художники Чжоу Сюоцин и Май Синьминь подарили правительству Таджикистана два портрета Рудаки, выполненных в традиционной манере китайской классической живописи. В октябре 2008 г. в Пекинском аграрном университете по инициативе посольства РТ в КНР были проведены «Абрикосовые чтения», посвященные таджикско-китайским отношениям и таджикской культуре. В октябре 2008 г. таджикские студенты, обучающиеся в КНР, и Посольство РТ в КНР организовали в Пекинском университете в рамках 5-го Международного фестиваля культуры выставку, посвященную таджикской традиционной культуре. Стали традицией двух стран проведение среди студентов ежегодного конкурса на лучшее знание истории таджикско-китайских отношений. 23 февраля 2010 г. центральная газета КНР «Жэньминь Жибао» онлайн открыла на своих страницах специальную рубрику «Таджикистан и Китай: диалог культур». Такие же двухсторонние отношения развиваются и с другими государствами-членами ШОС¹².

Наблюдается дальнейшее расширение и укрепление взаимовыгодного сотрудничества на принципах равноправия и с другими государствами-членами ШОС. Организуются дни России, Казахстана, Киргизии и Туркменистана в Таджикистане и дни таджикской культуры в этих странах.

Как известно, ежегодно в дни саммита главы государств ШОС организуют фестивали искусства государств-членов ШОС. Таджикские мастера искусств принимают участие в фестивалях искусств государств-членов ШОС. Такой фестиваль искусств проходил в г. Душанбе в 2008 г. В 2009 г. наши артисты ансамбля «Лола» им. Валамат-заде принимали активное участие в фестивале ШОС в РФ: в Екатеринбурге, театре им. Маяковского в г. Москве и в г. Санкт-Петербурге. Группа работников сферы культуры проходили обучение в Китае.

Стабильно развивается и научное сотрудничество между государствами-членами ШОС. В рамках двухстороннего сотрудничества осуществляется плодотворная деятельность с министерствами образования и науки государств-членов ШОС в области подготовки высококвалифицированных специалистов, аспирантов, докторантов и поставки учебно-методической литературы. Большое значение придается подготовке специалистов с высшим образованием в вузах зарубежных государств. В рамках соглашения между правительствами государств-членов ШОС разработан план по подготовке специалистов редких специальностей, обменом студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и преподавателями.

Таджикистан является одним из активных членов по выполнению соглашений между пра-

вительствами государств-членов ШОС. Ученые-эксперты Таджикистана принимают участие в Международных конференциях организуемых научно-исследовательскими институтами Российской Федерации, Казахстана, Киргизии, Китайским институтом международных проблем и Шанхайским институтом международных исследований. Центром ШОС при МИД КНР, Институтом Центральной Азии Академии социальных наук в СУАР КНР. Китайские, российские, казахские и киргизские исследователи принимают участие в работе научных форумов, организуемых ЦСИ при Президенте РТ и ЦГИ РТСУ. Научные исследования таджикских, китайских и российских ученых публикуются на страницах научных изданий России, Китая и Таджикистана. В Институте языка и литературы закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию профессор Синьцзянского университета Замир Саъдулло. В Пекинских университетах преподают и обучаются в магистратуре выпускники РТСУ¹³.

В Российско-Таджикском (Славянском) университете открыто отделение по изучению китайского языка, а также осуществлен перевод с китайского языка книги о культуре китайских таджиков – «Таджики: народные обычаи и культура». В КНР опубликована на китайском языке книга Б. Г. Гафурова «Таджики». Научное пространство стран ШОС имеет большой потенциал для развития сотрудничества в этой отрасли. Сотрудники института Истории, археологии и этнографии АН РТ и Института материальной культуры и археологии СУАР КНР сотрудничают в области археологии и истории культуры народов СУАР КНР. Есть контакты Средней Азии и СУАР КНР для обогащения культур народов, проживающих на этой территории. В работах таджикских исследователей показаны теснейшие культурные связи в сфере музыкального и танцевального искусства в период до арабского завоевания. Сохранены памятники искусства, археологические памятники, скульптура, живопись, коллекции материальной культуры, рукописи. В последнее десятилетие на территории СУАР КНР проводятся значительные и важные археологические работы китайскими археологами. Создание комплексной таджикско-китайской археолого-этнографической и искусствоведческой экспедиции для изучения теснейших этнокультурных контактов на этой территории, имеет большое значение. Очень важно то, что в составе комплексной таджикско-китайской археолого-этнографической и искусствоведческой экспедиции участвует солидный, коллектив ученых из Таджикистана, Китая, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, России. Концепция данного исследования должна показать глубину и масштаб многосторонних историко-культурных связей.

Успешно строится сотрудничество Таджикистана с Народной Республикой Китай и в об-

ласти образования. Так, по соглашению между Министерством образования РТ и Министерством образования КНР от 1 февраля 2007 г., подписанному министрами образования двух стран, 7 гражданам Республики Таджикистан в 2007–2008 учебном году выделено 20 учебных квот для обучения в вузах Китая.

Кроме того, Таджикистану как члену Шанхайской организации сотрудничества Министерством образования КНР дополнительно выделено еще 20 мест. В марте 2012 г., при участии посольства Китая в Таджикистане среди восьмидесяти претендентов отобраны кандидаты для учебы в вузах Пекина, Шанхая, провинции Гуандун, которые должны были отправиться на учебу в том же году. Таджикские абитуриенты китайских университетов отобраны среди студентов отделений китаеведения Российско-Таджикского (славянского) университета, Национального института языков, а также Национального политехнического университета¹⁴.

Приведенные примеры отражают лишь отдельные фрагменты межкультурного диалога на пространстве ШОС, а также таджикско-китайское сотрудничество в области культуры. Проведение на взаимной основе гастролей творческих коллективов, участие фольклорных ансамблей в международных и национальных фестивалях стали традиционными и вносят важный вклад в укрепление отношений дружбы и взаимопонимания двух народов.

Культурное сотрудничество государств-членов ШОС, не ограничивается лишь участием творческих коллективов в фестивалях. Сфера культурного взаимодействия этих стран многообразна, из года в год она расширяется, охватывая организацию и проведение на взаимной основе выставок изобразительного и декоративно-прикладного искусства, юбилейных мероприятий и совместных концертов, выступления как художественных коллективов, так и отдельных исполнителей, взаимное издание и перевод видных таджикских и китайских писателей и поэтов и т. п. Упомянутые мероприятия, несомненно, способствуют популяризации культуры государств, расположенных на евразийском пространстве, и укрепляют двусторонние таджикско-китайские отношения.

Таким образом, можно заключить, что культурное взаимодействие способствовало взаимному духовному обогащению, придавало народам, живущим на пространстве ШОС, чувства открытости, восприимчивости к внешним явлениям и стимулировало партнерство.

Примечания

- 1 См.: Дипломатия Таджикистана : Вчера и сегодня. Т. 1. Душанбе : Ирфон, 2009. 456 с.
- 2 См.: Саидов З. Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации. Душанбе : Авесто, 2004. С. 342.

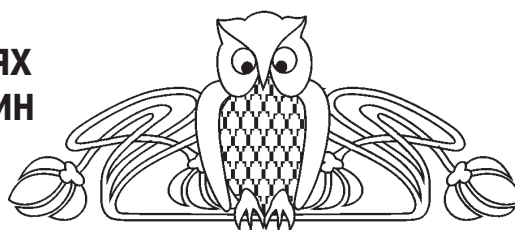
- 3 См.: Хайдаров Р. Д. Влияние глобализации на процесс формирования внешней политики РТ // Таджикистан и современный мир. Душанбе, 2006. № 2. С. 45–50.
- 4 См.: Хунбинь У. Путь по неровной дороге // Вечерний Душанбе. 11 марта. 2005.
- 5 См.: Ниятбеков В. А. Национальные интересы Республики Таджикистан и новые геополитические ориентации Китая в Центральной Азии // Таджикистан и современный мир. 2003. № 1 (2). С. 84–87.
- 6 См.: Алимов Р. Таджикиско-китайское сотрудничество в области культуры // Известия АН РТ. Отд. обществ. наук. Душанбе, 2008. № 1. С. 146–155.
- 7 См.: Текущий архив министерства культуры РТ. Отдел внешних связей // Папка ШОС. Отчеты за 2005–2011 гг. Л. 41.
- 8 См.: Алимов Р. Таджикиско-китайское сотрудничество в области культуры // Известия АН РТ. Отд. обществ. наук. Душанбе, 2008. № 1. С. 146–155.
- 9 См.: Эльбаум Г. Нас сближает кино // Дусты. Апрель–июнь. 2004. С. 17–18.
- 10 См.: Завершение визита Президента Эмомали Рахмона в Китай // Народная газета. 31 января. 2007.
- 11 См.: Рахмонов на саммите ШОС в Шанхае // Народная газета. 21 июня. 2006.
- 12 См.: Сяньжун Фань. 20 лет добрососедства и дружбы // Минбари халк. 29 декабря. 2011. С. 6–7.
- 13 См.: Текущий архив Министерства образования и науки РТ. Центр образовательных программ по обучению за рубежом // Папка ШОС – 2010-2013 гг. № 54.
- 14 См.: Сяньжун Фань. 20 лет добрососедства и дружбы // Минбари халк. 29 декабря. 2011. С. 6–7.

УДК 327.82(470+571+73)|2001/2008|

ФАКТОР ПЕРСОНАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 2001–2008 ГГ.: ДЖ. БУШ-МЛ. И В. В. ПУТИН

О. К. Рыбалко

Саратовский государственный университет
E-mail: rybalkook@gmail.com

В статье рассмотрены ключевые саммиты Дж. Буша-мл. и В. В. Путина в период с 2001 по 2008 г. На основе анализа их результатов и мнений экспертов дается оценка эффективности использования американским президентом тактики персональной дипломатии как средства регулирования американо-российских отношений.

Ключевые слова: американо-российские отношения, Дж. Буш-мл., В. В. Путин, саммиты, персональная дипломатия.

The Personal Diplomacy Factor in American-Russian Relationships During 2001–2008: George W. Bush Vs V. V. Putin

О. К. Rybalko

The article enlightens the most important summits between George W. Bush and V. V. Putin during 2001–2008 years. The effectiveness grade of the personal diplomacy tactics, used by the American President as a means of American-Russian relationships' regulation, is given based on the analysis results and expert opinions.
Key words: American-Russian relationships, George W. Bush, V. V. Putin, summits, personal diplomacy.

Знаменитый американский дипломат, главный советник президента США Билла Клинтона по вопросам отношений с Россией Струоб Тэлбот так оценивал меру эффективности персональной дипломатии: «Смело могу сказать, что «биохимия» личных отношений между лидерами может оказывать превосходное воздействие на отношения между руководимыми ими стра-

нами»¹. Стиль взаимодействия Б. Клинтона и Б. Ельцина в 1994–1998 гг. – дружба «Билла и Бориса» – являлся образцом такой «биохимии». Сменивший Клинтона на посту президента в декабре 2000 года Джордж Буш-мл. изначально заявлял об отказе от такой модели двусторонних отношений в силу ее неэффективности. Президент-республиканец планировал привести в российско-американские отношения больше жесткости и прагматизма.

Первые полгода работа новой администрации действительно отличалась ужесточением американской риторики – президент выполнял предвыборные обещания. Однако для реализации ключевых пунктов республиканской внешнеполитической программы – строительства системы противоракетной обороны (ПРО), препятствия распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), расширения НАТО на восточном направлении, установления контроля над иранской ядерной программой и распространения влияния в странах Центральной Азии – требовалось наладить и поддерживать диалог с Россией. Для этого в июне 2001 г., впервые встретившись со своим российским коллегой в столице Словении, Буш-мл. перешел к той дипломатической тактике, которую сам же критиковал во время предвыборной кампании.

После месяцев напряженного молчания, отказа от встреч с российским главой, шпионского скандала и высылки российских дипломатов

из Вашингтона в марте 2001 г., взаимных претензий и отсутствия видимого желания идти на компромисс, в Любляне Дж. Буш-мл. объявил о наступлении новой эры в российско-американских отношениях. «Россия не враг США, – заявил он на совместной пресс-конференции по итогам встречи, – я уверен... что мы можем быть и крепкими партнерами, и друзьями»². Тогда же Буш оценил эффективность личного контакта с российским коллегой: «Мы вели разговор как мужчина с мужчиной, которые прибыли сюда с ясной, четкой целью – представлять свою страну, излагать позиции, чтобы работать вместе... Сегодня был очень конструктивный день. Мы, фактически, стали ощущать друг друга как люди»³.

Внезапная теплота Буша-мл. в отношении России и его комплименты в адрес В. Путина вызвали широкий резонанс, как в прессе, так и в американских политических кругах. Журналисты отпускали остроумные комментарии относительно «доверия» главы США к бывшему агенту КГБ, в глазах которого он «уловил движение души»⁴. В американском экспертном сообществе и среди некоторых сенаторов также высказывались критические замечания о наивности Буша-мл. и его неопытности во внешней политике⁵.

Было и другое мнение относительно разительной перемены в настроении Буша-мл. Часть аналитиков утверждали, что новый американский президент отнюдь не легковерен, что наивностью страдают, скорее, его критики, а Буш, как и его российский партнер, демонстрирует мастерскую дипломатическую игру, «искусный подход разительной жестких политических позиций при мягкой подаче их в прессе в нужном свете»⁶. Так или иначе, главная задача саммита, состоявшая в налаживании двустороннего контакта, обозначении исходных позиций по ключевым вопросам и установлении курса на перспективное сотрудничество, была решена. В ходе переговоров обсуждались вопросы региональной безопасности; была высказана взаимная заинтересованность в использовании энергетических ресурсов Каспийского бассейна. Поднимались вопросы, в которых мнения американской и российской сторон серьезно расходились, – к таковым относились действия России в Чечне, американские планы по развертыванию системы ПРО, специфика демократических процессов в условиях российских реалий – и было решено приложить совместные усилия по их решению⁷.

Следующая встреча подобного формата, призванная стать новой ступенью позитивного развития российско-американского сотрудничества, была намечена на ноябрь 2001 г., но трагические события 11 сентября ускорили этот процесс. Владимир Путин первым из иностранных глав государств позвонил в Белый дом с соболезнованиями и заверениями в готовности к содействию. Президент России согласился открыть российское воздушное пространство для американских

военных самолетов и наладить сотрудничество российской и американской разведок. Одним из самых важных шагов этого сотрудничества было обещание Путина договориться с бывшими советскими республиками (главным образом, с Узбекистаном и Таджикистаном) о согласии последних на переброску американских войск в Афганистан и с использованием военных баз⁸. Этот шаг был сделан, невзирая на перспективу нахождения американского военного контингента в зоне российского влияния в Центральной Азии и в непосредственной близости от российских границ. В американских политических кругах признавали, что Россия в сложившейся ситуации оказывает Соединенным Штатам более значительную помощь, чем большинство членов НАТО⁹.

В том, что в данной ситуации Россия проявила лояльность и заявила о полной поддержке Соединенных Штатов, эксперты видели не только заслугу Джорджа Буша-мл., но и дипломатическую победу Владимира Путина. С. Тэлбот называет действия Путина «блестящим броском», в результате которого Буш поверил, что Путин – надежный союзник против терроризма¹⁰. Это положение действительно давало России ряд преимуществ. Вставая плечом к плечу с Америкой против терроризма, Россия приобретала ареол крупнейшего борца с глобальной угрозой, что повышало международный статус государства. Кроме того, в награду за содействие Владимир Путин получил признание Джорджем Бушем-мл. связи чеченских сепаратистов с Усамой бен-Ладеном¹¹. Теперь российский лидер мог не опасаться обвинения в попирании прав и свобод национальных меньшинств. Чеченские боевики перестали позиционироваться как борцы за свободу и были признаны террористами, что подразумевало применение к ним самых жестких мер. Помимо этого, в Госдепартаменте США и Белом доме обсуждалась возможность предоставления России торговых и инвестиционных стимулов, поддержки стремлений России по вступлению в ВТО и отмены поправки Джексона–Вэника в качестве «вознаграждения» за помощь¹².

Дальнейшее углубление взаимодействия Буша и Путина произошло на саммите в Кроуфорде, штат Техас, 13–15 ноября 2001 г. Американский президент пригласил российского лидера на ранчо, в свой дом, подчеркивая тем самым дружеский характер этой встречи.

Официальной информации о результатах работы Буша и Путина в Кроуфорде немного. В основном это заявления о продолжении плодотворного сотрудничества и демонстрация взаимной симпатии в подкрепление этого тезиса. Российский президент был охарактеризован своим коллегой как «руководитель нового типа», который твердо намерен добиться огромных перемен, сделав условия жизни на планете более мирными, тесно сотрудничая в этом с Соеди-

ненными Штатами»¹³. Оба президента заявили о намерении сократить свои арсеналы ядерного оружия; сообщили, что обсудили вопросы экономического взаимодействия. Также были подписаны заявления о совместной борьбе против биотерроризма, противодействию незаконному обороту наркотиков и «План совместных действий», освещавший области взаимодействия по борьбе с глобальными вызовами безопасности.

Многие эксперты и исследователи отмечают, что основным достижением американо-российского диалога в Кроуфорде, о котором не говорилось в СМИ, стал раздел Каспийского региона на сферы влияния¹⁴. Согласно личной договоренности Буша-мл. и Путина, в американскую зону контроля был включен Туркменистан, готовый предоставить США бывшие советские базы в Мары и Чарджоу, и Узбекистан, с первых дней антитеррористической кампании предоставивший США возможность использовать свою территорию для борьбы с Талибаном. Эти государства были добавлены в список к уже находящимся в зависимости от США Грузии и Азербайджану. Россия, в свою очередь, получила от Буша-мл. гарантии сохранения контроля над Арменией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном. Также Россия получила возможность участвовать в будущих трубопроводных проектах в Афганистане¹⁵.

Благостная картина была несколько омрачена выходом Соединенных Штатов в декабре 2001 г. из договора по ПРО 1972 г. Российская сторона оценивала этот документ как краеугольный камень всей архитектуры международной безопасности и идея о его расторжении ранее вызывала острое отрицание Москвы. Буш подчеркивал, что выход его страны из договора по ПРО не повредит безопасности России и не ухудшит российско-американских отношений. Реакция российских высших официальных лиц действительно была относительно спокойной. В. Путин хоть и назвал это решение ошибочным, но оговорился, что оно не стало полной неожиданностью. В данном контексте президента России больше беспокоила необходимость скорейшего правового оформления договоренностей, достигнутых по вопросу о сокращениях стратегических наступательных вооружений¹⁶.

Указанные договоренности были оформлены в Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанный 24 мая 2002 г. во время официального визита Джорджа Буша в Москву. Согласно этому документу стороны обязались к 31 декабря 2012 г. сократить суммарное количество имеющихся в их арсеналах ядерных боезарядов до 1700–2200 единиц¹⁷. На том же саммите была подписана и символическая Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки¹⁸, в которой были закреплены принципы

взаимодействия и основные направления сотрудничества. Таковыми назывались борьба с международным терроризмом; поддержка государственного переустройства в Афганистане, урегулирование региональных конфликтов в Приднестровье, на Балканах, в Абхазии и Нагорном Карабахе, координация действий России и НАТО в рамках создаваемого Совета Россия–НАТО; преодоление кризиса на Ближнем Востоке. На московском саммите Дж. Буш-мл. и В. Путин продолжали демонстрировать обоюдную симпатию и дружелюбие. Пресса сообщала, что Буш дает своему российскому коллеге шуточные прозвища и читает Достоевского, постигая загадочную русскую душу¹⁹.

Некоторые эксперты называют период союзничества России и США после терактов 11 сентября «историческим апогеем» американо-российских отношений²⁰. Острые углы дипломатично сглаживались, спорные вопросы находили компромиссные варианты решений. Но за блестящим периодом единодушия вновь последовал кризис.

Одной из основных задач визита американского президента в Россию было склонить В. Путина поддержать инициативу США по вторжению в Ирак. Именно этот вопрос стал причиной серьезного разлада между бывшими партнерами. Согласно республиканской внешнеполитической платформе, Ирак причислялся к «странам-изгоям», а после взрывов в Вашингтоне и Нью-Йорке был объявлен Соединенными Штатами государством-спонсором терроризма. Россия при этом имела давние и достаточно стабильные политические и экономические отношения с Ираком. Разрыв этих отношений, во-первых, поставил бы под удар возможность получения солидных выплат по иракскому долгу, а во-вторых, привел бы в негодование российское общественное мнение и оппозиционные силы, что накануне президентских выборов было совершенно невыгодно В. Путину. Следствием этого стало решительное противостояние России, вошедшей в Альянс с Францией и Германией, американо-британской войне против Саддама Хусейна²¹. СМИ заговорили о возобновлении конфронтации.

При этом официальный Вашингтон сохранял удивительную невозмутимость. Позиция американской администрации выражалась в формуле «Наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию»²². Причин для такого великодушия было несколько. Посредничество Кремля было необходимо Соединенным Штатам в решении вопроса о нераспространении ОМУ и для улаживания ситуации вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи. Кроме того, уменьшение за счет России поставок нефти из района Персидского залива могло увеличить свободу действий американцев на Ближнем Востоке. Помимо прочего Россия являлась одним из главных кредиторов Багдада и членом Парижского клуба,

а значит могла повлиять на реструктуризацию иракского долга, что сильно бы затруднило его послевоенное восстановление²³.

Для возобновления американско-российского диалога было запланировано проведение двух новых встреч лидеров государств – на начало июня 2003 г. в Санкт-Петербурге и на конец сентября – в Кэмп-Дэвиде. В российской северной столице Бушем и Путиным были подписаны ратификационные протоколы по СНП. Российский президент дал обещание не содействовать иранской и северокорейской ядерным программам, а в качестве ответной «любезности» Дж. Буш-мл. одобрительно оценил действия российской стороны в Чечне²⁴.

В Кэмп-Дэвиде тенденция к сглаживанию разрыва была закреплена. Президенты США и России вновь воплотили собой образец взаимопонимания. Это повлекло за собой и интенсификацию экономических отношений двух стран, сопровождавшуюся солидным притоком американских инвестиций в нефтегазовую сферу российской экономики²⁵.

К началу второго срока обоих президентов сложившаяся модель взаимодействия с Россией, предполагающая дружественную президентскую риторику, дипломатический диалог и асимметричные уступки, сохранялась. Одновременно с этим имела место и жесткая антироссийская позиция конгрессменов и части академического сообщества. Специалисты отмечали, что степень реальной поддержки России со стороны Соединенных Штатов напрямую зависит от американской заинтересованности в сотрудничестве с ней. Эндрю Качинс, авторитетный американский специалист по России, высказывал мнение о том, что охлаждение двусторонних отношений неминуемо – чем меньше Дж. Буш-мл. будет нуждаться в России, тем меньше будет сдерживающих моментов для критической оценки внутренней и внешней политики России в его администрации²⁶.

2005 год действительно ознаменовался новым витком похолодания. Конгрессмены настаивали на ужесточении политики в отношении России, многие сенаторы выступали с предложением не допускать Россию к участию в саммите «Большой восьмерки», запланированной на июль 2005 г., за сделки со «странами-изгоями» и препятствование передаче решения иранского вопроса в Совет Безопасности ООН²⁷. Саммит в Братиславе в феврале 2005 г. между тем показал, что американский президент не собирается отказываться от привычно-дружеской тактики взаимоотношений с В. Путиным. Более того, Буш сохранил спокойствие и дружеский настрой даже после того, как Россия через несколько дней после окончания саммита подписала новое соглашение о поставке материалов с Ираном²⁸.

Характерно, что и в дальнейшем, когда российско-американские противоречия еще более

обострились на фоне осуществления американского «Плана свободы», цветных революций, активизации деятельности США по направлению ПРО, после знаменитой мюнхенской речи российского президента в феврале 2007 г. Буш и Путин продолжали практиковать рабочие встречи в неформальной обстановке. В то время как конгрессмены единодушно сосредоточились на разоблачении и критике имперских амбиций России и авторитарных замашек В. Путина, Буш в июле 2007 г. принимал российского президента в семейной резиденции Уокер-Пойнт в Кеннебанкпорте и вновь повторил тезис о доверии к своему российскому коллеге, высказанный шесть лет назад²⁹. На этой встрече лидеры попытались продвинуться в диалоге о строительстве американской системы противоракетной обороны, однако преодолеть этот самый острый пункт противоречий им так и не удалось до окончания их президентских сроков.

Джорджа Буша-мл. часто критиковали за стиль его взаимоотношений с В. Путиным. Одни упрекали его за излишнюю мягкость и неспособность «продать» необходимые Америке решения³⁰, другие – за «декоративность» личной дипломатии, оставляющей за скобками «антидемократические» процессы в России³¹. И все же, если оценивать результативность деятельности Дж. Буша-мл. и республиканской администрации в целом, можно констатировать значительные успехи в этой области. Отдельные американские политики и эксперты отмечали, что республиканцам удалось то, чего не смогла добиться администрация демократов: спокойной реакции России на действия США в сфере безопасности, на присутствие американских военных на территории отдельных стран СНГ, на перспективу дальнейшего расширения НАТО, ликвидацию Договора по ПРО 1972 года. Определенные подвижки произошли и в деле решения проблемы иранской ядерной программы. Обсуждая оставшиеся неразрешенными противоречия на одной из последних встреч в качестве президентов в Сочи в июне 2008 г., оба лидера признались, что персональная дипломатия может зайти очень далеко, но и она имеет свой предел³². Этот предел определяется национальными интересами государства, которые всегда стоят выше личных предпочтений.

Примечания

- 1 Струоб Тэлбот (США) : Мне кажется, нельзя исключить разворот сына к идеям отца // Международные процессы. Т. 2, № 2(5). Май–август. 2004. URL: <http://www.intertrends.ru/five/011.htm>. (дата обращения: 01.06.2014)
- 2 Совместная пресс-конференция Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша. 16 июня 2001 года, Любляна. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/236.html> (дата обращения: 01.06.2014).

- 3 Совместная пресс-конференция Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша. 16 июня 2001 года, Любляна. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/236.html> (дата обращения: 01.06.2014).
- 4 Will We Ever Get Russia Right? // The Washington Post. 31 Aug. 2001. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A22132-2001Aug30.html> (дата обращения: 13.02.2013).
- 5 *McQuillan L.* Senator criticizes Bush on Russia. Helms says president too cozy with Putin // USA Today. Jun. 21. 2001. P. 01A.
- 6 Summitry and spin // The Bostone Globe. June 26. 2001. P. 1.
- 7 Совместная пресс-конференция... URL: <http://2002.kremlin.ru/events/236.html> (дата обращения: 01.06.2014).
- 8 *Буш Дж.* Ключевые решения. М., 2011. С. 233–235.
- 9 *Kitfield J.* Putin's leap of faith // National Journal. Oct 6. 2001. P. 30.
- 10 Струоб Тэлбот (США) : Мне кажется, нельзя исключить разговор сына к идеям отца. URL: <http://www.intertrends.ru/five/011.htm>. (дата обращения: 01.06.2014).
- 11 *Watson R., Bennett V.* Bush sides with Putin against Chechen rebels // Times of London. Sep. 27. 2001. P. 13.
- 12 Новый друг Америки? (Newsweek, США). 12.11.2001. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20011112/139622.html#ixzz2NXvOg0Xp> (дата обращения: 01.06.2014)
- 13 Встреча Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента США Дж. Буша со школьниками средней школы г. Кроуфорда. 15 ноября 2001 года. Кроуфорд. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/373.html> (дата обращения: 01.06.2014).
- 14 *Chiesa G.* Bush's Asian Yalta // The New Leader. 2002. Vol. 85 (January). P. 6.
- 15 *Шенин С. Ю.* Наследники Тегерана : американо-российский саммит в Крофорде (ноябрь 2001 г.) // Тегеранская конференция и современное мироустройство : сб. материалов конф. Саратов, 3 дек. 2013. Саратов, 2014. С. 25.
- 16 США вышли из договора по ПРО. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1709000/1709209.stm (дата обращения: 01.06.2014).
- 17 Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. 24 мая 2002 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/3476 (дата обращения: 01.06.2014).
- 18 Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/3477. (дата обращения: 01.06.2014).
- 19 Our New Best Friend? // Time. May 20. 2002. P. 1.
- 20 *Goldgeier J. M., McFaul M.* George W. Bush and Russia // Current History. № 101 (657). P. 318.
- 21 *Saunders P. J.* The US and Russia After Iraq [Electronic resource] // Policy Review. June 1. 2003. URL: <http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/6536>. (date of access: 08.05.2014).
- 22 *Rubin D.* U.S. works to mend postwar relations with Europe // Knight-Ridder/Tribune News Service. May 03. 2003. P. 4.
- 23 *Murray A.* U. S. Faces Messy Negotiations Over Iraq's Outstanding Debt // The Wall Streat Journal. April 15. 2003. URL: http://online.wsj.com/article/0,,SB105035859291630700,00.html?mod=politics_secondary_stories_hs (date of access: 07.05.2014).
- 24 The President's News Conference With Vladimir Putin of Russia in St. Petersburg, Russia. June 1. 2003. // Weekly Compilation of Presidential Documents. Administration of George W. Bush, 2003. June 1. P. 704–708.
- 25 *Шенин С. Ю.* США и Россия : «Иракский раскол и его преодоление» // Чичеринские чтения. Государственный суверенитет в системе многосторонних мирополитических связей. Тамбов, 2012. С. 187.
- 26 *Качинс Э.* Россия для США – приоритет второго ранга. URL: www.carnegie.ru/pubs/media/ (дата обращения: 02.06.2014).
- 27 Хилари Клинтон : Мы выпустили из-под контроля ситуацию в России («NBC», США). 21.02.2005. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050221/217386.html#ixzz2lssQwlzc> (дата обращения: 02.06.2014).
- 28 Джордж Буш : Я верю слову Путина («The White House», США). 29.04.2005. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050429/219267.html#ixzz2lt0xP8xx> (дата обращения: 02.06.2014).
- 29 Два президента и один капитан. Владимир Путин сделал Джорджу Бушу новые предложения по строительству ПРО // Российская газета. 2007.04.07. Федерал. вып. № 4404.
- 30 *Loven J.* Personal diplomacy can't mask problems // Record (Bergen County, NJ). 2007. July 1. P. 8.
- 31 *McFaul M.* Vladimir Putin, Backslider // Hoover Digest. № 2. 2003. URL: <http://www.hoover.org/publications/hoover-digest/article/7097> (дата обращения: 02.06.2014).
- 32 *Gerstenzang J.* Bush and Putin find limits to personal diplomacy; In a crunch, they know that national interests are paramount // Los Angeles Times. 2008. April 6. P. 3.

УДК [327.82+379.83] (470)

ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся развития дипломатии. Автор отмечает возросшую роль и значение публичной дипломатии в решении глобальных проблем. Среди основных инструментов публичной дипломатии особое место занимает туризм, который гуманизирует международные отношения и укрепляет образ государства.

Ключевые слова: туризм, глобализация, публичная дипломатия, сотрудничество, брендинг территорий.

Tourism as an Instrument of Public Diplomacy

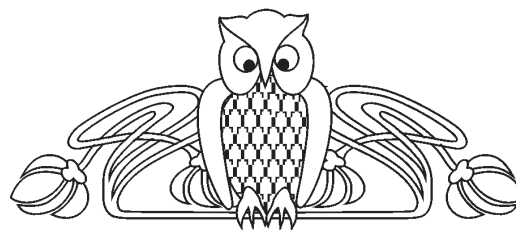
T. V. Cherevichko

This article is devoted to issues of diplomatic development. The author marks the increasing role and value of public diplomacy in solution of global problems. Tourism takes up the special position among the main instruments of public diplomacy. It humanizes international relations and consolidates the image of the state.

Key words: tourism, globalization, public diplomacy, cooperation, branding of territories.

Современное развитие дипломатии во многом определяется процессами глобализации и интеграции. К концу второго тысячелетия произошел ряд событий, которые несколько изменили социально-экономический ландшафт человеческой жизни. Технологическая революция с информационными технологиями в своей основе формирует новую материальную основу общества. Национальные экономики стали глобально взаимосвязаны, создав тем самым новую систему отношений, что привело, в конечном счете, к формированию экономики нового типа – глобальной.

Глобализация – это активное распространение практик, ценностей, технологий и других человеческих произведений по всему миру, когда глобальные практики все сильнее влияют на человеческие жизни, а фокусом или предпосылкой формирования человеческой деятельности становится земной шар¹. Следует отметить, что глобализация приводит к открытости (прозрачности) национальных границ, универсализации целостных ориентиров и исчезновению границ между внутренней и внешней политикой. В этих условиях увеличивается количество участников межгосударственного общения, что приносит в дипломатическую деятельность все новые инструменты и выявляет ряд особенностей развития. Так, в качестве особенностей современной дипломатии можно назвать, во-первых,

открытость и, во-вторых, интенсивное развитие многосторонней дипломатии.

Как отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров, «классической дипломатии сегодня недостаточно, чтобы решать глобальные проблемы. Эти проблемы требуют самого активного участия парламентов, гражданского общества. Неслучайно парламентская и общественная дипломатия – это уже устоявшиеся термины»².

В настоящее время все большую актуальность приобретает публичная дипломатия. Следует отметить, что публичная дипломатия как система прямого взаимодействия государств с обществами зарубежных стран существует столько же, сколько сами государства, но особый интерес к этой сфере появился сравнительно недавно.

Традиционно под публичной дипломатией понимается комплекс мер, нацеленных на изучение и информирование зарубежной аудитории, а также на установление контактов. Это действия, направленные на строительство долгосрочных отношений, защиту целей национальной внешней политики и лучшего понимания ценностей и инструментов собственного государства за рубежом. Однако в настоящее время в международных отношениях применяется термин «новая публичная дипломатия», появившийся в результате произошедших в середине первого десятилетия XXI века микрополитических и технологических изменений.

В литературе отмечаются следующие отличительные особенности «новой публичной дипломатии»:

- осуществляется государствами и негосударственными субъектами;
- основана на концепции мягкой власти, стратегической публичной дипломатии, управлении информацией, «брендинге» государств и представленности в Интернете;
- подразумевает внутреннее измерение в любой внешнеполитической акции³.

Иначе говоря, новая публичная дипломатия ориентирована исключительно на диалог с зарубежными государствами, а не только на распространение информации. Практическая реализация поставленной цели возможна с помощью следующих средств:

- формирование «мессиджа» для трансляции за рубеж, информирование массовых аудиторий

и отдельных групп и людей, аргументированное изложение и разъяснение внутренней и внешней политики государства, честный и открытый диалог;

– анализ того, как этот «мессидж» понимается различными общественными группами, изучение настроений иностранного общественного мнения;

– воздействие на тех, кто формирует общественное мнение;

– создание и развитие инструментов коммуникации и убеждения, прямые контакты между общественными институтами, средствами массовой информации, группами людей и частными лицами из разных стран;

– активный международный обмен, создание спонсируемых государственными структурами культурных, образовательных и информационных программ;

– вовлечение студентов в программы обмена, организация семинаров и встреч с представителями государства, предпринимательского, культурного и научного сообщества;

– пропаганда своих ценностей посредством кино, телевидения, радио, музыки, спорта, видеоигр, театра, туризма, общения в Интернете и другие формы социальной и культурной активности⁴.

Новая публичная дипломатия строит межгосударственные отношения на технологиях «мягкой силы», которую можно определить следующим образом: «Страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, когда другие государства хотят следовать за ней, восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь достичь ее уровня благосостояния и открытости. В этом смысле в мировой политике важно формировать повестку дня и привлекать других, а не только заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Такая мягкая сила, благодаря которой другие хотят того же, что и вы, не принуждает, а привлекает людей»⁵.

Эффективным инструментом «мягкой силы» в настоящее время является и туризм, который представляет собой неофициальную, но законную деятельность отдельных граждан, коммерческих структур, направленную на реализацию национальных и общественных интересов государства на международной арене.

Туризм сегодня – наиболее стабильный вид экономической деятельности. Об этом очень убедительно говорят данные и прогнозы Всемирной туристской организации. Так, если в 1999 г. в мире число туристов составляло 663 млн (прирост 4,1%), то в 2010 г. их число составило 1 млрд туристов, а в 2020 г. – уже 1 млрд 600 млн. По данным Всемирной туристской организации ООН (UNWTO), в 2007 г. суммарные доходы всех стран мира от въездного туризма составили 850,4 млрд долл. и в ближайшие годы могут до-

стигнуть фантастической суммы – 1 трлн долл. в год, что (с учетом существенного падения цен на нефть) превысит доходы от экспорта нефти всех стран. Самым привлекательным регионом мира, в том числе и по доходам от иностранного туризма, является, конечно, Европа – 415,6 млрд долл. в 2007 г. Страны-лидеры: Испания – 57,8 млрд, Франция – 54,2 млрд, Италия – 42,7 млрд, Великобритания – 37,7 млрд, Германия – 36 млрд долл. Регион Азия и Океания получил от туристов 183,1 млрд долл. (Китай – 37,2 млрд). Регион Америка – 171,3 млрд долл. (США – 96,7 млрд). На глобальные города приходится 13 из 20 самых популярных направлений международного туризма. Это свидетельствует о том, что туризм является одним из условий формирования глобального коммуникативного пространства, что позволяет в определенном смысле реализовывать концепцию «мягкой силы» ориентированную на развитие контактов на человеческом уровне.

Что касается России, то она тоже не осталась в стороне от этих процессов. В 1999 г. Россию посетили 18,8 млн иностранцев, что на 16% больше, чем в 1998 г., за границу выехали 12,6 млн россиян (рост на 19%). В 2020 г. Россию посетят 47 млн человек (это значит, что количественный ежегодный рост туристского потока составит 6,7% по России, или 2,9% мирового рынка).

Говоря о туризме как инструменте публичной дипломатии, можно констатировать активный интерес к развитию такого вида дипломатии, как туристической.

Туристическая дипломатия – это инструмент, с помощью которого государство может рассказать миру о себе. К. И. Косачев отмечает: «Успеха достигает тот, кто умеет задействовать все имеющиеся ресурсы: язык, образование, туризм, национальная кухня, кинематограф, бренды – все то, что мы видим в арсенале тех, кто использует инструмент «мягкой силы» уже годы и десятилетия либо стремительно овладевает этим инструментарием сейчас»⁶.

Причина интереса очевидна – развитие глобального туристического рынка и активное формирование рынка туристических территорий. Каждая туристическая территория (будь то город или страна) стремится занять свое уникальное место в сознании потенциальных потребителей (инвесторов, туристов), сформировать конкурентные преимущества и идентичность, позволяющие в течение длительного времени быть инвестиционно и туристски привлекательной.

По мнению А. Савойского, туристическая дипломатия – это средство в осуществлении внешней политики по координированию и предоставлению услуг в области туризма, в информационно-рекламном обеспечении, соответствии гостинично-ресторанного сервиса международным стандартам⁷.

Как уже отмечалось, международный туризм развивается очень высокими темпами, его роль

в национальной экономике различного уровня постоянно растет. При этом не следует забывать о влиянии традиционного туризма на деловой туризм, что обеспечивает привлечение инвесторов на туристические территории. Не участвовать в конкуренции за привлечение туристов – это значит упустить возможности по привлечению потенциальных инвесторов. Иначе говоря, туризм представляет собой новый «инструмент» конкурентной состоятельности.

В этой связи правомерно выделить следующие закономерности развития международного туризма – во-первых, постоянно усиливающаяся конкуренция между гео- и национальными турпродуктами на рынке международного туризма; во-вторых, глобализация туристического пространства расширяет конкурентное поле, включая и конкуренцию туристических территорий.

Туристическая дипломатия, будучи по существу экономической, в настоящее время осуществляется все в большей степени методами публичной дипломатии.

Следует отметить, что одним из современных методов как конкуренции, так и реализации концепции «мягкой силы», является развитие бренда. Бренды территории становятся неотъемлемыми символами туристической индустрии. Они эмоционально привлекают туристов. Как показывает практика развития туризма, рекламные кампании зачастую способствуют не только повышению узнаваемости места, но и полному изменению его имиджа, что привлекает миллионы туристов, а также инвесторов. Сегодня многие страны и города выделяют специальные бюджеты на продвижение своего имиджа. Например, Сингапур тратит 60 млн долл. в год, Малайзия – 150 млн долл., а Лондон в 2003–2004 году выделил 40 млн долл. Нью-Йорк в 2006 году потратил 9 млн. долл. из городского бюджета на финансирование агентства городского маркетинга, которое занимается привлечением в город туристов, а в 2009 г. бюджет городского агентства составил 38,7 млн долл., из них 18,9 млн – средства городского бюджета. Такое увеличение средств позволило Нью-Йорку увеличить число туристов, приезжающих в город до 50 млн чел (международный и внутренний туризм)⁸.

Брендинг туристических территорий, являясь инструментом «мягкой силы», повышает эффективность туристической дипломатии в частности, а публичной дипломатии в целом. Это проявляется в том, что бренд территории подает «сигнал» об открытости общества для бизнеса и туризма.

Для динамичного развития российской публичной дипломатии, на наш взгляд, необходима

реализация следующих стратегий:

- всесторонняя реклама России как мирового лидера, где безопасность и процветание обеспечиваются не только в залах заседаний советов директоров и на торговых площадках, но и в процессе дипломатических переговоров;
- обеспечение и облегчение туристических и деловых поездок в результате упрощения процесса получения визы и улучшения условий въезда в страну для людей, приезжающих в Россию со всего мира;
- обеспечение положительного имиджа России при обслуживании приезжих из-за рубежа;
- улучшение координации действий между правительственными учреждениями России и внедрение общего подхода в целом к деловым поездкам и туризму на уровне правительства в целом;
- разработка методики исследования оценки и эффективности туристической дипломатии.

Таким образом, туристическая дипломатия в настоящее время приобрела открытый характер и стала, по сути, публичной.

Примечания

- ¹ См.: Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... // Проблемы глобализации. 1999. Т. 4. С. 120.
- ² Официальный сайт МИД России, стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями ведущих неправительственных организаций России. Москва, 5 февр. 2008 года. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e6432569990_05e6e8c/a9064e9af9abcd5ec32573e7003470aa!OpenDocument (дата обращения: 02.06.2014).
- ³ Цит. по: Доминский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1(25). Январь – апрель.
- ⁴ См.: Rogozin D. O. Россия перед вызовом «публичной дипломатии» Запада // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 82.
- ⁵ Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004. P. 5.
- ⁶ Косачев К. И. Разговор с Константином Косачевым : Россия поддерживает свой авторитет в мире «мягкой силой». URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/65446337/86815347.html. (дата обращения: 02.06.2014).
- ⁷ См.: Савойский А. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене. М., 2011. С. 78.
- ⁸ Цит. по: Никифорова Г. Ю., Мазуренко А. В. Брендинг и публичная дипломатия как факторы устойчивого развития территории в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(55/56)=512.3

КАЛМАКИ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде)

И. И. Дрёмов

НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области, Саратов
E-mail: iid57@yandex.ru

В настоящее время считается, что название «калмыки» относилось к ойратам, пришедшим на территорию Казахстана в начале XVII в. Русские и западноевропейские документы говорят о калмаках с XV века. Новые данные свидетельствуют, что на Руси знали о калмаках из личных контактов с ними. Имя «Калмак» существовало и часто употреблялось на Руси в XVI в. О калмаках писали и помещали их на картах путешественники и географы Западной Европы: А. Дженкинсон (1558), А. Вид (1537), С. Герберштейн (1526), М. Меховский (1521), Фра Мауро (1459), А. Контарини (1475) и др. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований Средней Азии, Казахстана и Поволжья задолго до прихода сюда ойратов.

Ключевые слова: калмаки, калмыки, ойраты, Дешт-и-Кыпчак, XV–XVI вв.

Kalmaks of Desht-i-Kipchak (to the Problem Tyurkization and the Islamization of Mongolians in the Gold Horde)

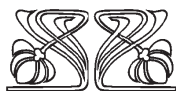
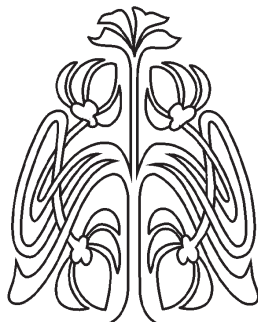
I. I. Dryomov

It is now believed that the name «Kalmaks» was concerned with Oyrats who came to the territory of Kazakhstan in the early 17th century. Russian and Western European documents write about Kalmaks since the fifteenth century. New data show that in Russia they knew about Kalmaks from personal contacts with them. The name «Kalmak» existed and was often used in Russia in the XVI century. West European travellers and geographers Jenkinson (1558), A. Vid (1537), S. Gerbersteen (1526), M. Mekhovskiy (1521), Fra-Mauro (1459), A. Contarini (1475) etc. wrote about Kalmaks and marked them on the maps. Kalmaks played a significant role in the political life of the State structures of Kazakhstan, Central Asia and Volga region long before the arrival of the Oyrats here.

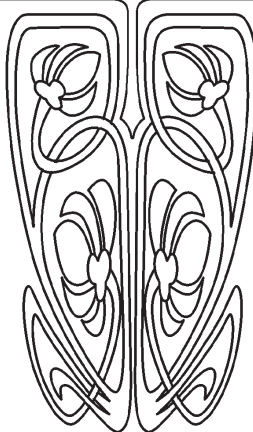
Key words: kalmaks, kalmyks, oyrats, Desht-i-Kipchak, XV–XVI centuries.

Известно, что предки современных калмыков, ойраты, продвинулись на запад, в казахские среднеазиатские и поволжские степи на рубеже XVI–XVII вв. Но задолго до этого в различных источниках изредка встречается название «калмаки» по отношению к какой-то группе кочевников, обитавших к востоку от Волги и Яика. Например, С. Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и 1526 гг., писал, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками* (Kalmuchi)»¹. Н. Н. Пальмов объяснял это преждевременное свидетельство тем, что калмаками называли наиболее далёких от культурных центров кочевых татар². Ещё несколько упоминаний о калмаках XVI в., то есть задолго до прихода в казахские степи ойрат-калмыков, известно по русско-ногайским дипломатическим документам. Принято считать, что эти ранние сообщения о калмаках являются свидетельствами эпизодических продвижений (набегов) ойратов далеко на запад, из Западной Монголии или Западного Китая³.

В изучении продвижения калмыков к Волге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, общеизвестен факт, что первые

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

встречи русских с ойрат-калмыками произошли в 1606–1608 гг.⁴, с другой стороны, самым ранним русским документом о калмаках считается указ Ивана IV от 1574 г., приведённый в Строгановской летописи, повелевающий торговать с бухарцами и калмаками беспошлинно⁵; с одной стороны, чуть ли не по годам расписано продвижение ойрат-калмыков к Яику и Волге, в результате которого в 1630–1632 гг. ногайские кочевья подверглись их нападениям⁶, с другой стороны, ногайцы отражают натиск калмаков ещё в 1535, 1556, 1560, 1578 гг.⁷

Наиболее ранним упоминанием калмаков современниками, по мнению В. В. Бартольда, являются сведения из Мукаддима (Введение) к «Зафар-намэ» «Книга Побед» Шереф ад-дина Йезди (1425 г.), где название «калмак» употребляется «как будто, не как этнографический, а как географический термин»⁸.

В «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизегаузена приведён отрывок из «Зафар-наме» с подзаголовком «Рассказ о прибытии послов с разных сторон, Тайзи-оглана от калмыков и Шейх-Нур-ад-дина из Фарса»: «Когда луга Дурина, благодаря блеску победоносного поезда Тимура, сделались соперником горного рая, прибыли из Дешта посол Тимур-Кутлуг-оглана и человек эмира Идигу, из Джете также прибыл посол Хызр-ходжи-оглана»⁹. Тайзи-оглан упоминается также в «Книге Побед» Низам-ад-дина Шами как посол из Хатая¹⁰. Отрывок из Йезди В. Г. Тизенгаузен, как и В. В. Бартольд, привёл по рукописи, хранящейся в Британском музее. Употребление названия «калмыки» здесь столь отрывочно, что непонятно даже, о чём идёт речь.

В недавно изданном переводе «Зафар-намэ» А. Ахмедова, осуществлённом по рукописи Института востоковедения АН Узбекистана, как и в переводе В. Г. Тизенгаузена, Мукаддима отсутствует, но эпизод о послах, принятых Тамерланом близ Кабула, а также о Тайзи-оглане, здесь прозрачно связывается с монголами: «И Тайзи Оглан в Великом Юрте взбунтовался против каана, бежал от *калмыков* и пришёл служить к Сахибкирану (Тимуру). Сахибкиран увиделся с ним, очень уважил его и хорошо расспросил. Надел златотканый халат, золотой ремень, дал белый дом, разноцветную присутственную, коней, лошаков, ряды верблюдов и всё, что нужно было для царей, он дал. И Тайзи Оглан остался на службе у Сахибкирана»¹¹. В другом эпизоде этого издания название «Калмык» означает Монголия: «Шатры и царские палаты, сарапарде и тенты, все, что можно описать, было там. Потому что собранная царями Ирана и Турана казна за многие годы от *Калмыка* до Рума, от Хиндустана до Сирии, от Хорезма до Дашти Кипчака, от Руса до Черкаса и от Булгара до Фаранга – все, что было собрано в этих странах, было свезено сюда и собрано»¹².

Британский востоковед Е. Бретшнайдер отмечал самое раннее свидетельство о калмаках у арабского географа Ибн аль-Варди первой половины XIV в. Оно могло бы отодвинуть время распространения этого этнонима до XIII в., но существует проблема с идентификацией и датировкой трудов Ибн-аль-Варди. Долгое время автором космографии «Харидат ал-аджа иб ва фаридат ал-гараиб» («Жемчужина чудес и перл диковинок») считался Зайн ад-дин Ибн ал-Варди (ум. в 1349 г.). Он был известен как автор литературно-поэтических произведений и сочинений канонического характера. Его биография сравнительно хорошо известна. Сейчас считается установленным, что автором космографии являлся представитель того же рода, живший столетие спустя – Сирадж ад-дин Абу Хафиз Омар ибн ал-Варди. Его биография практически неизвестна, что могло послужить возникновению путаницы ещё в арабской литературе, а затем перешло и в труды европейский авторов¹³. В этом случае наиболее раннее упоминание калмаков у этого арабского автора датируется примерно одним временем с тюрским «Зафар-намэ» Шереф ад-дина Йезди, то есть началом XV в., и относилось к событиям эпохи Тамерлана конца XIV в.

Наиболее ранние случаи употребления этнонима «калмак», по всей вероятности, относились ко всем монголам-кочевникам, язычникам или идолопоклонникам, в отличие от монголов, привязанных к культурным центрам, пользовавшихся тюркским языком и принявших ислам. После завоевания монголами просторов Дешт-и-Кыпчака, по словам В. В. Бартольда, «потомки монгольских завоевателей скоро утратили свой язык и приняли тюркский»¹⁴. В. Я. Владимирцов также подчёркивал, что «ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнографической среде более или менее им близкой»¹⁵. К концу XIV в. тюркские языки в значительной степени вытесняют монгольский язык и из государственной сферы, занимая всё большее место при дворе золотоордынских ханов¹⁶. Тем не менее, монгольский язык продолжал сохранять некоторое значение на завоеванных территориях с тюркским населением. Об этом свидетельствует, например, золотоордынская рукопись на бересте XIV–XV вв. из Подгорного, написанная преимущественно на монгольском языке¹⁷. Все 4 известные пайцзы также выполнены на монгольском языке уйгурским письмом. Монгольский язык был главным официальным языком ханской канцелярии эпохи расцвета Золотой Орды¹⁸. В Средней Азии использование монгольского языка в Средневековье, по-видимому, никогда не прекращалось. Н. Н. Поппе во введении к «Мукаддимат ал-Адаб» отмечал, что само существование этого монголо-тюркского словаря в конце XV в. свидетельствует, что монгольский язык в это время всё ещё продолжал сохранять

некоторое значение. Иначе бы этот словарь не переписывали¹⁹.

Ассимиляция монголов тюрками выражалась не только в утрате языка, но сопровождалась, как принято считать, и утратой основных традиционных языческих верований в связи с массовой исламизацией при хане Узбеке. В последнее время тезис о введении Узбеком ислама в качестве государственной религии в улусе Джучи, а тем более о его тотальной исламизации, опровергается в исследованиях А. Г. Юрченко на основании анализа, преимущественно письменных источников²⁰. Степень исламизации в Дешт-и-Кыпчаке преувеличивалась окружающими народами и в Средневековье. Подтверждением этому служит свидетельство Барбаро, встретившего следы языческих культов близ Таны (Азов) в 1436 г. На вопрос: «Каким образом попали сюда язычники?» – он услышал в ответ: «О! О! Их много между нами, но они скрываются»²¹.

Археологи нередко отмечали языческие погребения золотоордынского времени, но это были, как правило, тюркские – половецкие захоронения, совершённые по обряду, отличному от мусульманского²². Погребения, совершённые по языческому обряду, составляют заметную долю в золотоордынских могильниках. Д. В. Васильев из 1825 проанализированных золотоордынских захоронений выделил 251 «языческое» погребение и 545 погребения с отклонениями от мусульманского погребального обряда²³. В последние годы появились работы, выделяющие из мусульманских комплексов буддийские погребения, которые тоже встречаются значительно чаще, чем можно было бы ожидать в мусульманском государстве²⁴. Характерно, что эти комплексы связываются с монгольскими захоронениями (северная ориентировка) и встречаются они не только на раннем этапе, но вплоть до середины XV в.²⁵ С темой изучения монгольского немусульманского – буддийского и языческого населения в Золотой Орде следует связывать и изредка встречающиеся в источниках сведения о средневековых калмаках Дешт-и-Кыпчака.

В тюркоязычных источниках появление калмаков связывается с историческими событиями прихода к власти хана Узбека и введением им ислама в Золотой Орде. В труде анонимного автора середины XV века «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков») сообщается, что ту часть народа из Дешт-и-Кыпчака, которая была обращена в ислам и переместилась в Мавераннахр, стали называть узбеками. Тех же, кто остался кочевать в степях и сохранил язычество, стали называть калмаками, то есть отсталыми или оставшимися. Автор утверждает, что Узбек после прихода к власти «проводил жизнь со всем своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и-Кыпчака ещё восемь лет до принятия мусульманства»²⁶.

Перекликается с этими данными повествование Утемиш-хаджи, автора первой половины

XVI в. В «Чингиз-намэ» он рассказывает, что Узбек с калмаками кочевал в Дешт-и-Кыпчаке, когда узнал о смерти хана Токты. Когда он со своими сторонниками прибыл на берега Волги для выражения соболезнования и осуществления принятых у монголов церемоний, ему удалось произвести переворот и захватить власть. Ряд деталей этого повествования заслуживает особого внимания. Автор сообщает, что калмаки выражали скорбь словами «чав-чав», что соответствует калмыцкому «чавас-чавас» и «выражает жалость, сочувствие, сожаление, отчаяние», они сохранились в современном калмыцком языке²⁷. При этом автор отмечает, что как во времена Узбека, так и во время написания «Чингиз-намэ», в этих краях сохранился тот же обычай. Из этого можно сделать вывод, что Утемиш-хаджи называет калмаками язычников монголов, причём они сохранились в восточном Дешт-и-Кыпчаке со времён Узбека до XVI в.²⁸

Относительно прихода к власти хана Узбека и проведения им политики насильственной исламизации Улуса Джучи в источниках и в исследованиях излагаются противоречивые, а порою и взаимоисключающие версии²⁹. Некоторые свидетельства позволяют связывать эти события с появлением на исторической сцене калмаков и этнонима «калмаки». Эти, казалось бы, частные вопросы, как будет показано ниже, позволяют подвергнуть сомнению одно из основных положений в истории изучения Золотой Орды: о полной ассимиляции монголов в тюркоязычной среде Дешт-и-Кыпчака и насильственной массовой исламизации Улуса Джучи в XIV в.

Существует два основных сценария прихода к власти хана Узбека:

- Узбек захватил власть силой³⁰;
- Узбек пришёл к власти мирным путём³¹.

Неоднозначно решается вопрос и об отношении Узбека к исламу в период его прихода к власти, и о роли исламистов. Разногласия колеблются от мнения, что Узбек был ставленником мусульман,³² чьи интересы он стал проводить с самого начала своего ханства, до утверждений, что он первое время не зависел от исламистов, а насаждать в Золотой Орде мусульманство начал спустя годы после начала правления³³. В первом случае подразумевается, что Узбек являлся одним из прямых потомков Чингисхана и имел наследственное право на трон. Во втором случае при вооружённом захвате власти Узбек-хан мог и не принадлежать к аристократической верхушке Чингизидов.

Смысл рассказа Утемиш-хаджи об уничтожении Токтога-ханом всех Чингизидов, являвшихся потенциальными соперниками его старшего сына, – наследника престола и о чудесном спасении младенца Узбека от жестокого деспота, заключается в стремлении доказать законность власти Узбека в силу его происхождения. Согласно «Шаджарат ал-атрак», Узбек принял

ислам только через 8 лет после прихода к власти, а Кутлуг-Тимур, помогший ему получить трон, упрекал его за насильственную исламизацию³⁴. Следовательно, не исламисты привели Узбека к власти, и смена политики Узбека не связана с их давлением. Хайдер Рази, писавший в начале XVIII в., приводил противоположную версию, согласно которой Узбек был мусульманином и был поддержан мусульманами³⁵, но в целом менее противоречивы и более убедительны источники, свидетельствующие, что Узбек узурпировал власть, а затем стал насильственно вводить ислам, избавляясь при этом от соперников.

Некоторое недоверие может вызвать тот факт, что как в «Шаджарат ал-атрак», так и в «Чингиз-намэ» говорится о калмаках как о местном населении Улуса Джучи. Современные калмыки являются потомками кочевых западно-монгольских племён, входивших в союз дербен-ойратов, переселившихся из Западной Монголии и Джунгарии в Казахстан, Южную Сибирь, а затем на Волгу в первой половине XVII в. Обитавшие здесь тюркоязычные народы, а вслед за ними русские и западные европейцы называли ойратов «калмаками», а позднее «калмыками». Сами же волжские калмыки в XVII–XVIII вв. называли себя либо по родо-племенной принадлежности (торгоуты, хошеуты, дербеты...), либо более общим этнонимом – «ойраты»³⁶.

Современное самоназвание калмыков – «хальмг», что фонетически ближе всего к калмыцкому «хольмг» – «смешанный»³⁷. Общепринятой этимологией названию «калмак» является тюркское «калмак» – «остаток», «оставаться», «отсталый» и т. д. Это значение слова подтверждается в приведённом выше эпизоде из «Шаджарат ал-атрак» о принятии монгольскими кочевниками в Дешт-и-Кыпчаке ислама. За оставшимися на месте (на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака) закрепилось название «калмаки», то есть «остаток», «отсталые», а принявшие ислам стали называться «узбеками» и вскоре смешались с тюрками³⁸. Это предание представляется правдоподобным, если учесть, что предки узбеков, как и части казахов, изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычны³⁹. Тем не менее, В. В. Бартольд, а вслед за ним А. А. Семёнов считали эту легенду и этимологию этнонима «калмак» фантастичной⁴⁰.

Слишком большая хронологическая разница между приходом на территорию Дешт-и-Кыпчака ойрат-калмыков на рубеже XVI–XVII вв. и временем правления хана Узбека вызывает сомнения в достоверности упоминаний о калмаках Улуса Джучи в источниках XV–XVI вв. Но в различных источниках встречаются отдельные разрозненные упоминания о калмаках, которые в совокупности позволяют определить территорию их обитания в Дешт-и-Кыпчаке. В переписке казахского хана Тевекеля с Иваном Грозным Тевекель именовался «царём казацким и калмацким»⁴¹. Однако

источники не подтверждают подчинения ойратов казахами во второй половине XVI в. Очевидно, речь шла не об ойрат-калмыках, а о калмаках, обитавших в степях степного Казахстана⁴².

В «Книге Большому Чертежу», отражающей географическую ситуацию конца XVI в., говорится: «А мимо тоя горы (Улыг-тау на юго-западе Казахского мелкосопочника), за 40 верст от горы течет река Сурсу (*Сарысу*), в нее пала Кендирлик (ныне река Кенгир) и промеж рек Кендирлик (Кенгир), Сурсы (*Сарысу*) *Казачья Орда да Калмыки*»⁴³. То есть калмыки расположены к северу от Аральского моря в казахских степях, а далеко не в Монголии. Подтверждением тому, что сведения о калмаках являются древними и не были внесены переписчиком в 1627 г., может служить документ из Новгородской Софийской библиотеки 1506 и 1523 гг., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай (Кара-Китай, кидани в Средней Азии – *И. Д.*), Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустан, Обези, Гоурзии, Багдат, Темиркабы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, *Калмакы*, Ногаи, Шибаны, Казань»⁴⁴.

Несмотря на прочно устоявшееся мнение, что к востоку от Монголии и Алтая все монголы, пришедшие в Дешт-и-Кыпчак при Чингисхане, к концу XIV в. полностью растворились в местной тюркоязычной среде; несмотря на известный факт, что предки современных волжских калмыков, ойраты, продвинулись из-за Алтая к западу от Иртыша лишь в начале XVII в., имеется значительный ряд не учтённых ранее востоковедами источников, свидетельствующих о проживании между Волгой и Иртышом кочевников, именуемых окружающими народами «калмаками». Не вдаваясь в подробности, перечислим эти свидетельства: Антоний Дженкинсон, 1558 г.; Матвей Меховский, 1521 г.; Сигизмунд Герберштейн, 1526 г.; Антоний Вид, 1537 г.; Себастьян Мюнстер, 1550 г.; Герхард Меркатор, 1544 г.; Йодокус Хондиус, 1606 г.; Гессель Герритс, 1613 г.⁴⁵

Соседство с калмаками оставило след в ономастике северо-западной Руси, где имена Калмык и Колмак имели в XVI в. широкое распространение. На данный момент мне удалось насчитать более 20 антропонимов Калмак и Колмак 1539–1597 гг. и начала XVI в., когда ойраты ещё не могли распространиться по всей русской глубинке. Это имя встречается среди крестьян, дворян, попов, бояр, опричников, то есть во всех слоях населения Руси и по всей территории до Кольского полуострова⁴⁶. В архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике» – в документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря упоминается калмыцкая узде: «седла на них у шесть гривен;

а узды на них Колмацкие, у гривну»⁴⁷. В летописи за 1559 год говорится о крымских послых Сар да Колмак. Характерно, что через 10 лет, в 1569 году, уже из Москвы в Кафу (Феодосия) с тайной грамотой были посланы рязанские казаки Колмак и Ширяй⁴⁸.

Кроме имени «Калмак», это слово было известно на Руси и как этноним задолго до соприкосновения с ойрат-калмыками. Кроме многочисленных косвенных свидетельств наличия калмаков в Золотой Орде, имеется неопровержимое подтверждение этому в Лихачёвском летописце (1487 г.) при описании «стояния на реке Угре» в 1480 г.: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и колмаки, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»⁴⁹. Это почти на 100 лет раньше указа Ивана IV Строгановым от 1574 г., который считается самым ранним упоминанием калмыков в русских документах. На два десятилетия раньше, в 1459 г., венецианец Фра-Мауро нанёс на своей карте на правом берегу Нижней Волги загадочную надпись: «Calmuzi saga»⁵⁰, а в 1474–1475 гг. Амброджо (Амброзио, Амвросий) Контарини писал о калмаках: «есть, говорят, ещё другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких татар... иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда»⁵¹.

Таким образом, пусть краткими и разрозненными, но многочисленными и разнообразными источниками подтверждается, казалось бы, самое невероятное утверждение Утемиш-Хаджи, говорившего в «Чингиз-нам», что в горах Улуг-Таг, то есть на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака, на северо-западе современного Казахстана в Казахском мелкосопочнике (Сары-Арка) во времена Золотой Орды жили калмаки, а в XVI в. здесь продолжали говорить так же, как и при Узбеке, используя монгольские слова, то есть сохранялась своеобразная этническая группа, именуемая тюркоязычными мусульманами «калмак». Повествование в «Шаджарат ал-атрак» о переходе части кочевников в мусульманство и возникновении при этом узбеков, о сохранении своей языческой религии другой частью кочевников восточного Дешт-и-Кыпчака, то есть калмаками, также отражает реальные исторические события процесса исламизации Улуса Джучи.

В процессе насильственной исламизации многие монголы, включая представителей знатных родов, бежали на окраины государства или за её пределы, например в Московию, где к началу XVI века имя, прозвище или фамилия Калмак стало распространённым во всех сословиях – от крестьян до священников и дворян. Но основные центры расселения калмаков, то есть язычников-монголов, сложились на труднодоступных, удалённых от центральной власти окраинах

Улуса Джучи, в казахских степях и на границах Мавераннахра и Могулистана в горных районах Средней Азии. По языку и культуре калмаки, вероятно, мало чем отличались от западномонгольских и джунгарских кочевников, образовавших союз и называвших себя калмак-ойратами. Всех этих язычников монголов, расселённых на огромной территории и не связанных между собой административными узами, мусульмане, а вслед за ними русские и западноевропейцы, называли калмаками.

Примечания

- ¹ Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко / вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 182.
- ² См.: Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 398–399.
- ³ См.: Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003. С. 39–40.
- ⁴ История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. I. С. 5, 8, 9.
- ⁵ Там же. С. 258, 786.
- ⁶ Там же. С. 289; Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 43.
- ⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / подгот. текста Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995. С. 128; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 122, 371, 372; Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 39–40.
- ⁸ Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 538.
- ⁹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном, обр. А. А. Ромаскевичем, С. В. Волиным; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.; Л., 1941. Вып. 2. С. 187.
- ¹⁰ Там же. С. 125.
- ¹¹ Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-Наме / пер. с перс. А. Ахмедова. Ташкент, 2008. С. 221.
- ¹² Там же. С. 356.
- ¹³ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. С. 490–495.
- ¹⁴ Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 193.
- ¹⁵ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М., 1934. С. 125.
- ¹⁶ Березин И. Н. Тарханные ярлыки Токтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851. С. 13.
- ¹⁷ Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. Т. 2. С. 81–134.
- ¹⁸ Кобищанов Ю. М. Империя Джучидов // Очерки истории распространения исламской цивилизации: в 2 т. Т. 2. Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата (середина XIII – середина XIV в.). М., 2002. С. 125–126.

- ¹⁹ *Попте Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб : в 2 ч. М., 1938. Ч. I–II.
- ²⁰ См.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда : между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012 ; *Юрченко А. Г.* Хан Узбек : между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.
- ²¹ *Барбаро И.* Записки Иосафата Барбаро // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 28.
- ²² *Плетнёва С. А.* Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 ; *Дрёмов И. И.* Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4. С. 243–245.
- ²³ *Васильев Д. В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Астрахань, 2009. С. 66–80.
- ²⁴ *Костюков В. П.* Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2006. № 1–2. С. 177–207.
- ²⁵ *Попов П. В.* К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды : сб. науч. ст. памяти В. П. Костюкова. Астрахань, 2011. С. 131.
- ²⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 141.
- ²⁷ Русско-калмыцкий словарь. Элиста, 1977. С. 644.
- ²⁸ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В. П. Юдина ; подгот. к изд. Ю. Г. Баранова ; коммент. и указ. М. Х. Абу-сеитовой. Алма-Ата, 1992. С. 105.
- ²⁹ *Сабитов Ж. М.* Узбек-хан : проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие : в 2 вып. Вып. 2. Казань, 2011. С. 111–115.
- ³⁰ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М. ; Л., 1950. С. 90 ; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 64–65 ; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 105 ; *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 36–52.
- ³¹ *Малов Н. М., Мальшев А. Б., Ракушин А. И.* Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998. С. 105 ; *Мыськов Е. П.* Воцарение Узбека // Вопросы краеведения. Волгоград, 1994. Вып. 3. С. 48–51 ; *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003. С. 155 ; *Лапина И. Ю.* О смерти Токты и воцарении Узбека в Золотой Орде // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. № 7, ч. 1. Тамбов, 2012. № 7 (21). С. 114–116.
- ³² *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопр. истории. 1974. № 8. С. 42 ; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси) // Русский разлив : в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 134.
- ³³ *Юдин В. П.* Примечания // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 102 ; *Сабитов Ж. М.* Указ. соч. С. 111–115.
- ³⁴ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 141.
- ³⁵ Там же. С. 213.
- ³⁶ *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995. С. 20, 22.
- ³⁷ Калмыцко-русский словарь / сост. : И. К. Илишкин, Б. Д. Муниев, В. Д. Бадмаева, М. О. Шургучинова. Элиста, 1977. С. 595.
- ³⁸ *Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 142 ; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад, 1954. Т. XII, вып. 1. С. 13 ; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. ; Л., 1941. Т. 2. С. 207.
- ³⁹ *Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 275.
- ⁴⁰ *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 142 ; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. С. 13–18.
- ⁴¹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах : в 2 ч. СПб., 1864. Ч. 2. С. 101, 302–304.
- ⁴² *Дрёмов И. И.* Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Вып. 3. Элиста, 2012. С. 104–117.
- ⁴³ *Макшеев А. И.* Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 6. СПб., 1880. С. 305–307.
- ⁴⁴ *Казакова Н. А.* «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 253–256.
- ⁴⁵ *Дрёмов И. И.* Калмаки степей Казахстана XIV–XVI веков // Кадырбаевские чтения–2012 : материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012. С. 278–282.
- ⁴⁶ *Дрёмов И. И.* Локализация калмаков XIV–XVI веков и исторические корни калмыцкого эпоса Джангар // Музей в региональном пространстве : презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Сарат. обл. музея краеведения 13–15 декабря 2011 г. / отв. ред. С. А. Мезин. Саратов, 2011 [Труды СОМК. Вып. 22 (13)]. С. 350–363.
- ⁴⁷ Литовская Метрика. Первые три книги судных дел, 1469–1523 гг. // Русская историческая библиотека : в 39 т. СПб., 1903. Т. 20. С. 740.
- ⁴⁸ *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1 : «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // Исторические записки. 1947. № 22. С. 154–160.
- ⁴⁹ Цит. по: *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 45.
- ⁵⁰ *Пачкалов А. В.* К вопросу о локализации топонима Calmuzi Saga на карте Фра-Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia. XLVI, 1. Venezia, 2007. P. 311–318.
- ⁵¹ *Контарини А.* Путешествие Амвросия Контарини // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Отд. 1, т. 1. С. 98–99.

УДК 94(470.44–45) | 1616/1641

«НОВАЯ САРАТОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ» О СОБЫТИЯХ 1616–1641 ГГ. В САРАТОВЕ

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова на протяжении четверти века, с момента восстановления города в конце Смутного времени на левом берегу Волги. Впервые представлена подробная хронология всех известных к настоящему времени событий, происходивших в этом городе в 1616–1641 гг. и дана характеристика «Саратовской летописи», составленной 120 лет назад, а также указаны основные источники по истории Саратова данного периода.

Ключевые слова: Ф. В. Духовников, И. Ф. Хованский, Новоспасский монастырь, Саратов, воевода, персидские послы, Федот Котов, Адам Олеарий.

«New Saratov Chronicle» about the Events of 1616–1641 Years in the Saratov

Ya. N. Rabinovich

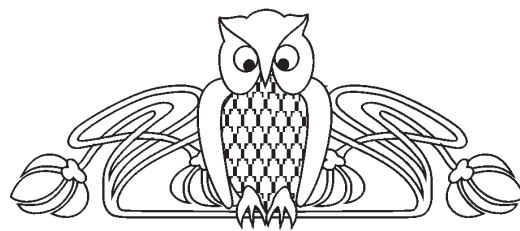
The article describes the unknown pages of history of Saratov all over a quarter century, since the restoration of the city at the end of the Time of Troubles on the left bank of the Volga. First a detailed chronology of all of the currently known events that took place in this city for years 1616–1641 is presented, and characteristic of «Saratov Chronicle» made up 120 years ago, and indicate the main sources on the history of this period of Saratov.

Key words: F. V. Duhovnikov, I. F. Hovanskiy, Novospassky Monastery, Saratov, voivode, Persian ambassadors, Fedot Kotov, Adam Oleariy.

120 лет назад (в 1893 г.) саратовскими краеведами Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским была составлена «Саратовская летопись». К тому времени уже были опубликованы в Саратове труды об истории родного города А. И. Шахматова (1891) и Ф. Ф. Чекалина (1892)¹, так что эту «Саратовскую летопись» можно считать общим сводом всего, что известно было к тому времени об истории Саратова.

Авторы сами признаются в этом, говоря, что летопись содержит в себе все имеющиеся сведения о событиях, происходивших в Саратове и его окрестностях, это «простой перечневый хронологический указатель исторических известий, составленный на основании найденных в городе писанных и печатных документов и рассказов старожиллов»².

Из предшествующих подобных работ по истории Саратовского края первой половины XVII в. авторы имели лишь «небольшую хронологию» Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова, которая была напечатана в «Памятной книжке Саратовской губернии за 1859 г.».

Фактический материал «Саратовской летописи» по XVII в. взят авторами в подавляющем большинстве из труда Ф. Ф. Чекалина. Опубликованный в 1892 г. данный труд Ф. Ф. Чекалина для своего времени являлся достаточно серьезной научной монографией. Каждый свой тезис автор подкреплял ссылками на источники, либо на труды предшествующих исследователей. Именно Ф. Ф. Чекалин ввел в научный оборот большое количество актовых материалов по истории левобережного Саратова, в том числе так полюбившийся всем краеведам документ о награждении воеводы Саратова Григория Орлова шубой, кубком и придачами к поместному и денежному окладам за победу над татарами. Мелкие неточности, допущенные Ф. Ф. Чекалиным, вот уже свыше 120 лет повторяют все краеведы.

Кроме труда Ф. Ф. Чекалина, важными источниками информации для авторов «Саратовской летописи» служили некоторые акты материалы, опубликованные в «Трудах СУАК»³ благодаря подвижнической деятельности известного историка-архивиста А. А. Голомбиевского, а также критическая статья этого ученого на книгу «местного сочинителя» А. И. Шахматова⁴.

Следует отметить, что данная статья А. А. Голомбиевского была получена авторами «Саратовской летописи» в виде отдельного оттиска, а не в самом журнале «Библиографические записки», вследствие чего нумерация страниц в ссылках не соответствует действительности (указаны страницы 4, 5, 6, вместо 213–215, а далее номера страниц вовсе не указаны).

К сожалению, к моменту составления «Саратовской летописи» авторы ее не успели познакомиться с только что вышедшим в 1892 г. новым трудом А. А. Голомбиевского, в котором приведена масса источников по истории левобережного Саратова 1650–1675 гг.⁵

С момента публикации данных документов А. А. Голомбиевским прошло свыше 120 лет, однако, кроме А. А. Гераклитова, трудом этого ученого саратовские краеведы так и не сумели по-настоящему воспользоваться. Сам же А. А. Гераклитов, взяв в качестве цели своего исследования слишком большой хронологический период времени (с древнейших времен до конца XVIII в.) и довольно значительные географические рамки (весь Саратовский край, включая территорию современных Пензенской, Самарской и Волгоград-

ской областей), не мог в полной мере воспользоваться этими документами. Высоко оценивая качество данного труда А. А. Голомбиевского, работавшего «*по первоисточникам в богатейшем столичном архиве*», А. А. Гераклитов взял из него, прежде всего, списки саратовских воевод этого периода⁶.

Изучение данного труда А. А. Голомбиевского выходит за рамки настоящего исследования, но следует заметить, что именно в этом сборнике документов (пусть даже в виде описи с кратким изложением материала) приведена информация о многих служивых людях Саратова. Здесь же говорится о занятиях посадских людей, церковном строительстве, а также о разных событиях, связанных с историей Саратова за последние 25 лет его существования на левом берегу Волги.

Однако вернемся к «Саратовской летописи» и к ее авторам. Понимая, что их труд далек от совершенства из-за скудости источников, Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский в предисловии к своей работе писали: «*Усердно просим читателей не оставить нас уведомлением о всех пропусках и ошибках, которые встретятся в настоящей летописи, далеко не совершенной. По времени, при коллективной работе многих, исправляющих и дополняющих предлагаемую работу, может составиться по намеченному типу прекрасный и полезный во всех отношениях свод исторических известий о Саратове и Саратовском крае*»⁷.

Призыв авторов был услышан многими учеными, которые занимались изучением прошлого Саратова. Одно перечисление имен этих достойных людей может занять не одну страницу. При этом мы наблюдаем следующую закономерность, своего рода своеобразную «обратную геометрическую прогрессию»: по истории Саратова XIX в. написаны сотни трудов, по XVIII в. – десятки, а по XVII в. – считанные единицы, причем даже эти несколько трудов посвящены восстанию Степана Разина, которое в советское время усиленно изучалось.

Что касается первой половины XVII в., то этот период в истории Саратова по-прежнему продолжает оставаться «белым пятном». По данному периоду трудно найти труды саратовских ученых, за исключением А. А. Гераклитова⁸, которые бы дополнили эту «Саратовскую летопись» новыми фактами. Интересные сведения о захвате и разорении Саратова калмыками в 1634 г. приводят Т. М. Акимов и А. М. Ардабацкая, однако это описание больше годится для художественного романа, чем для серьезного научного исследования; оно не подкреплено ссылками на источники⁹. В трудах В. А. Осипова и А. С. Касовича по данному периоду мы также не увидим ни одного нового источника, введенного в научный оборот, а материалы по истории Саратова, опубликованные в 1892 г. А. А. Голомбиевским, эти ученые почти не использовали¹⁰.

В последние годы в нашей стране возрос интерес к событиям Смутного времени. В связи с этим ряд исследователей обращаются к изучению Смуты на Нижней Волге, рассматривают походы как правительственных войск боярина Ф. И. Шереметева, так и самозванных царевичей, затрагивая при этом в какой-то мере и Саратов (И. О. Тюменцев, Н. В. Рыбалко, Э. Л. Дубман, В. В. Трепавлов и другие исследователи). Однако завершающий этап Смутного времени, когда произошло восстановление Саратова, а также последующие 20–30 лет, до настоящего времени еще не стали объектом исследования. Данная работа может служить дополнением к «Саратовской летописи» и призвана в какой-то мере восполнить этот пробел.

Но, прежде всего, следует остановиться на тех сведениях, которые приводят авторы «Саратовской летописи» по данному периоду. Вся эта информация о событиях 1618–1636 гг. помещена на полутора страницах. Далее идет перерыв в «Летописи» более чем на 10 лет, после чего повествование продолжается с 1647 г., где говорится о разрешении яицким казакам совершать покупки товаров в Саратове «безопасно»¹¹.

Вначале авторы приводят сведения о воеводах Саратова Ф. Т. Черново-Оболенском, Е. Ф. Мышецком, К. Н. Шушерине, Ф. И. Чемоданове. При этом никакой информации о событиях в Саратове авторы не дают, а указывают только годы пребывания этих людей на воеводском посту. Говоря о следующем воеводе, Г. Н. Орлове, авторы приводят со ссылкой на источник ценную информацию о награждении этого воеводы за успешную борьбу с татарами.

Пребывание в Саратове воевод Степана Чемесова, Андрея Наумова, Григория Феофилаьева интересно для авторов «Саратовской летописи» только тем, что при этих воеводах Московский Новоспасский монастырь получил в оброк разные рыбные ловли на Волге в районе Саратова – сначала Иризские, затем Курдюмские и потом снова Иргизские. При этом авторы «Саратовской летописи» указывают точные даты данных документов о пожалованиях. Приводятся общие сведения о населении Саратова и Царицына в эти годы (на наш взгляд, весьма неточные), говорится о том, что этими городами управлял «один воевода и один голова».

В заключение данного временного отрезка «Саратовской летописи» (1618–1636) говорится о появлении в здешних местах в 1634 г. калмыков (ничего конкретного, только общие сведения). Говоря о плавании мимо Саратова в 1636 г. Адама Олеария, авторы не приводят точной даты, хотя она хорошо известна. Последние сведения, приведенные под данным годом (1636), относятся к какому-то сражению воеводы Феофилаьева с крымскими татарами на речке Нойло.

Таким образом, мы имеем о событиях первых 20–25 лет существования левобережного Саратова следующее:

- а) текст (всего на полутора страницах);
- б) значительную часть этого текста занимают общие рассуждения, не относящиеся к Саратову;
- в) в тексте имеются большие лакуны после 1636 г.;
- г) лучше всего освещены вопросы, связанные с пожалованием рыбных угодий московскому Новоспасскому монастырю (вопросы экономики и собственности всегда были на первом месте);
- д) в тексте приводятся имена только 8 воевод города и одного гостя, который проплывал мимо Саратова (годы воеводства указаны неточные). Других имен жителей и гостей города не приводится.

Что же ценного для истории левобережного Саратова мы имеем на этих полутора страницах? Очень мало фактического материала, заслуживающего внимания.

Сведения, которые автор этих строк приводит в настоящем исследовании, взяты из источников, опубликованных задолго до революции 1917 г., причем значительная часть этих источников – до выхода в свет «Саратовской летописи». Прежде всего, речь идет о Дворцовых разрядах и Книгах разрядных, опубликованных в середине XIX в.¹² Некоторая информация взята из труда А. А. Гераклитова, но проверить эти сведения по архивным фондам не удалось.

Особое внимание уделено пребыванию в Саратове различные посольских караванов. Плавание по Волге русских и иностранных послов вынуждало воевод Саратова принимать чрезвычайные меры для обеспечения их охраны, а посещение Саратова этими гостями, пусть даже кратковременное, затрагивало все слои населения.

Для определения точной хронологии посещений Саратова различными гостями города в начальный период истории левобережного Саратова, важную роль играют труды отечественных исследователей П. П. Бушева о русско-иранских отношениях¹³, Н. Т. Накашидзе о русско-грузинских отношениях¹⁴, а также источники, введенные в научный оборот Н. И. Веселовским и М. А. Полиевктовым¹⁵.

Источником для выяснения состава гражданского населения Саратова в 1630-е гг. является опубликованная П. П. Смирновым в «Трудах СУАК» Окладная роспись пятины 1634 г.¹⁶

Более тщательное прочтение различных разрядных записей, а также текста сочинений путешественников Федота Котова и Адама Олеария позволило сделать некоторые дополнения, касающиеся планировки Саратова, а также строителей новой саратовской крепости¹⁷.

Разрядные записи, введенные в научный оборот в последнее время В. И. Бугановым, позволяют уточнить время пребывания в Саратове воевод Г. И. Феофилаьева и кн. И. Ф. Шаховского, а также состав гарнизона Саратова в конце 1630-х гг.¹⁸

В качестве образца формы изложения материала взята за основу «Саратовская летопись» Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского.

Из-за ограниченного объема статьи ссылки на источники не даны, а все источники информации указаны в книге автора «Воеводы левобережного Саратова»¹⁹.

Новая Саратовская летопись 1616–1641 гг.

1616 г. Восстановление Саратова на новом месте (левый берег Волги, устье реки Саратовки).

1616, май. Указание из Москвы от дьяка приказа Казанского дворца Петра Микулина начальным людям поволжских городов, в том числе Саратова, об обеспечении безопасного плавания в Персию посольского каравана с русским посольством Федора Исааковича Леонтьева и персидскими послами: «...*послати на Самару и на Саратов и на Царицын к воеводам и к приказным людям государевы грамоты*».

1616, вторая половина июля. Остановка в Саратове посольства Ф. И. Леонтьева и персидских послов, которые из Казани следовали по Волге в Астрахань.

Около 1617–1620, сентябрь. Воевода Саратова Федор Тимофеевич Черново-Оболенский

1617, сентябрь. Остановка в Саратове двух посольств, направлявшихся из Персии в Москву: в начале сентября – посольства Ф. И. Леонтьева, в конце сентября – персидского посольства Кай-Салтана и Булат-бека.

1618 г., начало июля. Остановка в Саратове посольства в Персию князя М. П. Борятинского, а также персидских послов Кай салтана и Булат бека, возвращавшихся домой.

1620 г., весна – лето. Меры правительства по обеспечению безопасного плавания караванов по Волге мимо Саратова: «*Посылань из Казани головы на Волгу за казаками Григорий Павлов сын Верецагин да Костянтин Шушурин*».

1620, начало июня. Остановка в Саратове весеннего каравана с назначенными в Астрахань воеводами (кн. С. В. Прозоровский, А. В. Измайлов и др.).

1620, начало августа. Остановка в Саратове летнего каравана из Казани в Астрахань. Этим караваном плыли в Астрахань «бухарский и юргенский послы», новый воевода Терского городка Баим Болтин.

1620, август. Прибытие в Саратов из Москвы нового воеводы Ефима Федоровича Мышецкого (отправлен из Москвы в июле).

1620, конец августа. Остановка в Саратове летнего каравана из Астрахани с членами посольства М. П. Борятинского, гробом самого посла, персидским послом Булат беком со свитой, персидским купцом Ага Асаном с товарами и подарком от шаха Аббаса – слоном. Этим же

караваном возвращались в Москву прежние воеводы Астрахани (Андрей Андреевич Хованский, Алексей Михайлович Львов, дьяки Иван Тимофеев и Иван Грязев). Отплытие из Саратова в Казань состоялось 1–2 сентября.

1620, сентябрь – 1622, до сентября. Воевода Саратова Ефим Федорович Мышецкий. Его помощник – стрелецкий голова Семен Иванович Болтин (в Смутное время известен стрелецкий сотник из Кузьмодемьянска Семен Болтин).

1621, вторая половина июня. Остановка в Саратове большого каравана из Москвы, в составе которого находились русские послы в Персию Василий Гаврилович Коробьин и дьяк Астафий Кувшинов со своими людьми, а также персидское посольство Булат-бека со свитой. Этим же караваном следовали в Персию русские купцы с товарами – «гость Иван Юдин с товарищи».

1622 год. Успешные переговоры Ефима Мышецкого с ногайскими мурзами Большой Ногайской орды, которые хотели переправиться через Волгу в районе Саратова и уйти в Казыев улус (кочевья Малой Ногайской орды).

В Саратове в 1621–1622 гг. существовал Троицкий собор и Никольская приходская церковь. Было «7 посадских людей» (по сведениям А. А. Гераклитова), по-видимому, 7 дворов посадских людей. Заведение в Москве дела о каком-то самоуправстве воеводы Саратова князя Е. Ф. Мышецкого (дело по обвинению его в неправильных действиях по службе).

В 1621/1622 г. некоему богатому крестьянину села Восмы Олимпиеву по его челобитной были сданы на оброк Иргизские рыбные ловли и Чирлатовские воды. Из Москвы отправлены две грамоты воеводе Мышецкому (от 24 ноября 1621 г. и 10 февраля 1622 г.). В них приводятся сведения о старом оброке 33 рубля 50 алтын и старом откупе 12 рублей 12 алтын. Жалоба воеводы Казани в 1620/1621 г. Б. М. Лыкова на рыбных ловцов, которые стремятся снять на оброк ловли в районе Саратова: «...льготя себе, оброчатся на Самаре, и на Саратове, и на Царицыне».

1622–1623. Воевода Саратова Константин Никитич Шушерин

1623, вторая половина июня. Прибытие в Саратов каравана из Москвы в Персию с русскими купцами и товарами из государственной казны (гость Федот Котов и 8 других купцов). Купец Ф. Котов привел первые сведения о том, что собой представлял левобережный Саратов.

1623 г. А. А. Гераклитов приводит сведения о существовании в Саратове в это время мужского Богородицкого монастыря (Ф. Котов о нем ничего не писал). Строитель его (основатель и настоятель) – старец Петр. 20 марта 1623 г. «в субботу Лазореву марта в 20 день» на обеде в Москве у

патриарха Филарета присутствовал «строитель с Саратова новоявленные Пречистые Богородицы старец Петр». Новоявленная икона – это Казанская икона Божьей Матери. В 1626 г. патронами этого монастыря в Саратове, кроме Богородицы Казанской, были соловецкие чудотворцы, Зосима и Савватий.

Осенью 1623 г. в Саратов назначен на смену Константину Шушерину новый воевода «Федор Иванов сын Чемоданов».

1623–1626. Воевода Саратова Федор Иванович Чемоданов

1624, май. Гонец Юрий Бурнашев по пути из Астрахани в Москву (прибыл в Москву 26 июня) сообщил воеводе Ф. И. Чемоданову сведения о возвращении из Персии посольства Василия Коробьина и Остафия Кувшинова вместе с персидскими послами. Воевода Чемоданов должен быть готов к встрече огромного каравана. Одних гребцов было 920 человек (П. П. Бушев).

1624, середина сентября (15–20 сентября). Караван из Астрахани прибыл в Саратов. Персидское посольство Урусун-бека (Русан бек, «грузинец Урусамбек») и Мурат-бека везет в дар царю Михаилу и патриарху Филарету от шаха Аббаса священную христианскую реликвию, Ризу Христову (золотой ковчег, внутри которого находился небольшой кусок ветхой полотняной материи). Также в качестве подарка царю от шаха послы везут двух слонов. Арапы-слоновщики (погонщики) Фаталан и Тчан.

1624, конец октября (либо 1625, весна). В Саратове делают остановку новые воеводы Терского городка Василий Петрович Щербатый и Степан Лазаревич Татищев (прадед В. Н. Татищева).

1624/1625 г. Впервые приводится точная численность гарнизона Саратова: «На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов, а с ним детей боярских 18 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч., толмач 1 ч., вож 1 ч., с головою да с 3 ч. сотники конных и пеших 350 ч. стрельцов; на Саратове же на годовой из Еранска, из Кузьмодемьянска из Уржума с сотником 100 ч. стрельцов пеших» (40 стрельцов с головой из Кузьмодемьянска, 30 стрельцов из Яранска, остальные 30 человек из Уржума).

1625, лето – осень. В Саратове по пути в Персию останавливается посольство князя Григория Васильевича Тюфякина и Григория Ивановича ФеофилаТЬева. Персидские послы Урусун-бек и Мурат-бек также возвращаются домой с этим караваном.

1626, апреля 16. Грамота царя воеводе Чемоданову. Удовлетворялась просьба строителя Богородицкого монастыря Петра с братией, чтобы им дать «в руги место рыбные ловли в саратовских водах от Бородина песку да на низ по Сунбуловку».

1626–1630. Воевода Саратова Григорий Никитич Орлов. Помощник – стрелецкий голова Никифор Михайлович Кошелев.

Состав гарнизона Саратова в 1626 г. остался без изменения: «*На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов; и Федору велено ехать к Москве, а на Саратов послан Григорий Микитин сын Орлов, а с ним...*» Запись аналогична прошедшему году.

1626, поздняя осень. Плавание из Астрахани в Москву персидских купцов с шахскими товарами и грамотами шаха Аббаса. В Москву персидские купцы прибыли уже зимой. 25 февраля 1627 г. вскоре после приезда они были на приеме у царя Михаила Федоровича. 28 апреля 1627 г. они были у царя «на отпуске».

1627, июнь. Персидские купцы Молда-Рахмет и Мамет-Селих а также кумыцкие посланники проплывали мимо Саратова в сторону Астрахани.

1627 г. Возвращение из Персии в Москву посольства кн. Г. В. Тюфякина и Г. И. Феофила-тьева. Персидский посол Магмет Сали бек, приехав в Москву, жаловался на поведение в Персии послов Тюфякина и Феофила-тьева

1628 г. В Саратове останавливались по пути из Москвы в Персию русские послы Андрей Осипович Плещеев и дьяк Микифор Талызин вместе с персидскими послами. Об этих посольствах впервые писал еще В. Н. Татищев: «*Государь же (персидских послов) отпустил, а с ними послал Андрея Осиповича Плещеева да дьяка Микифора Талызина*».

1628 г., лето – осень. Григорий Орлов встречается в Саратове терских воевод князя В. П. Щербатого и С. Л. Татищева, которые возвращались в Москву. Внуки С. Л. Татищева и Г. Н. Орлова через 60 лет породнятся (Федор Алексеевич Татищев, дядя В. Н. Татищева, женится на Прасковье Федоровне Орловой).

Состав гарнизона Саратова в 1628 г. значительно поредел. Стрельцов стало меньше на 50 человек, их теперь насчитывалось только 300 человек (100 конных и 200 пеших), детей боярских осталось 15 человек. Кроме того, на годовой службе теперь в Саратове находилась сотня стрельцов из других городов: из Чебоксар (50 чел.), Цивильска (15 чел.), Кокшайска (15 чел.), Царево-Кокшайского (20 чел.). Эти потери связаны с отражением нападения татар на Саратов.

За успешную борьбу с татарами воевода Орлов был награжден царем: «*Григорий Никитин сын Орлов был на государеве службе в Саратове и татар побил, и по памяти из Казанского дворца, за приписью дьяка Ивана Болотникова, за ту Саратовскую службу дано Григорью Орлову государева жалованья у стола: кубок, шуба атлас золотной на соболах в 89 рублей, 28 алтын, да поместные придачи к старому его окладу, к 700 четьям, 200 четей, денег к 40 рублям 40 рублей*».

1629 г. Воеводой в Саратове по-прежнему записан Григорий Орлов.

В 1629 г. состав гарнизона Саратова остался почти без изменения, восстановлена прежняя

численность детей боярских – 18 чел. Остальной состав гарнизона такой же, как в 1628 г. (4 пуш-каря, 2 воротника, 300 стрельцов и т. д.). Однако 100 пеших годовальщиков теперь прибывают в Саратов из других городов: Свияжска (20 чел.), Козмодемьянска (20 чел.), Чебоксар (30 чел.), Цивильска (20 чел.), Царево-Кокшайска (10 чел.).

Успешная борьба с воровскими казаками на Волге в районе Саратова. Награждение стрелецкого головы Никифора Кошелева. В грамоте говорится, что «*Микифор Кошелев*» пожалован «*за казачью за волжскую службу*». Будучи на Саратове у стрельцов в головах, он «*послан был с Саратова на Волгу на воровских казаков. И в той посылке шед на Волге, воровских казаков на голову побил и, языков взяв, в Саратов привел*». Стрелецкий голова Н. М. Кошелев получил «*10 аршин камки куфтеру червленого*» (особый вид шелка с золоченым парчовым узором) ценой 12 рублей.

1630–1632. Воевода Саратова Степан Васильевич Чемесов

Постоянный состав гарнизона Саратова (дети боярские, стрельцы, пушкари и воротники) оставался неизменным на протяжении ряда лет.

1630 г. «*На Саратове Степан Васильев сын Чемесов, а с ним голова стрелецкой 1 ч., детей боярских 18 ч., сотников стрелецких 3 ч., конных стрельцов 100 ч., да 200 ч. пеших, пушкарей 4 ч., воротников 2 ч.*».

Переменный состав гарнизона значительно изменился в связи со строительством новой крепости в Саратове.

1630 г., весна. Начало строительства новой Саратовской крепости, предположительно на том же самом месте, в устье реки Саратовки.

В Книгах разрядных за 138 год (1629/1630) приведены сведения о воеводе С. В. Чемесове и о составе гарнизона в 1630 г., включая 456 человек «*для острожного дела на время, покаместа острог сделают*». Эти 456 человек направлялись в Саратов «*из Понизовых городов, которые выше Казани*». Среди этих людей Разряды указывают в том месте, где говорится о саратовском гарнизоне и его воеводе Степане Чемесове, «*детей боярских 57 ч., новокрепцов и бусурманов 114 ч., да стрельцов 235 ч., да плотников из стрельцов же 50 ч.*».

В первый год воеводства Степана Чемесова Книги разрядные указывают в Саратове на наличие годовальщиков «*Свияжских, Чебоксарских, Ядринских, Цивильских, Царевасанчурских, Еранских 100 ч. стрельцов пеших*».

1631 г. Записи за следующий 1630/1631 г. об отправке служилых людей из указанных 10 городов в Саратов «*для острожного дела*» идентичны, за исключением Чебоксар, где дополнительно указаны 9 детей боярских. В Чебоксарах: «*Да на Саратове для острожного дела детей боярских*

9 ч. – Да на Саратове для острожного дела детей же боярских 50 ч., да новокрещенов 28 ч., да стрельцов 30 ч.».

1631, май. Остановка в Саратове кн. Ф. Т. Черново-Оболенского и дьяка М. Патрикеева, которых отправили из Москвы в Астрахань для строительства новой крепости.

1631 г. – начало освоения богатств окрестностей города московским Новоспасским монастырем. Архимандриту этого монастыря Иосифу с братией были пожалованы рыбные ловли на оброк в саратовских иргизских водах, «а оброку указали имати с тех рыбных ловель по двадцати рублев на год». Эту грамоту от 26 декабря 1631 г. привез из Москвы саратовскому воеводе Степану Чемесову служка Новоспасского монастыря Перфилько Мелентьев 17 февраля 1632 г. Новоспасский монастырь постепенно стал захватывать все прибыльные рыбные ловли и имел значительные привилегии.

1632–1634. Воевода Саратова Андрей Федорович Наумов

В Книгах разрядных за 1631/1632 г. (7140 г.) воеводой в Саратове значится Андрей Федорович Наумов. Состав гарнизона не указан (по другим городам тоже нет сведений). Скорее всего, смена воевод в Саратове произошла к началу лета 1632 г. В феврале 1632 г. в Саратове еще находился Степан Чемесов, а Андрей Наумов мог прибыть в Саратов первым весенним караваном в мае – июне 1632 г.

В другой Разрядной книге за этот же 1631/1632 г. уточняется, что «на Саратов на Степаново место Чемесова Ондрей Федоров Наумов». Такие записи обычно делались в том случае, когда смена воевод происходила не как обычно, в начале года (в сентябре), а весной – летом следующего года (фактически в том же самом 7140 году, который завершился 31 августа 1632 г.).

1634, весна – 1637, осень. Воевода Саратова Григорий Иванович Феофилачев

Г. И. Феофилачев находился в Саратове уже весной 1634 г. Именно весной 1634 г. ему был отправлен из Москвы один из важнейших документов по истории Саратова первой половины XVII в.

К 1634 г. относятся сведения о количественном и качественном составе жителей Саратова, о занятиях посадского населения, а также об их доходе и имуществе. Приводятся имена двух саратовских священников. Один из них служил службу в соборной церкви св. Николая Чудотворца (соборный поп Василий). В другой церкви служил службу поп Самсон.

Всего было собрано с жителей Саратова 121 рубль 23 алтына и 4 деньги. 11 января 1635 г. воевода Феофилачев отправил эти деньги в

Москву с саратовским целовальником Микитой Терентьевым (доставлены 13 февраля).

Эта окладная роспись пятины 1634 года по городу Саратову содержит имена 32 человек саратовских земских людей или саратовских посадских торговых людей, а также имена 51 человека соседей и подсоседей. Всего перечислены 83 человека с указанием торгового и промысла каждого из них, общей стоимости имущества. Суммарный капитал 32 посадских людей оценен в 530 рублей. Они заплатили всего 106 рублей. 51 человек соседей и подсоседей в сумме имели всего лишь 78,5 рубля и заплатили около 16 рублей.

В 1634 г. Саратов посетил по пути из Казани в Астрахань и далее через Грузию в Иерусалим купец, путешественник, писатель Василий Яковлевич Гагара, оставивший интересные путевые записки – «яркий образец купеческо-паломнических хождений».

1635 г. Состав постоянного гарнизона Саратова значительно увеличился. Стрельцов стало на 100 чел. больше, добавилось 2 пушкаря, что свидетельствует как о качественной перестройке крепости, так и об общем увеличении числа крепостных орудий.

Это укрепление обороноспособности связано с появлением на Волге в 1630-е годы новых кочевников, калмыков, которые первые 20–30 лет вели себя очень агрессивно по отношению к жителям поволжских городов.

По состоянию на 1635 г. сведения о гарнизоне Саратова в Книгах разрядных следующие: «На Саратове Григорей Иванов сын Феофилачев, а с ним: детей боярских 18 ч., с головою да с 3 ч. сотники 150 ч. стрельцов конных, да 250 ч. стрельцов пеших, пушкарей 6 ч., сторожей и воротников и кузнецов и плотников и деловых людей 12 ч., да годовальщиков из Понизовых городов, которые выше Казани 100 ч. стрельцов». В 1636 году это были стрельцы из Цивильска (30 ч.), Царева Санчурска (25 ч.), Уржума (25 ч.), Кокшайска (20 ч.).

К деловым людям относится часовник и пивовар. Запись в Книгах разрядных за 1636 год: в Саратове было 5 сторожей, 2 воротника, часовник, кузнец, плотник, пивовар.

1635 г., март. Саратовские иргизские ловли было велено отписать на государя, а вместо них Новоспасский монастырь по челобитной архимандрита Иосифа получил саратовские подгородные Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли. Ранее эти ловли находились на оброке за нижегородскими посадскими людьми «за Богдашком Кокшаровским да за Ивашкой Охтиным с товарищи». Размер оброка остался прежним – 20 рублей.

Саратов стал для Новоспасского монастыря базой: здесь находились монастырские амбары, склады, постоянная контора монастыря для управления Волжскими и Иргизскими рыбными ловлями. Монастырь сам занимался доставкой соли и рыбы из Саратова в Москву.

1635 г. Воевода Г. И. Феофилаьев отдал саратовские Иргизские ловли откупщику нижегородцу Матвею Козлову.

1636, марта 22. Новая грамота воеводе Г. И. Феофилаьеву из приказа Казанского дворца о передаче Новоспасскому монастырю старых Иргизских ловлей. Теперь монастырь мог владеть ими круглый год, начиная с 26 декабря 1636 г., «как откупной срок Нижегородцу Матюшке Козлову дойдет». Что касается Курдюмских и Чирлатовских вод, то воеводе Григорию Феофилаьеву было приказано отдать их на откуп с прибылью, «для чего на Саратове на торгу кликати бирючу по многие торговые дни».

В Саратове в период пребывания на воеводстве Г. И. Феофилаьева находились дворовые места, амбары и склады крупнейшего ярославского гостя Надея Светешникова. Этот предприниматель занимался наряду с другими торговыми и промышленными операциями завозом хлеба из центральных районов страны в Астрахань. Гарнизон и жители Саратова также покупали этот хлеб.

1636, конец июля – начало августа. Встреча в Саратове грузинских послов во главе с нареченным митрополитом греком Никифором, которого царь Теймураз отправил в Россию с просьбой о помощи и с призывом к объединению всех христианских сил (в Москву послы прибыли 8 октября). Кроме грузинских послов здесь были терский воевода стольник князь Михаил Петрович Пронский со своими помощниками.

1636, конец августа. В Саратове останавливались «персидский и татарский караваны из 16 больших и 6 малых лодок». По словам А. Олеария, в составе конвоя этого каравана находилось 400 стрельцов. Во главе этого каравана, кроме шахского персидского купчины и татарского (черкесского) князя Мусала, находился русский посланник к шаху Сефи Алексей Савинович Романчуков, а также «татарский посол из Крыма, купец персидского государственного канцлера и еще два купца из персидской провинции Гилян».

1636, сентября 1. Мимо Саратова быстро проплыл по Волге, не делая остановки (и не заходя в Застенную Воложку), большой корабль с голштинским посольством, включая секретаря этого посольства ученого-энциклопедиста Адама Олеария. Находясь на корабле, следуя по фарватеру Волги, Олеарий вряд ли мог хорошо видеть Саратов. Корабль плыл под парусами, при попутном ветре, вниз по течению Волги и через несколько дней догнал персидский и татарский караваны.

1637, конец июля, август. Остановка в Саратове каравана из Москвы с грузинским послом Никифором и русским посольством князя Федора Федоровича Волконского-Шерихи и дьяка Артемия Хватова к царю Теймуразу.

В состав посольства князя Волконского входили многие известные церковные деятели: архимандрит Ипатьевского монастыря Иосиф, Арсений Суханов и др.

1637, около 1 октября. Последнее упоминание о пребывании в Саратове воеводы Г. И. Феофилаьева. Он отправляет в Москву с отписками Тимофея Барыбина и стрелецкого десятника Степана Еремеева Карташева: «...в нынешнем во 146-м году о Покрове Пресвятые Богородицы послал с Саратова ко государю к Москве воевода Григорей Фефилаев Тимофея Борибина с отписками, а ево Стенку послал с ним же».

1637, октябрь – 1639, август. Воевода Саратова князь Иван Федорович Большой Шаховской

1637, конец октября. Захват в плен ногайскими татарами «а Дмитревой суботе» отряда стрельцов, саратовских людей Степана Карташева, Тимофея Барыбина и пр., а также гонцов из Москвы с государевыми грамотами (30 человек) возле реки Медведицы за 90 верст от Саратова (Герасимов, 1912).

В Дворцовых разрядах за 1637/1638 г. отмечено: «На Саратове князь Иван большой княж Федоров сын Шеховской». В Разрядной книге 1637/1638 г. дается подробный перечень лиц Саратовского гарнизона: «На Саратове князь Иван княж Федоров сын Шеховской. А с ним: детей боярских 18 человек. 3 головою да с 3-мя сотники стрельцов 150 человек конных да 250 человек стрельцов пеших. 6 человек пушкарей, 5 человек сторожей, 2 человека воротников. Часовник, кузнец, плотник, пивовар. Да годовальщиков из Понизовых городов 100 человек стрельцов». В другом месте той же Разрядной книги уточняется, откуда эти годовальщики: «На Саратове курмышских и мурашкинских казаков 100 человек». Годовальщики-казаки из Курмышы и Мурашкино ранее в Саратове не упоминались.

1638 г., начало июля. В Саратов приплыл караван из Москвы, направлявшийся в Астрахань. С этим же караваном прибыл в Астрахань немец Андрей Рейснер.

1638 г., июль. Возвращение из Персии в Москву посла Алексея Савиновича Романчукова, остановка его в Саратове.

1638, конец сентября. Нападение воровских казаков в районе Саратова на сухопутный караван из Астрахани. Казаки сумели хитростью угнать табун аргамаков, предназначенных для подарков и продажи в Москве.

1638, октября 6. Прибытие в Саратов каравана с голштинским посольством, секретарем которого был Адам Олеарий, а также персидским послом Имам-Кули-беком, направлявшимся из Астрахани в Москву.

1639, сентябрь – 1641, после сентября. Воевода Саратова Григорий Никитич Орлов.

1639, конец сентября. Остановка в Саратове каравана с русским посольством кн. Ф. Ф. Вол-

конского, возвращавшимся из Грузии в Москву в сопровождении грузинского митрополита Никифора. Послов встречает воевода Григорий Никитич Орлов. Посольство Ф. Ф. Волконского в конце сентября направилось далее в Москву.

1639, сентября 28 – декабря 25. Пребывание в Саратове грузинского митрополита Никифора. Воевода Григорий Орлов докладывал в Москву, что «в 148 году сентября в 28 день грузинский посол в Саратове зазимовал». 25 декабря 1639 г. митрополит Никифор отправился напрямую по зимней дороге к Москве (в Москву прибыл 29 января 1640 г.).

1640–1641 гг. Григорий Орлов продолжал оставаться воеводой в Саратове. В это время Саратов посетил по пути из Москвы в Терский городок известный писатель князь Семен Иванович Шаховской (был назначен воеводой в Терки).

1641, августа 24–26. Пребывание в Саратове русского посольства в Грузию князя Е. Ф. Мыщецкого и дьяка Ивана Ключарева в сопровождении грузинского митрополита Никифора. Отплытие посольского каравана из Саратова в Царицын состоялось через день, 26 августа. Воевода Г. Н. Орлов отказался выдать в сопровождение послам дополнительный отряд саратовских стрельцов, ссылаясь на то, что «все служилые люди посланы в посылку за казаки, а иные в степи по караулом».

1643 г., лето. Возвращение посольства Е. Ф. Мыщецкого на родину, остановка в Саратове. Кто был воеводой Саратова в это время – неизвестно.

Дальнейшие сведения о событиях в Саратове относятся уже к 1644 г., когда в город прибыл новый воевода Аверкий Федорович Болтин (по мнению А. А. Гераклитова – в феврале 1644 г.).

Примечания

- ¹ Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891; Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.
- ² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 23.
- ³ Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4.
- ⁴ Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892 г. № 3, март. М., 1892. С. 210–217.
- ⁵ Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : Записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М., 1892.
- ⁶ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913.
- ⁷ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 19.
- ⁸ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв.; Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в.
- ⁹ Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII век). Саратов, 1940.
- ¹⁰ Осипов В. А. Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. С. 18–34; Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI–XVII вв. Саратов, 1976; Касович А. С. Саратов левобережный // Четыре века. Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991.
- ¹¹ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 25–26.
- ¹² Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1850. Т. 1; СПб., 1851. Т. 2; Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1; СПб., 1855. Т. 2.
- ¹³ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987; Бушев П. П. Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (сб. статей). М., 1976. С. 124–125.
- ¹⁴ Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.
- ¹⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2, 3 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892, 1898. Т. 21, 22; Полиевктов М. А. Посольство князя Мыщецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928.
- ¹⁶ Смирнов П. П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Вып. 33. 1916.
- ¹⁷ Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н. А. Кузнецовой; отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 1958; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- ¹⁸ Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975. Т. 2, вып. 2. С. 323, 350; Разрядная книга 1637/1638 года / отв. ред. В. И. Буганов; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М., 1983. С. 117, 124; Разрядная книга 1637/1638 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В. И. Буганов; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974. С. 342.
- ¹⁹ Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. Саратов, 2014. С. 193–206.

УДК 94 (470. 4) "18"

КАДРОВЫЙ КОНТРОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НАД РЕГИОНАЛЬНЫМ ЧИНОВНИЧЕСТВОМ: ПРАКТИКИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1826–1861 ГГ.

А. Н. Бикташева

НИУ Высшая школа экономики, Москва
E-mail: biktashi@mail.ru

Статья посвящена изучению механизма властного саморегулирования в Российской империи 1826–1861 годов. Объектом изучения является информационный потенциал материалов жандармского делопроизводства. Его анализ позволил проследить участие жандармских штаб-офицеров в кадровых перестановках губернского чиновничества.

Ключевые слова: Российская империя, жандармерия, кадровая политика.

**Secret Police Control over Regional Bureaucracy:
the Practices of Kazan Province 1826–1861 ss.**

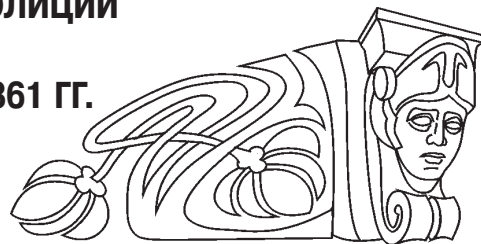
A. N. Biktasheva

Article examines the powerful mechanism of self-regulation in the Russian Empire 1826–1861-s. The object of study is the information potential materials gendarmerie correspondence. His analysis allowed us to trace part of the gendarmerie headquarters staff officers of the problem of the provincial bureaucracy.

Key words: Russian Empire, gendarmerie, public opinion.

Проблемы построения вертикали власти в условиях дискретного политического пространства, организации эффективного управления отдаленными от центра регионами актуальны для России до сих пор. Они напрямую связаны с вопросами оптимизации административного аппарата, рационализации его функций. Однако у нас пока нет аналитического обобщения опыта губернского управления в Российской империи, и особенно ощущается дефицит знания о механизмах самоорганизации государственного строительства. В этой связи использование информационных возможностей делопроизводственных материалов органов административного надзора способствовало бы изменению сложившейся ситуации.

Идея создания «наблюдательной полиции» заключалась в выведении российской жандармерии из системы МВД, что позволило бы давать «бесстрастные» оценки и незаинтересованные суждения об эффективности органов государственного управления. Подчиняясь лично императору, политическая полиция находилась за пределами правительственного и ведомственного давления. С момента создания III Отделения¹ политическая полиция начала осуществлять стационарную экспертизу состояния власти и в столицах, и на местах. Усиление её полити-

ческого влияния, растущая компетентность и информированность способствовали тому, что кадровые вопросы также вошли в ее полномочия. В III Отделение стекались сведения практически на каждого российского чиновника. При назначении на должности мнение шефа жандармов становилось решающим. Но произошло это не сразу.

Приступая к своим обязанностям, каждый жандармский офицер составлял обзор губернии. В нем обобщалась информация о предыдущих событиях административной жизни, прописывались существующие проблемы. Тексты этих донесений представляли развернутую интерпретацию мнений жителей губернии о местной власти и своих властителях. Можно выделить целую коллекцию таких обзоров за период с 1826 по начало 1830-х годов. Вот только часть из них: записка «о состоянии Казанской губернии за 1826–1832 гг.»², донесение подполковника Маслова об управлении Симбирской губернии с 1827–1834 гг.³, донесение генерал-майора Балабина о состоянии управления в Астраханской губернии за 1827 г.⁴, донесение того же чиновника из Вологды⁵, сведения генерал-майора Волкова о событиях по Московской губернии⁶, донесение подполковника Янова о состоянии управления Курской губернии за 1827 год⁷. Подобные обзоры, донесения и сводки с мест в основной своей массе направлялись на рассмотрение в I экспедицию III Отделения СЕИВК. Сюда стекалась многообразная информация со всех уголков Российской империи. За этой экспедицией (их было четыре) закрепился общий контроль и наблюдение над деятельностью местных правительственных органов власти. Здесь оседали сообщения об административных злоупотреблениях, нарушениях при дворянских выборах, обо всех происшествиях, представляющих интерес для политической полиции. Подаваемая информация на имя шефа корпуса жандармов в виде записок, рапортов, донесений и обзоров систематизировалась аналитиками экспедиции для дальнейшего представления «к сведенью» министров.

Итак, основными поставщиками информации из губернских городов для официального Петербурга стали жандармские штаб-офицеры, высвечивающие локальные ситуации в специальных донесениях. Коммуникативное простран-

ство империи стало наполняться их тайными сводками, которые стекались в единый «наблюдательный» центр, находящийся под личной опекой императора. Иными словами, функцию обратной связи с обществом начали выполнять не доносы местных чиновников или предводителей дворянства, а сводки жандармских штаб-офицеров. Это был негласный постоянный надзор над местной властью и губернским обществом⁸.

В 1826–1830-х гг. шла притирка нового ведомства к другим институтам власти, вырабатывались приемы межличностных отношений штаб-офицеров с начальниками губерний и министерствами. Это был период апробации нового механизма негласного надзора. Содержащийся в донесениях жандармских штаб-офицеров информационный калейдоскоп о событиях на местах предоставляет возможность реконструировать цельные сюжеты об управленческой практике, составе чиновников, о персонах отдельных губернаторов, пополнить сведения о подробностях их увольнения. К началу 1830-х гг. верховная власть приступила к реализации преобразовательной программы в области местного управления. Толчком этой преобразовательной деятельности стали решения секретного комитета 6 декабря 1826 года. В частности, произошла отмена генерал-губернаторской модели управления во внутренних губерниях с восстановлением в них должности военного губернатора. Произошли изменения и во внутриведомственных отношениях политической полиции с министерством внутренних дел.

В 1832 г. был смещен с занимаемой должности министр внутренних дел А. А. Закревский. В отчете III Отделения за 1829 г. ему была дана нелицеприятная характеристика⁹. Нежелание министра сотрудничать с губернскими штаб-офицерами, вероятно, имело под собой основание. Он не хотел допускать представителей секретных служб в сферу своих компетенций. Не желал делить с ними власть. Череда межличностных конфликтов сделали свое дело. Сначала было долгое разбирательство по делу вятского губернатора с участием жандармского подполковника Бека¹⁰. Затем затянувшееся расследование казанских событий начала 1830-х гг. с участием жандармского подполковника Маслова¹¹. Закревский обвинил последнего в ложном доносе на предводителя нижегородского дворянства Ульянинова. Начальству Маслов доложил, чем это было вызвано, – «в угодность некоторым из окружающих особу Его Сиятельства»¹². Выявленные жандармом подробности навлекли «недоброжелательство министра». В этой неравной схватке Маслова спасло только личное знакомство с императором. В декабре 1831 г. документы по этому делу были переданы на рассмотрение в Сенат. Через год военный казанский губернатор Степан Степанович Стрекалов решился секретно (через земского судью)

все же перепроверить сведения Ульянинова. На сей раз они не подтвердились... Тогда же произошло увольнение А. А. Закревского. Безусловно, что за всей этой институциональной «дуэлью» стояло растущее влияние А. Х. Бенкендорфа и его ведомства.

Кадровое вмешательство российской жандармерии как способ усовершенствования губернского управления постепенно становится очевидным и действенным средством «наблюдательного» присутствия носителей голубых мундиров. Проследить реалии этой компетенции жандармских офицеров можно, обратившись к сюжетам кадровых решений в пределах одной или нескольких губерний. К примеру, вот что писал все тот же Маслов о казанском губернаторе генерал-майоре А. К. Пирхе: «...осмелюсь уведомить, что должное уважения г. губернатор не имеет. Я не смел бы положиться на слухи, для столь уважительного лица в губернии, но сам всемоу очевидец, образу жизни Его Превосходительства, кроме обедов ежедневных по купечеству, а после обеда в театре, обременен к тому же спячкой. Нельзя успеть при такой жизни в делах...»¹³ После такой характеристики править Пирху в должности гражданского губернатора пришлось недолго – с декабря 1830 по май 1831 года. Возможно, только по этому случаю нельзя установить прямую зависимость между должностным мнением жандарма и увольнением губернатора, но для самих штаб-офицеров она была очевидной. Можно привести в пример мемуары полковника Э. И. Стогова, где он с нескрываемым удовольствием описывает подробности своего участия в увольнении сразу трех губернаторов в Симбирске¹⁴.

По указу 27 января 1832 г. в Казанской губернии вводилось правление военных губернаторов. С 8 февраля 1832 г. предписывалось всем жандармским штаб-офицерам регулярно к 1 июля и к 1 января каждого года доставлять ведомости о чиновниках, помещиках, купцах и других сословиях, а также «о лицах, заслуживающих внимания правительства»¹⁵. С того же 1832 г., с правления военного губернатора С. С. Стрекалова, началась новая страница в истории казанского губернаторства. За четыре года правления Стрекалова им «исподволь» были уничтожены «существующие партии» и «множество ябедников». Никому из гражданских губернаторов этой заветной цели прежде не удавалось добиться. Какими способами удалось добиться этого С. С. Стрекалову? Свидетельство – в воспоминаниях И. И. Михайлова современника тех событий: «Один из таких обличителей в Казани был чиновник Кудрявцев. Он имел порядочное состояние, был уже в отставке и писал разные жалобы на управление, в полной уверенности, что он неуязвим. Стрекалов его предупреждал: “Эй! – говорил он Кудрявцеву, – перестань ябедничать – худо будет”. В то время каждая, хотя и справедливая, жалоба считалась ябедой. Но тот не унимался. И вот, в одно утро

Стрекалов призывает Кудрявцева к себе. Тот является. – “А я, брат, тебе приятную весточку скажу”, – говорит ему Стрекалов. – “Какую, ваше превосходительство?” – заинтересовался Кудрявцев. “А тебе предстоит веселая поездка в Уфу, и как ты славно прокаатишься! Погода такая отличная. – “Зачем?” – Да чтоб тебе спокойно там было. Ты все недоволен, то не так, да это не по тебе. Там тебе уж не на что жаловаться будет. Все еще я вижу, не понял? Там ябедничать не посмеешь, там ты будешь под надзором полиции”. Пять лет пробыл Кудрявцев в Уфе и, наконец, взмолился Стрекалову. Тот, усмотрев нравственное исправление Кудрявцева, смиловался и выхлопотал ему возвращение на родину. С тех пор Кудрявцев стал шелковый; об обличении не смел и думать. Были и другие вольнодумцы: Аноров и Перов, но Перову выпала такая же доля, как и Кудрявцеву. Аноров тоже скоро замолчал. . . Ссылка под надзор полиции за произнесение правды в то время практиковалась очень часто»¹⁶. Досье на «вредоносную» личность бывшего секретаря губернского правления С. Ф. Кудрявцева стало формироваться в III Отделении уже с 1827 года¹⁷. Думается, жалобы Кудрявцева в столицу были обоснованными. Но по мнению официального Петербурга, практику доносительства следовало теперь замкнуть на губернском уровне, предоставив губернаторам разрешать на местах текущие проблемы, а не игнорировать их, отсылая жалобы в вышестоящие инстанции. Теперь губернаторам предоставлялось право ссылать наиболее рьяных жалобщиков под надзор полиции. Уфа, конечно, не Сибирь, но инициатива ссылки принадлежала военному губернатору и жандармскому офицеру.

В марте 1836 г. казанский военный губернатор С. С. Стрекалов направил в III Отделение А. Х. Бенкендорфу записку о «непозволительных действиях бывшего титулярного советника Степана Филипповича Кудрявцева», в котором сей бывший чиновник губернского правления был представлен как «неоднократно находящийся под судом», интриган, скрывающийся от наказания в доме умалишенных, составитель «ябеднических бумаг»¹⁸. Рассмотрев отосланную А. Х. Бенкендорфом докладную записку губернатора, министр внутренних дел согласился, что Кудрявцев, действительно, может быть человек «вредный», но удалить его из Казани без «Высочайшей воли» МВД не может. Он предложил рассмотрение этого дела перевести в Уголовную палату Оренбургской губернии. 17 июня 1836 г. на полях дела Кудрявцева «составленной Его Величества рукой» было написано карандашом «согласен»¹⁹. Так Кудрявцев со своим семейством оказался в ссылке. Интересно, что через несколько лет шеф жандармов откликнулся на многочисленные слезные просьбы ссыльного и его детей и выступил инициатором его возвращения в Казань²⁰. Понятно, что после такого наказания С. Ф. Кудрявцев более никаких жалоб на губернатора С. С. Стрекалова в столицу не писал. А. Х. Бенкендорф подобными решениями укреплял

создаваемый им самим же образ справедливого защитника «всех притесняемых».

Имея высокую поддержку, заручившись поддержкой шефа жандармов, казанский военный губернатор принялся за оздоровление кадрового состава губернских чиновников. Судя по переписке с А. Х. Бенкендорфом, в проводимой кадровой политике С. С. Стрекалов ориентировался на рекомендации секретной полиции. Так, в жандармских донесениях часто фигурировал «по подозрениям во взятках» советник уголовного суда Н. Н. Иванов. Граф Бенкендорф имел сведения «о предосудительных действиях» этого чиновника. При забросе губернатора он подтвердил, что Иванов относится к числу «неблагонадежных чиновников», «торгующих правосудием», сумел нажить этим промыслом капитал до четырех сот тысяч²¹. Доказать вымогательство им взятки оказалось делом непростым. Данное обстоятельство подтолкнуло казанского военного губернатора к поиску неформальных путей избавления от этого чиновника. Выход виделся в переводе Н. Н. Иванова без «дальнейших неприятностей» в другую губернию. По секретному письму С. С. Стрекалова в Министерство юстиции в 1832 г. Н. Н. Иванов был перемещен в Пензу с дальнейшим наблюдением за ним со стороны политической полиции. Итак, разрешение и применение ссылки, перевод на другое место службы стали способами решения кадровых конфликтов при участии губернатора и шефа III Отделения.

О следующих двух военных губернаторах Казани в архиве III Отделения осталась скудная и весьма отрывочная информация, что можно объяснить плохой сохранностью документов. Но даже по этим малочисленным донесениям можно судить об ухудшении кадрового состояния губернских администраций в последние годы правления Николая I. Донесения жандармов 1850-х гг. дают основание утверждать, что губернаторы не были в состоянии противостоять всеобщим должностным злоупотреблениям местных чиновников. Так, в 1850 г. жандармский штаб-офицер Калугин о губернаторе И. А. Боратынском доложил: «управлением занимается равнодушно»²². Замещать казанского губернатора был послан Е. П. Толстой, бывший флигель-адъютант императора²³. Это назначение оказалось для него испытательным. Через полгода все тот же жандармский подполковник напишет о нем: «... Трудится с примерным усердием со строгой внимательностью и может быть отличным губернатором»²⁴. К его мнению в Санкт-Петербурге, по-видимому, прислушались, и он успешно управлял затем Калужской, Таганрогской и Пензенской губерниями.

Высочайшим приказом от 24 января 1858 г. исполнять обязанности казанского военного губернатора был назначен генерал-майор П. Ф. Козлянинов (1858–1863). Судя по большому количеству документов, отложившихся по жандармскому ведомству, его губернаторство не было спокойным. Это объясняется сложностями времени

подготовки отмены крепостного права, трудностями проведения реформы в самой Казанской губернии, межличностными конфликтами губернатора с представителями местного дворянства. Материалы негласного надзора, пожалуй, – единственный официальный источник, дающий представление об общественном напряжении тех лет. Губернаторы становились основными агентами правительственных реформ в регионах. Поэтому III Отделение пристально следило за официальной и приватной жизнью начальников губерний, уделяло особое внимание их взаимоотношениям с предводителями дворянства, с членами губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права, чутко реагировало на проявления любой инициативы. В жандармских донесениях, касающихся казанского военного губернатора П. Ф. Козлянинова, палитра секретных сведений предоставляет возможность реконструировать портрет этого губернатора, а зафиксированный в документах конфликт с жандармским полковником Ларионовым подводит к пониманию истинных причин отставки.

Новый начальник губернии стремился ликвидировать создавшиеся при его предшественнике коррумпированные чиновничьи спайки. Видно, что Министерство внутренних дел специально нацеливало нового губернатора на кардинальные кадровые чистки в связи с предстоящими реформами. В донесении жандармского штаб-офицера за 1859 г. весь новый состав местного правительства характеризовался как кадровая удача начальника губернии. Среди гражданских чиновников губернского правления стали преобладать выпускники Казанского университета. МВД направляло в Казань молодых, энергичных, профессионально подготовленных чиновников. Эти кадровые перестановки соответствовали духу времени, инициатива замены старых губернских бюрократов исходила сверху от правительства, она была продиктована необходимостью реализации предстоящих реформ. Губернаторы должны были на местах осуществлять кадровые замены. Так в провинциях складывался новый тип «просвещенных бюрократов».

Кадровые решения Козлянинова стали вторгаться в давнюю традицию «протектирования служебных мест» со стороны местного дворянства. Это вмешательство стало почвой для конфликтов, жалоб. В жандармском ведомстве стали накапливаться анонимные доносы на начальника Казанской губернии.

Немаловажное значение в этой ситуации стали иметь мнения жандармского штаб-офицера полковника Ларионова о личности и поступках губернатора. В августе 1861 г. он под грифом «весьма секретно» сообщал, что предводитель дворянства губернии П. Г. Осокин находится в «неприятных отношениях с Козляниновым, который в действиях своих допускает произвол и односторонними убеждениями постоянно преследует весьма несправедливо дворянство,

во всех случаях, где бы представилась только возможность, сделать что-либо неприятное»²⁵. После печальных событий в деревне Бездна Лаишевского уезда в сообщениях жандарма стали преувеличивать подробности негативного свойства²⁶. По этим свидетельствам в Петербурге решалась целесообразность дальнейшего пребывания Козлянинова в Казани, ведь о его страсти к картам, вспыльчивом характере, особенностях поведения сообщалось и ранее. Это наводит на мысль, что до отмены крепостного права на подробности приватной жизни казанского губернатора никто особого внимания не обращал.

Для Козлянинова его отставка оказалась полной неожиданностью. Повод обнаруживается в рапорте полковника Г. Ларионова, датированном началом июня 1863 года. В нем сообщалось, что «...было недавно объяснение с губернатором, который... решился отозваться, что находит жандармский корпус преступным учреждением, и ни одному жандарму ни в чем не поверит». Далее Ларионов пытался убедить губернатора в обратном, но не нашел понимания и продолжал: «Сознавая вполне много личных достоинств, нельзя не пожалеть, что все прекрасное в нем едва ли не поглощает неимоверная запальчивость характера, опрометчивость в поступках и другие неловкости, которым, не наведя преграды, не будет конца. И таким образом, они с каждым днем разрастаются. На первом плане препровождения времени на карточную азартную игру, за коей постоянно проводит ночи до утра, не разбирая в этом случае личностей, проигрывает нередко большие куши»²⁷. Упомянутая в рапорте «преграда» через два месяца обернулась увольнением губернатора.

Частный пример этого увольнения хорошо вписывается в общий фон сменяемости российских губернаторов в период «великих реформ». Пик их отрешений приходится на 1861 год. По данным М. М. Шумилова, из состоявших на службе 53 губернаторов в течение 1861–1863 гг. были уволены 42, или 79 процентов от общего числа²⁸. Относительно причин увольнений в исследовательской литературе нет единства мнений: одни увязывают это с проявлениями революционной ситуации, другие – с начавшейся реакцией в правительственных кругах²⁹.

На общем фоне пятилетнее правление казанского военного губернатора в 1858–1863 гг., скорее, – исключение, чем норма. П. Ф. Козлянинову удалось пройти рубеж отмены крепостного права в одной из самых «неспокойных» помещичьих губерний России. По утверждению калужского губернатора В. А. Арцимовича, «неподатливые губернаторы, в которых гнездился милютинский дух, теряли свои места один за другим»³⁰. И хотя казанский губернатор не относился к числу ярких носителей этого «духа», в конечном счете все же поплатился именно за это. Менялся курс реформ, поэтому его прежние заслуги перестали соответствовать духу времени.

Проведенный анализ документов III Отделения СЕИВК позволяет сделать вывод, что тотальная централизация власти при Николае I сузила круг участников диалога власти с обществом. Со второй четверти XIX в. жандармские штаб-офицеры стали для верховной власти основными поставщиками сведений о состоянии органов и «лиц» местного управления, укомплектованных губернаторского и уездного дворянства, а также других сословий. Контекстуализация их донесений позволяет судить о способах получения этого вида знаний и проследить его применение в политических решениях и судьбах отдельных должностных лиц.

Перевод административного надзора в III Отделение привел к тому, что в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос, наряду с ее первыми лицами. С их помощью возникающие административные конфликты стали разрешаться путем кадровых технологий: ссылка или перемещение в другие губернии. Официально провозглашалось, что губернские жандармские офицеры не должны вмешиваться в сферу деятельности исполнительных органов власти, а в реальности их влияние на управление губерниями становится очевидной и повседневной административной практикой. Приведенные сюжеты кадровых решений по Казанской губернии могут служить тому доказательством.

Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. (проект № 12-01-0123).

Примечания

- 1 См.: Полное собрание законов Российской империи : в 30 т. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. СПб., 1830. Т. 1. № 449.
- 2 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171.
- 3 Там же. Д. 1318.
- 4 Там же. Д. 1128.
- 5 Там же. Д. 1138.

УДК 94(470.44).083/084.6

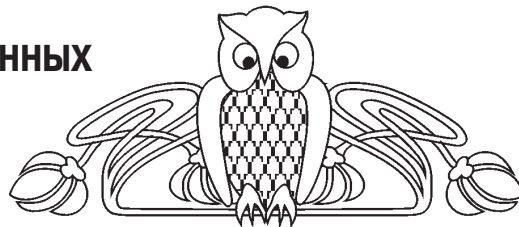
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается социальная составляющая модернизационных процессов в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX в. в рамках буржуазной и социалистической

- 6 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1191.
- 7 Там же. Д. 1180.
- 8 См.: Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2012. Вып. 5. С. 71–84.
- 9 См.: «Россия под надзором» : отчеты III Отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. Сидорова и Е. Щурбаков. М., 2006. С. 51–52.
- 10 См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1834 г. Д. 43. Литер А. О злоупотреблениях чиновников Вятской градской полиции.
- 11 По донесению отставного прапорщика Ивана Мисайлова о злоупотреблениях в Ядринском уезде Казанской губернии см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 186.
- 12 Там же. Л. 30.
- 13 Там же. Л. 10 об.
- 14 Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 127–128, 145–146, 171–172.
- 15 О доставлении жандармским офицерам сведений, об образе жизни и мыслей чиновников и других сословий в губерниях см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 494.
- 16 Михайлов И. И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 102–103.
- 17 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171. Л. 12.
- 18 Там же. 1 эксп. 1836 г. Оп. 11. Д. 81. Л. 1, 2 об.
- 19 Там же. Л. 5–6.
- 20 Там же. Л. 60.
- 21 Там же. Д. 1171. Л. 26–30.
- 22 Там же. Л. 5.
- 23 См.: Федорченко В. И. Свита российских императоров : в 2 кн. Красноярск, 2005. Кн. 2. С. 339–340.
- 24 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 5.
- 25 Там же. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 61.
- 26 Там же. Л. 61–63.
- 27 Там же. Л. 71–74.
- 28 См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 87.
- 29 См.: Орловские губернаторы. Орел, 1998. С. 199.
- 30 Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 334.

модели развития. Анализируется социальная структура городского общества, изменение ментальности и формы поведения людей, определявшие «человеческую сторону» модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, урбанизация, маргинализация, социальная структура.

Social Context of Modernization Processes in Saratov Volga in the Late XIX – Early XX Centuries

V. A. Cholakhan

The article discusses the social component of the modernization process in the Saratov Volga in the late XIX – early XX centuries within the bourgeois and socialist development model. Analyzes the social structure of urban society, change of mentality and behavior of people, defines the «human side» of modernization.

Key words: modernization, industrialization, urbanization, marginalization, social structure.

Исторический смысл модернизации в России невозможно понять без анализа её социальной составляющей, а именно состояния общества, изменения ментальности и моделей поведения участников модернизационного процесса. В социальном контексте российскую модернизацию можно разделить на два этапа: буржуазный, прерванный революцией 1917 г., и социалистический, продолжавшийся вплоть до краха советской системы. Цикличность социальных процессов, сопровождавшаяся всеобъемлющим разрушением прежних устоев жизни, приводила к откату общества на исходные рубежи, после чего иные социальные силы вновь брались за решение тех же исторических задач, но уже прибегая к помощи других инструментов.

Раннеиндустриальная модернизация России в конце XIX – начале XX в. способствовала постепенному переходу от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Общественное настроение в стране постепенно склонялось в пользу быстрого промышленного развития при сохранении многих традиционных ценностей. Железнодорожное строительство, активизировавшееся в 1890-е гг., ликвидировало обособленность регионов и стимулировало оживление экономической жизни.

Российский вариант движения от аграрного к индустриальному обществу нашёл яркое отражение и в истории Саратовского Поволжья. В начале XX в. типично аграрный характер региона претерпел значительные изменения: наряду с отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья (мукомольная, маслобойная, рыбная, пищевкусовая, сарпиночная и т. п.), появились новые виды производства (металлообработка, металлургическая, цементная промышленность), работавшие в основном на привозном топливе и сырье. Если в конце XIX в. более 85 % предприятий региона были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, то в 1914 г. общий объём промышленного производства в Саратовской губернии за 1891–1914 гг. возрос почти в 4 раза, а фабрично-заводских отраслей – почти в 2,5 раза, составив 24,4%, а вместе со смешанными производствами – 31,3%. Столь значительный рост промышленности отразился на количестве и распределении

рабочих между отраслями: в 1891 г. их численность составляла 19 069 чел., а в 1914 г. – 51 283, причём 81% рабочих трудился на фабрично-заводских и смешанных предприятиях¹.

Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» – мелких кустарных, промысловых и ремесленных заведений, охватывавших больше людей, чем вся фабрично-заводская промышленность: численность кустарей (53 736 чел.) превышала количество рабочих (51 283 чел.). Мелкотоварное производство занимало собственную нишу в многоукладной экономике региона и обеспечивало местный рынок доступными товарами для населения².

Основными промышленными центрами губернии являлись Саратов, Царицын и Вольск. Из всех городов Поволжья выделялся Царицын, входивший в двадцатку наиболее развитых в промышленном отношении городов России. Саратов возглавлял список городов второго разряда, а Балашов и Вольск входили в третий разряд городов с числом рабочих более тысячи человек.

Экономические процессы, прежде всего индустриализация, способствовали качественным изменениям в урбанизационном процессе, так называемому «урбанизационному переходу» к «городскому обществу»³. За период с 1830 г. по 1897 г. численность населения Саратова увеличилась более чем на 87 тыс. чел., составив 137 147 чел.⁴ По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Саратов входил в десятку самых крупных городов страны, а в границах, собственно, России по численности населения уступал лишь Москве и Санкт-Петербургу⁵. Всего в городах Саратовской губернии проживало 312 604 чел., а в целом по России – 16 289 181 чел. городского населения⁶. В стране насчитывалось 19 городов с населением свыше 100 тыс. чел., в числе которых был и Саратов, ставший самым крупным городом Поволжья (в Казани, для сравнения, проживало 131 508 чел., в Самаре – 91 672 чел.)⁷.

В 1904 г. в Российской империи (без Финляндии) насчитывалось 949 городов, из которых 680 приходилось на Европейскую Россию. Больших городов насчитывалось 20, или 2% всех городских поселений. К ним относился и Саратов⁸.

Как видно из табл. 1, число жителей губернского центра приближалось к 200 тыс. Далее следовал Царицын, число жителей в котором равнялось почти 80 тыс. Кроме того, довольно крупными городами являлись Вольск, Балашов и Кузнецк. Практически во всех городах число мужского и женского населения было почти одинаковым, с небольшим перевесом в пользу последнего.

В начале XX в. Царицын превратился в крупный город. По переписи 1897 г. население Царицына составляло 55186 чел.¹⁰ С 1861 г., т. е. за 35 лет, благодаря выгодному географическому

Таблица 1

Количество жителей в городах Саратовской губернии в 1904 г.⁹

Город	Мужское население	Женское население	Жители обоого пола
Саратов	93683	104139	197822
Аткарск	6012	6068	12080
Балашов	12225	9727	21952
Вольск	13750	14429	28179
Камышин	8864	10106	18970
Кузнецк	11118	11563	22681
Петровск	8299	8820	17119
Сердобск	4511	4695	9206
Хвалынский	7374	8290	15664
Царицын	39153	40606	79759
Дубовка	7672	8583	16255
Елань	7161	7219	14380

положению (берег низовой Волги), оно увеличилось более чем в 8 раз. В этом отношении Царицын превзошёл все поволжские города. И если в 1890 г. здесь проживало 38 тыс. чел., в 1904 г. – 80 тыс., то в 1915 г. – уже 135 тыс. чел.¹¹

Несколько иная картина складывается при рассмотрении динамики роста численности населения уездных городов Саратовского Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.

Из табл. 2 видно почти утроение населения уездных городов в отмеченный период. Самым крупным из них являлся Вольск¹². Главной причиной роста численности населения Вольска, Камышина, и Кузнецка являлись подведение железных дорог и успехи раннеиндустриального развития, в частности, цементной промышленности и кустарных промыслов.

К 1914 г. в регионе городское население достигло 580 949 чел., что составляло 15,8 % от общего числа жителей Саратовской губернии¹⁴. Удельный вес горожан во всем населении за 1897–1914 гг. увеличился всего лишь на 3 %, с

12,8 до 15,8 %¹⁵, а доля естественного прироста при этом не превышала 0,6 %¹⁶. Основное увеличение населения происходило за счет прилива пришлого населения, главным образом, из крестьян Саратовской (40 %) и соседних малоземельных губерний (26 %)¹⁷. По официальным данным, в начале XX в. 89,1 % жителей Саратова относились к крестьянскому сословию, а 77,3 % из них называли своим основным занятием сельское хозяйство¹⁸.

Весьма интересным представляется социальная структура городского населения Саратовского Поволжья. Особенности модернизационных процессов в регионе определили и своеобразие его социальной структуры, заключавшееся в незавершенности классовой дифференциации и разобращенности различных социальных групп. Своеобразие России проявлялось в запаздывании формирования классовой структуры, соответствующей индустриальному обществу. Сохранялось сословное деление – дворяне, мещане, казаки, купцы, крестьяне, инородцы и др.

Таблица 2

Динамика роста численности населения уездных городов Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в.¹³

Город	1859 г.	1897 г.	1914 г.
Аткарск	6324	7300	19088
Балашов	5945	10309	23502
Вольск	23519	27058	42093
Камышин	9788	16264	30282
Кузнецк	12828	20473	33777
Петровск	9255	13304	23812
Сердобск	5231	7381	15831
Хвалынский	12457	15157	22060
Посад Дубовка	12824	16638	17651
Итого	98171	133884	228096

Данные первой Всеобщей переписи населения 1897 г., отражая сословную дифференциацию населения, свидетельствуют о преобладании в городах крестьянского (43,4 %) и мещанского (43,2 %) населения, привилегированные сословия составляли 6,06 %. Обращает внимание весьма низкий, по сравнению с данными середины XIX в., процент купечества (1,3 %)¹⁹.

Специфика социальных преобразований региона заключалась в особенной предпринимательской активности старообрядческого купечества и немцев-колонистов, в значительном росте числа промышленных рабочих, главным образом, за счёт крестьян-отходников, в сохранении традиционно патерналистских взаимоотношений между хозяевами и работниками.

Процесс формирования промышленной буржуазии и наемных рабочих во многом определялся специфическими особенностями экономики региона. Основные виды производства – переработка сельскохозяйственного сырья, лесопереработка и частично цементная промышленность – носили сезонный характер с массовым использованием неквалифицированного труда. Этим можно объяснить весьма разностороннюю деятельность местных предпринимателей. Промышленная буржуазия, в большинстве своем формировавшаяся из рядов купечества и немцев-колонистов, как правило, продолжала вести обширную торговлю – имела лавки, конторы, отделения в волжских городах, владела пароходами, баржами, дебаркадерами, пристанями и т. п. Сезонный характер многих производств позволял предпринимателям каждый год обновлять состав работников при сохранении низкой заработной платы, что тормозило процесс формирования постоянных рабочих кадров. Если в центральном промышленном районе в начале XX в. до 87% рабочих были кадровыми, то в Саратовском Поволжье они не превышали 20%²⁰.

В целом, по нашему мнению, раннеиндустриальная модернизация не была завершена в Саратовском Поволжье к 1917 г. Даже крупная промышленность оставалась слабомеханизированной, а аграрный сектор практически не был затронут. По структуре занятости регион можно отнести к аграрному – 84,2% населения было занято в сельском хозяйстве. Буржуазно-либеральная модель модернизации России не только не решала главной проблемы – не преодолевала отставания от стран лидеров, но и провоцировала социальную напряженность и политические потрясения. В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и «предопределила революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модернизации страны – уже в рамках принципиально иной модели общественного развития»²¹.

Социальные сдвиги, качество жизни населения оказывали определяющее влияние на этот процесс, что и характеризовало «человеческую

сторону» модернизации²². Основная масса населения страны была настроена антирыночно, а неодобрительное отношение к частной собственности и рынку были присущи российской экономике. По словам Бердяева, «западные понятия о собственности были чужды русскому народу»²³. Антирыночная, антисобственническая идеология в России уходила корнями в давние народные представления. В соборности русского общества заключалось главное препятствие модернизации. По мнению С. Ю. Витте, «одна и может быть главная причина нашей революции, это – запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности... Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нём держится весь мир»²⁴.

Ключевым моментом в становлении «нового» человека гипотетически могла бы стать отмена крепостного права 1861 г., если бы власть предоставила крестьянам право собственности на землю и освободила их от временнообязанных отношений с помещиками. Запоздалые реформы П. А. Столыпина в условиях исторического цейтнота вызвали мощное сопротивление крестьянства, усугубили раскол в обществе и создали предпосылки для социального взрыва. Начальная стадия урбанизационного перехода была предопределена не только внутренними потребностями, но и всем ходом мировой цивилизации и в целом соответствовала общемировым закономерностям этого процесса с присущими ей специфическими российскими особенностями. Город оказался противостоящим деревне не только экономически, но и социокультурно, как носитель западных ценностей, враждебных традиционному российскому обществу.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики хотя и перевернули всё общество, понимали несовершенство «человеческого материала», которому предстояло решить задачу строительства социализма. По признанию Ленина, «у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы всё-таки теперь стоим»²⁵. Он же писал о миллионах «забитых, тёмных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетённых помещиками крестьянах»²⁶. Тем не менее, Ленину казалось, что можно сформировать, воспитать «нового человека», поднять «культурность деревни», благодаря руководству и помощи «городских и вообще фабрично-заводских, промышленных рабочих»²⁷, носителей передового классового сознания и городской культуры. Между тем этот передовой класс и до революции не отличался чётко сформированным классовым самосознанием, а в годы Первой мировой и Гражданской войн и вовсе стал малочисленным. Тем не менее,

Ленин с уверенностью заявлял о том, что «мы хотим строить социализм из того материала, который оставил нам капитализм, со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»²⁸.

Крестьянская Россия в подавляющем своём большинстве сохраняла верность старой патриархальной культуре и приверженность к прежним механизмам регулирования социального поведения людей, не отвечавшим новым условиям и задачам. В этих условиях историческая неподготовленность десятков миллионов людей к решению поставленных перед ними задач не могла не дать себя знать, что наложило отпечаток как на сами представления о социализме, так и на пути и методы его построения.

Выступая от имени «эксплуатируемых масс», большевики активно взялись за радикальную ломку социальных институтов и отношений. В течение нескольких лет из города исчезли целые классы, сословия, социальные слои. Были практически уничтожены дворянство и купечество, вытеснялось и растворялось мещанство. В очередной раз власть осуществила «революцию сверху», совершила промышленный прорыв, никак не связанный с

социальным слоем промышленного предпринимательства.

За время революции и Гражданской войны урбанизационные процессы приостанавливались, и лишь к 1926 г., благодаря нэпу, в регионе сложилась социальная структура населения, характерная для развития города в условиях рыночного хозяйства, со всеми присущими ей элементами – предпринимателями, рабочими, служащими, ремесленниками, безработными и проч.

Из табл. 3 видно, что в середине 1920-х гг. наиболее многочисленную группу городского самостоятельного населения составляли служащие. Причём в Саратове как наиболее крупном и развитом городе Поволжья их доля составляла 34,6% всего самостоятельного населения, что значительно превышало общероссийские показатели (27,5%). Категория рабочих в городах не имела развитой профессионально-отраслевой структуры. Самую крупную группу среди рабочих профессий составляли металлисты и работники железнодорожного транспорта, причём свыше 90% из них работало на государственных предприятиях. Наиболее высокая концентрация рабочих в городах региона наблюдалась в Сталинграде (32,1%).

Таблица 3

Социальный состав городского населения Саратовского Поволжья в 1926 г.²⁹ (самостоятельное население)

Социальные группы	г. Саратов		г. Сталинград		% по РСФСР
	Количество человек	В % к итогу	Количество человек	В % к итогу	
Рабочие	15667	18,2	17051	32,1	29,5
Служащие	29595	34,6	16223	30,6	27,5
Лица свободных профессий	512	0,6	239	0,5	0,5
Хозяева с наёмными рабочими	432	0,5	269	0,5	0,7
Хозяева с помогающими членами семьи	2752	3,2	1548	3,0	5,1
Хозяева-одиночки	7681	9,0	5271	9,9	7,9
Помогающие члены семьи	2441	2,9	1566	3,0	7,8
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	16584	20,0	5948	11,2	12,6
Безработные	9381	11	4885	9,2	8,3
Всё самостоятельное население	85315	100	53000	100	100

Значительную часть городского населения составляли ремесленники и кустари, к которым по переписи 1926 г. относились «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки». Самыми распространёнными профессиями среди них были следующие: портные, сапожники, часовщики и ювелиры, извозчики, парикмахеры, а также рыболовы и лица, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью на своих приусадебных участках. Их деятельность не выходила за рамки производства товаров широкого потребления и бытовых услуг и в целом удельный вес этой группы в Саратовском По-

волжье составлял 17 %, в то время как по стране их доля равнялась лишь 13 %³⁰.

Со свертыванием нэпа в городах Саратовского Поволжья исчезла безработица, слои частных предпринимателей, а большая часть бывших самостоятельных хозяев была вовлечена в кооперацию. Жители городов в большинстве являлись горожанами в первом поколении и несли на себе печать промежуточности, маргинальности. Советская урбанизация не сопровождалась формированием полноценной городской среды, а главное, ростом средних социальных слоев, буржуазии – естественного носителя городских

отношений. Население урбанизировалось, но сами города становились инструментом воспроизведения социальной маргинальности.

В течение 1930-х гг. на фоне успехов индустриализации происходили коренные изменения

в социальном облике города. Бурное развитие промышленности в регионе и стремительная урбанизация привели к росту численности рабочих.

Таблица 4
Состав городского населения Саратова и Сталинграда по общественным группам по Всесоюзной переписи 1939 г., %³¹

Общественные группы	Саратов	Сталинград	По РСФСР
Лица, имеющие занятия:			
рабочие	62,3	63,9	59,8
служащие	31,7	31,6	32,7
колхозники	2,3	2,1	3,2
Кооперированные кустари	4,1	2,0	3,6
Некооперированные кустари	0,3	0,1	0,5
Крестьяне-единоличники	0,3	0,3	0,7
Итого	100	100	100

При сопоставлении данных переписей 1926 и 1939 гг. обращает на себя внимание резкое увеличение (в два-три раза) доли рабочих в общей массе самодеятельного населения региона. Если в 1926 г. они составляли от 18,2% в Саратове до 32,1% в Сталинграде, то в конце 1930-х гг. – соответственно 62,3 и 63,9%, что превосходило общероссийские показатели (59,8%). Наибольшее число рабочих теперь было задействовано в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, причём исключительно на государственных предприятиях (табл. 4).

Выбор советской модели модернизации, обусловленный как состоянием производительных сил, политической обстановкой в обществе и руководством страны, так и внешнеполитической ситуацией, привёл к быстрому росту городского населения страны. Власти рассматривали этот факт как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. Большая социальная поддержка снизу убеждала их в правильности курса, отвечавшего социокультурным, историческим и государственным традициям России. Он оказался закономерным результатом предыдущего исторического развития и позволил внедрить некоторые ценности индустриальной технологии в массовое сознание изначально крестьянской страны.

Миллионные массы людей поднимались с насиженных мест и отправлялись на поиски новой жизни, туда, где закладывались основы будущей экономической мощи страны – в города и совсем необжитые места. Сами города как саморегулирующийся и саморазвивающийся организм трансформировались в «поселенческие приложения» к форсированной индустриализации. За короткий промежуток времени десятки миллионов вчерашних крестьян стали промышленными рабочими и инженерами. В конце 1930-х гг. они составляли более 93 % взрослого городского населения региона.

В этом заключалась главная задача Советского государства в социальной сфере: в результате индустриализации осуществить урбанизацию, превратить сельских жителей в городских, ликвидировать промежуточные, средние слои общества. Однородная масса крестьян превратилась в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих. По существу, это тот же общинный крестьянин, но переодетый в городскую одежду и получивший современное образование. У него не было опыта самостоятельной экономической деятельности в конкурентной среде. Внутреннее разнообразие общества, а значит и его устойчивость, оказались весьма ограниченными. Идеологические шоры, низкий уровень благосостояния, патерналистская социальная политика, ограничение свободы передвижения противоречили главному принципу модернизации – свободе индивидуального выбора во всём, что касалось личной жизни человека.

Примечания

- 1 См.: Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1–2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1894–1904 гг. Саратов, 1905. С. 7–8; Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928. С. 28–29.
- 2 См.: Чолахян В. А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007. С. 296.
- 3 Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 74.
- 4 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 1.
- 5 Иванова Е. В. Изменения численности и состава населения города Саратова в конце XIX – начале XX вв. // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 63.

- 6 См.: Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. Вып. 1. СПб., 1898. С. 14, 29.
- 7 См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1901. С. 146.
- 8 См.: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 440.
- 9 Таблица сост. по: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 162.
- 10 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV.
- 11 См.: *Атопов В. И., Масляев В. Е., Липявкин А. Ф.* Волгоград. М., 1985. С. 19.
- 12 Хотя Царицын в 1914 г. считался уездным городом, по уровню экономического развития и численности населения автор относит его к крупным городам Поволжья.
- 13 Таблица сост. по: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1862. С. XXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV, 1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. Ведомость № 6.
- 14 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 15 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 16 См.: *Ершов А.* Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 42.
- 17 См.: *Матвеев И. М.* Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 64.
- 18 См.: *Чолахян В. А.* Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 45.
- 19 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. VII
- 20 См.: *Маркушина С. В.* Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 152.
- 21 *Братченко Т. М., Сенявский А. С.* Протоиндустриальная и раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // *Экономическая история России : проблемы, поиски, решения.* Ежегодник. Вып. 9. Волгоград, 2007. С. 92.
- 22 См.: Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 76.
- 23 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.
- 24 *Витте С. Ю.* Воспоминания в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 493.
- 25 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. : в 53 т. 5-е изд. Т. 45. М., 1979. С. 377.
- 26 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.
- 27 Там же. Т. 39. С. 14.
- 28 Там же. Т. 38. С. 54.
- 29 Таблица сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. М., 1929. С. 478–483, 492–503.
- 30 Там же
- 31 Таблица сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 9; Д. 328. Л. 10; Д. 329. Л. 7; Д. 336. Ч. 1; Д. 374. Л. 140; Д. 476. Л. 163.

УДК: 94(477.43)|1921/1923|

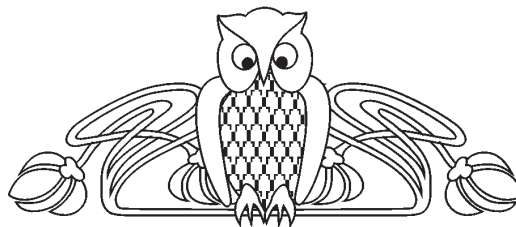
ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОДОЛИИ ГОЛОДАЮЩЕМУ ПОВОЛЖЬЮ В 1921–1923 ГОДАХ

Н. П. Олейник

Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко, Украина
E-mail: mpoliynyk@ukr.net

В статье рассматриваются меры органов советской власти на Подолии по формированию сети комитетов помощи жертвам голода 1921–1923 гг. Анализируется пропагандистская и организаторская деятельность по мобилизации масс на сбор продовольствия и денег. Исследуется практика внедрения и взыскания голодных пайков с нетрудового населения городов и местечек, реакция их жителей на действия власти.

Ключевые слова: голод, комитеты помощи голодающим, конфискация, голодный паек, голодный паспорт.

Assistance from Podillya to the Victims of Starvation in 1921–1923 in Povolzhie

M. P. Oliynyk

The article is focusing on Soviet authority measures on establishing of the committees' network on assistance to the victims of starvation in 1921–1923 on Podillya. There is analyzed propaganda and organizational activity of on mobilization of people for collecting of products and money. The article investigates practice of introduction and penalties of «hungry» rations from unemployed population in cities and small cities, reaction of their citizens and authority's actions.

Key words: starvation, committees on assistance to starving, confiscation, starve rations, starve passport.

В 1921 г. Советские республики столкнулись со страшной засухой. Наиболее пострадавшим регионом было российское Поволжье. Не обошла беда и Украину – в пяти южных губерниях собрали от 7,4 до 24,9 % обычного урожая, что, как и в Поволжье, вызвало голод¹. На их фоне Подольская губерния с 54 % урожайности «считалась счастливой»² и могла облегчить страдания голодающих. Уже 5 июля 1921 г. президиум губисполкома образовал Подольскую комиссию помощи голодающим под руководством члена президиума Шафранского³. Одновременно было предложено губернскому финансовому отделу открыть для указанной комиссии текущий счет, а уездисполкомам – создать аналогичные комиссии⁴.

Поскольку комиссии формировались поспешно, без надлежащих полномочий, то проведенный ими в сентябре 1921 г. первый трехдневник помощи голодающим дал незначительный результат⁵.

Из неудачи были сделаны надлежащие выводы. В первую очередь «в целях привлечения широких масс трудящихся к делу оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая и внесения в дело помощи наибольшей организованности» (здесь и далее сохранены стиль и орфография документов. – Н. О.) повсеместно, по требованию президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) от 13 сентября 1921 г., укреплялись существующие и создавались новые волостные и сельские комиссии по оказанию помощи голодающим. Их состав утверждался уездными и волостными исполкомами⁶. В принятой вскоре «Инструкции для т.т. Уполномоченных Уездной Комиссией помощи голодающим» подчеркивалась необходимость включения в состав этих комиссий политруков воинских частей⁷.

В начале октября была проведена еще одна реорганизация комиссий – их возглавили непосредственно председатели исполкомов, и создавался аппарат комиссий при секретариатах исполкомов⁸. Фактически выстраивалась четкая вертикаль комиссий помощи голодающим, входившая в систему власти.

В круг обязанностей членов комиссий входило осуществление пропагандистской работы по разъяснению масштабов голода и его последствий, а также организация сбора «натурой продовольственных и семенных продуктов, различных вещей, добровольный сбор денег по подписным листам». Кроме того, они должны были регулярно каждые две недели отчитываться о проделанной работе. С целью лучшей организации дела на Подолье прислали инструкцию «Работа агитатора в деревне по борьбе с голодом». Она была составлена для агитаторов-коммунистов, работающих в различных районах России⁹.

Однако одним из первых шагов советской власти на Подольи стала не непосредственная ор-

ганизация помощи голодающим, а принятие президиумом губисполкома на заседании 9 августа 1921 г. положения о столовой для ответственных работников и ее открытие¹⁰. Вскоре также были созданы закрытые столовые для советских и партийных работников в уездных центрах. Желающие столоваться в них должны были «платить денежные взносы и свои натуральные пайки»¹¹.

Решив вопрос смягчения последствий неурожая для себя, органы советской власти вспомнили о народе и запретили «выпечку и продажу белого хлеба, пирожных, пряников и др. изделий петлевой пшеничной муки»¹². Параллельно была развернута масштабная пропагандистская кампания с целью убедить подолжан в необходимости оказания максимальной помощи голодающим. Так, Жмеринский уездный комитет КП (б) У одним из первых 22 сентября принял воззвание «К беспартийным», в котором говорилось: «Честные граждане Украинской Советской Социалистической Республики! Все вы уже знаете, что голод в Поволжье охватил 17 губерний с населением 10–12 млн. тружеников. Голодные братья Поволжья не имеют не только хлеба, суррогатов его, они едят конский щавель и сорные травы, которые ни в коем случае не могут заменить хлеб. Необходимо их накормить. Надо помочь Поволжью»¹³.

В течение октября 1921 г. аналогичные обращения распространялись по всей Подольской губернии. Особенно сильный отклик имело «Обращение Саратовской губернской комиссии помощи голодающим». В нем говорилось: «Вы знаете, что произошло. Засуха съела урожай. Люди съели все, что могло хоть сколько нибудь быть похожим на пищу; если и едят, то только лебеду, крапиву, древесную кору, падаль, все живое, если и едят, то болотный ил и глину, теперь стали употреблять в пищу и человеческие трупы. Недолго ждать, когда доберутся и до живых людей... К весне все Поволжье обратится в мертвую пустыню...»¹⁴ Литинский уездисполком в воззвании № 19 к «Работникам земли» взывал: «Тяжело т.т. Крестьяне, очень тяжело. Стоны и ропот голодающих заглушают все: беда голодающих страшнее нашей нужды... Сегодня беда у других, а завтра может быть и у нас, и если мы не поможем пострадавшим, то и нам они не помогут, ибо нечем у них обсеменить землю»¹⁵.

Чтобы еще более внушить ужас от масштабов голода, некоторые органы власти прибегали к его гиперболизации. Так, второй Брацлавский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 27 ноября 1921 г. призвал население уезда «не допустить гибели 40 млн. трудящихся Поволжья от голода»¹⁶.

Основным источником сбора продовольствия для населения голодающих регионов была сначала продовольственная разверстка, а затем – продовольственный налог. Однако существенной разницы ни в их объемах, ни в способах сбора

население не почувствовало. В 1921 г. у крестьян Подолии с применением насилия по продразверстке «выкачали» 288 тыс. тонн зерна, а в 1922 г. уже по продналогу теми же методами изъяли 272 тыс. тонн¹⁷. И это при том, что официальная пропаганда твердила о существенном снижении размера продналога и его «добровольности». На самом деле некоторое снижение количества собранного налога произошло вследствие уменьшения урожая, а не доброй воли власти. Отсюда не случайно в инструкции ВУЦИК от 7 июня 1922 года «По проведению единого натурналога» был включен параграф 233. Он предусматривал: «В случае массового уклонения населения (села, волости, целого района) от взноса продналога старший местный Инспектор после того, как все меры нормального и административного воздействия на плательщиков налога были испробованы и не дали никакого результата, возбуждает по инстанции ходатайство перед Упродкомом или Губпродкомом о вводе в данное село, волость или район вооруженной силы... По прибытии отряда в упорствующее селение волинспектор предлагает начальнику отряда расположить отряд, согласно Устава внутренней службы на постой. При этом постой не распространяется на дворы, уплатившие налог... организует довольствие отряда за счет селения, получая необходимое количество продуктов через Сельсовет. В случае отказа жителей давать продукты Сельсовету для довольствия отряда, Предсельсовета при содействии отряда конфискует необходимое количество таковых у жителей по своему усмотрению, о чем составляется соответствующий акт»¹⁸. Местные органы власти широко использовали этот инструмент. Так, Новоушицкое уездное военсовещание на заседании 12 сентября 1922 г., заслушав вопрос «О выделении воинских частей по выкачке продналога», постановило «Просить Начуездучастка выделить одну сотню казаков в Мукаровскую волость, как явно упорствующую

в выполнении продналога. Назначенной сотне выдать мандат согласно инструкции Наркомпрода. Сотне довольствоваться за счет неплательщиков»¹⁹.

Естественно, что крестьяне относились к сбору продналога враждебно. Иногда они, как например, в с. Врублевец Баговицкой волости Каменецкого уезда, обращались к бывшим помещикам за границу с предложением вернуться и обещали предоставить им конфискованные в ходе революции усадьбу и поля²⁰.

Поскольку хлеба, полученного от сбора продразверстки, как и продналога, не хватало для обеспечения всех нужд государства и помощи голодающим, то советские и партийные органы значительное внимание уделили поиску иных источников получения хлеба. Были определены дополнительные источники сбора хлеба и денег – отчисления 1 % хлеба при товарообменных операциях, 10 % от продажи билетов со зрелищ, театров и пр., 10 % от патентного сбора, 5 % с сумм уравнительного сбора и др.²¹

Наладив работу комиссий и проведя определенную пропагандистскую работу, губернская комиссия помощи голодающим 17 октября 1921 г. утвердила задания по сбору помощи от населения губернии (таблица)²².

Губернская комиссия стремилась изыскать любые возможности с целью привлечения граждан к сбору пожертвований. Именно на пропагандистский эффект она рассчитывала, открывая специальный склад для сбора пожертвований на центральной улице губернского центра г. Винницы. С этой же целью денежные пожертвования принимала редакция газеты «Известия». Здесь же печатались ежедневные отчеты о поступлениях²³. В то же время уездным комиссиям указывалось: «Собранные денежные средства и всякого рода пожертвования и сборы в пользу голодающих ни под каким видом и ни в коем случае не могут расходоваться даже на голодающих детей». Их

План сбора пожертвований поуездно

№ п/п	Уезд	Хлеба (пуды)	Деньги (сов. знаки)
1	Жмеринский	8.000	20.000.000
2	Проскуровский	1.500	20.000.000
3	Ольгопольский	5.000	25.000.000
4	Ямпольский	5.000	12.000.000
5	Литинский	2.166	6.500.000
6	Летичевский	4.800	13.000.000
7	Могилевский	600	30.000.000
8	Новоушицкий	945	2.748.774
9	Камянецкий	1.000	16.000.000
10	Брацлавский	2.226	6.110.000
11	Гайсинский	800	8.200.000
12	Винницкий	Нет сведений	

необходимо было сдавать в уездные финотделы. Они должны были немедленно пересылать их губернскому финотделу, а 1-го и 15-го каждого месяца подавать письменные доклады²⁴.

Благодаря проделанной работе уже к 1 ноября 1921 г. на Подолии было собрано 27 960 пудов хлеба и 375 994 635 руб. деньгами. Плановые задания удалось превзойти на 3 915 пудов хлеба и 216 435 861 руб. (без учета планов для Винницы и Винницкого уезда). Это позволило, докупив еще свыше четырех тысяч пудов хлеба, отправить жителям голодающих регионов России – Татарстана, Мари и Калмыкии – 32 000 пудов зерна ржи, гречихи и ячменя (зернохлеба). Кроме того, было собрано 1 000 аршин мануфактуры и 50 000 ярдов ниток для детей, которые начали прибывать из голодающих губерний²⁵.

Большое значение в собирании пожертвований отводилось проведению «недели помощи голодающим», которую губкомиссия приурочила к годовщине Октябрьской революции и запланировала провести с 7 по 15 ноября 1921 г. Главной ее задачей было «проведение агитационной кампании на селе в разрезе привлечения крестьян к добровольному пожертвованию хлеба и содействие поднятию деятельности Комиссий». Однако из-за слабости партийного и советского аппаратов на местах и противодействия анти-советских повстанческих отрядов эта неделя, фактически, была проведена только в семи из двенадцати уездов Подольской губернии²⁶.

Следует обратить внимание, что с целью поиска дополнительных источников пополнения фонда помощи отдельные уездисполкомы устанавливали свои сборы. Так, Проскуровский уездисполком ввел сбор «по 500 руб. за свидетельство документов, по 500 руб. с лиц, содержащих 1 прислугу, по 2 000 руб. с лиц, содержащих 2 прислуги, по 3 000 руб. при выдаче Актов Гражданского Состояния». Кроме того, советские и профсоюзные работники, военнослужащие и пограничники отдавали пятидневный заработок в пользу голодающих. Всего на протяжении «Недели помощи голодающим» по губернии собрали 10 052 пудов зернохлеба и 206 173 220 рублей. В целом за октябрь–ноябрь 1921 г. собрали 63 685 пудов хлеба и 686 004 993 руб²⁷. Это позволило 11 ноября отправить в Поволжье десять вагонов зернохлеба со станции Гневань, 13 ноября – одиннадцать вагонов со станции Калиновка и четырнадцать со станции Деражня²⁸. Остальное отправить не успели, потому что вступило в силу постановление Всеукраинского съезда Советов о создании семенного фонда²⁹.

Проведение «недели помощи голодающим» совпало с массовым прибытием беженцев из регионов, охваченных голодом. Они сосредоточивались на железнодорожных станциях. Для организации им помощи губисполком 4 ноября создал специальную тройку из представителей «отдела управления губисполкома, губчека и губздравотде-

ла»³⁰. Беженцев принимали сначала в Жмеринском эвакуационном пункте, который размещался на самом большом на Подолии железнодорожном узле. Затем его «розгружали на Вапнярский и др. эвакупункты»³¹. В частности, шесть тысяч беженцев на срок 9 месяцев принял Брацлавский уезд³² и одну тысячу – местечко Тульчин³³.

Среди беженцев было: «400 детей из Самарской и 600 детей из Казанской губерний. Отправлено из них 60 в Гайсинский уезд. 150 в Ямпольский и 640 в Ольгопольский уезд. 150 больных детей оставлено в Виннице и размещено по больницам»³⁴. Всего Подолье было готово принять две тысячи детей³⁵. Однако вскоре Подольской губернии установили план «обеспечить проживание 3500 детей». Всего же «прибыло значительно больше – по официальным данным их число составляло 5 957 человек»³⁶. Повсеместно оперативно был организован сбор пожертвований для прибывающих детей. Анализ собранных пожертвований неопровержимо свидетельствует о крайней бедности населения. Так, в г. Гайсине за первую декаду ноября 1921 г. собрали «9 комплектов для детей, 4 полотенца, 3 пары ботинок, 2 пары туфель, 2 пары чулков, 2 пуда муки, 2 пуда ржи, 1,5 пуда сахара, 3 пуда пшена, 9 пудов картофеля, 48 тарелок, 97 ложек, 49 вилок»³⁷. С целью размещения прибывших детей организовывались приюты, ясли и лечебно-столовые пункты. В частности, в Виннице открыли 5 детских домов³⁸. Жмеринский уездисполком обустроил «Дом малютки» на 35 детей, отремонтировал и обеспечил «свиньями, коровами, овощами» на зиму детские дома и приюты. Вот только с топливом была «полная катастрофа»³⁹.

Внимание к оказанию помощи детям, пострадавшим от голода, особенно возрастало в период проведения ударных кампаний. Так, в ходе «месячника помощи детям» с 15 января по 15 февраля 1923 г., затем продолженного до 25 марта, все организации и учреждения в обязательном порядке приобретали марки «Месячника помощи детям». Полученные средства размещались на специальный счет месячника в Винницком отделении Госбанка с последующим использованием преимущественно на оказание помощи детским приютам⁴⁰.

Огромный масштаб голода требовал поиска все новых и новых источников получения хлеба. Первым их нашел третий Жмеринский уездный съезд Советов (27–29 ноября 1921 г.). Он постановил: «Обложить все население, как рабочих, крестьян, так и красноармейцев, единовременным взносом с каждой души два (2) фунта зерна в пользу голодающих. Единовременный подушный сбор зерном в пользу голодающих собрать в течение двух недель»⁴¹.

Изучив этот опыт, второй губернский съезд Подолии принял постановление, направленное президиумом губисполкома литерной телеграммой 28 декабря 1921 г. всем уездисполкомам. Оно

требовало немедленно «провести в жизнь единовременное отчисление двух фунтов зерна-муки-хлеба по городам, местечкам и селам с души рабочих, крестьян и красноармейцев, а также всех граждан». В телеграмме подчеркивалось, что закончить эту работу необходимо к 15 января 1922 г. Кроме того, устанавливалась постоянная норма – «четыре двора кормят одного голодного, то есть вносят двенадцать пудов муки или зернохлеба в течение месяца»⁴². В начале января по всей губернии прошли пленумы уездисполкомов, на которых, как в Новой Ушице, принимали это постановление как свое решение⁴³.

Большое значение имели повсеместно проводимые съезды комитетов незаможных крестьян (аналог ликвидированных в начале 1919 г. в России комбедов. – *Н. О.*). Так, уездный съезд незаможников Гайсинщины в резолюции «Об оказании помощи пострадавшему от засухи населению Поволжья» 20 января 1922 г., поддержав решения второго губернского съезда Советов, пошел дальше и принял решение «обложить торговцев как города так и уезда, 50 проц. стоимости патентного налога. С каждого приезжающего на базар для торговли взимать плату в 10 тыс. рублей в пользу голодающих. Обложить натурой всех арендаторов мельниц и заводов, взятых в аренду. Повысить процентные отчисления с билетов в театрах с 10 до 25 проц. Провести широкую агитацию с целью распределения детей, прибывших из голодающих губерний, по селам»⁴⁴.

Подытожив решения уездных съездов, первый Подольский съезд незаможного крестьянства 17 февраля 1922 г. в резолюции «О помощи голодающим» постановил: «Считать эту задачу содержанием всей работы в этом голодном году и на борьбу с голодом бросить все духовные и материальные силы; главной задачей и помощью в этом деле считать расширение сети детских домов для голодающих детей, приписку детей (бесприютных) к отдельным дворам, организацию детских передвижных яслей и домов в голодающие местности»⁴⁵.

Отметим, что в соседней Волынской губернии подобные решения принимались общими собраниями жителей сел. Так, в Купельской волости Староконстантиновского уезда в январе 1922 г. они решали «взять на содержание одного голодающего на 20–30 душ зажиточных и середняков и одного – на 40 душ бедноты» из расчета на каждого голодающего – один пуд зерна⁴⁶.

Вместе с тем, выше изложенные меры, по мнению власти, не охватывали должным образом жителей городов и местечек. Этот пробел заполнило постановление президиума Центрального комитета помощи голодающим (ЦКППГ) от 2 января 1922 г. Оно вводило «добровольное самообложение лиц нетрудовых профессий в размере 5% валового дохода и лиц свободных профессий (докторов, художников, артистов и др.) в размере 3% валового дохода»⁴⁷.

Чтобы ни у кого не возникало сомнений в степени такой «добровольности», в параллельно принятой «Форме постоянной помощи голодающим» устанавливалось, что «самообложение граждан рассматривается, как принятие на себя обязательства регулярно давать голодный пайок в определенное время, не реже одного раза в месяц»⁴⁸.

Количество таких пайков устанавливалось в зависимости от средней урожайности с одной десятины в той или иной губернии. Подольская губерния была отнесена вместе с Волынской и Черниговской, к первой категории (всего их было шесть), где урожайность составляла свыше 85 пудов с десятины. Учитывалась также численность населения по разрядам: крестьянство, рабочие (профорганизованные) и нетрудовое. Определялась условная численность семьи в каждой категории: «крестьянская семья – пять душ едоков, семья рабочего – три души и нетрудовая семья – в три души». Затем устанавливалось, что с учетом питательных веществ, переведенных в хлебную порцию, норма голодного пайка должна составлять один фунт в день или 22,5 фунта муки. Всего для Подольи был доведен план в 296 тысяч голодных пайков из 1740 тыс. по Украине. Для сравнения: Волынской губернии установили план в 172 тыс., а Черниговской – 194 тыс. Разделив норму голодного пайка в 22,5 фунта муки на условную численность нетрудовой семьи, устанавливался сбор – 8 фунтов муки или 9 фунтов зерна в месяц с каждого⁴⁹. Таким образом, фактически вводилась разверстка голодных пайков и соответственно разрешалось насильственное их изъятие. С 1 марта 1922 г. постановлением Совнаркома УССР «Об ответственности за преступления против предоставления помощи голодающим» предусматривалась конфискация имущества лиц, «которые были виновны в невыполнении без уважительных причин обязательств по отношению к голодающим»⁵⁰.

Особо циничный способ изъятия продуктов у населения устанавливал приказ № 31 от 23 января 1922 г. предгубисполкома В. Порайко. Учитывая то, что без соли человек не может существовать, им категорически запрещалась «всякая вольная продажа соли и натурпремирование ею. Сельское население может получать соль только по товарообмену на сельхоз продукты, а именно зерно-хлеб, зерно-фураж и крупы. Городское население и рабочие, не находящиеся на Госснабжении, получают соль за плату не свыше двух фунтов в месяц на едока. Соль отпускается по товарообмену гражданам в любом количестве, но перепродажа категорически воспрещается. Для обмена соли на сельскохозяйственные продукты устанавливаются следующие эквиваленты: за один пуд крупной соли полтора пуда ржи. Цена мелкой соли увеличивается на тридцать процентов. Замена ржи другими продуктами допускается согласно шкале, установленной Наркомпродом по налогу»⁵¹.

К весне 1922 г. крестьяне и «нетрудовые элементы» уже были настолько обескровлены налоговыми кампаниями и по существу принудительным «выкачиванием» помощи голодающим, что повсеместно заявляли: «Мы не имем, мы голодаем, мы не понесем»⁵². Но применив «слишком крутые меры в виде конфискации имущества и т. д.»⁵³ власть смогла «на конец марта 1922 г. собрать на Подолии 180 576 пудов продовольствия и 2 млрд. рублей». Отметим, что «голодающему Поволжью было отправлено в 4 раза больше вагонов с продуктами, чем своим губерниям»⁵⁴.

Под прикрытием сбора средств для помощи голодающим с апреля 1922 г. началось изъятие ценностей из церквей, костелов и синагог. Официальным основанием были постановления ВУЦИК «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим» (8.03.1922 г.) и «Инструкция об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих» (21.03.1922 г.). На их выполнение в уездах и волостях были созданы «Комиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих».

Перед изъятием проводились митинги «с участием духовенства и представителей церковных общин», распространялось воззвание Харьковского архиепископа Нафанаила. Их целью было убедить верующих в том, что без изъятия «предметов из платины, золота, серебра, ценных камней, слоновой кости, которое не может существенно затронуть интересы самого культа», невозможно преодолеть беды, обусловленные голодом⁵⁵.

Кроме того, широко пропагандировался опыт монахинь Головчинецкого Преображенского монастыря Летичевского уезда, которые «явили комиссии по изъятию ценностей очень радостный прием и, кроме церковных ценностей, они пожертвовали еще и свои собственные ценности и сбережения»⁵⁶.

Однако реальная жизнь существенно отличалась от пропагандистских публикаций. Изъятие ценностей зачастую сопровождалось насилием по отношению к мирянам, на которое они отвечали сопротивлением. Так, в Каменце-Подольском комиссия изъясала в римо-католическом костеле все ценности. Это возмутило людей и они «начали самовольно расбирать церковные вещи». Комиссия позвала на помощь «три сотни казаков». Они плетью и штыками разогнали демонстрантов⁵⁷. С учетом данного опыта Новоушицкое уездное военное совещание 31 мая 1922 г. решило: «Отправку ценностей, изъятых в церкви, назначить на 1 июня в 10 утра. Для сопровождения выделить 25 кавалеристов и 2 пулемета. Кроме того, 10 милиционеров для прикрытия»⁵⁸.

Сколько всего церковных ценностей было изъято и какова их стоимость, из-за существенных противоречий в документах на сегодня определить не представляется возможным. Митрополит Хмельницкий и Старокопчанский Украинской православной церкви Московского

патриархата Антоний на своем сайте отмечает, что «до сентября 1922 года из храмов на Подолии конфисковали более 499 712 золотников серебряных изделий»⁵⁹.

Отметим, что надежды на получение значительных доходов от конфискации церковных ценностей не оправдались. Косвенным подтверждением этого может служить приказ № 202 Подольского губисполкома (по отделу управления) от 8 мая 1922 г. Он «устанавливал надбавку в размере 50% в пользу голодающих ко всем штрафам, которые накладываются за нарушения обязательных постановлений, за справки, которые выдают адресные столы, за прописку и т. д. и за все др. виды услуг, которые надают Отделы Управления населению»⁶⁰.

Положение со сбором помощи голодающим существенно усложнилось летом 1922 г. вследствие засухи, охватившей значительную территорию Подольской губернии. Местами наблюдались проявления голода. В частности, на заседании малого пленума Каменецкого уездисполкома 10 июля 1922 г. отмечалось, что «некоторые граждане уезда в современный момент голодают»⁶¹.

Оказать определенную помощь жертвам голода был призван Подольский комитет помощи при Американской организации помощи (АРА), созданной 2 июня 1922 г. под председательством К. Яримовича⁶². Уже к сентябрю комитеты АРА работали в 80 населенных пунктах Подолии⁶³. Уездисполкомы обращались к ним с просьбой оказать немедленную помощь детским домам, поскольку они «в настоящий момент находятся в чрезвычайно тяжелых условиях, за абсолютным отсутствием жиров и др. продуктов»⁶⁴. Администрация детдомов обязана была, как того требовало постановление Подольской губкомиссии помощи голодающим, раз в две недели составлять отчет об использованных продуктах⁶⁵. Благодаря этим отчетам можно проследить, сколько и каких продуктов выделялось на питание детей. К примеру, для 25 воспитанников Поволжского детдома в местечке Купин Каменецкого уезда на 30 дней апреля 1923 г. предусматривалось: «(кило) какао – 2,25, сахара – 8,25, молока стерил. – 15,00, муки – 60,00, риса – (нет данных. – Н. О.), крупы кукур. – 42,00, жиров – 5,62»⁶⁶. Некоторых из этих продуктов не только дети, но и взрослые никогда до этого не видели.

Отметим, что в условиях ухудшения продовольственной ситуации, с августа 1922 г. возобновилась практика составления списков плательщиков голодных пайков среди всех граждан, за исключением лиц, занимающихся земледелием и вносящих продовольственный налог. Так, в местечке Волочиск в него внесли фамилии 359 евреев с адресами и конкретными размерами пайков на каждого, а также обязательствами сдать их «за август, сентябрь и октябрь на ст. Войтовцы до 29 октября 1922 года»⁶⁷. Факт

сдачи пайка должен был отмечаться в «голодном паспорте».

Однако своевременное выполнение плана еще не было залогом отсутствия претензий. Например, 9 сентября 1922 г на общем собрании жители Волочиска отчитались о полном выполнении плана и сдаче 10 тысяч пудов хлеба и трех млн рублей деньгами. Но им сразу же довели дополнительный план еще на 10 тыс. пудов. Поэтому на новом общем собрании 8 октября жители местечка обратили внимание волисполкома на то, что «большинство евреев занимаются торговлей, которая сейчас подупала. Из-за этого они переживают тяжелые времена и этот налог для них непосильный». Поэтому они «попросили волисполком поставить перед уездисполкомом требование отменить этот налог»⁶⁸. Постепенно наличие проблем начали понимать уездисполкомы и уездные комиссии помощи голодающим. С начала октября они начали обращаться к губисполкому с просьбами оставить ярый хлеб на месте, заменив его озимым хлебом, поскольку «ярый хлеб сильно пострадал от засухи и полностью отсутствует»⁶⁹.

В ответ центр рекомендовал шире применять воинскую силу. Во исполнение этих рекомендаций, например, Ольгопольский уездисполком 13 ноября 1922 г. постановил: «Для побуждения отсталых сел по Мясковской, Чоботарской и Загнитковской волостям, просить военное командование Отдельной Кавбригады о выделении в распоряжение Упродкома до полуэскадрона на каждую волость. Просить командный и политический состав 1 и 2 Кавполков взять в продработе активное участие»⁷⁰. Кроме того, на протяжении октября – ноября были расформированы комиссии помощи голодающим и на их базе созданы комиссии по борьбе с последствиями голода (последгол).

Однако даже применение репрессий не помогало. Как констатировал Ямпольский уездисполком 14 декабря 1922 г.: «До сих пор работа если не на мертвой точке, то или неправильно велась или незакончена». Поэтому члены комиссий или должны были отдать под суд злостных неплательщиков, или их самих могли привлечь «как саботажников и слюнтяев к революционному суду». Поэтому под такой угрозой уездпоследгол требовал до 20 декабря 1922 г. закончить «сбор с нетрудового населения 9 фунтов зерна или 8 фунтов муки за 4,5 месяца – с 15 августа по 31 декабря с/г.», причем «в высшей степени желательно собирать только зерном (рожь или пшеница)». Рекомендовалось «воздержаться от замены деньгами, но на всякий случай при сем объявляется средняя цена пуда ржи на этот период 4,5 месяца 7,5 миллионов рублей образца 21 года». Подчеркивалось, что в списки нетрудового населения необходимо включать все духовенство: православное, католическое и иудейское⁷¹.

От выполнения 8-фунтового сбора освобожились: «а) действительные члены Профсоюзов и

безработные, зарегистрированные на Бирже труда, б) дети до 16 лет включительно, в) старики и старухи от 60 лет, г) учащиеся, д) красноармейцы и милиционеры, е) лица, состоящие на попечении Собеца по удостоверениям последнего и ж) беженцы из голодгуберний, з) жены членов Профсоюзов. Рабочие и служащие не имеющие справок от своих профсоюзов об участии в помощи голодающим путем отчисления известного процента подлежат обложению на общем основании с другими гражданами по месту жительства». Отметим, что процедура внесения голодного пайка сопровождалась сложной бюрократической процедурой: «При взносе указываемых сборов заведывающие складами при приемке обязаны делать именные отметки о взносах на паспортах плательщиков, выдаваемых милицией, и, кроме того выдают на руки установленную квитанцию о взносе. Плательщик, получивший на руки квитанцию, обязан предъявить такую свою Райкому или другому соответствующему органу власти для отметки в списке граждан, подлежащих 8-ми фунтовому обложению. Оправдательным документом остающимся на руках у лица, подлежащего обложению, служит отметка на его паспорте»⁷².

Определенное послабление при сборе помощи голодающим наступило в феврале 1923 г., когда были отменены «все сборы в пользу голодающих за исключением 2-х фунтового сбора от плательщиков продналога и 8-ми фунтового сбора от нетрудового населения местечек»⁷³.

В целом сбор помощи пострадавшим от голода губерниям Поволжья продолжался до лета 1923 г. Тогда началась работа по ревакации беженцев, но это тема для последующих научных исследований.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что жители Подольской губернии в сложных условиях неурожая 1921–1922 гг. жертвенно помогали пострадавшим от голода жителям Поволжья и беженцам, которые прибыли на Подолье. Всего на протяжении 1921–1922 гг. было собрано 341 755 пудов хлеба для помощи голодающим⁷⁴. При этом необходимо отметить, с одной стороны, огромную организаторскую работу советских и партийных органов по налаживанию сбора помощи, а с другой – преимущественно насильственные методы, применяемые при этом.

Примечания

- 1 См.: Гуревич М. Б. Голод и сельское хозяйство Украины. Очерк. Харьков : Первая Гос. типография им. тов. Петровского Г. И., 1923. С. 27.
- 2 Там же.
- 3 Государственный архив Винницкой области (далее – ДАВО). ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 105.
- 4 См.: ДАВО. ФС. 925. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 4.

- ⁵ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 43.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 121.
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ Там же. Л. 103.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 5.
- ¹¹ Поділля та Південно-Східна Волинь у перші роки радянської влади (в документах та матеріалах) / автор-упорядник, передмова, коментарі М. П. Олійник. Хмельницький : ХНУ, 2008. С. 46.
- ¹² Там же. С. 25.
- ¹³ Поділля в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.) : збірник документів і матеріалів / ред. кол. І. О. Пшук (відпов. ред.), А. Г. Бабенко, С. Я. Вінниковецький та інш. Вінниця, 1957. С. 117–118.
- ¹⁴ Государственный архив Хмельницкой области (далее – ДАХМО). ФС. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ¹⁵ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 113.
- ¹⁶ Поділля в період відбудови... С. 142.
- ¹⁷ Васильев В. Голодовки и голод в Винницкой области: 20–40-е гг. XX ст. : попытка сравнительного анализа. URL: <http://history.org.ua/LiberUA/978-5-8243-1532-5/2.pdf>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ¹⁸ ГАХМО. ФС. 336. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 119–119 об.
- ¹⁹ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 171.
- ²⁰ Там же. С. 199–200.
- ²¹ ГАВО. Ед. хр. 200. Оп. 1. Л. 18; Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17, 31.
- ²² Там же. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 18.
- ²³ Там же. Л. 43.
- ²⁴ Там же. Л. 15; Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 7.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 43 об.–44.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 21–22.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 142.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 9. Л. 38.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 26.
- ³¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 28.
- ³² Там же. Л. 21 зв.; Поділля в період відбудови... С. 142.
- ³³ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 78.
- ³⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 44 зв.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 35. Л. 105.
- ³⁶ Василенко В. Голодні лихоліття першої половини 1920-х рр. та їхній вплив на соціально-економічне становище та настрої населення Поділля // Історія (збірка наукових праць) : Збірник праць. Київ, 2009. 500 с. URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-5052.html> (дата обращения: 05.01.2013).
- ³⁷ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 124.
- ³⁸ Більшовизація. URL: <http://www.vin.com.ua>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ³⁹ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 91.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 11, 18, 41; Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 55.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 121.
- ⁴² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 24–25.
- ⁴³ ДАХМО. ФС. 1010. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 7.
- ⁴⁴ Поділля в період відбудови... С. 159.
- ⁴⁵ Там же. С. 166.
- ⁴⁶ ДАХМО. ФС. 4133. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–6.
- ⁴⁷ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 248.
- ⁴⁸ Там же. Л. 251.
- ⁴⁹ Там же. Л. 251–254.
- ⁵⁰ Голод 1921–1923 років в Україні: Зб. Документів і матеріалів /АН України, Ін-т історії України та ін.; Упоряд.: О. М. Мовчан, А. П. Огінська, Л. В. Яковлева; Відп. ред. С. В. Кульчицький. Київ: Наук. думка, 1993. С. 13.
- ⁵¹ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 55–56.
- ⁵² Там же. С. 131.
- ⁵³ Там же. С. 25.
- ⁵⁴ Більшовизація. // <http://www.vin.com.ua>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ⁵⁵ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 96, 98, 101.
- ⁵⁶ Верига В. Конфіскація церковних цінностей в Україні в 1922 р. Київ, 1996. С. 43.
- ⁵⁷ Там же. С. 49.
- ⁵⁸ ДАХМО. ФС. 1010. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 254.
- ⁵⁹ Антоній Відлуння геноциду 20–30-х років у розрізі сумної статистики гонінь на православну церкву. URL: <http://vladykaantoni.org/content/view/52/4/> (дата обращения: 05.01.2013).
- ⁶⁰ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 104.
- ⁶¹ Там же. С. 132–133.
- ⁶² ДАВО. ФС. 925. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 15.
- ⁶³ Васильев В. Голодовки и голод...
- ⁶⁴ ДАХМО. ФС. 337. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 2.
- ⁶⁵ Там же. Л. 15.
- ⁶⁶ Там же. Л. 111.
- ⁶⁷ Там же. ФС. 4133. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 65–69.
- ⁶⁸ Там же. Л. 85–87.
- ⁶⁹ Там же. Ед. хр. 15. Л. 87 об.
- ⁷⁰ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 50.
- ⁷¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 54.
- ⁷² Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 208–209.
- ⁷³ ДАХМО. ФС. 912. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–1 об.
- ⁷⁴ Нариси історії Поділля. На допомогу вчителю. Відпов. за вип. І. С. Винокур. Хмельницький, 1990. С. 221.

УДК 94(47)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Л. А. Моисейченко

Саратовский государственный университет
E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

В статье анализируются изменения в системе подготовки и переподготовки руководящих кадров Нижнего Поволжья в первые послевоенные годы, что позволило не только поднять уровень руководства государственными и хозяйственными органами, но и не допустить развития инакомыслия в партии и обществе.

Ключевые слова: идеологизация, инакомыслие, партийные и советские кадры, Высшая партийная школа, Академия общественных наук, областные партийные школы, Нижнее Поволжье.

Theoretical Training of Senior Executives of the Lower Volga Region in the First Years of Post-War Period

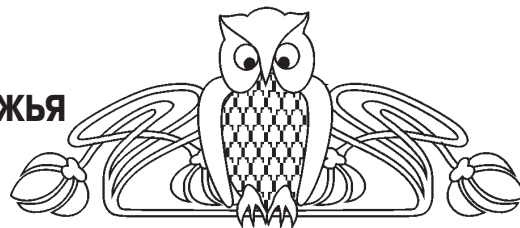
L. A. Moiseichenko

The article analyzes the changes in the system of training and retraining of senior executives of the Lower Volga Region in the first years of post-war period, which improved the quality of governance of state and economic bodies and also allowed to avoid dissent in the party and society.

Key words: ideologization, dissent, party and Soviet cadres, Higher Party School, Academy of Social Sciences, regional party schools, Lower Volga Region.

Изменения в системе подготовки и переподготовки руководящих кадров были вызваны, с одной стороны, необходимостью решения сложных задач послевоенного времени, приходом на руководящую работу новых людей, накопивших в годы войны огромный опыт политической и организаторской работы, но не обладавших глубокими знаниями в области теории, политики, экономики. С другой, особой кадровой политикой военного времени со ставкой на людей смелых, инициативных, высокопрофессиональных, что создавало благоприятную почву для развития радикальных настроений в обществе. Так, при обсуждении ответственными работниками проекта Программы ВКП (б) высказывались идеи о расширении внутрипартийной демократии, освобождении партии от функций хозяйственного управления, разработки принципов ротации кадров. Ряд прогрессивных положений содержал и проект новой Конституции СССР.

Эти зачатки политического инакомыслия и предстояло уничтожить в зародыше. В постановлении ЦК ВКП (б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» пред-

полагалось в течение ближайших 3–4 лет «охватить» партийными школами и курсами по переподготовке партийных и советских работников основные руководящие республиканские, краевые, областные, городские и районные партийные и советские кадры¹.

Для подготовки руководящих партийных и советских работников областного, краевого и республиканского масштаба вместо Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП (б) была организована Высшая партийная школа с трехгодичным сроком обучения. В составе школы открывались два факультета: партийный и советский. При ней были созданы девятимесячные курсы переподготовки руководящих кадров. Подготовку партийных и советских работников городского и районного звена было решено развернуть в двухгодичных партийных школах при ЦК компартий союзных республик, крайкомах и обкомах. При школах создавались курсы переподготовки². В результате уже осенью 1946 г. в стране действовали 55, а через год – 177 двухгодичных партийных школ и девятимесячных курсов при них³.

Подготовкой теоретических кадров партии занималась открытая в 1946 г. Академия общественных наук при ЦК ВКП (б) с трехлетним сроком обучения аспирантов и девятимесячными курсами при ней, ведавшими переподготовкой преподавателей общественных наук⁴.

В Саратове на базе существовавшей годичной партшколы в 1946 г. была создана двухгодичная межобластная партийная школа. Открыты два факультета: партийный и советский. Краткосрочные курсы в 1947 г. реорганизованы в девятимесячные по подготовке руководящих районных кадров и низовых партийных и советских работников. На кафедрах основ марксизма-ленинизма, истории, экономических наук, русского языка и литературы работали 27 преподавателей, в том числе один доктор и 8 кандидатов наук⁵. Принимались в межобластную партшколу по рекомендации горкомов и райкомов члены партии до 40 лет, имевшие среднее образование и работавшие на партийной или советской работе. В 1946 г. на первый курс было зачислено 194 слушателя, из них на партийное отделение – 96, советское – 44, газетное – 46⁶.

Новые планы подготовки и переподготовки партийных и советских работников на 1948–1950 гг. предусматривали охватить

партучебой основные руководящие кадры. Так, Сталинградский обком наметил переподготовить в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) и девятимесячных курсах при ней 29 секретарей обкома, горкомов, заведующих отделами обкома, председателей областного и городского Советов и их заместителей, редакторов областной и крупных городских газет; в Саратовской межобластной партшколе и курсах при ней – секретарей и заведующих отделами горкомов, райкомов партии, председателей райисполкомов и их заместителей, пропагандистов, редакторов газет. План предусматривал переподготовку на курсах в г. Дубовка Сталинградской области 22,8 процента инструкторов райкомов ВКП (б), секретарей и заведующих отделами райкомов ВЛКСМ, секретарей первичных парторганизаций, председателей сельских Советов. Планом Астраханского обкома на 1948–1950 гг. намечалось переподготовить через Высшую партийную школу, партшколу в Саратове и курсы при них, в районных, городских партийных школах, вечернем университете марксизма-ленинизма, постоянно действующих семинарах, в высших и средних специальных учебных заведениях, средней общеобразовательной школе 2505 партийных и советских работников, в том числе всех секретарей райкомов партии⁷.

Высшая партийная школа, Академия общественных наук, Ленинские курсы при ЦК ВКП (б) дали Нижневолжским областям идеологически подготовленные кадры, обеспечившие единомыслие партии и народа. Так, в 1948 г. в ВПШ на дневном и заочном отделениях и курсах при ней обучалось 52 слушателя из Сталинградской области, 84 – из Саратовской, 46 – из Астраханской⁸. На двухгодичных Ленинских курсах в 1950 г. проходили обучение по три секретаря райкома партии из Нижневолжских областей⁹.

Выпускники ВПШ при ЦК ВКП (б) 1950/51 учеб. года были направлены в Астраханскую область заместителем председателя облисполкома и заведующим отделом обкома партии, в Саратовскую – секретарем райкома, инструктором отдела обкома, партторгом ЦК на одно из крупнейших предприятий области, в Сталинградскую – заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП (б)¹⁰.

Совершенствовалась работа Саратовская межобластная партийная школа. В 1947 г. число слушателей школы и курсов при ней было доведено до 550 человек¹¹. В 1948 г. из 410 ее слушателей, представителей 16 областей, 193 были из Саратовской области, 110 – из Сталинградской, 46 – из Астраханской¹². В этом году школа произвела первый выпуск. Среди 250 выпускников более 60 процентов было секретарей райкомов и горкомов партии, председателей исполкомов и их заместителей¹³.

В 1948/49 учеб. года в Саратовской школе проходили переподготовку 406 человек. Среди них – 13 работников обкома, 85 секретарей райкомов и горкомов, 52 заведующего отделами, 11 секретарей первичных парторганизаций, 30 председателей исполкомов и их заместителей. 40 человек имели высшее и незаконченное высшее образование, 351 – среднее и незаконченное среднее¹⁴.

В 1948 г. областные партийные школы, в том числе и Саратовская, получили новый учебный план, который предусматривал значительное увеличение количества часов на изучение общественных дисциплин, всеобщей истории, специальных предметов. Например, количество часов на изучение истории ВКП (б) возросло до 250, вместо 80 в 1946/47 учеб. году. Больше часов отводилось на семинарские занятия и самостоятельную работу¹⁵.

Усилился контроль за качеством занятий. В 1950 г. на заседаниях кафедр было обсуждено 14 лекций, восемь из них после взаимного посещения преподавателями, 91 план лекций, 7 методических разработок семинарских занятий. С отдельными лекциями по партстроительству выступали секретари обкома ВКП (б) Г. А. Борков, В. И. Киселев, А. И. Ключников¹⁶.

В 1948–1950 гг. партшколу окончили около 600 человек. Среди выпускников 275 являлись представителями Саратовской области, 131 – Сталинградской, 77 – Астраханской. На девятимесячных курсах при партшколе в 1947–1950 гг. прошли переподготовку более 250 руководящих работников¹⁷.

12 мая 1950 г. в Сталинграде была открыта двухгодичная партшкола. На первый курс зачислено 150 человек и 96 на девятимесячные курсы при ней¹⁸.

В Астраханской и Сталинградской областях подготовку и переподготовку инструкторов райкомов и горкомов партии, комсомольских работников, секретарей первичных парторганизаций, председателей сельских Советов осуществляли шестимесячные курсы, созданные в 1946 г. на базе существовавших там ранее областных партийных школ. В 1947 г. они были реорганизованы в девятимесячные. На курсах в Сталинградской области в 1947 г. обучалось 120 человек, в Астраханской – 80¹⁹.

Необходимые теоретические знания партийные и советские кадры, инженерно-технические работники, молодые преподаватели общественных наук получали без отрыва от основной работы в вечерних университетах марксизма-ленинизма (ВУМЛ). В Саратовской области они работали в областном центре и в Вольске. В Сталинграде в 1947 г. было образовано 8 филиалов ВУМЛ. В январе 1948 г. для первых секретарей сельских райкомов был создан филиал заочного обучения. Знания в ВУМЛ слушатели приобретали на отделениях

истории, философии, экономики. К проведению занятий были привлечены преподаватели вузов. Сталинградский ВУМЛ в 1946–1950 гг. окончили 1600 человек²⁰.

Переподготовку партийных и советских работников районного и низового звена осуществляли и районные вечерние партийные школы, созданные в 1946 г. при всех райкомах и горкомах Нижней Волги, а также на крупнейших предприятиях. Многими из них руководили штатные пропагандисты обкомов партии. Слушатели школ изучали первоисточники, текущие документы партии и правительства, закон о пятилетнем плане восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. В 1946–1949 гг. прошли переподготовку в вечерних партийных школах в Сталинградской области более 7 тысяч человек, в Астраханской и Саратовской в 1948–1950 гг. соответственно более тысячи и около четырех с половиной тысяч руководящих работников²¹.

Распространенной формой обучения кадров были и постоянно действующие семинары партийно-советского и хозяйственного актива. В них занимались все руководящие работники, не охваченные другими формами партучебы. Семинары хорошо сочетали метод самостоятельной работы над книгой с коллективным творческим обсуждением, позволяли соотносить теоретические вопросы с местным опытом, проверять степень усвояемости материала²².

Для ознакомления секретарей райкомов и горкомов партии с важнейшими вопросами внутренней и внешней политики, партийного строительства по решению ЦК ВКП (б) при обкомах дважды в год проводились 10-дневные семинары²³. С лекциями выступали секретари и заведующие отделами обкомов, работники ЦК партии.

Таким образом, в первые послевоенные годы была перестроена вся система подготовки и переподготовки руководящих кадров. Районные партшколы, университеты марксизма-ленинизма, областные партийные школы, широкая сеть курсов при них, Высшая партийная школа, Академия общественных наук, Ленинские курсы при ЦК ВКП (б) составляли единую, многообразную по формам учебы систему образования. Это позволило не только направить на партийную и советскую работу подготовленных людей и поднять уровень руководства государственными и хозяйственными органами, но и не допустить развитие инакомыслия в партии и обществе. Члены партии были обязаны проявлять полный конформизм и согласие с общеустановленными суждениями.

Примечание

- 1 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971) : в 10 т. 8-е изд., доп. и испр. М., 1971. Т. 6. С. 163.
- 2 Там же. С. 164, 166–167.
- 3 См.: Правда. 1946. 1 нояб; 1947. 9 дек.
- 4 См.: КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 170–171.
- 5 См.: ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 813. Оп. 4. Д. 23. Л. 1; Коммунист. 1946. 24 сент.
- 6 См.: ГАНИСО Ф. 594. Оп. 1. Д. 4677. Л. 284–286; Ф. 813. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.
- 7 См.: ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории в Волгоградской области). Ф. 113. Оп. 23. Д. 24. Л. 135; Оп. 24. Д. 17. Л. 176. 189–191; ГАСДАО (Государственный архив современной документации Астраханской области). Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 74; Д. 7. Л. 35. Д. 19. Л. 153, 180–182.
- 8 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 462. Л. 91; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 73; Сталинградская правда. 1948. 1 сент.
- 9 См.: РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 39. Д. 1. Л. 134, 141, 142, 145, 148, 150.
- 10 Там же. Д. 2. Л. 27, 35, 36, 42, 56, 57.
- 11 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 17. Л. 7.
- 12 Там же. Ф. 813. Оп. 4. Д. 44. Л. 75–76.
- 13 См.: Коммунист. 1948. 1 авг.
- 14 См.: ГАНИСО. Ф. 813. Оп. 4. Д. 82. Л. 21–22.
- 15 Там же. Д. 23. Л. 16, 17; Д. 48. Л. 2–8, 163, 173–174; Д. 84. Л. 1, 3, 4.
- 16 Там же. Д. 111. Л. 92, 96.
- 17 Подсчитано по данным: ГАНИСО. Ф. 813. Оп. 4. Д. 23. Л. 1; Д. 60. Л. 2–16, 19–23, 48–55, 58–63; Д. 82. Л. 52, 95; Д. 111. Л. 89; Коммунист. 1948. 1 авг.
- 18 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 39. Д. 287. Л. 1; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 20. Л. 216.
- 19 См.: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 21. Л. 242–246; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 4. Д. 15. Л. 142.
- 20 См.: ГАНИСО. Ф. 20. Оп. 18. Д. 3. Л. 8; Ф. 594. Оп. 2. Д. 462. Л. 92; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 11. Л. 180; Оп. 25. Д. 12. Л. 130–131; Д. 54. Л. 53; Оп. 33. Д. 150. Л. 8.
- 21 Подсчитано по данным: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 2. Л. 444; Оп. 25. Д. 3. Л. 44; Оп. 30. Д. 11. Л. 183; ГАСДАО. Д. 325. Оп. 5. Д. 9. Л. 5; Оп. 7. Д. 19. Л. 39; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 881. Л. 42; Д. 1461. Л. 89.
- 22 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 13. Л. 130–131.
- 23 ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 4. Д. 19. Л. 190; Д. 21. Л. 40; Д. 27. Л. 181; Оп. 5. Д. 13. Л. 172; Д. 15. Л. 79, 127; Д. 20. Л. 152 и т. д.; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 23. Д. 2. Л. 60; Оп. 24. Д. 16. Л. 91, 137; Д. 24. Л. 220; Оп. 25. Д. 16. Л. 41–42; Оп. 30. Д. 14. Л. 103; Оп. 33. Д. 25. Л. 14; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 462. Л. 92; Д. 482. Л. 82.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

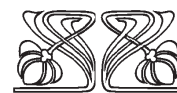
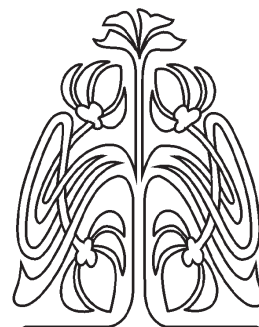
Рецензия на книгу: Буганова А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в. : Историко-этнографическое исследование. М. : Принципиум, 2013. 296 с.

В настоящее время в гуманитарном знании очень популярным является антропологический подход и изучение способов «человеческого видения мира» в многочисленных и разнообразных категориях культуры («мир и мышление о нем погружены в то, что по своему происхождению чуждо, а значит окультурено»¹). Такой способ постижения истории делает особенно актуальными исторические исследования, направленные на общественное сознание и историческую память. Пожалуй, одной из самых сложных и трудоемких проблем в данном направлении является коллективная историческая память. Тема становления и развития национального самосознания в России XIX в. до сих пор преимущественно изучается применительно к интеллектуальным и социальным элитам. На этом фоне исследования, специально посвященные массовому сознанию крестьян, продолжают оставаться достаточно редким явлением. С выходом в свет монографии А. В. Буганова, в которой рассматриваются исторические воззрения русских крестьян XIX – начала XX в., историческая литература пополнилась интересным и многоплановым научным опытом.

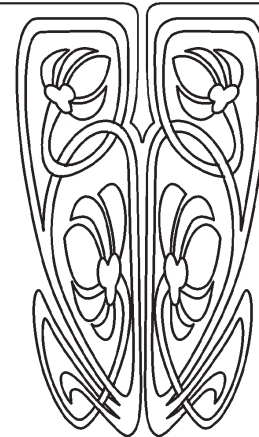
Автору книги, учитывая наличие отдельных работ историков, так или иначе связанных с изучением исторических представлений русского крестьянства, удалось определить собственный ракурс исследования. В его центре – отражение в памяти крестьян личностей и событий русской истории (следует отметить, что основное внимание уделяется именно *личностям*, в то время как *события* на протяжении всей книги имеют скорее фоновую роль). Признание роли личности в истории стало уже практически «общим местом» в науке и публицистике, но влияние выдающихся исторических личностей на формирование национального самосознания все еще остается малоизученным аспектом. Вторая особенность авторского подхода к теме связана с тем, что монография представляет собой историко-этнографическое исследование и основана на широком круге историко-этнографических материалов. Интерес к сознанию русского крестьянства как основного хранителя этнических традиций вполне оправдан.

А. В. Буганов поставил перед собой задачу выявить собирательные образы страны и народа, складывавшиеся в массовом сознании крестьян и определить исторические факторы, которые оказали воздействие на этот процесс. Структура монографии содействует последовательному решению поставленной задачи. Четыре из шести глав посвящены четырем ключевым в историческом сознании крестьян группам личностей: царям, военачальникам, религиозным подвижникам и предводителям восстаний.

Книга основана на обширном комплексе опубликованных и архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Среди них произведения исторического фольклора (исторические предания и песни), агиографические источники и ответы на программы научных обществ XIX–XX вв. Последняя группа источников представляет очень большой интерес, но, вместе с тем, является весьма сложным для исследования материалом. Значительная часть авторских выводов основана на анализе сведений, собранных Русским географическим обществом и Этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева. Кроме того, привлечены отдельные материалы из семи региональных архивов и фондов собирателей фольклора. Хотелось бы при этом видеть в тексте монографии более содержательную информацию о деятельности научных этнографических обществ, о личностях

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

собираателей фольклора. Отсутствие источниковедческой критики (а в данном случае было бы уместным, не ограничиваясь введением, уделить данному сюжету отдельную главу) является причиной того, что исследовательский потенциал избранных автором темы и материала остается не до конца реализованным. А. В. Бугановым не поставлен вопрос о том, кто, почему и каким образом, изучая воззрения крестьян, составлял анкеты и проводил опросы. Как известно, исторический источник (и особенно *устный*) «отвечает» только тому, кто задает вопросы и только на те вопросы, которые заданы. Из поля зрения автора уходит тот факт, что представления крестьян об исторических личностях дошли до нас в *записи*, сделанной носителями другой, внеположной культуры, и их роль не должна игнорироваться. Досадное чувство оставляет и некоторый пробел в историографической части введения, в тех ее страницах, где речь должна идти о трудах дореволюционных ученых. А. В. Буганов учитывает только философско-теоретический, мировоззренческий аспект зарождения интереса к русскому народу и упоминает ключевые в данном отношении имена А. С. Хомякова, П. И. Киреевского, П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, М. О. Кояловича и др., но ничего не говорит о формировании непосредственно историко-этнографических исследований русского народа. Вызывает вопросы и отсутствие источниковедческой критики в отношении такого специфического источника, как агиографические сочинения, которые определяются автором как «публикации об отечественных подвижниках благочестия» (с. 21). У читателя возникает естественный вопрос о том, в какой степени и форме различные духовные издания и сочинения церковных деятелей, в числе которых жизнеописание подвижников благочестия XVIII и XIX столетий, отражают сознание крестьян. Представляется также, что было бы полезным более активно привлекать и такие виды источников, как крестьянские мемуары или секретные материалы III отделения, собранные в процессе отслеживания крестьянских настроений как составной части общественного мнения. Разумеется, их использование не является обязательным для историко-этнографического исследования, но все-таки оно было бы полезным в целях комплексного анализа содержания этнографических материалов.

Первая, по своему значению вводная, глава монографии содержит интересную и зачастую по-новому осмысленную информацию о факторах формирования крестьянских оценок истории и современности. Материал главы охватывает не только устную традицию (исторический фольклор, слухи и толки, рассказы очевидцев, проповеди в церквях), но и влияние книжности. В главе поставлен вопрос об отношении крестьян к грамотности и учению. Плодотворным и исто-

рически верным следует признать авторский подход к проблеме, не ограниченный традиционной ссылкой на невысокий процент грамотности, а учитывающий широкую распространенность среди крестьян традиции чтения вслух. А. В. Буганов показал роль устроителей библиотек, книготорговцев, организаторов публичных чтений и фактор крестьянской инициативы. Страницы этой главы вводят читателя в круг крестьянского чтения, рассказывая о распределении книжных интересов и предпочтений. Вывод о популярности среди крестьян литературы на исторические темы (наряду с духовно-нравственными сочинениями) важен для понимания последующих глав. Читателю будут небезынтересны приведенные в главе мнения по данному вопросу различных писателей, от Н. М. Карамзина до автора лубочных сочинений Ивана Ивина.

Самой большой по объему и центральной по значению для раскрытия авторской концепции является вторая глава монографии, названная «Авторитет власти». Образ царя рассматривается в ней как символ государственности России и воплощение ее религиозной и национальной идентичности (с. 79). Анализ разнообразных историко-этнографических материалов позволил А. В. Буганову сформулировать три характерные черты народного взгляда на верховного правителя страны. Это восприятие царя как Помазанника Божия (царь православный); глубочайшая укорененность семейно-родственного отношения к нему («царь-батюшка») и восприятие государства и личности государя через призму определяющей ценности справедливости (царь справедливый, «надежда-царь», царь – защитник простого народа). Особенности народного восприятия верховной власти и ее носителя определяли как сам отбор ключевых для народного сознания конкретных представителей династии, так и специфику преломления их деяний и событий периода правления в исторической памяти крестьянства.

Исследование А. В. Буганова свидетельствует о том, что к числу самых популярных царей в массовом сознании крестьян относились Иван Грозный, Петр I, Александр I и Александр II. При этом содержание главы хорошо раскрывает неоднозначность отношения к этим фигурам. В частности, автор учитывает влияние регионального аспекта в крестьянских оценках личности и деятельности царей. Так, в Поволжье оценки Ивана Грозного приближались к идиллически-хвалебным, в то время как новгородские и псковские предания сохраняли память о жестокости, грехе и покаянии; старообрядческая традиция устойчивее всего хранила легенду о Петре I как «подменном» царе или «царе-антихристе». Тем не менее, автор монографии приходит к заключению о подавляющей распространенности в общей массе крестьян образа царя как носителя сильной власти, защищающей простой народ, и конкретных «воспоминаний» о борьбе царя с бо-

ярской (дворянской, чиновничьей, генеральской) изменой. Читатель узнает из книги А. В. Буганова целый ряд интересных, а порой удивительных, народных преданий и легенд о разных царях, как например, об Иване Грозном – «мужицком царе», якобы имевшем демократическое происхождение и даже выбранном в цари из бедняков (с. 84). Материал главы о народном восприятии русских царей подтверждает факт инерционности фольклорной традиции, наделявшей исторически отделенных веками деятелей схожими чертами, допуская смещение и наложение событий во времени и т. п.

В работе А. В. Буганова показана эволюция восприятия конкретных носителей верховной власти в народном сознании, которую определяли такие факторы, как расширение социального круга крестьянства, влияние образованного общества, осмысление современных событий. Следствием этих факторов стал более критический подход к событиям и лицам истории и современности. Автор фиксирует тот факт, что в начале XIX в. образ царя уже начинает тускнеть, оставляя более значительное место образам патриотов-полководцев, а ко времени Николая II реальностью становится процесс разрушения монархических идеалов. В связи с этим большой интерес представляют страницы, посвященные распространенности легенд о «царях-избавителях». По определению А. В. Буганова, «традиционная линия идеализации царя соседствовала в народном сознании с социально-утопическими устремлениями, нередко воплощавшимися в образе государя *ожидаемого*, противопоставленного реальному» (с. 111). Более конкретные черты образ царя-избавителя приобретал с появлением самозванца, но в целом этот образ имел различное наполнение и в XIX в. оставался по-прежнему актуальным. В монографии высказана мысль о том, что в народном сознании последний эпизод ожидания избавителя связывался с личностью великого князя Константина Павловича как настоящего законного наследника в сравнении с императором Александром I. Но следует заметить, что отголоски или своего рода рудименты такой формы осмысления образа царя встречались и позже. В частности, существуют мемуарные свидетельства о том, что в начале правления Александра II в народе высказывались суждения о том, что настоящим наследником является не он, а Константин Николаевич, поскольку он был рожден уже в тот момент, когда его отец стал императором, в то время как Александр Николаевич «родился от великого князя».

В отношении второй главы монографии могут быть высказаны и критические суждения. В частности, вряд ли стоило выделять в отдельный параграф материал о князьях в исторической памяти крестьянства, так как в итоге автор все-таки приходит к выводу о том, что «в целом о княжеской эпохе в народе почти забыли» (с. 77).

К тому же, такое состояние историко-этнографических материалов заставило автора переходить к достаточно пространным рассуждениям непосредственно об отдаленной исторической эпохе и ее представителях, сбиваясь с собственного предмета исследования об их отражении в массовом сознании крестьянства. Нельзя не заметить, что порой А. В. Буганов не только показывает идеализацию образов царей в народе, но и обнаруживает собственную склонность идеализировать личности государей.

С содержанием и выводами второй главы монографии перекликается пятая глава о «бунте в русском самосознании», несмотря на то что в структурном построении эти две главы разделены другими сюжетами исследования. А. В. Буганов аргументировал следующее положение: «Всякое государственное неустойство в народе объясняли тем, что царская воля искажается или вовсе не исполняется. Народ бунтовал только тогда, когда был убежден в том, что с ним поступают против воли царя» (с. 253). В целом автор постарался преодолеть идеологически заданные стереотипы восприятия предводителей народных восстаний (когда они выступают либо «наиболее последовательными выразителями классовых ценностей», либо, напротив, «разбойниками и бандитами») и показал многогранность и неоднозначность отражения их образов в памяти русского крестьянства. Ценным наблюдением является сюжет о переплетении в народном отношении к бунтарям мотивов социального протеста и христианского смирения. Так, предания о Степане Разине отразили образ народного избавителя и в то же время великого грешника, мучающегося за совершенные злодеяния. Автор показал на примере преданий о предводителях восстаний инерционность фольклорной традиции, перемешивавшей исторические черты с мифологическими и сказочными сюжетами, эффект временного смещения и наложения событий («у Ермака в товарищах» оказываются Степан Разин, Ванька Каин и Гришка Отрепьев и т. п.). Но читатель может легко заметить определенную неравномерность авторского интереса к разным сюжетам своего исследования: по объему пятая глава в четыре раза меньше второй.

Третья глава книги посвящена изучению «авторитета духовной личности» в массовом сознании русских крестьян. Религиозный аспект духовной жизни народа долгое время недооценивался, причем такая традиция возникла еще в дореволюционный период. Многие современные авторы отмечают невнимательное отношение историков и этнографов XIX–XX вв. к религиозным воззрениям крестьянства². Поэтому внимание автора к проблематике этой главы вполне оправданно. А. В. Буганов обращает внимание читателя на популярность среди крестьян агиографических сочинений, почитание чудотворных икон, персонификацию календарных дней года

по наиболее почитаемым святым, большое значение для XIX в. феномена старчества. Особенное внимание автор уделит народному восприятию подвижников благочестия XIX в. Но содержание третьей главы монографии отличается от ее основного текста, прежде всего потому, что меняется характер используемых источников. Автор опирается почти исключительно на житийную литературу и различные церковные сочинения.

В четвертой главе монографии рассматривается, каким образом в народной среде воспринимали и оценивали военачальников («воинство»). Используя солдатский фольклор, исторические предания и песни, отзывы корреспондентов Этнографического бюро, А. В. Буганов реконструировал характерные черты народного восприятия «оберегателей» и «стоятелей» русской земли. Автор показал представления о служении как высочайшей добродетели, опиравшиеся на героическую, (былинную, богатырскую) традицию средневековья и православный идеал воина. Вообще, в тексте главы достаточно убедительно представлена роль православной веры в формировании народных представлений о войне и воинстве (уверенность в божьей помощи в военном деле, почитание чудотворных икон, деятельность полковых священников и т. д.). Список представленных на страницах этой главы народных героев-военачальников достаточно обширен и охватывает персоналии от Дмитрия Пожарского до генералов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Среди авторских наблюдений читатель отметит

вывод о постоянном конфликте в историческом фольклоре и народном сознании народного героя и правителя (либо представителей правящей верхушки, «изменщиков-генералов»).

Проделанное А. В. Бугановым историко-этнографическое исследование массового сознания крестьянства позволило ему сформулировать вывод, имеющий современное звучание: «Именно соответствие деятельности людей прошлого устойчивым народным воззрениям об общественном служении наряду с масштабностью совершенного делало их *историческими личностями*. Такое отношение к выдающимся деятелям отечественной истории русские люди пронесли через многие столетия и передали в XX век».

Примечания

- ¹ Вжосек В. Культура и историческая истина / пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского. М., 2012. С. 23.
- ² См., напр.: Кузнецов С. В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 204 ; Майорова А. С. История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века. Саратов, 2013. С. 38.

О. В. Кочукова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Института истории и международных отношений
Саратовского государственного университета

Рецензия на учебное пособие: Майорова А. С. История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века. (Часть 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов: Издат. центр «Наука», 2013. 236 с.

Рецензируемая книга представляет собой учебное пособие для студентов-историков Саратовского государственного университета, изучающих спецкурс «История культуры Саратовского края». Кроме того, по замыслу автора, она адресована учителям школ и всем интересующимся историей Саратовского Поволжья.

Под термином «Саратовский край» автор, продолжая сформировавшуюся в историографии XIX столетия традицию, понимает территорию Саратовской губернии, к которой относилась территория современной Саратовской области и большая часть современной Волгоградской области. В тот период времени, которому посвящено учебное пособие, данная территория представляла собой единое пространство, как в административном, так во многом и в экономическом и культурном отношении.

Хронологические рамки учебного пособия охватывают период со времени создания Саратовского наместничества в 1780-х гг. и до 1850-х гг. В середине XIX века, в результате реализации Великих реформ Александра II, в Поволжье

произошли важные изменения, затронувшие все сферы жизни общества, в том числе и в области культуры.

Во введении А. С. Майорова обозначила теоретико-методологические основания и принципы своей работы. Развивая мысли ряда отечественных философов и методологов исторической науки, автор обосновала возможность выделения региональной культуры Саратовского Поволжья в качестве предмета научного исследования и соответствующего учебного курса.

По аргументированному мнению автора, несмотря на то что население Саратовского Поволжья в изучаемый период было полиэтничным, роль системообразующего элемента в общем процессе культурного развития играла культура русского народа. Несмотря на относительную многочисленность проживавших на территории Саратовской губернии иностранных поселенцев, они составляли достаточно замкнутое сообщество и не оказывали заметного влияния на культурное развитие региона. Исходя из этого, автор сделала предметом своего рассмотрения

культуру русского населения региона. На наш взгляд, если бы рецензируемая работа представляла собой сугубо научный труд – диссертационное исследование или монографию, для полного раскрытия заявленной темы необходимо было бы рассматривать культурное пространство Саратовского Поволжья как взаимопроникающее единство нескольких этнокультурных сообществ, вне зависимости от того, насколько они были связаны друг с другом. В таком случае обязательно нужно было бы посвятить отдельные разделы книги культуре немецких колонистов, культуре местного мордовского, чувашского населения и т. д. В рамках учебного пособия вполне допустимо оставить за пределами работы сюжеты, связанные с культурой других этносов Саратовского края: этот круг вопросов может быть изучен студентами в рамках других учебных предметов.

А. С. Майорова предлагает осмысливать «культурное пространство» региона с социологических позиций, то есть рассматривать его как «синтез культурных пространств различных социальных групп». Следуя этому, сформулированному на первых страницах своей книги тезису, исследовательница структурировала учебное пособие: первый и второй разделы посвящены народной и дворянской культуре Саратовской губернии, в третьем разделе рассматривается социокультурный потенциал Саратова как губернского центра, четвертый раздел посвящен анализу особенностей уездных городов Саратовской губернии.

В первом разделе в результате анализа особенностей развития народной культуры региона в конце XVIII – первой половине XIX в. А. С. Майорова пришла к выводу, что народная культура русского населения региона имела ряд особенностей, проявлявшихся в фольклоре, литературном творчестве, хозяйственной деятельности, быту. Причины этих особенностей были связаны со значительным процентом старообрядческого населения, а также украинцев, мордвы, татар, чувашей, проживавших в крае. В качестве основных факторов, определявших развитие народной культуры региона, исследовательница выделила постоянное увеличение населения Саратовской губернии за счет выходцев из других областей России, а также целенаправленную религиозную политику властей, ограничивавшую влияние иностранных поселенцев, исповедавших католичество и протестантизм, а также старообрядцев.

По справедливому утверждению А. С. Майоровой, специфическая дворянская культура, бывшая очень важным элементом русской культуры XVIII–XIX вв., в Саратовском Поволжье не играла столь важной роли в первую очередь из-за малочисленности местного дворянства. Тем не менее, с конца XVIII столетия в Саратовской губернии стали появляться первые дворянские усадебно-парковые комплексы, наиболее крупными из которых были усадьбы князей Кура-

киных и Голицыных, довольно быстро ставшие «своего рода трансляторами высоких достижений дворцово-паркового искусства и образцами дворцовых музеев для окрестных дворян»¹ (с. 120). Именно дворянство было той социальной группой, которая наиболее активно вовлекалась в процессы, протекавшие в отечественной науке и русском искусстве указанного периода.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет раздел, посвященный социокультурному развитию Саратова как губернского центра конца XVIII – первой половины XIX в., в котором прослежена трансформация маленького провинциального городка в один из крупнейших культурных и научных центров России. Важным фактором и одновременно проявлением этого процесса автор считает зарождение книжной торговли, появление первых музейных коллекций, открытие библиотеки, начало издания первой газеты – Саратовских губернских ведомостей. Большое значение для преобразования культурного пространства губернского города имело открытие театра в первые годы XIX столетия. Опираясь на источники, А. С. Майорова показала, что новое увеселительное заведение было очень популярным среди «черни», то есть недворянского местного населения, которое, находясь в театре, могло вплотную соприкоснуться с аристократической жизнью, наблюдая её на сцене² (с. 170).

Оригинальный подход к осмыслению культурного пространства региона использован в четвертом разделе книги. По мнению А. С. Майоровой, города Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX столетия можно разделить на три условные группы. К первой из них относятся города-крепости – Царицын, Камышин и Петровск, в которых, несмотря на фактическую утрату военно-стратегического значения, значительный процент населения составляли потомки представителей военных сословий. Здесь сохранялись остатки старых оборонительных сооружений, способствовавших поддержанию интереса местного населения к своей истории. В бывших крепостях Саратовского Поволжья существовали традиции городского летописания, проявлялась тенденция к мемориализации предметов, связанных с историей этих городов (например, в Царицыне хранились трость и картуз Петра I, которые якобы император оставил местным жителям во время посещения города). В Вольске, Хвалынске и Кузнецке, основную экономическую основу составляла торгово-промышленная и ремесленная деятельность. Наиболее ярким примером купеческого центра являлся Вольск (Волгск, Волжск). Здесь ежегодно проводились крупнейшие ярмарки, на которые съезжались не только местные купцы, но и торговцы из восточных стран – армяне, персы, турки, китайцы и т. д. В зажиточном Вольске

было много каменных построек, а современники, в том числе иностранцы, отмечали его чистоту и живописность. Уникальность архитектурному облику города придавали два больших собора, по размеру и убранству не уступавшие большим столичным православным храмам. Наконец, в земледельческих Аткарске, Сердобске, Балашове, Новом Узене, Николаевске и Цареве, отнесенных к третьей группе, практически не было каменных зданий и учебных заведений, купеческое сословие не играло большой роли, народная культура определяла повседневную жизнь местного населения.

В заключении А. С. Майорова подводятся итоги своего исследования, делая целый ряд выводов относительно социокультурного развития региона в рассматриваемый период. По словам автора, начало активного процесса формирования культурного пространства региона следует отнести к 1780-м гг., когда было учреждено Саратовское наместничество как административно-территориальная единица. С этого времени активизировалась внутренняя колонизация Саратовского Поволжья, население региона стало более разнообразным в социальном плане – увеличилась численность дворянства, купечества, мещанства, что послужило причиной ослабления позиций народной культуры. Открытие новых учебных заведений в губернском и уездном городах привело к расширению интеллигентного слоя – образованных чиновников и священнослужителей. В результате административных и социально-экономических преобразований существенным

образом преобразилось социокультурное пространство региона, расширилось культурное взаимодействие как внутри губернии, так и за ее пределами.

Учебное пособие А. С. Майоровой «История культуры Саратовского края: культура Саратовского края до начала XX века. (Часть 1. Конец XVIII – первая половина XIX века)» основано на анализе исторических источников, в том числе архивных материалов, и критическом осмыслении существующей историографии. Рецензируемая книга обогащает существующие в историографии представления о развитии русской культуры XVIII – XIX вв., позволяет по-новому осмыслить многие вопросы, связанные с модернизацией культурного пространства России в этот период времени. Работа А. С. Майоровой, несомненно, будет полезна для студентов и широкого круга специалистов в области теории и истории отечественной культуры, поволжского краеведения.

Примечания

- ¹ Майорова А. С. История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века. (Часть 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов : Издат. центр «Наука», 2013. С. 120.
- ² Там же. С. 170.

А. Ю. Клейтман,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитов Элик Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социально гуманитарных знаний, г. Казань. E-mail: b-el@rambler.ru

Алиева Рафоат Рашидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции (ТГУК), г. Худжанд. E-mail: rafoat50@mail.ru

Бикташева Алсу Назимовна, доктор исторических наук, профессор факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: biktashi@mail.ru

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета. E-mail: goloub@sgu.ru

Дрёмов Игорь Иванович, кандидат исторических наук, археолог Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области. E-mail: iid57@yandex.ru

Зибаев Антон Валерьевич, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: zibaew@mail.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Калмыкова Анна Аркадьевна, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: anno12domini@gmail.com

Клейтман Анастасия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: sundayk@inbox.ru

Кочережко Сергей Сергеевич, аспирант кафедры экономической истории Самарского государственного экономического университета. E-mail: cckoch@list.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь. E-mail: gorward@mail.ru

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Моисейченко Любовь Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: myakshev@mail.ru

Олейник Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Украины Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, Украина. E-mail: mpoliynyk@ukr.net

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Рыбалко Ольга Константиновна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: rybalkook@gmail.com

Сабитова Лилия Равильевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Sabitovailiya90@mail.ru

Философов Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ifilosofov@gmail.com

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Чибров Игорь Владимирович, аспирант кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: chibroviv@list.ru

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Шашлова Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdrashitov Elik Evgenievich, History PhD, associate professor Chairs of teory and history state and legal The institute of social and humanitarian knowledger Tatarstan, Kazan. E-mail: b-el@rambler.ru

Alieva Rafoat Rashidovna, History PhD, Associate Professor of Historical and philosophical studies, Institute of economy and trade of TSUC, Khujand city, Tajikistan. E-mail: rafoat50@mail.ru

Biktasheva Alsu Nazimovna, Dr. Sc. (Hist), professor of History Faculty of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: biktashi@mail.ru

Cherevichko Tatyana Viktorovna, Dr. Sc. (Economics), Professor, the head of tourism and cultural heritage chair, Director of the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Chibrov Igor Vladimirovich, the postgraduate student of the chair of Russian civilization and methods of teaching History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: chibroviv@list.ru

Cholakhyan Vachagan Albertovich, Dr. Sc. (Hist), professor, head of department of the Russian civilization, and methods of teaching history Institute of History and International Relations of the Saratov State University. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Golub Yuri Grigoryevich Dr. Sc. (Hist), professor, head of department of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Dryomov Igor Ivanovich, History PhD, the archaeologist NPC of the historical and cultural heritage of the Saratov region. E-mail: iid57@yandex.ru

Filosofov Igor Yurievich, History PhD, assistant of the Medieval History chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University. E-mail: ifilosofov@gmail.com

Kabytov Petr Serafimovich, Dr. Sc. (Hist), professor, Departament head of the Russian History of Samara state university, E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Kalmykova Anna Arkadyevna, postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of the Saratov State University. E-mail: anno12domini@gmail.com

Kleytman Anastasiya Urievna, PhD, Associate Professor of philosophy Department Volgograd State Social-Pedagogical University. E-mail: sundayk@inbox.ru

Kocherezhko Sergey Sergeevich, post-graduate student of the Economic history department, the Samara state economic university. E-mail: cckoch@list.ru

Kochukova Olga Viktorovna, History PhD, assistant professor of the chair of cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Krasnova Irina Aleksandrovna, Dr. Sc. (Hist), Professor, Professor of Chair of Archaeology and General History of the North-Caucasus Federal University, Stavropol. E-mail: gorward@mail.ru

Mnogoletnaya Elena Nikolayevna, History PhD, a senior lecturer of the Medieval History chair in Institute of History and International Relations of Saratov State University/ E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Moiseychenko Luybov Alekseevna, History PhD, a senior lecturer of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: moiseychenkoLA@mail.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, Dr. Sc. (Hist), the professor of chair of history of the Middle Ages of Institute of history and the international relations of the Saratov state university. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Myakshev Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of Historiography, Regional history and Archaeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: myakshev@mail.ru

Oliylyk Mykola Petrovych, History PhD, Doctoral candidate of the History of Ukraine chair in Kamianets-Podilskiy National University named after Ivan Ogienko. E-mail: mpoliylyk@ukr.net

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Rybalko Olga Konstantinovna, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: rybalkook@gmail.com

Sabitova Liliya Ravilievna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sabitovaliliya90@mail.ru

Shashlova Tatyana Jurjevna, postgraduate student of the Ancient History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Zibaev Anton Valerievich, post-graduate student of the chair of Ancient History, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: zibaew@mail.ru